КАВКАЗ И ВИЗАНТИЯ

5

ЕРЕВАН

СОДЕРЖАНИЕ

История

Источниковедение

Филология

Архитектура

Публикации

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԿՈՎԿԱՍ ԵՎ ԲՅՈՒԶԱՆԴԻԱ

ՊՐԱԿ 5

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1987

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КАВКАЗ И ВИЗАНТИЯ

ВЫПУСК 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1987

Печатается по решению ученого совета Института
востоковедения АН Армянской ССР

Сборник содержит исследования и материалы по истории, культуре, источниковедению и филологии стран средневекового христианского Востока. В нем освещены новые страницы политической, экономической и культурной жизни стран региона. Значительное место отведено особенностям историко-культурной ситуации в Армении.
Сборник предназначен для широкого круга историков и филологов.

К $\frac{0504020000}{703\ (02)-87}$ 26—86

ИСТОРИЯ

А. А. БОЗОЯН

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ И КИЛИКИЯ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ИОАННА II КОМНИНА (ДО 1136 г.)

При внимательном прослеживании за направлениями византийских походов и завоеваний в первые три десятилетия XII в. становится очевидным, что главной задачей византийской восточной политики было завоевание северных и южных побережий Малой Азии. Этим Византийская империя в первую очередь хотела помешать созданию сельджукской военной и торговой флотилии. В начале XII в. Византийская империя в основном остановила вторжение тюрок-сельджуков на побережье Черного и Средиземного морей[1].

Следующей задачей византийской восточной политики, разрешенной уже во втором и третьем десятилетиях XII в., являлось очищение от сельджуков сухопутного пути Никея—Аталия[2]. Для этой цели Алексей I Комнин (1081—1118) вначале использовал первый крестовый поход, а после этого предпринял несколько новых военных экспедиций. Эту политику впоследствии унаследовал Иоанн II Комнин (1118—1143).

Непосредственными соседями Византийской империи в Малой Азии во время правления Иоанна II были Иконийский сул-

---

[1] О византийском флоте и морской политике эпохи правления Комнинов см.: *Ahrweiler* H. Byzance et la mer.—Paris, 1966, p. 175 ect.

[2] *Ioannis Cinnami* Epitome: Rerum ab Ioanne et Alexio (sic) Comnenis gestarum / Ad fidem codicis Vaticani recensuit Augustus Meinke.—Bonnae (Corpus scriptorum historiae Byzantinae), pp. 5—12 (далее—I. C.); *Chalandon F.* Les Comnène, t. II: Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel I Comnène (1143—1180) —Paris, 1912, pp. 46—48.

танат[3] и подвластный последнему Данишмандидский эмират[4]. В 20—30-ые годы XII столетия взаимоотношения между этими двумя политическими единицами определяли византийскую восточную политику в Малой Азии. Византийская империя смогла использовать в своих целях вражду правящих кругов этих государств, военные и политические столкновения между ними. Часто она выступает в роли третейского судьи во время военных действий, возникавших между Иконией и Данишмандидами[5]. С этой точки зрения характерна позиция Византии по отношению к внутриполитической борьбе, разгоревшейся в 1126 г. в Иконийском султанате. Вначале она помогла султану Масуду, а когда последний стал достаточно силен, начала покровительствовать его брату Арапу[6]. Другую подобную же ситуацию Византийская империя использовала в своих целях в 1134 г., когда данишмандидский эмир Мухаммад столкнулся с султаном Иконии Масудом[7].

Основные цели, которые ставили перед собой византийцы на Востоке до первого похода Иоанна II на Северную Сирию (1136—1138 гг.), были:

---

[3] По сообщению Анны Комнин, в 1116 г., согласно договору, заключенному между Иконийским султанатом и Византией, тюрки должны были получить дары и титулы и в дальнейшем свободно жить в отданных им землях, там, где они обитали до того, как Роман Диоген взял в свои руки бразды правления и потерпел поражение: вступив в бой с султаном, он был пленен им (см.: *Анна Комнин*. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского.—М., 1965, с. 413 (далее—*А. К.*); *Chalandon F.*, t. I, p. 270). Но сообщение Иоанна Киннама представляет несколько иное положение дел и соотношение сил в Малой Азии. По его рассказам очевидно, что с первых лет правления Иоанна II Комнина начинается борьба за долины Меандра, за города Лаодикеи и Созополя для того, чтобы впоследствии захватить соседние с Аталией территории (I. C., p. 5—12).

[4] Границы Византийской империи с Данишмандидским эмиратом тянулись с границей Трапезундской области. Данишмандидский эмират мешал империи сухим путем соединиться с Трапезундом. В 30-х годах XII века Иоанн II Комнин начал борьбу с Данишмандидами за крепость Костамун и город Гангра (см.: *Chalandon F.*, t. II pp. 82—91, 175—181). Этими военными действиями империя преследовала две цели:

а) ослабить Данишмандидский эмират в сопредельных районах Византийской империи и захватить территории южного Причерноморья;

б) заставить Трапезунд отказаться от центробежных стремлений.

[5] *Chalandon F.* Указ. соч., t. II, p. 43—44, 79—82; *Cahen Cl.* La Syrie du Nord.—Paris, 1940, p. 352—353.

[6] *Chalandon F.* Указ. соч., pp. 78—81.

[7] Там же, с. 88—89.

а) воспользоваться политическими столкновениями Иконийского султаната и Данишмандидского эмирата. Византия в подходящий момент стремилась устраивать междоусобные столкновения и раздоры внутри этих государств и между ними. Такая политика в отношении «варварских народов» была открыто одобрена в историческом труде Анны Комнин[8].

б) первостепенной задачей византийской внешней политики было освобождение южно-черноморских областей от Данишмандидского эмирата[9] и укрепление византийских защитных сооружений в указанном регионе. Древняя византийская континентальная территория фемы Халдии со столицей Трапезунд, до этого только морским путем связанная с империей, благодаря этим военным действиям должна была соединиться с Византией сушей. Борьба за это продолжалась до кончины Иоанна II Комнина (1143);

в) урегулировать границы Византии с Иконийским султанатом. С востока и севера обезвредить средиземноморские прибрежные области, в частности порт Аталии, который должен был стать опорным пунктом в планируемом походе в Киликию и Северную Сирию.

Вышеупомянутому плану внешней политики империи в 30-х годах XII столетия чинились препятствия внутри страны. Стоявший во главе дворцовой оппозиции младший брат императора

[8] См.: *А. К.*, с. 184—185. В указанном отрывке Анна с восторгом говорит о том, как Византия смогла в своих политических целях использовать распри, возникшие в норманнском войске. Или же, рассказывая о том, как Алексей I в борьбе против Бурсуха помогает Абуль Касиму, Анна объясняет: «Не для того, чтобы помочь Абуль Касиму, отправил самодержец (Алексей I—*А. Б.*) войско; напротив, по его замыслу эта «помощь» должна была обратиться гибелью для Абуль-Касима. Ибо в то время, как два врага Ромейского государства боролись друг с другом, нужно было оказать помощь более слабому...» (*А. К.*, с. 195).

[9] Здесь нужно отметить, что уже в 1129/30 г. Данишмандидский эмират окончательно утвердился в южно-черноморских областях Малой Азии. Об этом Михаил Сириец сообщает: «Эмир Гази, победивший тюрок (области) Каппадокии и правивший единолично, вторгся в приморские (причерноморские) области. Там находился некий грек Каспан, который управлял областью (Понта). По личному побуждению он отправился, нашел Гази и передал ему все приморские крепости Понта. Гази предоставил ему должность в своих владениях, и Каспан перешел к нему на службу» (*Гусейнов Р. А.*, Из «Хроники» Михаила Сирийца (статья вторая).—В кн.: «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1974. М., 1981, с. 14; *Michel le Syrien*, Chronique, Trad. *J.—B. Chabot*, t. III, p. 227 (далее—*M. S.*); *Chalandon F.*, Указ. соч., t. II, p. 81).

Исаак Комнин, который в свое время помог Иоанну II вступить на престол, восстал против брата[10], а затем удалился из империи, ища покровительства у Данишмандида Гази. Внутриполитические трудности Византийской империи в своих целях хотел использовать трапезундский правитель, который уже несколько десятилетий не подчинялся императору. Фактически Гази Данишмандид накануне борьбы за Костамун и Гангр создал политический союз, деятельность которого была направлена против восточной политики Иоанна Комнина. В этот союз вошли Иконийский султанат, Трапезундское княжество, а также группа византийских оппозиционеров во главе с Исааком Комнином. Оппозиция, по всей вероятности, выражала интересы некоторых социальных прослоек византийского двора. Через несколько месяцев к этому союзу присоединился и армянский князь Киликии Левон Рубенид. Согласно «Хронике» Михаила Сирийца, Левон, будучи вассалом империи, был вынужден примкнуть к названному политическому союзу, подчиняясь военному нажиму Гази Данишмандида.

Последовательное изложение исторических событий в интересующем нас отрывке «Хроники» Михаила Сирийца подсказывает нам, что князь Киликии (до похода 1132 г. в Киликию Гази Данишмандида) выступал на стороне Византийской империи и поддержал военные действия Иоанна II Комнина, который наступал на северные районы Данишмандидского эмирата.

Уже в конце 20-х годов XII в. между Византийской империей и Киликийским армянским княжеством Рубенидов формировался, как нам представляется, политический союз против Данишмандидского эмирата. С этой точки зрения привлекает внимание внутриполитическая борьба в Иконийском султанате в 1126—1127 гг., в которую активно вмешивались Византийская империя и Киликийское княжество Рубенидов. Тогда против султана Масуда восстал его брат Арап[11]. Зять и союзник Данишмандида Гази иконийский султан Масуд, побежденный войсками Арапа, нашел убежище у византийского императора. С помощью империи Масуд возвратился в собственные владения и, объединившись со своим союзником Данишмандидом Гази, восстановил свою власть в Иконийском султанате. Пришла очередь изгнания Арапа, нашедшего приют в Киликии, у «Тороса-армянина»[12]. В дальнейшем Арап вел борьбу только с Данишмандидом Гази и его союзником эмиром Яуна—властелином Масары. По сообщению Михаила Сирийца, летом 1127 г. Арап «соединился с тюрками и армяна-

[10] *M. S.*, t. III, p. 230; *Chalandon F.*, указ. соч., т. II, p. 84.
[11] *M. S.*, t. III, p. 223.
[12] Там же; *Chalandon F.*, указ. соч., t. II, p. 79.

ми». Фактически с этого момента Византийская империя постепенно склоняется в сторону Арапа и Киликийского армянского княжества. Такая тактика византийской внешней политики объясняется тем, что названная коалиция боролась с самым заклятым врагом империи этой поры—Данишмандидским эмиратом. Вероятно, Византийская империя боялась прочного союза иконийского султана Масуда с Данишмандидом Гази, и на этой почве сформировался армяно-византино-тюркский военно-политический союз, во главе которого стоял Арап. Но, несмотря на внушительную коалицию, Гази Данишмандид смог разгромить Арапа и со своим войском достиг города Команы и Анкюрия, где Арап держал в тюрьме сына Гази—Мухаммада. Новые успехи Данишмандидского эмирата еще более обеспокоили Византию, и империя стала оказывать материальную и моральную помощь врагам Гази. Именно этим можно объяснить тот факт, что, потерпев поражение, Арап вынужден был искать покровительства в Константинополе. На этой стадии борьба между Арапом и Гази заканчивается, а сам Арап вскоре умирает[13].

Вражда Византийской империи с Данишмандидским эмиратом еще более обостряется в 1129/30 г., когда один из византийских вельмож по имени Касиан отдал свои причерноморские владения эмиру Гази и поступил к нему на службу. Эмир Гази использовал подходящий момент, чтобы отомстить Киликийскому княжеству за союз с Арапом. После смерти Тороса I данишмандидские войска совершили грабительский набег и опустошили плодородные районы Киликийского княжества. Но еще на некоторое время Киликия смогла сохранить свою независимость от Данишмандидского эмирата.

Антиданишмандидская политика киликийских князей была связана с растущим могуществом эмирата, который угрожал жизненным интересам Киликийского армянского княжества. Намеченную внешнеполитическую линию, разработанную Торосом I Рубенидом, с некоторыми изменениями продолжал его брат князь Левон (1130—1137) до 1130/1 г. В этом году Гази Данишмандид снова вторгся в границы Киликии. Он поставил перед собой следующие внешнеполитические цели:

а) разгромить военное сопротивление рубенидских князей, которые могли вторгнуться в пределы Данишмандидского эмирата во время византино-данишмандидского столкновения;

б) вовлечь Киликийское княжество в антивизантийский союз, что временно удалось Данишмандидскому эмирату.

В 1132/3 г. Гази Данишмандид смог создать против Византии внушительную коалицию, в которую вошли Иконийский султа-

---

[13] *M. S.*, t. III, p. 223.

нат, Трапезунд, Киликийское княжество. Вдохновителем коалиции стал бежавший из Византии брат императора Иоанна II—Исаак Комнин[14].

Союз Киликийского армянского княжества с Данишмандидским эмиратом был направлен не только против Византийской империи, но и против государств Латинского Востока. Противники данишмандидско-киликийского союза распределили свои силы следующим образом: империя угрожала Данишмандидскому эмирату с севера, а латинское княжество Антиохии в каждый удобный момент посягало на границы Киликийского княжества. Возникает вопрос: каковы были объективные предпосылки армяно-данишмандидского союза и как истолковывается союз в средневековой историографии?

В данном разрезе интересны сведения Никиты Хониата: говоря о враждебных политических взаимоотношениях империи с Данишмандидским эмиратом в 30-е годы XII в., византийский историк именует жителей Данишмандидского эмирата персоармянами (περσαρμένιοι)[15], а Данишмандида Гази называет персоармянским правителем Каппадокии[16]. Заслуживает внимания и тот факт, что родословную Данишмандида Мухаммада Никита Хониат возводит к именитому царскому роду Аршакидов, который до первой четверти III в. правил в Иране, а до первой четверти V в.—в Армении. Данишмандидам армянское происхождение приписывает также хронограф XII в. Маттэос Урхайеци[17]. На сегодняшний день нет основания полностью опровергать достоверность сообщения Маттэоса Урхайеци, поэтому не исключено, что родоначальником Данишмандидов мог быть армянин по происхождению. По нашему мнению, предание об армянском происхождении Данишмандидов могло бы возникнуть по двум причинам:

а) это предание могло возникнуть среди армян, живущих в пределах Данишмандидского эмирата. Нужно иметь в виду тот

---

[14] Существование этого союза и его антивизантийская направленность впервые отмечено К. Казном (*Cahen Cl.* La Syrie du Nord, Paris, 1940, p. 359).

[15] Нужно отметить, что указанный термин трижды встречается у Никиты Хониата (см. *Nicetae Choniatae* Historia. Rec. *I. A. Van Dieten*.—Berolini et Novi Eboraci, 1975, p. 19 (далее—*N. Ch.*).

Нелишне отметить и тот факт, что в византийской историографии XII—XIII вв. сохраняется традиционная номенклатура жителей восточных границ византийского государства: тюрок-сельджуков называют персами.

[16] Эмира Гази Никита Хониат называет: τῆς Καππαδοκῶν χώρας κρατῶν περσαρμένιος Τανισμάνος (N. Ch., p. 19).

[17] Մատթէոս Ուռհայեցի, *Ժամանակագրութիւն*, Վաղարշապատ 1898, էջ 297.

исторический факт, что Данишмандидский эмират был сформирован на территории, где еще до тюркско-сельджукских нашествий обосновались армянские феодалы со своими воинскими силами и подвластным им армянским населением. О наличии армянского населения на территории эмирата сообщает Михаил Сириец;

б) версия об армянском происхождении мелика Мухаммада Данишмандида могла возникнуть в годы армяно-данишмандидского политического союза. Доказательством такого предположения является сообщение Никиты Хониата, которое, очевидно, основывалось на письменных памятниках или документах 30-х годов XII столетия[18].

Политическая борьба Византийской империи с Данишмандидским эмиратом освещалась в византиноведении[19]. Однако исследователям не было известно, что в 1132—1136 гг. во время византино-данишмандидского конфликта Киликийское армянское княжество было союзником эмирата.

В 20-е годы XII в., предотвращая опасность нападения на южное побережье Малой Азии, а в 30-е годы стараясь отодвинуть данишмандидов от черноморских территорий, Иоанн II Комнин получил возможность продолжать политическую линию, которую разработал Алексей I Комнин относительно княжеств Киликии и Антиохии. Особенность этой политики состояла в том, что она не опиралась на какую-то фактически существующую политическую ситуацию, а была связана с пунктами мирного договора, заключенного в 1108 г. после Балканского конфликта между князем Антиохии и Алексеем I. Названный мирный договор на долгое время стал основой восточной политики Византийской империи, но, к разочарованию византийской стороны, все попытки претворения в жизнь пунктов Девольского договора[20] в годы

---

[18] Проблема этнического происхождения тюркских эмиров Данишмандидов до сегодняшнего дня не решена вследствие противоречивости первоисточников и недостаточности сохранившихся материалов. Об этом см.: *Chalandon F.* Указ. соч., t. II, p. 40, n. 2; *Melikoff I.* Danischmendides.—В кн.: *EI*, t. II, p. 112).

С. Т. Еремян предполагает, что предками Данишмандидов являются потомки грузинского военачальника и государственного деятеля Липарита Багваша (см. Երեմյան Ս. Տ., *Լիպարիտ զորավարը և նրա նախորդները*.—В кн.: Труды кабинета им. Н. Я. Марра, № 2. Ереван, 1947, с. 103—149; *его же. Լիպարիտ զորավարի հաջորդները և Դանիշմանդյան տոհմի ծագման խնդիրը*.—ИАН, 1947, № 8, с. 65—79).

[19] *Chalandon F.*, указ. соч., t. II, p. 84—91.

[20] В научной литературе так принято называть интересующий нас мирный договор (см.: *Honnigmann E.*, Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363

правления Алексея I терпели неудачу. Стало быть, чтобы представить в общих чертах основные принципы византийской политики в Киликии и Северной Сирии в первой половине XII в., нужно обратиться к некоторым пунктам Девольского мирного договора 1108 г. Согласно этому договору, подписанный раньше между Византией и Боэмундом договор 1098 г. был отменен, «ибо фактически он расторгнут самим изменившимся положением вещей»[21]. Договор фиксирует вассальную присягу, принесенную Боэмундом Алексею I Комнину и его сыну Иоанну. Примечателен и тот факт, что «устанавливается непосредственная связь высших и низших ступеней вассальной лестницы, не известная классической иерархии»[22]. Названный пункт договора распространялся и на тех вассалов Боэмунда, которые находились на Востоке, в латинском княжестве Антиохии[23].

Мы попытаемся разобраться в принципах разделения территории, дабы стало очевидным, что византийская сторона делала все возможное, чтобы добиться захвата всех прибрежных районов северо-восточного Средиземноморья. По этому документу Антиохийское княжество должно было передать в распоряжение Византии территорию Равнинной Киликии между реками Кидном и Гермоном (Пирамис)[24], а в Северной Сирии Антиохийское княжество должно было отказаться от прибрежных районов севернее города Триполи в пользу Византийской империи[25]. По заключению Г. Микаеляна, торговая конкуренция со стороны портовых городов, принадлежавшим крестоносцам, стала серьезной опасностью для Византии—торгового посредника между Европой и Азией: «Именно этими причинами, несомненно, объясняется тот факт, что Византия упорно стремилась опять захватить Северную Сирию и Киликию, которые до нашествия сельджуков принадлежали ей... Для достижения этой цели нужно было сначала захватить Киликию, как удобный плацдарм для отвоевания Сирии и Месопотамии»[26].

---

bis 1071.—Bruxelles, 1935, p. 125—130; *Любарский, Я. Н., Фрейденберг М. Ф.* Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом.—ВВ, т. 21, 1962, с. 260—265).

[21] ВВ, т. 21, с. 265, § 1.

[22] ВВ, т. 21, с. 263.

[23] ВВ, т. 21, с. 268, § 15.

[24] ВВ, т. 21, с. 269, § 21.

[25] ВВ, т. 21, с. 270, §. 25.

[26] *Микаелян Г.* История Киликийского армянского государства.—Ереван, 1952, с. 102—103.

По Девольскому договору, в порядке исключения, за Антиохийским княжеством оставался лишь один прибрежный город — Суетия[27]. Взамен уступленных Византии городов император обязался помочь Антиохийскому княжеству завоевать Алеппо с окружающими территориями и некоторыми областями, прилегающими к Эдессе[28].

Обобщая сказанное о договоре 1108 г., нужно отметить, что византийская дипломатия относительно Иконийского султаната и Данишмандидского эмирата вела ту же политическую линию, что и по отношению к Антиохийскому княжеству, пытаясь препятствовать свободному выходу названных государственных единиц к морю.

Однако византийцы во время правления Алексея I не смогли осуществить завоевания силой средиземноморских прибрежных районов от Аталии до Триполи и начали добиваться присоединения к империи указанных территорий с помощью дипломатии.

О подобной миссии византийских дипломатов рассказывает Одерик Виталий. Повествуя о событиях 1118 г., он сообщает, что Алексей Комнин отправил в Антиохию посольство во главе с протоспафарием Раведином. Главной целью этой миссии было сватовство внука Алексея Комнина к одной из принцесс Антиохийского княжества[29]. Миссия не увенчалась успехом, почему и претензии Византии относительно Северной Сирии еще долгие годы оставались в центре восточной политики империи. Добиться зависимости Антиохийского княжества от Византийской империи — эта цель не раз вдохновляла последующих императоров. Подобную попытку накануне сирийского похода 1136 г. предпринял также Иоанн II Комнин. По рассказу Иоанна Киннама, вельможи города Антиохии предложили императору женить его младшего сына Мануила на наследнице Антиохийского княжества[30], но из-за вмешательства иерусалимского короля и графа Эдессы этот план снова потерпел неудачу. После всего этого Византийская империя должна была прибегнуть к более решительным мерам — оружием завоевать Киликию и побережье Северной Сирии.

---

[27] ВВ, т. 21, с. 269, § 18.

[28] ВВ, т. 21, с. 270, § 24, 25.

[29] Ср.: *Chalandon F.*, указ. соч., t. II, p. 120.

[30] *I. C.*, p. 16.

А. Г. МАРГАРЯН

ОБ УЧАСТИИ АРМЯН И ГРУЗИН В ХИМССКОЙ БИТВЕ 1281 ГОДА

Сражение у города Химса (Хомс, Хемс, Хамс, античная Эмеса)[1] 30 октября 1281 года—эпизод ожесточенной, продолжительной борьбы между монгольскими ильханами Ирана и мамлюкскими султанами Египта за, в частности, гегемонию на восточном побережье Средиземного моря. В эту борьбу оказались втянутыми также народы Закавказья, находящиеся под игом монголов, вынужденные принимать участие в военных кампаниях ильханов. Ближневосточная политика монголов поддерживалась армянским государством Киликии, добивавшегося успеха против Египетского султаната с помощью ильханов. Единоборство монголов и мамлюков самым непосредственным образом затрагивало интересы агонизирующих государств крестоносцев, часть которых вынашивала планы коалиции с монголами против мамлюков. За монголо-мамлюкской борьбой внимательно следили также политические круги на Западе, лелеявшие надежды организации нового крестового похода и усмотревших союзника в лице монголов[2].

После сражения у Химса монголы на некоторое время отказались от активной борьбы; события 1281 г. оказали немаловажное влияние также на дальнейшую судьбу последних остатков государств крестоносцев, во многом предопределили тяжелое положение Киликийского армянского государства перед натиском мамлюков и вынужденное заключение мира с ними в 1285 г. на невыгодных условиях.

---

[1] Краткий очерк истории города см. Encyclopédie de l'Islam, t. III. Leyde-Paris, 1971, 409—413. В грузиноведческой литературе античное название города часто приводится в форме „Амасия", т. е. воспроизводится ошибка грузинского Хронографа XIV в./см. ქც. II, თბ., 1959, с. 279/.

[2] О дипломатических контактах ильханов и европейских политиков с целью сколачивания военного альянса см. *J. A. Boyle*, The Il-khans of Persia and the Christian West, „The Mongol World Empire" (Variorum reprints, XIII), London, 1977. с. 556—560; *J. Richard*, The Mongols and Franks, „Orient et Occident au Moyen Age: contacts et relations" (Variorum reprints, XXVII), London, 1976, с. 45—55).

Вполне закономерно, что наряду с историками государств Латинского Востока[3], монголоведами[4] и специалистами по истории мамлюкского султаната Египта[5], Химская битва привлекла внимание также кавказоведов, как в силу значимости ее в истории армянского государства Киликии, так и по причине участия в сражении значительных армянских и грузинских сил[6]. В последнее время события Химской битвы вновь были затронуты в кавказоведческой литературе в связи с изданием письма на старофранцузском языке госпитальера Жозефа де Канси к королю Англии Эдуарду I (1272—1307)[7]. На основе анализа текста письма И. М. Табагуа высказал свои соображения относительно роли в битве армянских и грузинских отрядов, попытался идентифицировать упомянутых в документе лиц, локализовал названные в документе топонимы. Как будет показано ниже, часть выводов исследователя не подтверждается при вни-

---

[3] См. *R. Röhright*. Geschichte des Königreichs Jerusalem, Amsterdam, 1966 (I изд.—Insbruck, 1898), с. 980—981; *R. Grusset*, Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem, t. III, Paris, 1936, с. 699—701; *S. Runciman* A History of the Crusades, vol. III, Cambridge, 1979, с. 391—392; A History of the Crusades, Kennet M. Setton gen. ed., The University of Wisconsin Press, 1969, vol. II, с. 586, 751.

[4] См. *M. D' Ohsson*, Histoire des Mongols, t. III, Amsterdam, 1852, с. 524—530; *B. Spuler*, Die Mongolen in Iran, Berlin, 1955, с. 75.

[5] См. *D. Ayalon*, Bataille de Hims, Encyclopédie de l'Islam, t. III, с. 415.

[6] См. *Г. Микаелян*, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, с. 412—413; [illegible], Ⴢ. III, [illegible], 1976, с. 788; [illegible], 1977, с. 312; [illegible], III, [illegible], 1966, с. 217—218; [illegible], III, [illegible], 1979, с. 606.

[7] См. [illegible] (1281 [illegible]). „[illegible]", 1, [illegible], 1975, с. 163—184. Оригинал документа хранится в Лондоне. Изданию предпослана вводная статья, приложены фотокопия и комментарии. Автор публикации, по-видимому, не знаком с предшествующими изданиями письма Жозефа де Канси—*J. J. Champollion-Figeac*, Lettres de Rois, Reines et autres personages des cours de France et d' Angleterre (Coll. de doc. inédits sur l'histoire de France, I, II., 1), Paris, 1839, с. 288—295; *Joseph de Cancy*, Letter to Edward I of England, and Edward's Reply, tr. B. Sanders, „Palestine Pilgrim's Text Society", vol. V, London, 1896, с. 1—16. /в конце книги/. Адресат Жозефа де Канси считается единственным политическим деятелем в Европе, который реально поддерживал идею альянса монголы-Запад, см. *S. Runciman*, указ. соч., с. 392; A History of the Crusades, с. 586. О событиях монголо-мамлюкской войны в 80-х

мательном изучении источников[8], следовательно, вопросы участия и роли армян и грузин в Химской битве 1281 г. все еще нуждаются в обстоятельном исследовании.

Написанное под свежим впечатлением письмо Жозефа де Канси занимает особое место среди источников о Химской битве. Автор специальной статьи об этом сражении Р. Рэрихт считает его наиболее важным первоисточником, наряду с сочинениями Хайтона (Хетума) и Макризи, с точки зрения содержания подробностей о ходе битвы[9].

Жозеф де Канси—единственный из современных событиям авторов, который сообщает вполне заслуживающие доверия сведения о численности армии мамлюков—50 тысяч[10] человек. Войско монголов, по сведению Бар-Эбрея и письму Жозефа де Канси, состояло из 50 тысяч воинов[11]. В отличие от них, мусульманские источники насчитывают в армии ильханов 44 или 55 тысяч монголов и 30 тысяч армян, грузин, руми (т. е. вспомогательное войско из подвластного монголам Румского (Иконийского) султаната), франков-крестоносцев[12]. При таком расхождении источников представляется затруднительным высказать окончательное

годах XIII в Эдуарда I информировал также магистр госпитальеров, см. *B. Spuler*, указ. соч., с. 75, прим. 3.

[8] Досадные ошибки вкрались в комментарии И. М. Табагуа к некоторым географическим названиям. Так, например, Haman, т. е. близлежащий Химсу город Хама, отождествлен с нынешней столицей Иордании Амманом (см. ი. ტაბაღუა, указ. соч., с. 176, прим. 22), название Chamelle—с Сирией (см. там же, с. 176, прим. 4). В последнем случае И. М. Табагуа ввело в заблуждение наличие названия «Шами» (Сирия) и соответственно слова «Шамели» (житель, уроженец Сирии) в «Картлис цховреба». На самом деле Канси пользуется современной ему географической номенклатурой для обозначения Химса! (см. Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens, t. II, Paris, 1906, с. 786, прим. d, с. 981 (далее: RHC).

[9] См. *R. Röhright*, Les batailles de Hims (1281 et 1299), Archives de l'Orient Latin, t. I, Paris, 1881, с. 639, прим. 24.

[10] *J. J. Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 288. В Gestes de Chiprois численность мамлюкской армии представлена явно преувеличенной—80 тысяч всадников и 100 тысяч пехотинцев (RHC, с. 787). Утверждение о том, что численность мамлюкской армии не упоминается в источниках (см. *D. Ayalon*, указ. соч., с. 415), не соответствует действительности.

[11] См. *R. Röhright*, Les batailles de Hims, с. 639, прим. 23; J. J. *Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 289.

[12] *D. Ayalon*, указ. соч., с. 415; ср. *R. Röhright*, Les batailles de Hims, с. 639.

мнение о численности монгольской армии, хотя сведения о вспомогательных силах кажутся правдоподобными. Дело в том, что при следующем крупном столкновении монголов и мамлюков у того же Химса в 1299 г. цари Киликийской Армении и Грузии были с армией численностью в 13 тысяч всадников и 25 тысяч пехотинцев[13]. Если учесть, что войско из Румского султаната в 1281 году состояло из 3 тысяч воинов[14], то можно допустить, что в армянских и грузинских отрядах насчитывалось, приблизительно, 27 тысяч человек[15].

Грузинские войска включали также отряды из Северо-восточной Армении[16], входившей в образованную монголами административную единицу Гурджистанский вилайет. Автор хроники рукописи № 205 Бзомарского монастыря в числе предводителей монгольской армии называет «царя Грузии Деметре и великих князей армян с Востока»[17]. Можно утверждать, что среди командиров армянскими отрядами был отец известного армянского историка Степаноса Орбеляна Тарсаич, который «показал величайшие подвиги и непобедимую мощь во всех войнах, где он принимал участие—в Хорасане, Шаме, Руме, **Химсе и Хаме против египтян**»[18]. Как раз в родном краю Тарсаича Орбеляна—в Сюнике сохранился крестовый камень (хачкар), воздвигнутый в 1282 году «Григором, сыном Вахрамацайра, который пал на войне в Химсе»[19]. Таким образом, армяне, вероятно, занимали второе место в армии монголов, будучи представлены в двух вспомогательных войсках. Это обстоятельство сыграло свою роль при

---

[13] *R. Röhright*, Les batailles de Hims, с. 644, прим. 44.

[14] *J. J. Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 289.

[15] И. А. Джавахишвили считает, что грузинское войско при Химсе в 1281 г. состояло из 5 тысяч воинов, см. ივ. ჯავახიშვილი, указ. соч., с. 217.

[16] Армянские исследователи ограничивались изучением действий войск из Киликийской Армении. Участие армянских войск из коренной Армении в Химсской битве 1281 г. предположил и И. М. Табагуа, см. ი. ტაბაღუა, указ. соч., с. 184.

[17] *«Ցուցակ Հայերէն ձեռագրաց Զմմառի վանքի մատենադարանին», կազմեց Մեսրոպ վրդ. Քեշիշեան, Վիեննա, 1964*, с. *500*.

[18] Ստեփաննոս Օրբելեան, *Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Թիֆլիս*, 1910, с. 423—424. Участие Тарсаича в Химсской битве 1281 г. отметил еще Ж. Сен-Мартен, см. *J. Saint-Martin*, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. II, Paris, 1819, с. 294—295, прим. 47.

[19] См. *ԴՀՎ, III, կազմեց Ս. Գ. Բարխուդարյան, Երևան, 1967*, с. *67*. Слово *«Համմ»* издатель счел непонятным. Правильное чтение надписи и интерпретация предложены П. М. Мурадяном (*ՊԲՀ*, 1979, № 2, с. 203—204).

расстановке сил перед битвой, выборе предводителя правого фланга и, по-видимому, оно и обусловило появление одного неправильного выражения в письме Жозефа де Канси.

Объединенная армия монголов под командованием брата ильхана Абаки Мангу Тимура перед сражением у Химса, 18—20 октября заняла Айнтаб, Баграс, Дарбсак и Алеппо в Северной Сирии и на подступах к Киликии[20], а в конце октября подошла к Химсу, где ее ждали войска султана Мансур Сейф ад-дин Калауна (1279—1290). События 30 октября 1281 г. развивались следующим образом:

Правый фланг монгольской армии напал на левое крыло неприятеля и обратил его в бегство, дойдя до стен города Химса. Переполох в рядах левого фланга султанской армии был настолько сильным, что отдельные группы беглецов с поля битвы дошли до Дамаска и даже Газы. В свою очередь, правое крыло армии Калауна потеснило левый фланг монголов, оказывая сильное давление на центр, где находился Мангу Тимур. Главнокомандующий монгольской армией не выдержал и начал отступление, его примеру последовали остальные войска, за исключением тех, которые оторвались от основных сил, преследуя мамлюков. Ничего не подозревая о переломе в ходе битвы в пользу султанской армии, они возвращались назад, узнали об отступлении Мангу Тимура и тоже покинули поле битвы[21].

Для выяснения роли армян и грузин в описанных событиях немаловажное значение имеет установление расстановки сил монгольской армии перед битвой, о которой сообщается в известном сочинении Хайтона (Хетума), в письме Жозефа де Канси и у грузинского Хронографа. Первые два автора называют предводителем правого фланга монгольской армии «царя Армении»[22], т. е. царя Киликийского армянского государства Левона III (1270—1289). Однако, рассказывая о дальнейших действиях правого фланга, Жозеф де Канси пишет: «Царь Армении и Грузии со своей свитой вторгся в земли сарацинов[23]». Таким образом, Жозеф де Канси либо допускает явную ошибку, считая Левона III также царем Грузии, либо в этом отрывке имеет в виду

[20] По всей вероятности, именно Дарбсак имеет в виду грузинский Хронограф, рассказывая о боях у города «Дарбузаки» (см. ქც. II, с. 279).

[21] См. *M. D' Ohsson*, указ. соч., с. 524—530; *R. Röhright*, Les batailles de Hims, с. 639—640; *D. Ayalon*, указ. соч., с. 415; *M. Canard*, Le royaume d'Arménie-Cilicie et des Mamelouks jusqu'au traite de 1285, REArm., t. IV, Paris, 1967, с. 244—245.

[22] RHC, с. 183; *J. J. Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 288—289.

[23] *J. J. Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 290.

царя Грузии Деметре II (1272—1289), поскольку в его войсках имелись армянские отряды. Именно вторую интерпретацию предлагает И. М. Табагуа, предполагая, что Деметре II подразумевается еще в двух фразах с титулом «царь Армении»[24]. Исследователь имеет в виду часть письма Жозефа де Канси, где автор указывает состав одного из флангов монгольской армии. «Царь Армении со своим принцем, с 2-я тысячами татар и тысячью грузин, а также тюрк по имени Самагар с 3-я тысячами человек»[25]. Со следующей же фразы становится очевидным, что Жозеф де Канси в предыдущем абзаце подразумевал **правый фланг** армии Мангу Тимура: «Царь Армении вместе с вышеупомянутыми ударил **по левому флангу**»[26]. Правый же фланг, как ясно свидетельствует Хайтон (Хетум), возглавлял царь Армении и, таким образом, оба автора единодушно констатируют неопровержимый факт.

Причем в письме Жозефа де Канси имеется интереснейшая деталь об участии в битве армянского принца. Выяснение этого вопроса приобретает особый смысл, ибо предоставляет возможность оценить достоверность сообщения о Химсской битве одной армянской хроники. Специалисты давно располагают написанной в 1296 г. «Краткой историей» бывшего царя Киликийской Армении Хетума II (1289—1293)[27], часть которой представляет своеобразную семейную хронику, где автор последовательно, по годам, констатирует рождение сыновей и дочерей отца—Левона III[28]. Здесь упоминаются рождение первенца Левона Забел в 1262 г. и появление на свет самого Хетума в 1265 г. Так как в том же году Левон попал в плен и находился у мамлюков до 1268 г., то вторая дочь родилась в 1269 г., а младший царевич—в 1270 г.[29]. Следовательно, в 1281 г. при Химсе рядом с отцом находился, по всей вероятности, будущий царь, уже взрослый[30] (девятнадцати-

[24] ი. ტაბაღუა, указ. соч., с. 184.

[25] *J. J. Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 289.

[26] Там же.

[27] См. RHC, с. 183.

[28] См. ქც, I, с. 68—70.

[29] Там же, с. 82—84.

[30] Для сравнения отметим, что старший сын Деметре II родился в 1273—1274 гг. (см. რ. კიკნაძე, საქართველოს ისტორიის წყაროთმცოდნეობის საკითხები, I, თბ., 1982, с. 174) и участие в изнурительном походе 7—8 летнего ребенка представляется маловероятным. Добавим к этому, что грузинский Хронограф считает неподготовленными для Химсской битвы по причине молодости даже Деметре II (см. ქც, II, с. 280), ср. замечание по этому поводу И. А. Джавахишвили, см. ივ. ჯავახიშვილი, указ. соч., с. 216.

летний) Хетум, а не кто-либо из его младших братьев. Таким образом, сведение о Химсской битве в «Краткой истории» Хетума приобретает особую ценность, как свидетельство очевидца и участника событий[31].

Принимая, что в двух вышеприведенных фразах письма Жозефа де Канси речь идет о царе Киликийской Армении Левоне III, следует делать то же самое и в отношении третьей фразы, где упоминается «царь Армении и Грузии». Дело в том, что автор письма продолжает рассказ о действиях той же части армии монголов, которая отличалась на правом фланге и углубилась в тыл неприятеля[32]. Ошибку Жозефа де Канси, скорее всего, следует признать следствием участия небольшого грузинского отряда в составе правого фланга под предводительством армянского царя. О путанице Армении с Грузией, о чем предполагает И. М. Табагуа, речи не может быть, поскольку эти страны упоминаются рядом, а не одна вместо другой. Путаница Киликийского армянского государства с расположенной в совершенно различном регионе Грузией со стороны Жозефа де Канси, превосходно информированного госпитальера, представляется невероятным.

Основные силы грузин, как следует из описания битвы грузинским Хронографом, сражались, вероятно, на противоположном фланге. Автор подчеркивает то обстоятельство, что по просьбе Деметре II он и его армия были расположены в авангарде и первым начали бой. По утверждению историка, султан предвидел успех грузин и держал в резерве 12-тысячный отряд для оказания помощи в решающий момент[33]. Весь рассказ Хронографа прекрасно увязывается с тем сценарием битвы, который вырисовывается исследованием Р. Рэрихта. Сражение началось атакой именно левого фланга монгольской армии, однако мамлюки отразили удар и перешли в наступление, нанося сокрушительный удар противнику. Думается, что результат этого контрудара султанской армии отражен в признании Хронографом факта поголовного уничтожения отряда Деметре II численностью 200 чел.[34] Последующий рассказ о том, что «на этой стороне отступили воины и татары, лично Мангу Тимур отходил со всей

[31] Остальные многочисленные сведения в армянских малых хрониках не представляют значительную ценность и нами не рассматриваются.

[32] Несмотря на ляпсус Жозефа де Канси, исследователи весь его рассказ относят царю Киликийской Армении, ибо логическая последовательность письма исключает всякую другую интерпретацию. См. *R. Röright*, указ. соч., с. 639—641; *R. Grusset*, указ. соч., с. 699—701.

[33] См. ქც. II, с. 280.

[34] См. ქც. II, с. 280.

армией. Тогда же обратились в бегство ослабевшие грузины»[35], указывает на расположение Деметре II с главными силами грузин не в центре рядом с Мангу Тимуром, а на другом, т. е. левом фланге. Справедливость такого вывода подкрепляется еще одним свидетельством грузинского автора, где сообщается о совместном возвращении Мангу Тимура и Деметре II[36]. Из письма же Жозефа де Канси хорошо известно, что входившие в правый фланг силы не нашли никого из монгольской армии на поле битвы, т. е. центр и левый фланг отступили вместе с главнокомандующим. Составляющий костяк правого фланга армянские войска вынуждены были возвращаться на родину отдельно, преодолевая различные трудности и теряя по дороге около 2 тысяч воинов[37].

Такова общая картина участия армян и грузин в Химсской битве 1281 года.

---

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] См. *J. J. Champollion-Figeac*, указ. соч., с. 291—292; RHC, с. 183—184, 787; *ГИ*, 1, с. 84—85.

Г. В. ЦУЛАЯ

ГРУЗИНСКОЕ ЛЕТОПИСНОЕ ПРЕДАНИЕ О «НАШЕСТВИИ ХАЗАР» И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ КАВКАЗА*

Повествование о «нашествии хазар» на Северный Кавказ и в Закавказье, в котором, как показали специальные исследования, в действительности сохранились сведения о событиях середины I тысячелетия до н. э., занимает одно из центральных мест в грузинской хронике «Жизнь картлийских царей», приписываемой автору XI в. Леонтию Мровели. Сюжет о «хазарах» представляет собой логическое продолжение предыдущего раздела этой хроники, главный пафос которого заключается в выявлении «генеалогического древа» народов Кавказа. Эта часть хроники Мровели—как бы пролог ко всей истории Грузии—начинается так: «Сперваначала упомянем, что у армян и картлийцев, ранов и моваканов, эров и леков, мегрелов и кавкасианов—у всех (этих народов) был единый отец Таргамос»[1]. В отличие от уже имевшихся до того генеалогических таблиц, послуживших Леонти Мровели образцами[2], древнегрузинский автор преследует цель доказать изначальное «братство народов Кавказа» и найти им место в культурном мире древности. Несмотря на то, что Мровели не мыслит этнических связей вне генеалогического родства, в систему своей «кавказской генеалогии» он вводит только то население Кавказа, которое считает аборигенным, четко отмежевы-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на Всесоюзной научной сессии, посвященной вопросам изучения и издания письменных источников по истории Грузии, в г. Кутаиси 8—10 октября 1979 г.

[1] Картлис цховреба (История Картли /Иберии/), т. I, Тбилиси, 1955, с. I (на груз. яз.). Интерпретацию (с указанием библиографии) названных здесь этнонимов см.: *Мровели Леонти*, Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая, М., 1979, с. 40 и др.

[2] См. *К. С. Кекелидзе* Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели.—В кн.: *К. С. Кекелидзе*, Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. III, Тбилиси, 1955.

вая его от пришлых племен, например, осетин[3], и, наконец, объединяет его под названием «таргамосианы»—«потомки праотца Таргамоса».

Леонти Мровели соответственно отбирает факты, во всяком случае его интересуют те из них, которые подтвердили бы основную его концепцию. Хроника начинается с изложения так называемого мифологического периода истории Грузии, которое в действительности содержит немало исторической информации. Говорится о возникновении Картли и отдельных ее исторических областей, культурных центров и т. п.

Рассказ о вторжении «хазар» на Северный Кавказ и в Закавказье следует сразу же за описанием смуты и междоусобиц среди потомков мифического этнарха Восточной Грузии—Картлоса. Автор как бы подчеркивает, что причиной превращения народов Кавказа в данников «хазар» была внутренняя деградация Картли. Именно в эту пору, говорится в хронике, «усилились хазары и начали войну с племенами» центральных областей Северного Кавказа и части Дагестана, по преимуществу с предками современных вайнахских и некоторых дагестанских народов, называемых в хронике собирательными этномами (соответственно—дурдзуки и леки). Первоначально кавказским племенам сопутствовала удача, но «хазары» вскоре «избрали себе царя», которому стала повиноваться «вся хазарщина» и возглавляемые им «хазары»; опустошая Северный Кавказ, стали пробиваться они в Закавказье через известные в древнем мире Дарьяльские ворота и Дербендский проход. «Хазары» устраивали частые походы, уводили людей в полон «и никто не мог им противостоять».

Далее в древнегрузинской хронике повествуется о том, как «хазарский царь» выделил своему сыну Уобосу часть центральной области Северного Кавказа от реки Терека вплоть «до западных пределов гор», т. е. Главного Кавказского хребта. В пределах этой территории «царевич» Уобос поселил пленников из Закавказья, также полученных «в дар» от своего «отца». Потомки Уобоса смешались с этими «пленниками» и прочими автохтонами Северного Кавказа, из которых в конечном счете и получились овсы, давшие своей стране название Овсети[4]. В данном случае в грузинской летописной традиции очерчена историческая Алания в тех пределах, в которых она была известна в собственно древней Грузии. По той же традиции, в результате преобразо-

[3] *Г. Д. Тогошвили*, Леонти Мровели о происхождении осетинского народа.—В кн.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1968; *Г. В. Цулая*, Два комментария к хронике Леонти Мровели, СЭ 1971, № 2.

[4] См. *Мровели Леонти*, Жизнь картлийских царей..., с. 25.

ваний «хазарского царя» на Северном Кавказе, дурдзуки, бывшие здесь наиболее активным этносом, отступили в горные районы, где и создали свою страну. И наконец, «хазарский царь» отобрал у леков их территорию, занимавшую пространство от Каспийского моря до Терека, отдал своему **«двоюродному брату»** и лишь благодаря тому, что в роду леков нашелся некий герой Хозоних (эпоним хундзов), род их был сохранен. Все эти народы, заключает древнегрузинский автор свой рассказ, в течение долгого времени были данниками «хазарского царя»[5].

Ныне уже ни в ком не вызывает сомнения то, что в основе приведенных сведений, как и труда Леонти Мровели в целом, использованы материалы не дошедших до нас письменных источников, а также устная историческая традиция древней Грузии[6]. В кавказоведении давно утвердилось мнение, что в контекст древнегрузинского рассказа о «нашествии хазар» внесены смутные воспоминания о событиях, связанных с вторжением скифов через Кавказ в Закавказье и Переднюю Азию[7]. Поэтому я позволю себе корректив к высказыванию известного французского ученого Ж. Дюмезиля о том, что «из грузинских летописей можно узнать о некоторых событиях, установить некоторые даты из истории» осетин, но лишь «их более близких предков, алан»[8]. Между тем, древнегрузинская письменная историческая традиция указывает на особенности начальных этапов этногенеза осетинского народа, на соотношение его скифо-сарматских компонентов и кавказского субстрата, о чем столь остро дискутировали еще недавно[9].

Под этнонимом дурдзуки, как это было установлено еще в прошлом веке[10] и упоминалось мною выше, в древнегрузинской хронике имелись в виду предки вайнахских народов, по преимуществу чеченцев, ингушей, бацбийцев. Этноним дурдзуки встречается также в древнеписьменных памятниках армян[11]. На попу-

---

[5] См. там же, с. 25.

[6] *К. С. Кекелидзе*, Литературные источники Леонти Мровели.—Вестник Тбилисского ун-та, 1923, т. III (на груз. яз.); *Г. А. Меликишвили*, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 30—33 и др.

[7] *Вс. Ф. Миллер*, Осетинские этюды, М., т. III, 1887, с. 15—21; *Г. А. Меликишвили*, указ. соч., с. 35; *Мровели Леонти*, Жизнь картлийских царей..., с. 50—51 и сл.; *А. В. Гадло*, Этническая история Северного Кавказа IV—X вв., Л., 1979, с. 23 и др.

[8] *Ж. Дюмезиль*, Осетинский эпос и мифология, М., 1976, с. 153.

[9] Сб. Происхождение осетинского народа, Орджоникидзе, 1966.

[10] *К. П. Патканов*, Ванские клинообразные надписи как источник для истории Передней Азии.—ЖМНП, 1883, декабрь.

[11] *С. Т. Еремян*, Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарацуйц»-а.—ИФЖ, 1973, № 2, с. 270 (на арм. яз.).

лярность указанного названия в раннем средневековье указывает его наличие в иноземной литературе. В сочинении персо-арабского автора Белазури (Баладзори), например, написано, что Дурдзукия представляет собой в высшей степени укрепленную местность «из двенадцати ворот, из коих каждые — каменный замок»[12]. Кроме того, сведения армянского источника, Белазури и Леонти Мровели сходятся на указании того, что Дурдзукия (древнегрузинские Дурдзукети) — исключительно горная страна.

Но каков жанровый характер древнегрузинского повествования о «нашествии хазар»? В том виде, в каком дошло до нас, оно безусловно несет на себе печать литературной обработки. На это указывает, во-первых, фактура самого текста и, во-вторых, анахронизм этнонима «хазары». Последнее обстоятельство служит в качестве хронологического ориентира заключительного этапа развития сюжета о «хазарах» в грузинской летописи, связанного с периодом наибольшего значения исторических хазар на Северном Кавказе в VII—VIII вв. В XI в., в период уже почти полного забвения хазар, Леонти Мровели, как видно, лишь переписал имевшийся у него под рукой более древний источник, подобно тому, как сделал он, составляя свой вариант «Жития св. Нины». В основе же рассказ о «хазарах», может быть, восходит к устному эпическому сказанию. Тот факт, что в грузинском фольклоре это сказание не сохранилось, можно было бы объяснить бурным развитием в Грузии письменной литературы, которая одновременно и фиксировала эпические сказания, и препятствовала их дальнейшему развитию и даже бытованию. Известно, например, что у ряда народов с развитой литературной традицией исторические предания сохранились лишь благодаря летописанию[13]. В древнеписьменной литературе кавказских народов это, надо думать, было нередким явлением. С аналогичным случаем мы имеем дело в «Истории Армении» Мовсеся Хоренского, зафиксировавшего в V в. эпические сказания голтанских певцов, не сохранившиеся в армянском фольклоре и исторический смысл которых неоспорим.

Введение «нашествия хазар» в древнегрузинскую письменность — одно из звеньев тенденции связать историю не только Картли, но и всего Кавказа с историей известного тогда мира. Кроме того, нетрудно заметить, что «хазары» в летописном повествовании древней Грузии выступают своего рода «ускорителями» исторического процесса на Кавказе. В сочинении Леонти

[12] *Баладзори*, Книга завоеваний стран. Перевод с арабского П. К. Жузе, Баку, 1927, с. 6; *Мровели Леонти*, Жизнь картлийских царей.., с. 54, 66—67.

[13] См. *В. Я. Пропп*, Фольклор и действительность, М., 1976, с. 119.

Мровели (или его источнике) в целом в основу периодизации истории древнего периода Картли и всего Кавказа положены события, связанные с завоевательными походами Александра Македонского[14]. Но именно с нашествием «хазар»-скифов и в дальнейшем—с их оседанием на Кавказе, по Мровели, происходит существенное изменение этнической ситуации многих народов Кавказа. Это и дает возможность идентифицировать «хазар» древнегрузинской летописной традиции со скифами, как активным этническим элементом на Северном Кавказе до описанных там же походов Александра Македонского[15]. В таком плане древнегрузинский рассказ о «хазарах» логично вписывается в данные археологических материалов, а также письменных источников, свидетельствующих о роли и месте скифов в истории народов Северного Кавказа. Скифы произвели важные изменения в этнической карте и быту местного населения, оставили глубокие следы в его духовной культуре. Так, еще в прошлом веке было высказано убедительное мнение о скифских основах нартовского эпоса. Авторы апеллировали в основном к историко-этнографическим реалиям скифов, засвидетельствованным в сочинениях античных авторов (Геродот и др.)[16]. В дальнейшем эта гипотеза получила полное подтверждение и нет нужды приводить хорошо известную теперь аргументацию данной теории, опирающуюся на то, что «многие мотивы и сюжеты нартовского эпоса служат как бы живой иллюстрацией к рассказу Геродота о нравах и обычаях скифов»[17], которые «у скифов и осетин настолько похожи, насколько позволяет интервал во времени и различие в цивилизации»[18].

В истории изучения нартовского эпоса были попытки распознать в нартах какой-либо конкретный исторически известный народ. Однако весь эпос почти не выходит «из сферы мифа, легенды, свободного народно-поэтического вымысла... Нарты—это поэтический псевдоним самих создателей эпоса, алан. Нартовский эпос, это—поэтизированная и фантастическая автобиогра-

---

[14] *Мровели Леонти*, Жизнь картлийских царей..., с. 59.

[15] Относительно характера грузинского исторического предания о походах Александра Македонского в Картли см.: *А. П. Новосельцев*, К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии.—В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили, Тбилиси, 1976.

[16] См., например *Вс. Ф. Миллер*, Черты старины в сказаниях и быте осетин.—ЖМНП, 1882, август.

[17] *В. И. Абаев*, Существовал ли скифский эпос?—В кн.: *В. И. Абаев*. Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, с. 83 и др.

[18] *Ж. Дюмезиль*, указ. соч., с. 47 и др.

фия народа в древнейший... период его жизни. В нем отразилась история народа, но не история внешних событий и датированных фактов, а история древнего быта и мировоззрения, народных доблестей и идеалов»[19]. Герои нартовского эпоса, как известно,— прежде всего воины. Вся их жизнь проходит в походах, набегах, дележе добычи и т. п. Физическая сила и умение воевать—единственное мерило нравственных качеств нарта. Но против кого воевали нарты? Распознать конкретно этническую принадлежность их врагов в самом эпосе безнадежно. Более того, в нартовском эпосе они вообще безлики. Но благодаря тому, что нартовский эпос не исключительно мифологический, в нем так или иначе отражена история народа, его древний быть, духовная культура и т. д., анализ легендарных образов нартовских героев все-таки «выявляет не одну мифическую черту»[20], у нас есть возможность полнее конкретизировать историческую обстановку, в которой действовали люди героического нартовского эпоса.

Кратко анализируя сюжет «нашествия хазар» в грузинской летописи, я отметил в другой работе возможность бытования аналогичных сказаний на Кавказе не только в грузинской среде[21]. Эта мысль была мне внушена исследованием А. О. Мальсагова, посвященным чечено-ингушской версии нартовского эпоса, где проводится основанная на богатом фактическом материале идея отражения в эпосе вайнахов борьбы их предков (древнегрузинское дурдзуки) против скифо-сарматов[22].

Нарт-орстхойский эпос вайнахских народов, первые публикации которого были осуществлены в прошлом веке[23], долгое время оставался одним из наиболее загадочных памятников фольклора народов Кавказа. История этой проблемы хорошо освещена в фундаментальном исследовании У. Б. Далгат, посвященном героическому эпосу чеченцев и ингушей[24]. Ею проведена весьма обстоятельная классификация эпического населения вайнахских народов. Она различает в героическом эпосе вайнахов две основные группы персонажей: местных героев и собственно нарт-орстхоев, выделяет основные черты тех и других[25].

---

[19] *В. И. Абаев*, Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, с. 94.

[20] *Ж. Дюмезиль*, указ. соч., с. 163.

[21] *Мровели Леонти*, Жизнь картлийских царей..., с. 51.

[22] *А. О. Мальсагов*, Нарт-орстхойский эпос вайнахов, Грозный, 1970,с .32 и др.

[23] *Ю. С. Гаглойти*, Некоторые вопросы историографии нартского эпоса, Цхинвали, 1977.

[24] *У. Б. Далгат*, Героический эпос чеченцев и ингушей, М., 1972.

[25] *У. Б. Далгат*, указ. соч., с. 110—112 и др.

Внутренняя дифференциация нарт-орстхойского эпоса не переходит за грани некоторых сюжетных и тематических особенностей. Зато их объединяет основная тема постоянных противоречий с местными героями[26], на чем возведена вся структура нарт-орстхойского эпоса. Основной момент всех версий вайнахского эпоса — эпическая антитеза героев местного происхождения с нарт-орстхойцами. По замечанию У. Б. Далгат, многие сюжеты и образы нарт-орстхойских сказаний в причудливых фантастических формах донесли до нас из глубины веков известный запас исторической информации. Тема борьбы и столкновений эпических героев отражает общественные отношения тех отдаленных времен, когда на Северный Кавказ шли волны различных кочевых племен и народов[27].

С нарт-орстхойцами в народном представлении связывается наступление «погибельного времени»; с их приходом «задули ветры», земля перестала плодоносить, захирел скот и т. д. Приход нарт-орстхойцев стал сущим бедствием для людей; в сказаниях звучат проклятия в их адрес, ибо «с тех пор, как эти люди появились на свет, все в мире стало оскудевать; теперь уже нет и не будет ни той пшеницы, ни того мяса, которые были прежде» и т. д.[28]. В связи с этим в эпосе чеченцев и ингушей выявляется своеобразная тема «благодати», получающая в нем «древнее художественное воплощение, синтезируя исторические воспоминания и нравственные понятия народа»[29]. Для нас в данном случае главное в этой теме — сознание того, что на земле некогда до нартов было «благодатное время» и что лишь с их приходом в этот мир наступил ей конец. Вполне убедительно заключение У. Б. Далгат: «Совершенно очевидна реальная и историческая мотивировка понятия «благодати», реальная потому, что благодать народа, его благоденствие в первую очередь обеспечивалась его трудом... Историческая вследствие отрицательного, специфически вайнахского восприятия нартов (нарт-орстхойцев) как пришельцев, явившихся в благодатный край и разоривших его своими опустошительными набегами»[30].

[26] Там же, с. 116; *А. О. Мальсагов*, указ. соч., с. 7 и др.

[27] *У. Б. Далгат*, указ. соч., с. 116—117.

[28] *У. Б. Далгат*, указ. соч., с. 122.

[29] Там же, с. 125.

[30] Там же, с. 122—123. Отрицательное отношение к нарт-орстхойцам в обществе чеченцев и ингушей было столь стабильно, что эпическая традиция позднего времени приписывает вайнахам союз с царизмом, чтобы изгнать орстхойцев в Турцию (см. *И. А. Дахкильгов*. Предания чеченцев и ингушей о кровной мести. — В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, с. 184).

Ю. С. Гаглойти отмечает, что тема набега в нарт-орстхойских сказаниях вполне соответствует характеру нартовского эпоса осетин[31]. Соответствие это неслучайно, но рассматривать его надо в различных аспектах. Так, если для осетинских сказаний набеги—нормальное состояние их героев, добывающих себе славу и добычу, то цель подвигов нарт-орстхойцев обусловлена, как уже отмечено, непримиримостью к местным героям. Таким образом, оценка подвигов нартов в осетинском эпосе и в эпосе чеченцев и ингушей дается с различных, противоположных позиций. Это отмечено и У. Б. Далгат, по словам которой, в нарт-орстхойском эпосе герои общенартовских сказаний представлены как отрицательные «Это не положительный,—пишет она,—а, условно говоря, отрицательный героизм»; иное дело подвиги местных героев, которым в сказаниях уделено «особое внимание, так как именно они составляют предмет народной идеализации»[32].

В вайнахском эпосе о нартах под мифологическим покровом и позднейшими фольклорными наслоениями различаются свидетельства о процессе слияния носителей основного ядра нартовского эпоса с аборигенным населением центральной части Северного Кавказа, предками вайнахов—дурдзуками. Процесс этого примирения мог быть длительным и охватывал большой промежуток времени: от раннего периода оседания скифо-сарматов на Северном Кавказе вплоть до средневековья. Из сюжетов, включающих этот мотив, являющийся как бы заключительным аккордом каждого из них приведу два, наиболее выразительных.

Признание вайнахскими сказителями общенартовского героя Сосруко-Сослана—вайнахский Сеска-Солса—вызвано не только, возможно, даже не столько общим его эпическим обаянием. Более того, чеченские и ингушские сказители нередко подчеркивают, что Сеска-Солса «помогал только своим орштхоям (-орстхойцам—*Г. Ц.*), своим близким, но всему народу не был полезен», точно так же, как «вообще все орштхои обижали других людей»[33]. Наоборот, обаяние Сеска-Солсы в вайнахском фольклоре основывается на исторических реалиях и прежде всего на примирении кочевников Северного Кавказа с «местными героями».

Другим примером может служить отношение народа к одному из часто встречающихся в нарт-орстхойском эпосе героев Хамчи-Патарзу (соответствует Батразу осетинского эпоса). Этот персонаж пользуется откровенной неприязнью сказителей, по убеждению которых он «родился на несчастье человечества» и

---

[31] *Ю. С. Гаглойти*, указ. соч., с. 174.
[32] *У. Б. Далгат*, указ. соч., с. 199.
[33] *У. Б. Далгат*, указ. соч., с. 287.

т. п.[34]. Тем не менее в эпосе вайнахов засвидетельствовано начало позитивной оценки этого героя: неслучайно сказители уверяют, что, узнав о том, как много горя он принес людям, Патарз в отчаянии хотел покончить самоубийством[35]. В данном мотиве отражено примирение осевших на Северном Кавказе скифов и их этнических преемников (сарматов, алан) с автохтонным населением.

Все это проецируется на древнегрузинский рассказ о походах «хазар»-скифов, в котором также чувствуется мотив примирения аборигенов Северного Кавказа с «набежниками» и растворении последних в местном населении.

Эпицентр нартовского эпоса находится в пределах центральных областей Северного Кавказа. Чем дальше от этого центра, тем больше происходит трансформация эпических нартов в героев сказок. Это явление наблюдается уже в фольклоре на восточных окраинах Чечни и завершается в устном творчестве тех дагестанских народов, которым хоть сколько-нибудь известно название «нарт». Здесь героический эпос с его историзмом уступает место сказке. В этих дагестанских сказках нарты представлены преимущественно иноземными и злыми существами. В представлении сказителей они ассоциируются с тучами и сильными ветрами, налетающими на аул среди ясного дня; нарты перечисляются среди могущественных и злых великанов; они нападают на мирных жителей; девушки из местных племен не желают выходить за них замуж; аборигены испытывают постоянное желание мстить нартам за их набеги и т. д. Вместе с тем в этих же сказках проходит и мотив примирения нартов с местным населением, часть их вступает с ним в контакт и даже ведет совместную борьбу с наиболее злыми из нартов[36]. Таким образом, дагестанские сказки о нартах доносят до нас основную тенденцию вайнахской нарт-орстхойской эпической традиции. Это обстоятельство прямым образом корреспондирует с древнегрузинским рассказом о распределении царем «хазар» земель Северного Кавказа между своими «сыновьями». В частности, «удел Лекана», как мы видели, достался не прямому потомку его, что в плане исторических реалий должно указывать на меньшее влияние на эту область скифов и их этнических преемников. Это подтверждается

---

[34] *У. Б. Далгат*, Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса.—ЭО, 1901, № 1, с. 39.

[35] *У. Б. Далгат*, указ. соч., там же.

[36] «Три брата и три нарта», «Девушка и нарты».—В кн.: Аварские народные сказки, М., 1972, с. 128—135.

не только археологическими материалами[37], но и хроникой Мровели, отразившего древнегрузинскую историческую традицию, согласно которой степень «родства по крови» этнархов всегда указывает на уровень этнических связей[38].

В версиях нартовского эпоса Западного Кавказа (кабардино-черкесской, абхазской) нет героев, подобных нарт-орстхоям. Однако в абхазских эпических сказаниях об Абрскиле (во всех их вариантах) функции нарт-орстхоев выполняют этнически неопределенные, но постоянно действующие враги местных племен, «голубоглазые и светловолосые люди».

Сказание об Абрскиле, первая публикация которого была осуществлена в конце прошлого века, относится к прометеоидному общекартвельскому эпосу «Амирани», с которым его объединяет генетическая общность[39]. В статье, посвященной данному сказанию, я высказал мысль о связи этого мотива со скифо-сарматскими племенами[40], следы которых в Абхазии прослеживаются и по археологическим материалам[41]. Мысль эта получила признание и подтверждена другими материалами кавказского фольклора[42]. Теперь я высказываю предположение, что в «Абрскиле» запечатлены фольклорные свидетельства, перекликающиеся, с одной стороны, с антинартовской направленностью нарт-орстхойского эпоса, а с другой—борьбой «таргамосианов» против «хазар»-скифов.

Во всех рассмотренных произведениях перед нами независимое друг от друга отражение великих событий, имевших место на Кавказе с середины I тысячелетия до н. э. Различие исторических реалий в них обусловлено культурно-историческими особенностями развития народов, у которых они сохранились. Но в приведенных памятниках имеется и принципиальная общность: это историзм, только в одном случае характерный для архаических видов героического эпоса, в другом—для книжного предания раннего средневековья.

---

[37] *Е. И. Крупнов*, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, с. 385, 389.

[38] *Леонти Мровели*, Жизнь картлийских царей..., с. 56.

[39] *Н. Я. Марр*, О языке и истории абхазов, М.-Л., 1938, с. 144 и др.

[40] *Г. В. Цулая*, Мифологические тайны пещеры Абрскила.—Труды Абхазского Ин-та языка, литературы и истории, т. XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, с. 324 и др.

[41] *М. М. Трапш*, Памятники Колхидской и Скифской культур, Сухуми, 1962, с. 76—79, 81.

[42] *Ю. С. Гаглойти*, К изучению терминологии нартского эпоса.—Известия ЮО НИИ, вып. XIV, Цхинвали, 1965, с. 108—109.

Среди различных записей сказания об Абрскиле особое значение имеет опубликованная только на грузинском языке прекрасным знатоком языка, фольклора и этнографии абхазцев Н. С. Джанашиа. Поэтому я считаю полезным привести в приложении полный текст выполненного мною русского перевода записанного им варианта.

Абрскил (Амирани)
(Абхазская легенда)

В старину в Абхазии жила чудесная девушка, дочь славной и богатой семьи. Она сызмальства принесла обет богу остаться девственницей. Родители ее возрадовались тому, что дочь их посвятила себя богослужению и молитвам. Спустя несколько лет девушка забеременела. Родителей не огорчило это обстоятельство, так как они были уверены, что дочь их зачала свыше. Родила она сына. Сын ее рос весьма быстро. Когда исполнилось десять лет, он был уже повстине молодец (важкаци, абх. афырхаца) ликом, силой, мужеством и отвагой. Мальчика нарекли они Абрскилом. Вскоре Абрскил прославился на всю Абхазию своей отвагой и мужеством, покровительством сирым, вдовам и униженным. Слава о его величии обошла всю землю, ни один из сувостатов Абхазии не отваживался из страха перед Абрскилом перевалить горы Абхазии. Во времена Абрскила мечи врагов ржавели в их (собственных) ножнах, никто не смел пользоваться ими против Абхазии. Поэтому всякий абхаз—большой или малый, бедняк или богач, женщина или мужчина, тавад, азнаур или крестьянин—стремился сблизиться, породниться с Абрскилом, чтобы жить в мире под сенью его грозного для врагов великого имени! Во времена Абрскила прелестная Абхазия была защищена и ограждена его мощью от вражеских вторжений и разорения и росла в длину и вширь.

В его время Абхазия была защищена и ограждена от своих (дословно—«внутренних») зловредных людей и сорных растений. Где бы герой ни настигал голубоглазых людей—он не оставлял их в живых, потому что они могли своим дурным глазом испортить (сглазить) народ. Из этих же соображений он не оставлял на земле фамилии Ашвба и Кацвба, наделенных колдовством. Истреблял он и вредные для людей растения, например, не миловал он папоротника. В те благословенные времена коров и буйволиц доили трижды в день, коз же—четыре-пять раз в день, ибо повсюду поля были украшены прекрасной зеленью, а не папоротниками и бесполезными для скота травами.

Имя его облетело всю землю (абх. адунеи), даже могущест-

венные враги стремились сблизиться и установить с ним союз. Все стали ему поклоняться. Тем самым герой Абрскил возомнил себя богоравным и ни в чем не стал повиноваться господу. Бога стал он считать своим приятелем и товарищем, но не старшим. Так, подумайте, что Абрскил не проходил под навпсшей между двумя деревьями виноградной лозой, если нельзя было пройти под нею, не склонив головы. Мол, если склоню голову, говаривал герой, господу покажется, что кланяюсь ему! Поэтому, когда видел такую лозу,—рубил ее.

Бог испытал немало средств, чтобы образумить Абрскила и заставить его поклоняться Ему, но тщетно. Тогда разгневанный героем господь повелел своим ангелам схватить Абрскила и связанного по рукам и ногам бросить его в бездну и жестоко пытать до тех пор, покуда не образумится и не начнет поклоняться богу.

И ангелы приступили к исполнению воли господней.

Узнав об этом, Абрскил выбрал себе два безопасных пристанища: одно—вершина горы Эрцаху и другое—берег Черного моря. На каждом из этих пристанищ располагался герой и отпускал на роздых своего богатырского коня до тех пор, покуда преследовавшие его ангелы не приближались к нему. Тогда он стремглав вскакивал на верного своего богатырского коня, который одним махом появлялся у другого пристанища. И здесь он также отдыхал до появления ангелов. Когда же они приближались, он вновь оказывался на прежнем месте*.

Ангелы, весьма огорченные тем, что не смогли выполнить божью волю, обратились за помощью к одной старой чародейке, у которой (так в оригинале—*Г. Ц.*) они постелили смазанные салом бычьи шкуры, а сами разделились на два сонма: одни скрылись в лесу поодаль от этих шкур, другие же отправились за Абрскилом. Когда Абрскил, спугнутый первым сонмом, пустил вскачь своего богатырского коня и прыгнул на засаленную бычью шкуру,—конь поскользнулся, упал и сбросил с себя седока. Тогда сбежались ангелы и связали Абрскила. Связали героя, подобный которому не являлся в поднебесье.

Великая печаль обуяла всю Абхазию из-за пленения любимого и верного стража ее благоденствия; была весьма удручена, но что ей было делать! Свою печаль и горе она топила в гори-

* Другой вариант: у Абрскила был костыль, с помощью которого он одним прыжком с горной вершины появлялся на берегу Черного моря, а отсюда—на горной вершине. Старуха-волшебница дала ангелам червя, который проел костыль Абрскила. Герой не знал об этом и когда, пытаясь прыгнуть, оперся на костыль, то он сломался пополам. Абрскил упал и был схвачен (примеч. Н. С. Джанашия).

чих слезах. И лишь рыдания облегчали ей горе. Рыдали, рыдали все, и царапали и раздирали лица свои и причитали: «Кто заменит несчастной Абхазии Абрскила и кто спасет ее от озверевших врагов?» Чего только не предпринимали они, чтобы спасти Абрскила, но тщетно!... Кто мог противостоять богу!

Все были опечалены пленением Абрскила, кроме (родов) Ашвба и Кацвба и светловолосых и голубоглазых людей. Вся природа оплакивала потерю Абрскила, кроме папоротников и вредных растений!

По совету той же старухи (чародейки) ангелы поместили богатырского коня в очень глубокой пещере. В той же пещере они вбили в землю огромный железный кол, к которому гигантскими цепями прикован герой Абхазии. Здесь же рядом с ним валяется большой молот. В этой же пещере привязан богатырский конь Абрскила, которому в пищу богом уготована сталь. В качестве стражи к Абрскилу господь приставил одну маленькую птичку— ааарганцухва*. Когда осужденный герой расшатает кол настолько, что достаточно лишь одного усилия, чтобы вытащить его из земли, птичка вспархивает на кол, и изнемогший уже герой в гневе, со всей оставшейся у него силой замахивается молотом на птичку, стремясь убить ее, но она тут же упархивает, а молот опускается на кол, который вновь с силой вбивается в землю. И таким образом Абрскил и поныне томится в той пещере**.

Ныне Абрскила не так тревожит собственная участь, как несчастное положение Абхазии.

Однажды почитатели Абрскила отправились спасать его. Одновременно снарядили двенадцать ослов, нагрузили их свечами, которыми они намеревались освещать себе путь в пещере. С помощью свеч эти самоотверженные абхазы настолько приблизились (к Абрскилу), что стали слышать его голос. Но тут свечи кончились, и они сообщили Абрскилу о своем положении. Тот от-

---

* Трясогузка. Аналогичный вариант, по замечанию Н. С. Джанашиа, был им зафиксирован в Имерети (*Н. С. Джанашиа*. Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, с. 122, примеч. 1, на груз. яз.).

** По другой версии: бог приставил к Абрскилу ту же старуху следить за ним, обязав ее также не подавать герою еды до тех пор, пока тот не раскается в своем поступке и не попросит у господа прощения. Старуха сжалилась над Абрскилом, преступила волю божью и дала герою поесть, за что господь обратил ее в щенка. Когда кол, к которому прикован Абрскил, становится тонким, как нить, и есть возможность его разломать, в это мгновение щенок съедает пищу (до тех пор есть ему запрещено) и с его насыщением кол вновь обретает прежнюю толщину, а герой снова теряет надежду на освобождение (примеч. Н. С. Джанашиа, указ. соч., там же).

ветил абхазам, что по промыслу божьему он настолько отдаляется от них, насколько те приближаются к нему, и потому советовал им вернуться восвояси. Но те пожаловались:

—У нас нет свечей, как и каким путем нам вернуться? Мы не найдем дороги.

Тут Абрскил посоветовал им повернуть ослов вспять и следовать за ними.

Сердце героя не стерпело, и он спросил о положении в Абхазии. Спросил:

—По-прежнему ли размножаются Ашвба и Кацвба, (а также) светловолосые и голубоглазые люди? Папоротник, вредные и бесполезные травы все также развелись и не дают расти полезным растениям? Как и прежде коров и буйволиц доят трижды в день, а коз четыре-пять раз? Внешние враги все еще тревожат Абхазию, как тревожили они ее до рождения моего?

Когда же абхазы поведали Абрскилу о безнадежном положении Абхазии, он горько воскликнул:

—Не говорите мне более о любимой моей Абхазии! Мне невыносимо более слушать о том.

Герой поник головой навеки и предался печали, сознавая, что он не в силах помочь Абхазии.

Ослы же этих абхазов благополучно вывели на свет*.

---

* *Н. С. Джанашиа*, указ. соч., с. 120—123.

П. М. МУРАДЯН

ПРОБЛЕМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЦЕРКВИ ОНЕНЦА
(КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)

«Архитектурные формы церкви Тиграна hОненца,—писал акад. Н. Я. Марр,—как пропорции, например, купола, обособляют ее от другого течения армянского церковного зодчества. Ее обособляет и богатая резьба по аркатуре, представляющая символических или просто декоративных зверей на растительном фоне. Исполнение, равно и техника, несомненно, свидетельствуют о влиянии гражданских декоративных мотивов, но идея имеет свою параллель, предшественницу, в армянском зодчестве опять-таки халкедонитского течения. Все здание церкви св. Григория, наилучше сохранившееся независимо от позднее пристроенного портика с резко-мусульманскою орнаментацией капителей колонн, в основной части, в самом храме, является наиболее совершенным образчиком местного строительного искусства в Ани, с его безукоризненною чистотою кладки, изяществом и пропорциональностью форм, в частности, барабана с куполом, богатством орнаментации и т. п.»[1].

Говоря о «параллели, предшественнице», ученый, возможно, имеет в виду Ахтамарский храм св. Креста[2], выделяющийся исключительным богатством резьбы, в которой изображению «символических или просто декоративных зверей», равно как и растительности, отведены специальные пояса, огибающие церковь[3]. Однако ни ктитор этого храма Гагик Арцруни, ни архитектор Мануэл не были приверженцами халкедонитского толка вероисповедания. Скорее всего правомерно другое положение, представленное в приведенных выше словах Н. Я. Марра, а именно—тезис о влиянии «гражданских декоративных мотивов».

Определяя конфессиональную принадлежность церкви Тиграна Оненца и называя ее «полугрузинской, полуармянской, в

[1] *Н. Я. Марр*, Ани, Л.—М., 1934, с. 86.

[2] Н. Я. Марр, быть может, подразумевает храм Звартноц, который также имел декоративный пояс.

[3] Обстоятельно см. Ստ. Մնացականյան, *Աղթամար, Երևան, 1983*, с. 107—148.

общем халкедонитско-православной»[4], ученый исходил из того факта, что «западное крыло церкви покрыто фресковыми картинками, в которых дан ряд драгоценных иллюстраций к Житию Григория Просветителя с церковно-грузинскими надписями... Роспись эта тяготеет почти полностью к халкедонитским преданиям армян в том виде, как они, эти предания, сохранились в халкедонитской версии Жития Григория Просветителя на арабском языке, открытой на Синае. Иллюстрацию соответственных страниц этой халкедонитской версии и составляет, например, уже изданная мною картина выступления навстречу Григорию царя Тиридата в сопровождении трех союзных царей: абхазского, грузинского и аланского. Как в армянской церкви, естественно, здесь отделение местных святых посвящено целиком иллюстрации жизни и деятельности Григория Просветителя. Но, как в армянской церкви халкедонитского толка, Григорий представлен просветителем не только армян, но и абхазов, грузин и аланов. Здесь-то в ряде этих иллюстраций была мною замечена св. Нино в сцене явления живого столпа: это единственный пока случай такого древнего изображения просветителя Грузии»[5]. Для объективной оценки этой марровской характеристики этно-конфессиональной принадлежности церкви Оненца нужно учитывать следующие обстоятельства:

1. Н. Я. Марр специально подчеркивает, что это—**армянская церковь халкедонитского толка**, и поскольку армяне-халкедониты Ани начала XIII века могли себя считать грузинами конфессионально (так к ним обращается католикос Епифаний в надписи от 1218 г.)[6], то основанную и посещаемую ими обитель можно назвать «грузинской» или, как в приведенной цитате сказано, «полугрузинской, полуармянской, в общем халкедонитско-православной». Чтобы еще раз убедиться в конфессиональном понимании термина **грузин** применительно к церкви Тиграна Оненца, считаю нужным вновь цитировать Н. Я. Марра по другой его работе: «...кроме церкви с барельефами, за грузинскую в смысле вероисповедном, т. е. за халкедонитскую, следует принять, насколько пока известно, еще лишь одну церковь св. Григория Просветителя, великолепную постройку Тиграна hОненца; дата 1215 в надписи об ее сооружении в таком случае могла указывать год

[4] *Н. Марр*, ук. соч., с. 85.

[5] Там же.

[6] См. *Н. Я. Марр*. Надпись Епифания, католикоса Грузии (из раскопок в Ани 1910 г.), ИАН, 1910, с. 1441; ср. *В. Дондуа*. К социально-экономической жизни средневековой Грузии по анийской надписи (1218) Епифания, «АН СССР академику Н. Я. Марру», с. 663; ср. **Պ. Մ. Մուրադյան, Հայաստանի վրացերեն արձանագրությունները, Երևան, 1977, էջ 45—47։**

ее закладки. Во всяком случае слово «грузины» в нашем тексте имеет, несомненно, значение конфессионального термина: под грузинами подразумеваются не одни грузины, но и армяне-халкедониты»[7].

2. При определении конфессиональной принадлежности церкви Тиграна Оненца Н. Я. Марр исходил из того положения, что она была расписана фресками сразу же после строительства, еще при жизни ктитора, т. е. имеющиеся образцы фресковой живописи, в которых нашли отражение армянские халкедонитские предания о сфере деятельности Григория Просветителя, восходят ко времени основания церкви.

На это положение указывает и тот факт, что ученый к числу освященных грузинским католикосом в 1218 г. церквей относит и церковь Тиграна Оненца, полагая, что 1215 г. ее строительной надписи указывает на основание сооружения, завершение же имело к периоду посещения Епифании

3. Вопреки собственному предупреждению о том, что «вопрос о росписи, как доказательстве принадлежности церкви халкедонитам, весьма тонкий»[8], Н. Я. Марр склонен был признать халкедонитскими почти все анийские церкви, в которых он находил роспись. Так, говоря о наличии таковой в алтарной апсиде Соборной церкви Ани, он заключает: «Одно время, позднейшее, храм был во владении армян-халкедонитов, которым только и может принадлежать роспись алтарной апсиды, оставившая едва заметные следы»[9]. Этим временем Н. Я. Марр склонен считать конец XII и начало XIII веков. «Армянской фамильной халкедонитской церковью» он называет культовое сооружение, известное в науке под условным именем «Бахтагеки». Исходит он, опять-таки, прежде всего из факта наличия росписей: «Церковь внутри вся была расписана фресками; они, снабженные армянскими надписями, покрывали стены, колонны, своды, простенки в барабане и купол, венчающий барабан. В росписи фресок яркими сочными красками была изложена вся история Ветхого и Нового Завета, в ней же были введены изображения армянских патриархов, в том

[7] *Н. Я. Марр.* Надпись Епифания..., с. 1440—1441. Конфессиональное понимание этнонимов—характерное для средневековья явление. Армянские источники «ромеями» (византийцами) называют всех халкедонитов, в том числе и халкедонитов-армян. Известен даже случай, когда под этнонимом [illegible] (армяне) подразумевались христиане вообще (см. [illegible] № 13, Երևան, 1980, (էջ 40).

[8] *Н. Марр.* Ани, с. 132 (прим. 259).

[9] Там *же*, с. 118

числе Григория Просветителя»[10]. Датирует он ее XII или XIII веками. Такой же атрибуции не избежала церковь Спасителя в Ани, в которой сохранились не только фрески, но и изображение самого их автора—мастера—Саргиса Паршика: «Впрочем, был ли жертвователь колоколов и строитель колокольни [Спасителя] Мыхитар, внук Зосима, халкедонит, это скорее можно будет решить в связи с вопросом, с какого момента завладели церковью Спасителя армяне-халкедониты, украсившие ее внутри бесспорно халкедонитскою росписью: были ли они хозяевами в ней уже в 1291 г., когда Мыхитар строил для нее колокольню?»[11]. Переход культового сооружения от «одной части армянского населения» к «другой его части», т. е. от армян-монофизитов к армянам-диофизитам, по мнению Н. Я. Марра, сказался, прежде всего, в том, что «халкедониты снабжали церковь росписью»[12], и в этом заключалось основное обновление церквей халкедонитами-армянами.

Подозревать Н. Я. Марра в какой-то православной тенденциозности или в недостаточном знакомстве с анийской действительностью—абсурдно, поэтому при оценке его положений нужно исходить из того фактического материала, которым он располагал, учитывать степень изученности отдельных арменоведческих дисциплин в первые десятилетия нашего века и помнить, что многие марровские положения историко-культурного характера автору представлялись, и в действительности были, рабочими, которые не имели претензии стать окончательными. Теоретически Н. Я. Марр вполне допускал существование стенной живописи в рамках армянской национальной церкви, вклад халкедонитов в этой области ему казался несравненно ощутимым: «Теперь известны нам несколько имен армянских художников, начиная с IX века; известна армянская Ерминия, руководство с готовыми шаблонами для церковной живописи; наконец, известны древние армянские росписи, отчасти и из анийских раскопок 1892 года. Таким образом, в наличии издревле у армян иконописного дела не может быть сомнения. Сомнение зарождается у нас лишь по вопросу, в какой армянской среде культивировалось это дело с самого начала, во всякой или только халкедонитской?»[13].

Наличие фресок или их сохранившихся до наших дней фрагментов в Аруче, Артике, Талине, Егварде (Зоравар), Аштараке (Кармравор), Лмбате, Коше, Ахтамаре, Татеве и многих других

[10] Там же, с. 54.

[11] Там же, с. 104. Дату следует читать 1271 г.

[12] Там же, с. 86.

[13] *Н. Я. Марр*. О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. Т—Р АГФ, X, СПб., 1907, с. 53.

раннесредневековых культовых памятниках со всей очевидностью свидетельствует, что стенная живопись культивировалась «во всякой армянской среде», и нет основания относить ее к сфере культурной деятельности халкедонитов-армян. Видимо, так обстоит дело и с памятниками эпохи зрелого феодализма. Эпиграфистом С. А. Авакяном было установлено, что роспись церкви Спасителя в Ани исполнена в 1193 г. мастером Саргисом Паршиком, изображенным в самой церкви в молитвенной позе и с молитвенной же надписью: **«ՍՈՒՐԲ ԱՒԵՏԱՐԱՆԻՉ ՔՐԻՍՏՈՍԻ, ԲԱՐԵԽԱՒՍԵԱ ԱՌ ՔՐԻՍՏՈՍ ՍԱՐԳՍԻ ՓԱՌՃԿԱՆՍ»**—«Святой евангелист Христа, будь заступником пред Христом за меня—Саргиса Паршика»[14]. Этот же художник, по-видимому, работал в монастырском комплексе вблизи Ани—Хцконке, и, будучи вкладчиком, оставил датированную 1216 годом надпись хозяйственно-поминального содержания[15]. Последние годы своей жизни он провел в Санаине, став членом братии этой обители, тут и скончался. Сохранилась эпитафия художника, немногословно гласящая: **«ՍԱՐԳԻՍ, ՈՐ Է ՓԱՐՋԻԿ»**, т. е. «Саргис, который является парджиком»[16]. Теперь выяснено, что термин **ՓԱՌՃԻԿ** (**ՓԱՐՃԻԿ**) **ՓԱՐՋԻԿ** (паршик, парджик) восходит к персидскому فرش (фарш)[17] и указывает на занятие, профессию Саргиса—делатель ковров, покрытий, т. е. мастер стенной живописи[18], что всецело подтверждается его ролью и изображением в церкви Спасителя. Но тут для нас важно другое: как Хцконк, так и Санаинский монастырь, в которых подвизался наш художник, были крупными монастырскими и культурными центрами монофизитского толка, следовательно и Саргис Паршик был приверженцем армянской национальной церкви. Если это так, то речи не может быть о «бесспорно халкедонитской росписи» в церкви Спасителя. Столь же сомнительно марровское положение относительно Соборной церкви, ибо в разнородных источниках нет ни малейшего сведения о том, что этим храмом когда-либо владели армяне-халкедониты. Именно в период, когда Н. Я. Марр считает возможным переход Соборной церкви в руки халкедонитов (конец XII и начало XIII вв.), ее ризничим являлся один из крупных представителей армянской средневековой историографии, переводчик и предста-

---

[14] Ս. Ա. Ավագյան, Վիմական արձանագրությունների բանասիրություն, Երևան, 1978, էջ 328—332.

[15] Там же, с. 328.

[16] Կ. Ղաֆադարյան, Սանահինի վանքը և նրա արձանագրությունները, Երևան, 1957, с. 181, 200; ср. Ս. Ավագյան, указ. соч., с. 329.

[17] Ковер, подстилка, палас, настил, покрытие.

[18] Ս. Ավագյան, указ. соч., с. 330—331.

витель национальной церкви Мхитар Анийский, как о том свидетельствуют источники[19]. Ст. Орбелян его называет «святым священником», «протоиереем города [Ани] и ризничим св. Соборной церкви». Служитель этой церкви Мхитар Анийский мог именоваться «протоиереем города» лишь в том случае, если в ней резидировал епархиальный начальник—епископ города Ани. Таким образом, фрески Соборной церкви—дело рук приверженцев армянской официальной церкви. Кстати, и в многочисленных надписях на стенах этого храма нет такого рода сведений, которые могли бы указать на переход обители к халкедонитам.

Иначе обстоит дело при характеристике самой церкви Тиграна Оненца и ее фресок. Как уже отмечалось, называя памятник «полугрузинским, полуармянским», Н. Я. Марр, прежде всего, исходил из характеристики сцен из Жития Григория Просветителя, снабженные грузинскими надписями, но он не обратил внимания на данные, содержащиеся в пространной строительной надписи Оненца, хотя в своей последней работе по Ани он перевел — переложил ее основную часть. Надпись в те годы была отличной сохранности и прочитана—опубликована И. А. Орбели без каких-либо существеных погрешностей. Вот ее полный текст:
ԹՎ(ԻՆ)։ ՈԿԴ։ ՇՆՈՐՀԻՒՆ ԵՒ ՈՂՈՐՄՈՒԹԵԱՄԲ ԱՅ, ՅՈՐԺԱՄ ՏԻՐԵՑ ՔԱՂԱՔԻՍ ԱՆԻ ՀԶՕՐ ԵՒ ՏԻԵԶԵՐԱԿԱԼ ԱՄԻՐՍՊԱՍԱԼԱՐ ԵՒ ՄԱՆԴԱՏՈՒՐԹՈՒԽՈՒՑԷՍ ԶԱՔԱՐԻԱՅ ԵՒ ՈՐԴԻ ՆՈՐԱՅ ՇԱՀՆՇԱՀ, ԵՍ՝ ՏԻԳՐԱՆ ԾԱՌԱՅ ԱՅ, ՈՐԴԻ ՍՄԲԱՏԱՒՐԵՆՑ ՍՈՒԼԵՄԱ, ՅԱԶԳԷՆ ՀՈՆԵՆՑ, ՎԱՍՆ ՅԵՐԿԱՐԿԵՆԴԱՆՈՒԹԵԱՆ ՏԷՐԱՆՑ ԻՄՈՑ ԵՒ ՈՐԴՈՑ ՆՈՑԱՅ ՇԻՆԵՑԻ ԶՎԱՆՔՍ ՍՈՒՐԲ ԳՐԻԳՈՐՈՅ, ՈՐ Ի ՀԻՆՆ ՄԱՏՈՒԱՆ ԱԾԱԾԻՆ ԿՈՉԻՒՐ, ՈՐ ԷՐ ՔԱՐԱՓՆ ԵՒ ՄԱՑԱՌ ՏԵՂԵԱՒ ԷՐ, ԶՈՐ ԻՄ ՀԱԼԱԼ ԳԱՆՁՈՎ ԳՆԵՑԻ Ի ՀԵՐԵՆԷՑԻՐԱՑ ԵՒ ԲԱԶՈՒՄ ԱՇԽԱՏՈՒԹԵԱՄԲ ԵՒ ԳԱՆՁՈՎ ՊԱՐՍՊԵՑԻ ՇՈՒՐՋԱՆԱԿԻ. ՇԻՆԵՑԻ ԶԵԿԵՂԵՑԻՍ ՅԱՆՈՒՆ ՍՐԲՈՅՆ ԼՈՒՍԱՒՈՐՉԻՆ ԳՐԻԳՈՐԻ ԵՒ ԶԱՐԴԱՐԵՑԻ ԲԱԶՈՒՄ ԶԱՐԴԻՒՔ, ՓՐԿԱԿԱՆ ՆՇԱՆԱՒՔ՝ ՍՈՒՐԲ ԽԱՉԻՒ ՈՍԿԻՔ ԵՒ ԱՐԾԱԹԻՔ ԵՒ ՊԱՏԿԵՐԱԳՈՐԾ ԽԱՏԵՐՈՎ՝ ԶԱՐԴԱՐԵԱԼ ՈՍԿՈՎ ԵՒ ԱՐԾԱԹՈՎ ԵՒ ԱԿԱՄԲՔ ԵՒ ՄԱՐԳԱՐՏԱՒ, ԵՒ ԿԱՆԹԵՂԱՒՔ ՈՍԿԻ ԵՒ ԱՐԾԱԹԻ ԵՒ ՆՇԽԱՐԱՒՔ ՍՐԲՈՑ ԱՌԱՔԵԼՈՑ ՄԱՐՏԻՐՈՍԱՑ, ԵՒ ՄԱՍԱՄԲ ԱԾԸՆԿԱԼ ԵՒ ՏԷՐՈՒՆԱԿԱՆ

19 Ստ. Օրբելեան, *Պատմութիւն նահանգին Սիսական*, Թիֆլ., 1910, էջ 332, «*Հաւաքումն պատմութեան Վարդանայ վարդապետի*», Վենետիկ, 1862, էջ 137—138, *Մխիթար Անեցի, Մատեան աշխարհավէպ հանդիսարանաց*, աշխատասիրությամբ Հ. Գ. Մարգարյանի, Երևան, 1983, էջ 5—10։

ԽԱՉԻՆ, ԵՒ ԱՄԵՆԱՅՆ ՑԵՂ ՍՊԱՍՔ՝ ՅՈՅԿՈ ԵՒ ԱՐԾԱԹՈՅ ԵՒ ԲԱԶՈՒՄ ԶԱՐԴՈՒՔ։ ՇԻՆԵՑԻ ԶԱՄԵՆԱՅՆ ՑԵՂ ԶՐՆԱԿԱՐԱՆ ՎԱՆԱԿԱՆԱՑ ԵՒ ԻՇԽԱՆԱՑ, ԵՒ ԿԱՐԳԵՑԻ Ի ՍՄԱՅ ՔԱՀԱՆԱՅՔ ՊԱՏԱՐԱԳՈՂՔ ՄԱՐՄՆՈՅ ԵՒ ԱՐԵԱՆ ՔՐԻՍՏՈՍԻ, ՈՐ ԱՆԽԱՓԱՆ ՊԱՏԱՐԱԳ ՄԱՏՉԻ ՎԱՍՆ ԱՐԵՒՇԱՏՈՒԹԵԱՆ ՏԷՐԱՆՑ ԻՄՈՑ ՇԱՀՆՇԱՀԻ ԵՒ ՈՐԴՒՈՑ ԻՒՐՈՑ, ԵՒ ՎԱՍՆ ԹՈՂՈՒԹԵԱՆ ՄԵՂԱՑ ԻՄՈՑ։ ԵՒ ԷՏՈՒ ԸՆԾԱՅՍ Ի ՎԱՆՔՍ ՍՈՒՐԲ ԳՐԻԳՈՐՈՑ ՀԱՅՐԵՆԻՔ, ԶՈՐ ԳՆԵԼ ԷՒ ԳԱՆՁՈՎ ԵՒ ՎՃՌՈՒԱՄԲ ՀԱՅՐԵՆԷՏԻՐԱՑ ԵՒ ԶՈՐ ԵՍ Ի ՀԻՄՆԷ ՇԻՆԵԼ ՀԻ ԶԱՅԳՈՍՏԻ, ԳԱՒԹՈԽՈՆԵՑ ԳԵՂԻՆ ԿԷՍՆ, ՔԱՐՀՏԻՆ Ե։ ԴԱՆԻՆ, ՄՇԱԿՈՒՆԵՑ ԿԷՍՆ, ԿԱՂՂՈՒՑՆ ԿԷՍՆ, ՅԱՄԱՔ ԾՈՎՆ ԲՈԼՈՐ, ԽՈՒՋԱՃ ՄԱՀՄՈՒԽԻ Ի ԿԱՐՈՒՅ ՅԵՐԿԻՐՆ, ՈՒՆԸՆԴՈՅ։ Ը։ ԴԱՆԴՆ, ԽԱՉՈՐԿԱՆՆ ՀՈՂԵՐՆ ԵՒ ՓՆԴՈՒԿՆ, Ի ՔԱՂԱՔԻՍ ՀԱՅՐԵՆԻՔ ԲԱՂՆԻՍՆ ՈՒ ՄԻԼՆ, Ի ՄՈԴԱՆԻՍ ԽԱՆԱՊԱՐՆ՝ ԿՈՒՂՊԱԿՆՈՎՆ ՈՒ ԿԱՄԱՐԱԿԱՊ ՓՆԴՈՒԿՆ ՈՒ ՄԱՐԱԳՆ ՀԵՏ ԲԱՂՆԵՑՆ, ՏԷՐ ՍԱՐԳՍԻ ԱԽՈՌՆ ՈՒ ՄԱՐԱԳՆ, ԶՈՐ ԳՆԵՑԻ, ԿԱԼՆ ԵՒ։ Բ։ ԱԿՆ ՁԻԹԱՀԱՆՔ ԵՒ ԱԽՈՌՆԻ ՈՒ ՄԱՐԱԳՆԻ ՎԱՆԻՑՍ, Ի ԴՈՒԱՆՍ ՎԱՆԻՑՍ ԱՌՋԵՒ ԳԱՀԷՋՆ ԱՒ ԼԱՆՋՆԻՆ ՁՈՒՐՎԻ ԳԼԽՈՑՐԻ ԴՈՒԽՆ՝ ԻՆՉՎԻ ԳԵՑՆ ՈՒ ԳԵՏԵՋՆԵՐՆ, ԳԱՀԷՋՆ, ԶՈՐ ԳՆԵԼ ԷՒ ԵՒ ՇԻՆԵԼ ԴՎՆԱ ԴՈՒԱՆՆ, ԿԷՍ ԱԿՆ ՋԱՂԱՑ, ԹԱՐԹ ՄԻ ԲՈԼՈՐ ՈՒ ՄԻՆ ԱՅԼ ԹԱՐԹԻՆ ՇԱԲԱԹ։ Բ։ ԱԻՐ, ԴԼԽՁՈՐԻՆ ՋԱՂԱՑ։ Ա։ ԹԱՐԹՆ ՇԱԲԱԹ։ Բ։ ԱԻՐ Ի ԲԷՇՔԵՆԱԿԱԳԷՆ ԻՆՉՈՒՐՎԻ ԿԱՐՄՈՒՆՋՆ ԳՆՏԻՆ ԿԷՍՆ ԻՄ ԳՆԱԾ Է, ԳԱԳԵՆՆ ԽԱՆԱԲԱՐՆ՝։ Դ։ ԴԱՆԳՂՆ ՈՒ ԴՈՒԱՆ ԿՈՒՂՊԱԿՆ, ԲՈԼՈՐ ՏՆԵՐ ՀԱՏԷՑՈՆՑ ԶՈՒԽԱԿԻ, ՔԱՂԱՔԻՍ ԴՈՒԱՆՍ ԲԱԶՈՒՄ ՀՈՂԵՐ, ԳՆԱԾ ԱՅԳԻ։ Ա։ ՅԵՐԵԽԱՆ, ԱՅԳԻ։ Ա։ ՅՈՇԱԿԱՆ, ԱՅԳԻ։ Ա։ Ի ԿՈՇ, ԷԳԻ։ Ա։ ՅԱՐՈՒԽ, ՈՐ ՄԱՉՈՏՆ ԿՈՉԻ, ԱՅԳԻ։ Ա։ Ի ՄՐԵՆ։ ԱՅԳԻ։ Ա։ Ի ԾՄԱԿԻՆ, ՈՐ ԿԱԹՈՂԻԿՀՈՂ ԿՈՉԻ, ԶԱՅՍ ՈՐ ԳՆԱԾ Է, ԵՒ ԱՅԼ ԲԱԶՈՒՄ ԳՐԱԻԿՆԱԾ ԷՐ, ԶՈՐ ՈՉ ԱՐՁԱՆԱԳՐԵՑԻ, ՎԱՆԱՅՍ ԷՒ ՏՎԵԼ ՈՒ ԹԷ ՏԷՐՔՆ ԹԱՓԵՆ՝ ՈՍԿԻՆ ՎԱՆԱՑՍ, ԶՈՐ ՈՒՐԻՇ ԻՄ ԱՆԴԱՐՁԱԳՐԻՆ ԵՄ ԳՐԵԼ, ԵՒ ԶՎԱՆՔՆ ԲԵԽԵՆՑ ԿՈՉԵՑԵԱԼ, ԶՈՐ ԵՍ ՇԻՆԵՑԻ ԵՒ ՆՈՐՈԳԵՑԻ, ԸՆԾԱՅԱՒՔ ՓԱՐԹԱՄԱՑՈՒՑԻ ԱՄԷՆՈՎՆ՝ ՍՈՒՐԲ ԳՐԻԳՈՐՈՑ ՎԱՆԱՅՍ ՀՈԳԱՑՈՂՍ ՀՈԳԱՑ ԶՈՐԳԻՍՈՒԹԻՒՆ։ ԱՐԴ, Է ԹԷ ՈՔ Ի ՄԵԾԱՑ ԿԱՄ Ի ՓՈՔՐՈՒՆՑ ՅԻՄՈՑ ԿԱՄ ԱՒՏԱՐԱՑ ԶՈՐ ԻՆՉ ԱՐՁԱՆԱԳՐԻՍ Է ԽԱՓԱՆԵԼ ՋԱՆԱ ԿԱՄ ԹԷ ԻՐՔ ՇՈՐԹԷ ՅԱՐԴԵՆՑՍ, ՈՐ Ի ՍՄԱ ՀԱՍՏԱՏԵԱԼ Է, ԿԱՄ ԶՅԻՇԱՏԱԿ ԶՄԵՂՈՒՑԵԱԼ ԾԱՌԱՅԻՍ ԱՅ ԽԱՓԱՆԷ ԶԻՆՉ ԵՒ ԻՑԷ ՊԱՏՃԱՌԱՒՔ, ԱՅՆՊԻՍԻՆ ՈՒՐՈՇԵԱԼ ԼԻՆԻ Ի ՓԱՌԱՑՆ ՈՐԴՒՈՅՆ ԱՅ. ԵՒ ԶՊԱՏԻԺՍ ԶԿԱԵՆԻ ԵՒ ԶՅՈՒԴԱՅԻ ԺԱՌԱՆԳԵՍՑԷ Ի ԳԼՈՒԽ ԻՒՐ ԵՒ ԵՐԵՔ ՍՈՒՐԲ ԺՈՂՈՎՈՑՆ ԵՒ։ Թ։ ԴԱՍՈՒՑ

ՀՐԵՇՏԱԿԱՑ ՆՇՈՒԽԱԿ ԵՂԻՑԻ ԵՒ ՄԵՐ ՄԵՂԱՑՍ ՀԱՄԱՐԵ ՏԱՑԵՆ ԱՌԱ-
ՋԻ ՔՑ, ԵՒ ԿԱՄԱՐԱՐԻՆ ԵՒ ՀԱՍՏԱՏՈՒՆ ԳԱՀՈՂԻՆ ԱՒՐՀՆՒՆ ՅԱՑ

ԽՍՐԱԷՂ ԳՐԻՉ[20]

«В лето 664 (=1215 г.). Благодатью и милостью божьей, когда овладел[и] этим городом Ани могущественный и вседержательный амирспасалар и мандатуртухуцес Закария и сын его Шахншах, я—Тигран, раб божий, сын Сулема Смбаторенца из рода Онеци, на долгоденствие моих владык и их чад построил сей монастырь св. Григория; при старой часовне [эта обитель] именовалась Богородицей, находящейся в скалистой и [покрытой] зарослью местности, которую я купил на свои честные средства у вотчинников и многосложным трудом и средствами обвел оградой. Построил эту церковь во имя св. просветителя Григория и украсил множеством убранств: спасительными знамениями—святыми крестами из золота и серебра, образосодеянными иконами, отделанными золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом, лампадами из золота и серебра, мощами св. апостолов мучеников, частицею богоприемшего и господнего креста, всякого рода сосудами из золота и серебра и множеством украшений. Построил разнородные жилища для монахов и князей (властей) и определил в ней священников, служивших обедню на тело и кровь Христа, дабы велось беспрерывное богослужение на долгоденствие моих владык—Шахншаха и чад его и за отпущение грехов моих. И отдал я в дар монастырю св. Григория вотчину, купленную мною на деньги и по договору с [ее] владельцами, и то, что мною было выстроено от основания, коими являются: половина села Гороховеца, 5 дангов [села] Кархата, половина [села] Мшакунец, половина Каххуца, [село] Цамакаов целиком, Хузан-Махмуид в Карсском крае и 2 данга [села] Униуд, земли Хачорика и трактир (фундук). В [самом] же этом городе [Ани]—наследственная [наша] баня и водопроводное сооружение, постоялый двор (ханапар) с лавками на площади, сводчатый трактир и сеновал за банями, купленные у священника Саргиса конюшня и сеновал, гумно и маслодавильня о двух колесах, монастырские конюшни и саманники, огород напротив монастырских ворот и склоны [ущелья] от Гайлидзорских ворот вплоть до реки, [включая] берег, огород—купленный и устроенный мною напротив Двинских ворот, половина [дохода] мельницы, одна целая верша [для ежедневной ловли рыбы], другой же вершой [дозволено пользоваться] два дня в неделю. Гайлидзорская

[20] «Դիվան Հայ վիմագրության», պրակ 1. Անի քաղաք, կազմեց Հ. Ա. Օրբելի, Երևան, 1966, էջ 63.

мельница, одна верша два дня в неделю, [ловлю при этом производить] от Бешкенакана до моста, [ибо] половина реки куплена мною, 4 данга постоялого двора Папенц и лавка у ворот, все дома на переулке Хатоценц, многие земли у городских ворот, купленные мною виноградники (сады)—один в Ереване, один в Ошакане, один в Коше, один в Аруче, который называется Мазоти, один в Мрене, один в Цмаке, который называется Католихохом. Это то, что куплено, и многое другое, за которое дан задаток, но не записано мною,—[все это] и отдал в монастырь. И если владетели отчитают, то [отданное в задаток] золото будет принадлежать монастырю, о чем я написал в другом завещании. Монастырь же, называемый Бехенц, устроенный и возобновленный мною, я обогатил всякими приношениями. Пусть попечители монастыря св. Григория заботятся о состоянии [и сего монастыря].

Итак, если кто из великих или малых, из моих или чужих постарается нарушить зафиксированные в сей надписи [определения] или же присвоит что-нибудь из доходов, утвержденных в ней, либо по какой бы ни было причине приостановит поминовение обо мне—грешном рабе божьем,—таковой да будет отрешен от славы сына божия и примет на свою голову казнь Каина и Иуды и будет проклят [решениями] трех святых соборов и девятью чинами ангелов, и да он держит ответ за наши грехи перед богом; исполнители же [моей] воли и нерушимо держащие ее да будут благословлены богом. Писец Исраэл».

Информация, содержащаяся в надписи Оненца, в самом деле огромна: в ней имеются данные по исторической географии, топографии Ани, топонимике, экономической и административной истории, церковному и имущественному праву, по истории архитектуры и прикладного искусства и т. д. Ее автором-составителем является сам ктитор: один только он мог говорить о своем «другом завещании», именно представитель «деловых кругов» Ани мог поддерживать длительные контакты с Грузией, точнее ее торговым миром, и пользоваться грузинским термином «хати» (ხატი)[31]. Вольность составителя ощутима и в употреблении других слов и грамматических норм, взятых из живой разговорной речи (*ջրովի, ախոռնի, ինչուրվի, կարմունջ, գեղ, մոզան, մարագնի* и т. д.). Профессиональный книжник, духовнослужитель тут же

[31] Термин *[illegible]* и выражение *[illegible]* (ср. гр. [illegible] не являются заимствованиями из грузинского, ибо первый из них восходит к персидскому [illegible] (см. *Հր. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառարան, Ա, Երևան, 1971, էջ 188*), второй известен из более ранних источников („Лечебник" царя Гагика, „Хронография" Матфея Эдесского).

обратился бы к литературным терминам, формам и нормам литературного армянского языка. Собственно авторство ктитора в доказательстве и не нуждается, ибо пространный текст сначала до конца изложен от его имени; в первом лице. Все это значит, что информатором является сам Тигран Оненц. При необходимости установить его конфессиональную принадлежность исследователь должен исходить не из мотивов декора храма или иконографии фресок, а из надписи—«автобиографии» ктитора. Там, в завершающей части документа, исходя из юридических и религиозных норм средневековой действительности, сказано, «...если кто из великих или малых, из моих или чужих постарается нарушить зафиксированные в сей надписи [определения] ... либо по какой бы то было причине преостановит поминовение обо мне—грешном рабе божьем, таковой да будет... проклят **[решениями] трех святых соборов** и девятью чинами ангелов...» Спрашивается, человек, не считающий четвертый собор святым (т. е. халкедонитский собор), каким образом мог быть приверженцем халкедонитского толка! На это в свое время не обратил внимания Н. Я. Марр, и после него десятилетиями данное недоразумение переходит из одной книги в другую, от одного исследователя к другому. Тигран Оненц не был халкедонитом, таковым не мог быть и основанный им храм. Если позволительно по мотивам декора храма определять конфессиональную принадлежность ктитора, то строителем поздней пристройки (портика) должны признать приверженца ислама, ибо ей присуща «резко мусульманская орнаментация капителей колонн»! Церковь Тиграна Оненца не может быть названа ни «полугрузинской, полуармянской», ни, тем более, «грузинской» вообще, как это практикуется в новейшей литературе. Сам основатель обители не был халкедонитом, поэтому его «приверженность своим истокам»[22] в доказательстве не нуждается. Наличие грузинского термина в строительной надписи вызвано не конфессией ее автора, а, как было сказано, непосредственным знакомством с грузинской действительностью. Кстати вспомнить, что один из богатейших горожан Ани того же XIII века Саһмадин не то что обращался к грузинским терминам, но и оставил пространную надпись на грузинском языке, хотя сам не был приверженцем халкедонитства[23]. Из всего этого следует, что церковь Тиграна Оненца никак нельзя включить в число тех культовых сооружений, которые были освящены грузинским католикосом Епифанием в 1218 году. Неоправданным

[22] *Николь Тьерри,* Роспись церкви св. Григория Тиграна Хоненца в Ани (1215), Тбилиси, 1977, с. 13.

[23] Ср. Գ. Մ. Մուրադյան, Հայաստանի վրացերեն..., էջ 19—20. Термин „хат-и" присутствует и в трактате Мх. Гоша от 1206 г.

оказывается и предположение Н. Я. Марра, будто «дата 1215 в надписи об ее сооружении в таком случае могла бы указывать год ее закладки». Если бы надпись Оненца высекалась в период посещения Епифания, то в ней нашла бы отражение должность Шахиншаха:после того, как Иванэ стал атабеком (он им назван в ованской надписи от 1219 г.), амирспасаларство и мандатуртухуцество были пожалованы Шахиншаху (этими титулами он назван в надписи на башне Мхитарича от 1215 г. в Ани)[24]. Следовательно, надпись Оненца высечена до того, как в том же 1215 году Шахиншах стал амирспасаларом и мандатуртухецесом. Дополнительным доказательством принадлежности Оненца к монофизитской конфессии может служить и тот факт, что в 1213 году он обновляет лестницы «великославной сей св. церкви Католикэ» (т. е. Соборной), о которой зашла речь выше, и делает значительные вклады (дарует «лавку в Каттноце», «две праздничные минеи и одну [Книгу] святого Григория, а также две серебряные чаши»)[25]. Сомневаться в идентичности упомянутого в этой надписи Тиграна с нашим Оненцом не приходится, ибо так о нем упоминает и одна из надписей построенной им церкви[26].

В надписи Тиграна Оненца говорится и о монастыре Бехенц: «Монастырь же, называемый Бехенц, устроенный и возобновленный мною, я обогатил всякими приношениями. Пусть попечители монастыря св. Григория заботятся о состоянии [и сего монастыря]». Нет нужды доказывать, что обе эти анийские обители, т. е. св. Григория и Бехенц, придерживались одной и той же конфессии. До недавнего времени ученые не располагали какими-либо сведениями о реальной культурной деятельности в обители Бехенц, но благодаря разысканиям А. Матевосяна выяснилось, что этот монастырь был довольно знаменитым скрипторием, в котором подвизались авторитетные писцы и художники Ани[27]. При настоятеле Елбайрике здесь переписана рукопись Евангелия (Матенадаран, № 5554), а в 1211 г., при том же настоятеле для украшения миниатюрами из Ахпата сюда было перевезено знаменитое «Ахпатское Евангелие», получателем которого является «служитель дома божьего иерей Саак», бывший «ученик св. обители Ахпата, родом и происхождением из великого стольного града Ани»[28]. В монастыре Бехенц рукопись была

[24] «Դիվան» I, էջ 2։

[25] «Դիվան» I, էջ 34։

[26] Там же, с. 64.

[27] Ա. Մաթևոսյան, Նշումներ Անի քաղաքի գրչության և մանրանկարչության, ԲՄ, № 14, Երևան, 1984, էջ 121—132։

[28] Գարեգին Հովսեփյան, Նյութեր և ուսումնասիրություններ հայ արվեստի պատմության, հատ. Ա, Երևան, 1983, էջ 255—256։

на редкость богато и содержательно украшена художником-миниатюристом и писцом иноком Маркарэ[29], затем переплетена в Оромосе мастером Авраамом и подарена получателем монастырю Арджоарич, ктитором строительства которого являлся сам получатель. Из этого примечательного факта следует, что монастырь Бехенц придерживался той же конфессии, что и монастыри Ахпата, Оромоса, Арджоарича.

В том же 1213 г. Тигран Оненц «верный слуга мандатуртухуцеса и амирспасалара Закарии, владыки моего», обновляет монофизитскую церковь Богородицы Хикоика «всем необходимым», даруя ей «приобретенную мною за деньги маслодавильню в одно колесо, находящуюся в Ани» и «один виноградник (сад) в Мармете, называемый Мджнайги»[30].

Таким образом, вопрос конфессиональной принадлежности церкви Тиграна Оненца и ее ктитора ясен—ни сам основатель, ни построенное им культовое сооружение не придерживались халкедонитства[31]. Мы уже говорили, что в своих характеристиках исследователи исходили и продолжают исходить из факта наличия фресок с грузинскими надписями. К тому же, по мнению Н. Я. Марра, изображенные из жизни Григория Просветителя сцены взяты именно из халкедонитской редакции. Правомерность этих заключений следует проверить опять-таки по реально существующим фактам. Тигран Оненц до мельчайших подробностей перечисляет те украшения, дары и вклады, которыми он снабдил основанную им церковь. Он ее «украсил множеством убранств», подразумевая под убранством «спасительные знамения—святые кресты из золота и серебра, образосодеянные иконы, отделанные золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом, лампады из золота и серебра, мощи св. апостолов-мучеников, частицу богоприемшего и господнего креста, всякого рода сосуды из золота и серебра и множество украшений». Как ни странно, об украшении церкви росписью он не говорит. Под тер-

---

[29] О художественных достоинствах работы Маркарэ см. Գ. Հովսեփյան, указ. соч., с. 266—290; Կ. Ա. Մաթևոսյան, Նկարիչ Մարգարեի արվեստը, ՊԲՀ, 1979, № 1, էջ 77—89, Կ. Ա. Մաթևոսյան, Հոռոմոս-Անի ճարտարապետների գանձեր կամարը, ՊԲՀ, 198., № 1, էջ 149—149.

[30] Գ. Ալիշան, Շիրակ, Վենետիկ, 1881, с. 129—130.

[31] Покупая «на свои честные средства» у вотчинников саму местность с часовней Богородицы, Тигран Оненц взял на себя заботу о «священнослужителях, построив «разнородные жилища» для монахов и князей (властей)». О присутствии братии при этом свидетельствует сохранившаяся на северной стене храма надпись: «Տէր Ներսէս՝ անապատին եպիսկոպոս. ՈԵ թվին»—„Владыка Нерсес—епископ пустыни. В лето 605 (=1156).

мином «хат-и» он понимает только иконы, которые, как сказано в надписи, «отделаны золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом». В других армянских источниках XIII века для икон употребляются также термины *նկար* (образ), *պատկեր* (изображение, образ), *կան* (икона)[32]. Обращение к грузинскому термину «хат-и», как нам представляется, несомненно, указывает на сферу влияния (в грузинской церкви они (иконы) почитались с особым усердием, на что указывают сохранившиеся немалочисленные образцы) и еще на то, что этот термин широко был известен в армянской среде. Все это вовсе не значит, что вместе с термином строитель церкви ввел нечто новое в культовые представления армян. Комментируя сообщение Вардана Великого о том, что при приобретении г. Ани Фадлун уплатил Алпарслану *«ոսկիակուռ նկարս ծաղկոցին»*, Н. Я. Марр счел нужным заметить: «...сообщение Вардана может объяснить нам одну из причин скудости в армянских церквах украшений: древние столицы грабились и разорялись, а в нововоздвигаемых и возобновляемых церквах избегали показного, бьющего в глаза великолепия, которое могло служить лишь приманкой для алчных грабителей, утверждавшихся в Армении врагов христианства. В древности же благолепию внутри армянских храмов служило и богатство и искусство, и в этом отношении иконописание занимало далеко не последнее место. Правда, участь, постигшая католикоса Ваһана, или Ваһаника, в X веке—он был соборне осужден и бежал в Васпуракан,—приводится в связь с тем, что католикос, вводя в армянскую церковь грузинские порядки, помещал икону на престол *(ի վերայ սեղանոյն)* и воспретил служить в церквах без икон на престоле (Ст. Орбелин, Парижск. изд., стр. 32, и особенно Московск. изд., стр. 211), но в этом обстоятельстве нужно усматривать недовольство армян лишь обрядовыми новшествами и отнюдь не гонение на иконы, раз, по словам Фомы Арцруни (СПб., 1887, стр. 299...) в десятом же веке в Ахтамарской церкви, на острове Ванского озера, Гагик Васпурский «чудо как отделывает святая святых в нижней части; нарядно расписывает красками, оковывает двери серебром и (наделяет) в изобилии златотканными узорочьями, образами в золотых окладах *(ոսկեպատ պատկերօք)*, драгоценными камнями, нарядными вещами, усаженными жемчугом, и разного рода замечательной, великолепной утварью»[33].

[32] См. *«Հաւաքումն պատմութեան Վարդանայ վարդապետի»*, *էջ 103*, *«Պատմութիւն նահանգին Սիսական»*, *էջ 288*. Краткий обзор источников и литературы см. *Յ. Քիւրտեան, Ակնարկ մը հայ մանրանկարչութեան պատմութեան*, *«Բազմավէպ»*, *1978, № 1—2, էջ 134—144*.

[33] *Н. Марр*, Новые материалы по армянской эпиграфике, с. 86—87.

Грузинский термин «хат-и» не отличается однозначностью и особой унифицированностью[34], но контекст надписи Оненца совершенно конкретно указывает на применение этого термина в значении «иконы».

Наличие иноязычного термина никак не может служить доказательством иноэтнического происхождения мастера, инокультурной принадлежности произведения искусства. Так, к примеру, автор фресок церкви Спасителя в Ани, как уже говорилось, именовался «фаршиком», но нельзя же полагать, что художник Саргис был персом, а осуществленные им росписи персидскими! По сведениям Ст. Орбеляна, сюнийский епископ Акоп в 930 г. «велел привести из далекой страны рисовальщиков *([զ]նկարիչս)* и варахов *(զվարազս)*, что значит художник, родом из франков», которые покрыли Татевский монастырь росписью «сверху донизу»[35]. Какой бы полисемантичностью ни отличался термин «франк», эти мастера не могли одновременно быть и арабами (исходя из наименования их профессии) и франками (выходцами из западноевропейских стран). В одной армянской надписи из Давид Гареджа понятие «рисовать фрески» передано персидским выражением ساج کردن (садж кердан)[36], но ни мастера не были персами, ни фрески исламскими. Следовательно, одного термина «хат-и» недостаточно, чтобы Оненца считать носителем грузинской традиции или, тем более, приверженцем грузинского толка христианства. Последнее обстоятельство устанавливается еще одним косвенным доказательством его надписи. По разным источникам достоверно известно, что в освобождении г. Ани, как и всей Северной Армении, наравне с Закарией, велики заслуги Иванэ, брата Закарии, но Тигран Оненц почему-то упоминает

---

[34] См. ილ. აბულაძე, ძველი ქართული ენის ლექსიკონი, თბ., 1973, გვ. 561.

[35] *«Պատմութիւն նահանգին Սիսական»*, с. 256—257. В вышедшей за последние годы литературе «варахов» из сочинения Ст. Орбеляна называют «заврахами», «зорахами» (см. *С. С. Манукян*, Фрески в Татевском монастыре в Армении, «Памятники культуры», Новые открытия, Ежегодник, 1975, М., 1976, с. 136; ср. Ս. Ա. Ավագյան, указ. соч., с. 331). Однако Н. Я. Марром давно отмечено, что զ (з) в начале слова является показателем аккузатива, «аврах» же вместо «варах»—самой обыкновенной метатезой, следовательно, мы дело имеем не с греческим «зографом», а арабским словом ورق (варах)—«покрывать, оклеивать бумагой, обоями» (ср. *Н. Я. Марр*, Ани, с. 132). Слово это *(վարագ, վարագան)* несколько раз встречается в стихах Саят-Новы (см. Ա. Կ. Փոլոյան, *Սայաթ-Նովայի հայերեն խաղերի բառարան, Երևան, 1963, էջ 170)*.

[36] Примечательно, что заимствованные армянами два персидских термина فرش и ساج выступали и как композиты одного выражения—ساج فرش—метаф. снежный покров, снег (ср. арм. *ձյան սավան)*.

только «могущественного и вседержательного амирспасалара и мандатуртухуцеса Закарию и сына его Шахиншаха». Такое определение было бы вполне понятным, если бы можно было заключить, что Иванэ не имел отношения к Ани или, хотя бы, если надпись высекалась при жизни Закарии. Но в 1215 году его уже не было (помимо других источников, на это указывает и текст надписи Онеица, в котором сказано: «...дабы велось беспрепонное богослужение на долгоденствие моих владык—Шахиншаха и чад его»), Шахиншах же еще не успел унаследовать отцовскую должность амирспасалара. Следовательно, Иванэ был реальным вершителем дел «Великой Армении», говоря словами грузинского хрониста «сидящим на месте армянских царей»[37]. Этот грузинский источник владетелями Ани считает обоих братьев—Закарию и Иванэ, воспользовавшись отсутствием которых (რამეთუ უწყოდა მჴარგრძელთა შინა უყოფლობაჲ)[38], на Ани напал султан Ардебильский. Напрашивается вывод, что Онеиц, не упоминая Иванэ, проявил конфессиональное пристрастие: Закария для него был не только владетелем города и края, «верным слугой» которого он себя считал, но и приверженцем национальной церкви, монофизитом, и в новопостроенной церкви «беспрепонное богослужение» должно быть посвящено его наследнику—Шахиншаху, а не халкедониту Иванэ[39]. Очевидно, в 1215 г. Шахиншах все еще оставался приверженцем «веры отцовской».

Итак, Тигран Онеиц, «богатый анийский князь» и строитель церкви Григория Просветителя, не был халкедонитом, а в пространной строительной надписи нет указания на украшение церкви фресками[40]. Думается, что церковь была расписана позже, при

---

[37] ქ. ც., II, 55; русский перевод см. კ. კეკელიძე, ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან, ტ. XII, თბ., 1974, გვ. 203.

[38] ქ. ც., II, 100. Дословно: «...ибо знал, [что] Мхаргрдзелов ***нет дома»*, т. е. в Ани. В переводе К. С. Кекелидзе подчеркнутое нами выражение передано как «отсутствовали» (указ. соч., с. 226), что в сущности верно, но без сохранения интересующего нас оттенка.

[39] Источники содержат противоречивые сведения о времени перехода Иванэ в лоно грузинской церкви. «История и восхваление венценосцев» относит это к периоду патриаршества католикоса Иоанна V (1208—1210) (ქ. ც., II, 90), Киракос Гандзакеци же—периоду до 1204 г. (см. Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմություն Հայոց, աշխատասիրությամբ Կ. Մելիք-Օհանջանյանի, Եր., 1961, с. 177). Автор этих строк полагает, что это имело место к концу XII в., до появления грузинской надписи в Тежаруйке (см. *Պ. Մ. Մուրադյան*, указ. соч., с. 119—130).

[40] Принадлежность Онеица к халкедонитской церкви решительно и последовательно отрицал Т. Тораманян, на доводы которого, к сожалению, последу-

ее обновлении, когда она перешла в руки халкедонитов-армян. Совершенно прав был Н. Я. Марр, утверждая, что зачастую обновление культового сооружения сводилось к тому, что «халкедониты снабжали церковь росписью». Халкедонитская принадлежность фресок церкви Оненца устанавливается прежде всего наличием пояснительных записей на грузинском языке. Немаловажным представляется и тот факт, что в фресках изображена и св. Нино, просветительница Грузии. Но и одних этих обстоятельств недостаточно, чтобы признать фрески халкедонитскими. Известно, например, что грузинские пояснительные записи сохранились и на нескольких изображениях в Ахпате, но этот очаг армянской культуры всегда оставался в руках монофизитов-армян, хотя какие-то уступки халкедонитам, вернее халкедонитским веяниям, вероятно, были сделаны, почему и сподвижники монастыря получали упреки от киликийских армянских деятелей[41]. Изображение Нино могло быть продиктовано и книжной традицией армян, согласно которой она была сподвижницей Рипсимиянок и самого Григория Просветителя, иллюстрации жизни которого посвящены фрески западного крыла церкви. Н. Я. Марр убежденно говорил о халкедонитской принадлежности самой церкви Оненца и ее фресок потому, что халкедонитской считал обнаруженную им самим арабскую редакцию Жития Григория Просветителя, а в росписи этой церкви он находил сцены, иллюстрирующие пассажи именно из этой редакции. Вслед за Н. Я. Марром эту атрибуцию повторяют почти все исследователи стенной живописи церкви Оненца. Н. Я. Марр был прав, когда текстуальные объяснения к сценам фресок искал и находил в изданной им редакции Жития святого, но не подтвердились его тезисы относительно халкедонитского происхождения этой редакции. Обнаруживший греческий подлинник арабского перевода Жития Григория Ж. Гаритт не усмотрел в нем ничего такого, что могло бы указать на халкедонитскую среду образования Жития[42]. На это не указывает и выявленный в последние годы новый список арабской редакции Жития[43], поэтому более чем странно, что Н. Тьерри, не разбиравшаяся во взаимоотношениях разноязычных и разнотипных редакций сочинения о Григории и считавшая, что «связи, существую-

---

ющие исследователи не обратили внимания (см. Թորոս Թորամանյան, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, աշխատությունների ժողովածու, (Ա), Երևան, 1942, էջ 100—103, 164.

[41] Գ. Մ. Մաթևոսյան, указ. соч., с. 192—194.

[42] *Gérard Garitte*, Documents pour l'etude du livre d'Agathange, Vatican, 1946.

[43] См. ИФЖ, 1973, № 1, с. 229—236.

щие между ними, интересны филологам, чем иконографам», заявляет, будто «все авторы, занимавшиеся происхождением Агафангела, были поражены халкедонитским подтекстом, который в нем прослеживается, даже если он еще ясно не определен»[44]. Халкедонитство не ересь, чтобы его искать в подтексте, к тому же Григорий был деятелем IV века и в интерпретации его деяний конфессиональные соображения последующих веков не могли искать себе идеологическую опору. Культ Григория и сфера его деятельности были одинаково почитаемы и признаны как армянами-халкедонитами, так и армянами-антихалкедонитами[45].

После издания в 1946 году книги Ж. Гаритта о «происхождении Агафангела» написано множество исследований, но никто из их авторов не «поражен халкедонитским подтекстом», ибо такого текста и подтекста просто нет. Тезисы Н. Я. Марра в этом вопросе не подтвердились, и Н. Тьерри напрасно от имени «всех авторов» их ищет в «подтексте». Уж коль зашла речь об Агафангеле и редакциях Жития Григория Просветителя, то считаем нужным обратить внимание на следующий факт: популярность Григория и повествовавшего о нем сочинения нашла отражение не только в посвящении новопостроенной церкви Григорию и в иллюстрациях эпизодов из его жизни в виде фресок, но и в том, что в 1213 году Тигран подарил Соборной церкви «одну [Книгу] святого Григория». Из сообщения Лазаря Парбского мы знаем, что сочинение Агафангела, исходя из его содержания, «называют Книгой Григориса» *(յորոյ անուն և գրքուն անուանեալ կոչեն Գրիգորիսի)*[46], но впоследствии это название в официальной историографии было предано забвению и книгу стали указывать исключительно по имени автора—Агафангела. И вдруг, неожиданно, в надписи Тиграна всплывает это старое название—*«Սուրբ Գրիգորն» (=Գիրք սրբոյն Գրիգորի,* или *Սուրբ Գրիգոր-գիրք)*[47]. Едва ли такой факт может быть случайным: авторство Агафангела не сохранили именно те редакции, которые принято называть Житиями (в греческом: «Житие и мученичество святого и прославленного священомученика Великой Армении Григория»; в арабском: «Это житие святого Григориса (Агригуриса), который про-

---

[44] *Николь Тьерри*, указ. соч., с. 9.

[45] О культе Григория см.: *П. М. Мурадян*, Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя, «Кавказ и Византия», вып. 3, Ереван, 1982, с. 5—20.

[46] *Ղազարայ Փարպեցւոյ Պատմութիւն Հայոց և Թուղթ առ Վահան Մամիկոնեան, աշխատասիրութեամբ Գ. Տէր Մկրտչեան և Ստ. Մալխասեան, Տփղիս, 1904, էջ 1.*

[47] Аналогами такого названия являются: *«Սարգիս գիրք», «Վարդան գիրք»* и т. д.

поведовал (обучал) в Армении/Арминии) и ее провинциях. Да сохранит нас его заступничество. Аминь»). По-видимому, Тигран подарил один из армянских списков несохранившегося до наших дней оригинала Жития Григория. Если бы оно представляло халкедонитскую редакцию, то ее нельзя было преподнести армянской Соборной церкви и сам бы Тигран воздержался от подобного шага, ибо он был движим чувствами благодетеля, а не распространителя соблазна в родной церковной среде. Впоследствии мастера фресок располагали именно житийным текстом, как это установлено Н. Я. Марром, а текст этот содержался в списке, преподнесенном Тиграном, откуда и могли его взять заказчики и исполнители фресок. Но когда именно им понадобился этот список, т. е. когда был расписан храм?

Все исследователи церкви Тиграна Оненца отмечают, что позже к храму был пристроен притвор, «представляющий собой открытую арками с трех сторон галерею»[48]. Эту пристройку Н. Я. Марр называет «портиком с резко-мусульманскою орнаментацией капителей колонн»[49], И. А. Орбели—«притвором и приделом»[50], Н. Тьерри—«нартексом и северным приделом»[51]. Существующий терминологический разнобой нисколько не меняет положения вещей: речь идет о той поздней пристройке, о которой, как и следовало ожидать, нет речи в строительной надписи Оненца и которая в полуразрушенном виде сохранилась до наших дней (она хорошо смотрится и с левого берега реки Ахурян). В литературе не говорится о дате возведения этой поздней пристройки, но имеющаяся эпиграфика церкви позволяет установить ее: на восточной стене храма сохранилась надпись, в которой говорится: *Ի ԹՈՒԻՆ Չ, ԺԱՄԱՆԱԿ ԱԹԱԲԱԿ ԱՄԻՐՍՊԱՍԱԼԱՐ ՇԱՀՆՇԱՀԻ ՇԻՆԵՑԱՒ ՍՈՒՐԲ ԵԿԵՂԵՑԻՍ*[52]—«*В лето 700 (=1251 г.). При атабеке амирспасаларе Шахншахе была построена сия святая церковь*». Нет нужды доказывать, что речь идет о строительстве именно этой «поздней пристройки», ибо история строительства самого храма

---

[48] *В. М. Арутюнян.* Город Ани. Ереван, 1964, с. 64.

[49] *Н. Я. Марр.* Ани, с. 86.

[50] *И. А. Орбели.* Избранные труды. Ереван, 1963, с. 126.

[51] *Николь Тьерри*, указ. соч., с. 1. По Х. Ф. Б. Линчу «Портик прибавлен позже и носит чисто мавританский характер. Он украшен несколькими орнаментами высокого достоинства, между прочим, и обратил бы внимание читателя на зигзагивидное изваяние, столь обычное в норманской архитектуре» («Армения». Путевые очерки и этюды Х. Ф. Б. Линча, т. I, Тифлис, 1910, с. 479—480).

[52] *«Դիվան հայ վիմագրության», I, 64։*

хорошо известна по надписи Оненца[53]. К тому же, если бы надпись подразумевала строительство отдельно стоящей церкви или церковного сооружения, то не помещалась бы она на стене этого храма. Очевидно и другое: «строительство» или «обновление» (зачастую оба эти понятия передаются одним термином — շինել — строить) каким-то образом коснулось и храма Оненца, почему и в надписи говорится о церкви.

Итак, теперь мы знаем точную дату строительства притвора церкви Оненца, который также расписан. И. А. Орбели констатировал, что в «притворе особенно интересна композиция страшного суда с землей в образе женщины, сидящей на льве»[54], однако из слов ученого не ясно, каким именно временем он датирует фрески притвора. Относительно фресок им сказано следующее: «Как храм, так и притвор были расписаны очень хорошо исполненными фресками» и что «судя по самым фрескам, так и по одному указанию в надписи Тиграна Оненца о построении церкви, фрески относятся ко времени сооружения храма»[55]. Но, как мы убедились, в надписи говорится об иконах, а не росписи, следовательно либо храм и притвор расписаны одновременно, т. е. не раньше 1251 г., либо храм расписан еще до строительства притвора, но не ранее 30-х годов того же XIII века. При определении terminus a quo мы исходим из того факта, что строитель церкви и автор надписи Тигран Оненц к тому времени еще здравствовал: в строительной надписи анийской Башни Елбайрика от от 1222 г. сообщается, что строитель является «слугой владыки моего Тиграна», «милостью которого построил сей памятник»[56].

Вопрос датировки фресок притвора вскользь затронут также Н. Сычевым, Н. Окуневым, Д. Гордеевым и Т. Тораманяном. По мнению первого из них эти фрески относятся к «первой четверти XIII в.»[57] и вместе с фресками раскопанной в 1892 г. церкви из Ани указывают на то, что в «начале XIII в. в армянской живо-

---

[53] Крупнейший исследователь истории армянской архитектуры Т. Тораманян, не располагая текстом этой надписи, строительство притвора датировал на 40—50 лет позже самой церкви, что почти совпадает с имеющейся датой приведенной надписи (см. Թ. Թորամանյան. указ. соч., с. 159).

[54] *И. А. Орбели.* Там же.

[55] Там же.

[56] «Շիրակ», I, с. 7. Кстати, этого Елбайрика едва ли можно идентифицировать с настоятелем монастыря Бехенц Елбайриком, ибо строитель башни говорит о своих сыновьях, настоятель же, должно быть, был монашествующим лицом.

[57] *Н. Сычев.* Анийская церковь, раскопанная в 1892 г., Х. В., I, вып. 2, СПб., 1912, с. 219.

писи появляются новые художественные течения, значительно отступающие от местных традиций и знакомые с лучшими приемами декоративного искусства»[58]. Почти такую же датировку находим у Н. Окунева: «Несколькими годами лишь, вероятно, позднее основания храма, к нему с западной стороны был пристроен притвор и сбоку маленькая часовенка. Притвор этот... также был расписан, но роспись его стилистически значительно отличается от росписи самой церкви, а содержание ее составляет, наряду с несколькими сценами из евангелия, большая картина страшного суда»[59]. Д. Гордеев уверен, что фрески притвора «иной руки чем роспись внутри основного здания, но, судя по стилю, не отстоят от нее на очень уж значительном расстоянии по времени возникновения»[60].

По просьбе Т. Торамаияна сравнительным анализом росписей церкви и притвора занимался художник Е. Тадевосян. Его заключение также сводилось к тому, что фрески этих двух помещений — дело рук разных мастеров, притом роспись притвора «весьма нова»[61]. И поскольку сведение строительной надписи Онеина об украшении церкви «образосоденными иконами» Т. Торамаиян, вслед за И. А. Орбели, относил к фрескам, то полагал, что после перехода церкви в руки армян-халкедонитов роспись была обновлена и снабжена грузинскими пояснительными записями[62].

Отмеченные специалистами особенности росписи притвора (яркость красок, стилистические отличия, самостоятельная разработка замысла схемы) скорее являются результатом работы иной группы художников, учитывающих функциональные отличия притвора и специфику его освещения, чем доказательством хронологической оторванности. На это указывает хотя бы тот факт, что фрески притвора также сопровождались грузинскими и отчасти греческими пояснениями. Если исходить из палеографических характеристик грузинского асомтаврульного письма записей храма, совершенно определенно можно утверждать, что они сделаны в один и тот же период, но руками разных каллиграфов. Так, вытянутость и извилистость выступов графем надписи на сцене мученичества Григория «чахрагами» совершенно чужды

[58] Там же.

[59] *Н. Окунев,* Город Ани. «Старые годы», ежемесячник для любителей искусства и старины, октябрь, СПб., 1912, с. 11.

[60] *Д. П. Гордеев,* Отчет о поездке в Ахалцихский уезд в 1917 г., «Известия КИАИ», т. I, Пг, 1923, с. 9.

[61] Թ. Թորամանյան, указ. соч, стр. 160.

[62] Там же, с. 163, 164.

графемам надписей из цикла жизнеописания Нино. Надпись на сцене мученичества Рипсиме и Гаяне одинаково отличается от двух вышеназванных (ср. ვ, ლ, რ, ს). Графемы надписи притвора ს(ა)ფლ(ა)ვს დადებ(ა)ჲ — «Положение в могилу» во многом идентичны с графемами надписи Рипсиме и Гаяне (ср. ე, ლ, ს, ც)[63]. Конечно, тут могут быть разные толкования, но едва ли резонно полагать, что те или другие надписи не синхронны фресковым изображениям. Как было сказано выше, фрески притвора Н. Сычев относит к тому же направлению, что и роспись раскопанной в 1892 г. церкви, но он же отмечает, что в той церкви сопровождающие надписи были нанесены на армянском языке, следовательно это дело рук не одних и тех же мастеров, хотя и нельзя исключить и такую возможность, что одна и та же группа мастеров, исходя из конфессии культового сооружения и заказчика, в одном случае делала записи на армянском языке, в другом—на грузинском. Как бы то ни было, притвор церкви Тиграна Оненца расписан не раньше 1251 г. и, по всей вероятности, одновременно с храмом.

Приведенная выше надпись от 1251 г. примечательна и с точки зрения политическо-административной истории Армении и Грузии. Мы уже говорили, что при атабеке Иванэ Шахншах стал амирспасаларом. Он им же оставался при преемнике Иванэ Аваке, но после смерти последнего (1250 г.), как теперь выясняется, атабеком стал Шахншах, а не его сын Закарэ, как того можно было бы заключить из слов Гандзакеци[64]. Высказанное нами предположение относительно должности Закарэ теперь оказывается подтвержденным[65]. Когда именно Шахншах и члены его семьи перешли в лоно халкедонитства—трудно сказать. Вероятно, это произошло до того, как в 1224 году Иванэ отправил письмо на имя папы Онория III, в котором говорилось: «Мой племянник Шахншах, владетель 15 больших городов, покорно склоняет голову перед Вами и просит Ваше благословление»[66]. В XIII веке халкедониты Грузии и Армении в расхождениях католиков и православных особенно не разбирались, почему и себя считали единоверцами папы. Спустя четыре года после «публикации» рассматриваемой нами надписи в Ани побывал и с Шахншахом и с членами его семьи беседовал Рубрук, которому они заявили, что

---

[63] Е. Тадевосян и А. Фетвачян пришли к выводу, что надписи на фресках церкви и притвора сделаны одновременно (см. Թ. Թորամանյան, указ. соч., с. 163, прим. 1).

[64] Կիրակոս Գանձակեցի, указ. соч., с. 321.

[65] Ա. Մանուչարյան, указ. соч., с. 232.

[66] См. მ. თამარაშვილი, ისტორია კათოლიკობისა ქართველთა შორის, გვ. 9, 12.

«они являются последователями (детьми) римской церкви, и если папа им окажет некоторое содействие, то они [римской] церкви подчинят все соседние страны»[67]. Такая готовность, разумеется, продиктована не только политической, но и конфессиональной ориентацией. Если Шахиншах готов обратить «все соседние страны», то он, что и говорить, еще с большим старанием в халкедонитство обращал монофизитов своего владычества. И вот, халкедонизация церкви Тиграна Оненца является иллюстрацией конфессиональной политики «владетеля 15 больших городов» Армении. Не менее усердными приверженцами этого толка были члены его семьи: известно, что его жена отняла у монофизитов-армян монастырь Кобайр и превратила в халкедонитскую обитель[68], а их сын инок Георгий стал ее настоятелем[69]. Сам Шахиншах и его жена оказались похороненными в Кобайре, где, как установлено И. Р. Дрампян, сохранились их фресковые изображения[70].

Пристройка притвора с орнаментацией капителей колонн и украшение самого храма вместе с притвором росписью в 1251 году свидетельствуют о значимости церкви Оненца в глазах владетелей города и края. Но, пожалуй, лучшим доказательством как халкедонитской конфессии новых патронов, так и их внимания к этой обители является факт захоронения амирахора двора Шахиншаха Атабека в самой церкви, «перед алтарным возвышением»[71]. Грузинская эпитафия гласит:

ესე ს(ა)ფლ(ა)ვი შა-
ნშეს ამირ(ა)ხ(ო)რ-
ის ათ(ა)ბ(აგი)სი. შ(ეუ)ნ(დ)ე(ნ)ნ ღ(მერთმა)ნ.

Перевод: «**Это могила амирахора Шанше Атабака. Да помилует бог**».

Следовательно, церковь Тиграна Оненца с 50-х годов была обращена в родовую усыпальницу Атабака, занимающего должность амирахора в администрации Шахиншаха. Тут же имеются и другие могилы, но без сохранившихся эпитафий. О личности Атабака и его этнической принадлежности пока ничего не известно, кроме того, что он являлся амирахором, был халкедонитом. Спустя полвека, а именно в 1310 году, заботу о церкви Оненца прое-

---

[67] См. Հովհ. Հովսեփյան, Խաղբակյանք-Պռոշյանք, հատ. Ա, Երևան, 1928, էջ 39.
[68] **Կիրակոս Գանձակեցի**, указ. соч., с. 253.
[69] **Գ. Սարգսյան**, указ. соч., с. 172—175.
[70] *Н. Р. Дрампян*, Фрески Кобайра. Ереван, 1979, с. 12—13 (ср. табл. 35).
[71] *Н. А. Орбели*, указ. соч., с. 125; ср. **Թ. Թորամանյան**, указ. соч., с. 163.

вило еще одно должностное лицо княжеского рода Шахншаха— мцигнобартухуцес Матэ. У южного угла восточной стены церкви сохранилась оставленная этим Матэ и его супругой Стэни надпись:

ԹՎ(ԻՆ) ՉԾԹ։
ԱԹԱԳԱԳԻ ԱՄԻՐՍՊԱՍԱԼԱՐ
ՇԱՀԱՆՇԱՀԻ ՄԾԻԿՆԱՒՐԱՐԹՈՒ-
ԽՈՒՑԷՍ ՄԱԹԷՍ ԵՒ ԻՄ ԿԷՆԱՑԿԻՑ ՍԹԷՆԻ
ԵՒ ԻՄ ԵՂԲԷՐ ՄԱՐԿՈՍ ՅԱՅՍ ԺԱՄՍ, ՈՐ
ՊԱՐՈՆ ՈՂՈՐՄԵՑԱՒ ԶՎԱՆՔՍ ՄԵԶ ԷՐԵՑ,
ՎԱՂ ԲԱՐԷՊԱՇՏ ՏԻԳՐԱՆ ՋՈՒՐ ԷՐ ԲԵՐԵԼ
Ի ՎԱՆՔՍ ՈՒ Ի ՑԱՆՏԻՐՈՒԹԵ(Ն)Է ԽԱՂՏԵԼ ԷՐ
ՈՒ ԿՏՐԵԼ։ ՄԵՔ ՎԱՍՆ ԱՐԵՒՇԱՏՈՒԹԵ(ԱՆ) ՊԱՐ-
ՈՆ ՇԱՀԱՆՇԻ ԵՒ ԽՈՒԱՆԴԶԻՆ ԵՒ ԻՐԵՆՑ
ՈՐԴՈՒՆ ԶԱՔԱՐԻ ԵՒ ՎԱՍՆ ՄԵՐ ՀՈԳՈՒՍ ՅԻՇ-
ԱՏԱԿ ԲԵՐԱՔ ՋՈՒՐՍ ԵՒ ՀԱՍՏԱՏԵՑԱՔ։
ՅԻՇԵՑԷՔ Ի ՔՐԻՍՏՈՍ[72]։

Перевод: *«В лето (759 (=1310 г.). Я—мцигнобартухуцес атабага—амирспасалара Шахншаха Матэ, и моя супруга—Стэни, и мой брат—Маркос. В настоящее время, когда парон смилостивился, нам передал сей монастырь, в который ранее богоугодный Тигран провел воду, но из-за безначалия [водоснабжение] было нарушено и прекращено. Во имя долгоденствия парона Шахншаха и Хунды и их сына Закара и ради памяти наших душ, мы привели воду сию и утвердили. Помяните во Христе».*

Упоминаемые в надписи члены княжеской семьи науке хорошо известны по многим эпиграфическим и нарративным источникам. Этот Шахншах является внуком Шахншаха I, сыном Иванэ II и братом Агбуги, Ваграма, Арташира. Талинская надпись от 1307 года его называет амирспасаларом[73], анийская же от 1320 года (год его смерти)—атабеком[74]. Фактически он занимал обе должности, как это явствует из приведенной надписи. Мцигнобартухуцес Матэ получает церковь Тиграна Оненца от самого Шахншаха II, а это значит, что до того она принадлежала самим

[72] «Դիվան հայ վիմագրության», I, 64։
[73] См. Գ. Սարգսյան, указ. соч., с. 104—105.
[74] Там же, с. 56.

владетелям края, которые могли ее передать то амирахору, то чиновнику более высокого ранга—мцигнобартухуцесу, единоверным халкедонитам из Ани. В силу каких обстоятельств они ее отнимали у одного и передавали другому—трудно сказать, но, кажется, конфессиональный и иного характера контроль осуществляли потомки Шахншаха I—Иванэ II, Шахншах II и Закарэ, дабы «из-за безначалия» (յանտերութենէ) обитель не была бы запущена. Последняя датированная надпись относится к 1345 году (находится «над купольным входом»), в которой упомянут некий Спандиар—ԹՎ. ՉՂԴ: Սպանդիարս յիշեսջիք ի [illegible] որ յաղաւթս. որ աստուած ձեզ յիշէ—«В лето 794 (=1345 г.) Помяните меня—Спандиара в святых молитвах ваших, дабы помянул бы вас бог». Кто такой этот Спандиар—очередной патрон церкви, член братии или обыкновенный пилигрим?—определенно не поддается.

Имеющиеся здесь остальные армянские надписи[75] не содержат данных, пригодных для исследования истории этого великолепного архитектурного культового сооружения. Быть может, упомянутые в них лица и причастны к каким-то событиям, касавшимся обители, но отсутствие дополнительных источников лишает эпиграфиста возможности раскрыть содержащуюся в них информацию, хотя само их существование уже свидетельствует о продолжительном интересе армян к этому памятнику как в период монофизитской конфессии, так и халкедонитской[76]. Обусловленные политической историей, конфессиональные перемены нисколько не равнозначны этническим, поэтому памятник был и остается армянским, независимо от того, кто служил в обители литургию—армяне-халкедониты или армяне-монофизиты. Приверженцы халкедонитского толка, как бы монофизиты их ни называли «ромеями» или «грузинами», продолжали оставаться ревнителями общеармянской национальной культуры, как о том сви-

[75] Ими являются:

а) Надпись на стене часовни (придела?):

Չարուխս յիշեցէք ի Ք(րիստոս)ի—„Меня—Чаруха, помяните во Христе".

б) Надпись на хачкаре вблизи церкви:

[illegible]—„Во имя бога я, Иова(н)эс,— сын Чортванека, водрузил этот крест".

От идентификации Чаруха и Чортванека мы воздерживаемся, ибо не располагаем фотокопией надписей, их палеографическим описанием, следовательно, их можно датировать лишь предположительно.

[76] По мнению Т. Тораманяна, впоследствии церковь перешла в руки армян-монофизитов (указ. соч., с. 163), однако для такого заключения армяноязычность надписи Матэ недостаточна. Судя по форме имени, халкедонитом мог быть и сам Матэ (груз. მათე).

детельствует колофон книжника-халкедонита XIII века Симеона Плиндзаханкеци[77].

Таким образом, если попытаться резюмировать проведенный выше критический анализ, нужно констатировать, что наряду с Плиндзаханком (Ахтала) и Кобайром, отнятых у армян-монофизитов атабеком Иванэ и женой Шахиншаха I, церковь Тиграна Оненца является третьей обителью, перешедшей к халкедонитам. Произошло это в 50-е годы XIII века по инициативе или с одобрения владетеля края Шахиншаха I, сына приверженца конфессии национальной церкви амирспасалара Закарии. Тут кстати вспомнить марровскую характеристику, данную им в связи с определением конфессии Плиндзаханка: «Известно, что монастырь Пгидзаһанк, армянский, одно время антихалкедонитский, армянином князем Иванэ Долгоруким, присоединившимся к халкедонитской, т. е. греко-православной церкви, был обращен в халкедонитский, по тогдашней местной терминологии — грузинский. Понятно, как сам князь Иванэ с присоединением к халкедонитской церкви не переставал быть армянином, так монастырь продолжал быть армянским; с переходом к армянам-халкедонитам для монастыря облегчалось лишь культурное общение с грузинами»[78]. Сказанное всецело относится и к церквам (точнее монастырям) Кобайра и Тиграна Оненца. В последнем случае общение с грузинским культурным миром выражалось в грузиноязычности пояснительных записей на части фресок, особенно в западном крыле интерьера, и в высечении двух-трех кратких грузинских надписей на стенах обители. Выше мы привели эпитафию амирахора Шахиншаха I Атабака, тут же считаем нужным привести остальные лапидарные тексты (в свое время они были прочитаны и переписаны историком Дм. З. Бакрадзе. Из «Дневника» ученого их извлек и опубликовал В. И. Силогава)[79].

I. Надпись «на западном фасаде, под углом фронтона на камне крест, выветрившийся. Сохранилась лишь одна форма его» (Дм. З. Бакрадзе):

---

[77] Ն. Ակինեան, *Սիմէոն Պղնձահանեցի և իր թարգմանութիւնները վրացերէնէ, Վիեննա, 1951, էջ 23—24*; ср. Պ. Մուրադյան, указ. соч., с. 208—211.

[78] *Н. Я. Марр*, Иоанн Петрицский, грузинский неоплатоник XI—XII века, СПБ., 1909, с. 8—9.

[79] ვ. სილოგავა, სომხეთის ქართული ეპიგრაფიკული ძეგლების შესწავლის ისტორიიდან, „მაცნე", ენისა და ლიტ. სერია, 1980, 2, გვ. 151. ср. *П. М. Мурадян*. К критике и интерпретации грузинской эпиграфики Армении, „მაცნე", ენისა და ლიტ. სერია, 1981, № 3, с. 175.

ძლევის ძალის მომც(ე)მ(ე)ლი.
მეფე ბ(ა)გრ(ა)ტ, ლიპარიტ
მწედ ტ(ი)გრან ც(ე)ფისა,
ქრ(ონიკო)ნი სი.

Перевод: **«Даритель силы победы. Царь Баграт, Липарит в помощники царя Тиграна. Хроникона 210 (=990 г.)».**

Первая строка—«Даритель силы победы»—в интерпретации не нуждается: это обыкновенное и отчасти трафаретное обращение к кресту—символу христианскому. Насколько правильно прочитана дата хроникона—трудно сказать: в 990 году не было «западного фасада и фронтона» ни церкви (построена она в 1215 г.), ни притвора (1251 г.). Остается полагать, что «камень-крест», т. е. хачкар, был вделан в стену снесенной Оненцом часовни Богородицы и при возведении нового сооружения его поместили «на западном фасаде, под углом фронтона». Место высечения надписи (на хачкаре) и упоминание в ней армянского царя Тиграна указывают на местную армянскую среду, как бы дата ни была сомнительна. Но загадочной остается сама мысль, выраженная сознательным анахронизмом—исторические лица конца X века (Баграт III и кламекарский князь Липарит) вступают в помощники царя I века до н. э. Тиграна. Если предположить, что составитель надписи армянского царя Тиграна считал «патроном» строителя церкви Тиграна Оненца, то как быть с датой (990 г.) и причем тут враждующие между собой Баграт и Липарит? У нас нет уверенности в правильности предлагаемого Дм. З. Бакрадзе чтения, поэтому предпочитаем воздерживаться от более обстоятельной интерпретации. Следует, однако, сказать, что появление грузинской надписи в столице Багратидов раньше XII века никак не вписывается в контекст той суммы фактов и реалий, которыми историк располагает на сегодняшний день.

2. «Южный фасад. Фальшивые ниши в арках» с краю пространной армянской строительной надписи:

ნ(ა)თელს შ(ეიწყალე)ნ ღ(მერთმა)ნ.

Перевод: «Да помилует бог Нателу».

Натела, судя по имени,—грузинка, посетившая церковь Оненца и оставившая поминальную надпись.

Ни одну из этих двух надписей нельзя связывать с халкедонитской конфессией обители, ибо мы знаем множество такого рода надписей, оставленных армянами-пилигримами на стенах грузинских церквей (Атени, Уплисцихе, Гареджа). Более того, на стенах культовых памятников Армении и Грузии немало и арабских, персидских надписей поминального содержания, свидетельствую-

ние о посещении этих памятников приверженцами ислама (Звартноц, Талин, Уплисцихе, Атени, Гареджа).

Мы уже не раз говорили, что при этно-конфессиональной характеристике как росписи, так и самого культового сооружения исследователи в основном исходили из факта наличия грузинских пояснительных записей к фресковым сценам, однако это делалось без попытки заниматься филологическим анализом этих записей. Собственно, кроме Н. Я. Марра, остальные исследователи даже при желании не могли бы заниматься ими, Н. Тьерри же, помимо незнания древнегрузинского и древнеармянского языков, так убеждена в своей концепции о грузинском происхождении фресок из армянских халкедонитских церквей (Кобайр, Киранц, Овенц, Ахтала) и так упростила свою задачу, что даже при «большом количестве своеобразных черт» и «особенностей программы» выход намечается один—«заказ в грузинской мастерской», «верность грузинской традиции»[80]. Собственно, сам факт влияния грузинской монументальной живописи не только допустим, но и в эпоху, когда вся северная Армения входила в состав грузинского государства и жила единой политической и культурной жизнью, вполне объясним. Однако проявленная Н. Тьерри прямолинейность и упрощенность скорее дезориентируют читателя, чем раскрывают суть сложного культурного процесса.

Часть пояснительных записей из церкви Овенца издана Д. П. Гордеевым[81], но это в основном краткие, односложные тексты, по которым нельзя судить об умении мастера излагать содержание изображенной сцены. Неизданными или неисследованными остались именно относительно пространные тексты, из коих ниже приводим образцы, извлеченные из имеющихся в нашем распоряжении фотокопий фресок.

1. აქა იწამნეს რიფსიმე და გაიანე
[და მათ]თანანი იგი ქალწულნი.

Тут приняли мученичество Рипсиме и Гаяне и их сподвижницы-девы.

2. გ(რი)გ(ო)ლს ნ(ა)მსჭ(უა)ლი ფერჴთა უნ(ე)ბლიეთ სირბილად აიძულ(ე)ბდეს.

Григория невольно заставили бегать с гвоздем в ногах.

3. წ(ინაშ)ე თრდატის წ(მიდა)ჲ გ(რი)გ(ო)ლ წარიდგინა განკითხვად.

Святой Григорий предстал перед Тиридатом на суд.

---

[80] *Н. Тьерри*, Роспись церкви св. Григория..., с. 13; *ее же*: Роспись церкви Киранца. Тбилиси, 1983, с. 6—7.

[81] «Известия КИАИ», т. I, Пгд., 1923, с. 6—11.

4. წ(მიდა)ჲ გ(რი)გ(ო)ლ ჭახრაკთა მ(იე)რ იწამების.

Святой Григорий мучим чахраками.

5. აქა წ(მიდა)ჲ გ(რი)გ(ო)ლ მტარვალთა მ(იე)რ არს წამებად.

Тут святой Григорий предается мучению привратниками.

6. გიხაროდენ, მიმადლებულო, წული შენთანა.

Радуйся, благодатная, младенец с тобой.

7. ეუწყა თრდატ[ი]ს დასა აღმოყვანებაჲ გ(რი)გ(ო)ლ[ისა...]

Было извещено сестре Тиридата об извлечении Григория (из ямы...).

8. წ(მიდა)ჲ ნ(ი)ნო. დედანი, რომელნი დახუდეს ნ(ი)ნოსვე.

Св. Нино. Женщины, которые и встретили Нино.

მიცვალებაჲ დ(ე)დისა ღ(მრთი)სა,

9. Успенье божьей матери.

У Н. Я. Марра было достаточно оснований полагать, что исполнители агиографического цикла росписи исходили из повествований текста Жития Григория и, поскольку пояснительные записи сделаны на грузинском языке, то, по мнению ученого, мастера располагали именно грузинской редакцией этого памятника. Само существование грузинской редакции Жития едва ли можно поставить под сомнение, хотя и она все еще не обнаружена, но исследование записей на росписи не говорит в пользу того, что мастера пользовались текстом именно на грузинском языке. В предполагаемом грузинском тексте должны были иметь განაბე, а не გააბე, как того мы находим в записи (1), მოყვასნი, а не მათთანანი, ქალწულნი, а не ქალწვლნი, უნებლიედ, а не უნებლიად, вероятно — არტაშთა მეფისათა, а не ჭახრაკთა (или хотя бы ჭახრაკითა) и т. д. Едва ли в древнем грузинском переводе можно было читать წინაშე თრდატის წმიდაჲ გრიგოლ წარიდგინა განკითხვად. Без какого-либо нарушения порядка слов это предложение можно передать на армянском языке (*Յառաջի Տրդատայ սուրբն Գրիգոր կանգնեցաւ ի դատաստանի*). Такого рода факты указывают на то, что составитель записей не пользовался грузинским письменным текстом, а скорее всего переводил их с армянского. Помимо формы

антропонима Гаяне (*Գայիանե—Գայանե—გაიანე*), синтаксиса предложения о суде перед Тиридатом, еще одним доказательством правомерности такого предположения может служить слово ჯახრაკი, что составляет полную аналогию также заимствованному из персидского ճալադ (в груз. ჯალაჯი). Разнобой в орфографии (წული, ქალწული, უნებლიათ, მიცვალებანი, წმიდაი) также может быть объяснен отсутствием письменного текста, как и наличие მტარვალთ მიერ им. მტარვალთაგან. Конечно, в разных грузинских источниках XII—XIII веков можно найти параллели к приводимым примерам, но, во-первых, именно в разных, а не в одном небольшом тексте, и во-вторых, перевод Жития должен был быть осуществлен если даже не в эпоху армяно-грузинского церковного единства, то гораздо раньше появления этих записей. Независимо от того, кем были мастера—грузинами, владеющими армянским, или армянами, владеющими грузинским языком, они были весьма искусны как в грузинской, так и греческой каллиграфии. Притом совершенно определенно можно сказать, что исполнены эти разноязычные пометки-записи одной и той же рукой, единовременно. В этом можно убедиться, читая записи на изображениях евангелистов, хотя с точки зрения текстологии в них могут быть разночтения (Иоанн в грузинском назван «Евангелистом», в греческом же—«Теологом»). Приведенные грузинские записи интересны и важны не только с филологической точки зрения—они оказывают определенную услугу при идентификации изображений. Так, к примеру, сцена, снабженная надписью «Св. Нино. Женщины, которые и встретили Нино», у Н. Тьерри воспринята как «Оплакивание дев-последовательниц Рипсиме, перед выставленной публично красотой Рипсиме. Налево св. Рипсиме во время молитвы»[82]. Ясно, что такое определение основано на литературном источнике и не является результатом подлинно искусствоведческого анализа.

Сопоставление содержания записей и реально существующих изображений может раскрыть перед нами саму творческую лабораторию художника, определяя степень его мастерства при реализации идеи. В одной из приведенных записей сказано: «Григория невольно заставляют бегать с гвоздем в ногах». В существующих на греческом и арабском языках версиях Жития имеется некоторое расхождение: в арабском его тащат, в гре-

[82] *Н. Тьерри*, Роспись церкви св. Григория..., с. 10.

ческом же царь распорядился тащить его резким бегом („...[illegible]). По тексту записи Григория заставляют «невольно бегать», а в картине его тащат, прихватившись за руки и плечо. На одной и той же сцене невозможно было передать эти два разных состояния, поэтому художник при работе над картиной акцентировал внимание на одно состояние, в записи же—на другое. Исходя из этого соображения слово «тащить» Жития заменено «невольным». Чтобы убедиться в возможности таких «редакционных поправок» со стороны мастера фресок и каллиграфа, можно привести еще один пример. Общеизвестное евангельское выражение «Радуйся, благодатная, *господь* с тобой» он предпочел передать в новом варианте—«Радуйся, благодатная, *младенец* с тобой», т. е. слово უფალი заменил ყრმა-ем, хотя сослаться при этом на литературный источник он не мог. Видимо, для правильной трактовки изображения «младенец» (он же «господь») оказался более подходящим. Привлекает внимание, наконец, наличие слова «აქა» (здесь, тут, *ньют*) в нескольких пояснительных записях. Из этого факта, как нам представляется, нельзя делать заключение, что сначала наносились записи, а затем по их указанию делались изображения. Скорее всего тут сказалась литературная традиция, нашедшая отражение и в заглавиях памятников древнегрузинской литературы—«Витязь в барсовой шкуре» Руставели и «Висрамиани» Саргиса Тмогвели[83]. И этот незначительный факт служит подтверждением правильности заключения Н. Я. Марра о том, что «кто хочет не только наслаждаться венцом древнегрузинской светской литературы, «Витязем в барсовой шкуре», но и понять его гениального творца Шоту из Руставa, тот должен знать историю художественных памятников армянского зодчества, особенно гражданского, в Ани; кто желает понять великих, в большинстве безымянных, анийских художников-архитекторов, их поразительные творения, тот должен углубиться в изучение грузинской романтической поэмы «Витязь в барсовой шкуре», этого шедевра средневековой поэзии христианского Востока. Но опять-таки, это сродство их основано не просто на влиянии армян на грузин или грузин на армян или мусульман на тех и других. Причины более общие и более глубокие...»[84].

Фрески церкви Тиграна Оненца в Ани, рассказывающие историю обращения Армении в христианство рукою Григория

[83] Напрашивается вывод, что при академическом издании этих сочинений слово «აქა» в заглавиях следует сохранить, а не считать их свойством лишь поздних списков.

[84] *Н. Я. Марр*, Ани, с. 37—38.

5—459

Просветителя и снабженные грузинскими пояснительными записями, взятыми из армянской же редакции Жития Григория, являются еще одним проявлением этих «более общих и более глубоких причин» и никак нельзя их упрощенно назвать «грузинскими памятниками в Армении». Они могут быть правильно поняты и оценены лишь в том случае, если исследователь исходит из всей суммы фактов, рассматривает их в контексте армяно-грузинского историко-культурного сродства и не берет на себя никем не принуждаемую обязанность определителя однозначной этно-культурной принадлежности памятника средневековой монументальной живописи.

ФИЛОЛОГИЯ

А. В. ПАЙКОВА

ОБРЯД РАССТАНОВКИ ЧИНОВ В СИРИЙСКИХ АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ*

Греческий термин τάξις, означающий в переводе на русский язык «постановление», «порядок», «степень», «чин», «ранг» и т. д., часто встречается в сирийских текстах разного назначения.

В этой статье мы рассмотрим отрывок из агиографа «Житие Алексия человека Божьего». Как известно, в сирийской рукописной традиции существуют два сказания о «Человеке божьем». Первое, сохранившееся в ранних рукописях (VI в.),[1] повествует о жизни святого в Эдессе, второе же, более позднее, рассказывает о римском периоде его биографии. В настоящем сообщении речь пойдет о втором.[2] Употребление слова τάξις позволяет видеть в нем отражение определенного церемониального обряда. Мы

---

* Аза Владимировна Пайкова, автор этой статьи и многих других замечательных работ по сирологии и византинистике, горячо поддерживала издание «Кавказа и Византии», что прежде всего выражалось желанием для редколлегии ее сотрудничеством. Дважды она принимала участие в созванных Отделом кавказоведения и византинистики Института востоковедения АН Армянской ССР научных конференциях, своими докладами и выступлениями при обсуждениях, спокойным тоном и готовностью быть полезным молодым исследователям оставила неизгладимое впечатление и добрую память.

Статья печатается с небольшим сокращением в конце—*П. М.*

[1] Брит. Муз. Add. 17177; Add. 14644; Add. 12160.

[2] Содержится наряду с первым в нескольких рукописях, начиная с IX в.: Парижская Национальная библиотека № 234—IX в., Брит. Муз. Add. 14649—IX в. Брит. Муз. Add. 14655—XI в., Парижская Национальная библиотека № 235—XII-XIII вв., Брит. Муз. Add. 14728—XIII в. Издание осуществлено А. Амио по рукописи Брит. Муз. Add. 17177 для первого сказания и по рукописи Брит. Муз. Add. 14655—для второго с соответствующими исправлениями и разночтениями других рукописей. См. *A. Amiaud*, La légende syriaque de Saint Alexis l'Homme de Dieu. Paris, 1889.

имеем в виду тот эпизод, когда молящиеся в храме императоры, архиепископ и весь синклит узнают, что святой находится в доме знатного римского гражданина Евфимиана и решают тотчас же отправиться туда. Далее в тексте сказано следующее: wmbd' pqd hw' 'wfymynws l'bd' bny byth dnlybwn trwnws wmwbth' ltks' dmlk' mhymn' wmyqr' wlryšy khn' wdnlybwn lmp'd' whrwm' bnyy ryh' bsym' dbhwn 'yk 'yd' ntqblwn mlk' — „И тотчас же приказал Евфимиан домашним рабам своим, чтобы они приготовили троны и скамьи, соответственно рангам верующих и почитаемых императоров и глав священнослужителей, и чтобы приготовили (также) свечи и благовония, источающие благоуханные ароматы, с которыми, согласно обычаю, принимают царей»[3].

По-видимому, имеется в виду обряд расстановки чинов во время богослужений. Описание этого обряда неоднократно приводится в «Придворном уставе» Константина Багрянородного.[4]

Так, в соответствии с Уставом, все чины и все приказы заранее извещались о выходе императора с тем, чтобы каждый чин мог занять свое место. Д. Ф. Беляев приводит следующее описание: «Для собирающихся в Лавзиаке чинов были поставлены скамьи, из которых каждая, согласно с чинопочитанием, господствовавшим при Византийском дворе, назначалась для известного ранга сановников».[5] Таков был порядок для церемоний не только церковных, но и светских. Тот же Устав отмечает, что чины имели свои места и свои скамьи, как в храмах, так и в дворцовых залах.[6] Так, упоминаются, например, скамьи ипатов (τὰ σκάμνα τῶν ὑπάτων),[7] говорится, что вновь произведенный патрикий «уходит (εἰς τὸ σκάμνον τῶν πατρικίων) на скамьи патрикиев»[8] и т. д.

Живое описание расстановки чинов во время приемов во дворце в царствование императриц Зои и Феодоры дает Михаил Пселл: «Обе царицы восседали на царском троне как бы в одну линию, слегка отклонявшуюся в сторону Феодоры, рядом стояли равдухи, воины с мечами и племя тех, кто потрясает секирой на правом плече, подальше — самые преданные царю люди и рас-

---

[3] *А. Amiaud*, La légende syriaque de Saint Alexis, c. [illegible].

[4] *Constantini Porphyrogeneti*, De ceremoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1869. В нашей работе мы пользуемся исследованием *Д. Ф. Беляева*. Byzantina. СПб., кн. I, 1891; кн. II, 1897; кн. III, 1906. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, где приведены соответствующие описания.

[5] *Д. Ф. Беляев*, Byzantina, кн. I. СПб., 1891, с. 52.

[6] Там же, кн. II, с. 154.

[7] Там же, кн. I, с. 60.

[8] Там же, кн. II, с. 151.

порядители; их окружала другая стража, рангом пониже первой, самой верной, все с почтительным видом и потупленными взорами; за ними располагался совет и избранное сословие, затем чины второй и третьей степени, выстроенные по рядам и на определенном расстоянии друг от друга»[9].

Согласно сложившейся иерархии, размещались также и духовные чины—патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, протоиереи и др. Д. Ф. Беляев в своем подробном описании константинопольского храма св. Софии пишет, что «духовные чины размещались здесь по рангам, причем высшие занимали верхний ряд седалищ, а нижние ряды занимались в нисходящем порядке вторыми, третьими и т. д. духовными чинами, причем в каждом ряду иерархический порядок выражался близостью к патриарху или к середине с правой и с левой стороны»[10].

Именно о такой расстановке «тронов и седалищ» (trwnws wmwtb') говорится и в нашем сирийском тексте.

В значении «чин», «ранг» и в Уставе Константина Багрянородного, и в Хронографии Михаила Пселла употребляется термин τάξις. Это же греческое слово, прочно вошедшее, однако, в сирийский лексикон, стоит в сирийском тексте Жития Алексия в словосочетании lṭks' dmlk' mhymn' wmyqr' wlryšy khn', которое мы переводим «согласно рангам верующих и почитаемых императоров и глав священнослужителей».

Обрядовый характер описания угадывается и во второй части приведенного отрывка, где Евфимиан, продолжая перечень распоряжений по случаю предстоящего посещения его дома знатными особами, велит приготовить лампады. По-видимому, речь идет здесь не просто о праздничном освещении дворца в ожидании важных гостей, а о символическом использовании свечей во время богослужений. Ритуальный характер молений с зажженными свечами и самого момента зажжения свечей известен еще со времени зарождения христианства.[11] Пламя светильника, зажигаемо-

---

[9] Цит. по кн.: *Михаил Пселл*, Хронография. Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М., 1978, с. 69—70. Михаил Пселл—источник сравнительно поздний (XI в.), однако он отражает традицию, как это можно было предполагать и как он сам говорит в своем сочинении: «Царские церемонии они обставляли так, как это было в обычае и при прежних самодержцах». См. *Михаил Пселл*, Хронография, с. 69. На эту параллель мне указала Е. Н. Мещерская.

[10] *Д. Ф. Беляев*, Byzantina, кн. II, с. 125.

[11] Лампады имели широкое применение во время богослужений первых христиан и для освещения крипт и катакомб, и как атрибуты ритуала. Об этом свидетельствуют найденные в катакомбах каменные столбики с углублением в

го при богослужении, означает, по словам христианских писателей, что сердца молящихся пламенеют любовью к богу.

Свет—это символ самого основателя христианства (Иоанн: V, 35; VIII, 12; XII, 35; Деян.: XX, 7—8).

Отражение этих представлений сохранилось и в обрядах византийской церкви. Описание таких обрядов дается неоднократно в упоминавшемся труде Д. Ф. Беляева. В приводимых им греческих текстах для обозначения свечей употребляются термины κηρία τῆς προσευχῆς—свечи, использовавшиеся во время молитвы (молитвенные свечи) или κηρία τῆς λιτῆς—свечи, которые применялись во время разного рода процессий (процессиональные свечи).[12] В сирийском же тексте Жития Алексия, отрывок из которого мы разбираем, употребляется слово lmp'd' которым обозначается обычно светильник, заправляемый маслом. Однако, согласно словарю Дюканжа, греческое λαμπάς-άδος, к которому восходит сирийское lmpys-lmp'd', может обозначать также и большую восковую свечу, вручаемую царю во время торжественных церемоний.[13]

Атрибутом церемониального действа в нашем тексте являются и благовония, которые играли важную роль уже в самой ранней истории христианства. По образному выражению М. Ф. Мурьянова, Новый Завет начинается под знаком запахов. Дары волхвов младенцу Христу состояли из золота, ладана и мирры. Самое имя Христа произошло от благоухающей хризмы и значит буквально «помазанник».[14] Благовониями умащала ноги его уверовавшая в него грешница, благовония были приготовлены для его погребения, благовония принесли жены-мироносицы ко гробу.

верхнем конце, которые служили подставками для лампад, а также изображения этих последних,—как правило, по обеим сторонам фигуры в позе оранта,—на многочисленных христианских погребальных мозаиках. См., напр., Treasures of the Bardo National Museum. Tunis, 1966, с. 45.

[12] *Д. Ф. Беляев*, Byzantina, кн. II, с. 241, 242, кн. III, с. 121, 122, 158.

[13] Glossarium ad Scriptores mediae et infimae graecitatis, auctore Carolo Du Fresne, Domino Du Cange, T. I, Lugdini, c. 785. Мы говорим здесь о свечах лишь в связи с использованием их в качестве атрибутов церковных церемоний. Вообще же для средневекового человека и свет зажженной лампады—это явленный образ незримого божественного света. См., например, о лампаде у ворот церкви в Студийском монастыре: *С. С. Аверинцев*, Золото в системе символов ранневизантийской культуры. В кн.: «Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа», М., 1973, с. 47.

[14] *М. Ф. Мурьянов*, Об одном восточном мотиве у Пушкина. В кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979, с. 148.

Впоследствии благоухания сопровождали богослужения и ритуалы царских почестей. В описании церковного культа Византии В. Н. Лазарев отмечает, что в состав его входили многочисленные элементы (церковные здания, мозаики, роспись, утварь, облачения священников и т. д.), которые составляли грандиозный художественный ансамбль. В основе такого ансамбля лежала сложнейшая символика. Одним из символов для византийца являлся фимиам—дуновение и благоухание св. духа[15]. Сложную систему освещения и зрительно-обонятельную атмосферу в храме как непременное сопровождение службы отмечает П. Флоренский.[16]

Приведем теперь отрывок описания из обряда крестного хода, установленного Константином Багрянородным, и сравним его с тем эпизодом, которым мы начали это сообщение.

Расставивши чинов синклита на форе Константина в том порядке, в каком они должны были идти, церемонийарий с зажженною свечою в руке, как и все члены синклита, становился впереди и запевал тропарь праздника, который потом подхватывал и пел весь синклит. Царь, окруженный чинами кувуклия и своей военной свитой, шел с молебственною свечою в руке за синклитом. Вся эта масса чинов, военных и гражданских, в своих парадных облачениях, медленно двигалась по Большой улице, устланной благовонной зеленью...»[17]

Оба описания обнаруживают тождество основных моментов: расстановка чинов и ритуальное использование свечей и благовоний. Если во втором отрывке мы имеем описание известного обряда, закрепленного документально, то в первом—приблизительное отражение подобного обряда, который, однако, легко реконструируется.

---

[15] *В. Н. Лазарев*, Византийская эстетика. В кн.: «Византийская живопись». М., 1971, с. 31.

[16] *П. Флоренский*, Храмовое действо как синтез искусств. Маковец. Журнал искусств, № 1. М., 1922.

[17] *Д. Ф. Беляев*, Byzantina, кн. III, с. 158.

А. А. АКОПЯН

«ИСТОРИЯ АРМЕНИИ» ФАВСТА БУЗАНДА КАК ИСТОЧНИК «ПОВЕСТИ О ВАЧАГАНЕ» (СНОВА О ПЕРВОМ И ВТОРОМ ДПРУТЮНАХ ФАВСТА БУЗАНДА)

В предыдущем выпуске «Кавказа и Византии» была напечатана наша статья, посвященная одному из источников «Истории Албании» Мовсеса Дасхуранского (Каланкатуйского), названному нами «Повестью об албанском царе Вачагане Благочестивом» (коротко—«Повесть о Вачагане», далее—ПВ).[1] Это сочинение переписано Дасхуранским в главах 14 и 16—23 первой книги «Истории Албании» («Повести» не принадлежат последний абзац главы 14 и первая фраза главы 16). Путем сопоставления сведений «Истории Албании» нам удалось отнести время составления ПВ (так же как и «Алуэнских канонов», текстуально и функционально тесно связанных с «Повестью») ко второй половине VI в.[2] В отмеченной статье показано также, что ПВ представляет собой «программную легенду» Албанской церкви в первом этапе ее партавского периода (вторая половина VI в.), без каковой не может существовать ни одна церковь (для Армянской церкви роль подобной легенды играла «История» Агафангела)[3].

ПВ содержит историю просвещения «страны Албании»[4] от

---

[1] *А. А. Акопян*, Роман об албанском царе Вачагане Благочестивом в «Истории Албании» Мовсеса Каланкатуйского.-КВ, вып. 4, Ереван, 1984, с. 159—171. В предыдущих работах мы называли сочинение о царе Вачагане «романом». Однако в настоящее время нам представляется верным сделать поправку и применить русский термин «повесть», который точнее отражает характер сочинения о Вачагане Благочестивом.

[2] Там же, с. 167—169.

[3] Там же, с. 164.

[4] Понятие «страны Албании» сформировалось параллельно с укреплением Албанского марзпанства, созданного Сасанидами в 428 г. В его состав были включены собственно Албанское царство к северу от Куры с центром в Кабалаке (просуществовало до 462 г.), приморские области горских племен к востоку от реки Ахсу, от Куры до Дербента и две провинции упраздненного в 428 г. царства Великой Армении—Арцах и Утик (первая была присоединена к Албании позже второй, после поражения восстания 450—451 гг., Админи-

Григория Просветителя и Григориса до Вачагана Благочестивого. В данной работе нас будет интересовать источниковедческая характеристика начальной части ПВ, а именно, главы 14, в которой содержатся сведения о просвещении Армении и Албании усилиями Григория Просветителя и его внука, отрока Григориса.

Для анализа материала главы мы условно разделяем на 4 раздела.

В *первом разделе* (31,18—35,4 по критическому изданию текста[5]) содержится рассказ о Григории Просветителе и просвещении Армении (сначала главы до фразы *«Եւ առեալ այնուհետեւ զքահանայապետութեանն պատիւ...»)*. Изложение этого раздела в основном совпадает с рассказом «Истории Армении» Агафангела. На этом основании традиционно считают, что источником соответствующего отрывка ИА служил Агафангел.[6]

Второй раздел представляет собой всего один абзац 35-й страницы из 6 строк (35, 4—9), в котором содержится рассказ о деятельности Григория Просветителя в «стране Албании». Приводим этот отрывок полностью: *«Եւ առեալ այնուհետեւ զքահանայապետութեանն պատիւ՝ եկեալ լուսաւորէր և զմնացորդս Աղուանից և Վրաց։ Եւ եկեալ ի Հարանց դաշտն՝ ուսուցանէր և խրատէր պահել զպատուիրանս որդ-*

стративный и духовный центры марзпанства первоначально находились в городе Чор (Дербент), но с начала VI в. были перемещены на правобережье Куры, во вновь построенную столицу марзпанства, город Партав. С укреплением названия «Албания» за всей территорией марзпанства происходил процесс возникновения и развития так называемого «албанского мировоззрения» армянского населения правобережья, которое включает следующие три компонента: 1) армянское население, считавшее себя истинным хозяином «страны Албании», противопоставляло себя левобережному, собственно албанскому населению; 2) оно считало, что их «страна», включавшая и правобережье, являлась Албанией всегда (а не с 428 г.); 3) оно противопоставляло себя, как «албанцев», населению Армянского марзпанства («страны Армении»), как «армянам», (этот аспект, результат феодальных усобиц, возник последним, лишь с начала VII в.). Подробно об этом см: *А. А. Акопян*, Термины «Албания» и «албанцы» в греко-латинских и древнеармянских источниках (Семантический анализ): Автореф. канд. дисс., Ереван, 1984, с. 13—16.

[5] *Մովսէս Կաղանկատուացի, Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի։ Քննական բնագիրը և ներածութիւնը Վարագ Առաքելյանի.—Երևան, 1983.* Цифры перед запятой обозначают страницу, а после запятой—соответствующую строку.

[6] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века/Перевод с армянского (К. Патканяна.—СПб., 1861, с. XI; *Հ. Ս. Սվազյան, Մովսես Կաղանկատվացու «Աղվանից աշխարհի պատմության» աղբյուրները.—ՊԲՀ*, 1972, № 3, с. 203.

առյն աստուծոյ. անդ արկանէր հիմն եկեղեցւոյն ի գիւղաքաղաքին Ամարասայ. և կացուցանէր գործոնս և հրամանատարս՝ շինել եկեղեցին («Приняв затем сан первосвященника (страны), пошел он просвещать страны Иверию и Алуанк. Прибыв в гавар hАбанд (*Հաբանդ*), он поучал и наставлял не преступать заповеди сына божьего. Здесь начал он постройку церкви в Амарасе и назначил работников и мастеров, чтобы закончить ее»).[7] Из «Истории» Агафангела (из канонического текста и вариантов) мы знаем, что Григорий Просветитель и Трдат Великий распространили христианство и в Иверию и Албанию, вплоть до проходов Аланского и Дербентского.[8] Однако ни в одном из вариантов Агафангела нет конкретного сведения о прибытии Григория в Арцах и в Хабанд. Только в «Истории Армении» Фавста Бузанда обнаруживается сведение, которое можно сопоставить с интересующим нас сюжетом. В рассказе о перенесении тела убитого Григориса из страны маскутов в область Хабанд и предании его земле в Амарасе Фавст пишет: *Եւ ապա բարձին զնա որք ընդ նմա երթեալ էին ի գաւառէն Հաբանդայ, և բերին ի գաւառն Խորեանց ի կողմանց Աղուանից*[9] *ի սահմանս Հայոց ի Հաբանդ, ի գեօղն՝ որ անուանեալ կոչի Ամարաս։ Եւ եդին զնա առ եկեղեցեաւն, զոր շինեալ էր առաջնոյն մեծին Գրիգորի. հաւուն Գրիգորիսի՝ քահանայապետին մեծի աշխարհին Հայաստան երկրին»* («И затем люди, прибывшие с ним из гавара Хабанд, взяли его тело и перевезли из страны Албании[9] в пределы

---

[7] Перевод по Ш. В. Смбатяну (*Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк/Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш. В. Смбатяна.—Ереван, 1984, с. 36).

[8] *Ագաթանգեղայ Պատմութիւն Հայոց։ Աշխատութեամբ Գ. Տէր-Մկրտչեան և Ստ. Կանայեանց.—Տփղիս,* 1909, с. 439 (§ 842); *G. Garitte,* Documents pour l'étude du livre d'Agathange.—Rome, 1946, с. 101—102 (§ 170); *Н. Я. Марр.* Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия).—СПб., 1905, с. 137; *G. Lafontaine,* La version grecque ancienne du livre arménien d'Agathange (édition critique).—Louvain-la-Neuve, 1973, с. 323; Գ. Մ. Մուրադյան, *Ագաթանգեղոսի հին վրացերեն խմբագրությունները.—Երևան,* 1982, с. 213.

[9] В рукописях и изданиях Фавста—*ի կողմանս Աղուանից ի սահմանս Հայոց* („в страну Албанию, в пределы Армении"), что является бессмыслицей. Обративший на это внимание Б. А. Улубабян предположил, что *ի կողմանս Աղուանից* можно перевести как „вблизи Албании" (*Բ. Ուլուբաբյան, Հյուսիսարևելյան Հայաստանի նախամարզպանական շրջանի քաղաքական վիճակի հարցի շուրջը.—ԲԵՀ,* 1975, № 2, с. 154; его же, *Դրվագներ Հայոց Արևելից կողմանց պատմության* (V—VII դդ.)—*Երևան,* 1981, с. 117). Б. А. Арутюнян справедливо отклоняет возможность такого перевода и считает, что противоречие

Армении, в свой гавар Хабанд, в деревню под названием Амарас. И похоронили его **около той церкви, которую построил дед Григориса, первый Григорий,** великий первосвященник армянской страны».[10] Однако это сведение является только лишь намеком, сделанным по другому поводу. Оно, к тому же, не полностью покрывает данные выделенного нами второго раздела.

В третьем разделе, наиболее обширном (35,9—39,12), коротко излагается рассказ о сыне Григория Вртанэсе и о сыне последнего Иусике, католикосах Армении, после чего достаточно подробно повествуется о деяниях старшего сына Вртанэса, отрока Григориса. Последний в 15 лет рукополагается епископом Иверии и Албании, ведет проповедническую деятельность в Утике и Арцахе, переходит в страну маскутов, там его убивают, и ученики перевозят тело Григориса в Амарас и предают земле. Далее рассказывается также о походе маскутского царя Санесана на Армению, о его поражении и смерти в бою с армянскими князьями.[11] Весь рассказ восходит к сведениям глав 3, 5, 6 и 7 III книги «Истории Армении» Фавста Бузанда. При этом соответствие настолько явно, что в источнике ПВ сомневаться не приходится.[12]

следует решить, допустив в данной фразе ошибку переписчика рукописи Бузанда, который записал *«ի կողմանս Աղուանից»*, вместо *«ի կողմանց Աղուանից»* оригинала Фавста (*Բ. Հարությունյան, Մեծ Հայքի թագավորության հյուսիսարևելյան մարզերի վարչա-քաղաքական կացությունը 387—451 թվականներին.—ԲԵՀ*, 1976, № 2, с. 79). Это предположение блестяще подтверждается одним из древнейших фрагментов сочинения Фавста, сохранившимся в армянских изборниках (*ճառընտիր*). В изборнике XIII века № 6196 Матенадарана им. Маштоца под заголовком *«Յաղագս վախճանի Գրիգորիսի»* („О кончине Григориса") переписана глава III, 6 „Истории Армении" Фавста (§ 29, с. 150б$_2$—151б$_1$). В соответствующем месте читаем: *«Եւ բերին ի դաշտն իւրեանց ի կողմանց Աղուանից, ի սահմանս Հայոց»* (с. 151а$_2$). Совпадение соответствующих заглавий, первых и последних строк показывает, что то же самое чтение должно быть и в 4 древних изборниках, хранящихся в библиотеке венецианских мхитаристов. См. *Հ. Բ. Վ. Սարգիսեան, Մայր ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մատենադարանին Մխիթարեանց ի Վենետիկ. Հ. Ա.—Վենետիկ*, 1914, с. 9 (изборник 1, № 200, XIII век, § 17, с. 118б$_1$—120а$_1$), с. 47 (изборник 2, № 201, XII—XIII вв., § 58, с. 203б$_2$ 204б$_1$), с. 112 (изборник 3, № 202, XVII в., § 247, с. 641б—642а), с. 153 (изборник 6, № 205, начало XII в., § 31, с. 144а—146а).

[10] Перевод по М. А. Геворгяну (История Армении Фавстоса Бузанда.—Ереван, 1953, с. 14), с нашими поправками.

[11] Об этом походе см: *Բ. Հարությունյան, Մազքթաց Սանեսան թագավորի արշավանքը Հայաստան.—ԼՀԳ*, 1981, № 6, с. 65—77.

[12] Ср. История агван..., с. XI; Ա. Ա. Ակոպյան, указ. соч., с. 203.

Правда, в этом разделе имеются в наличии также сведения, не находящие параллелей у Фавста. Это история мощей христианских святых Захарии и Пандалэона, которые имеются у Григориса. Последний берет их с собой в страну маскутов, часть оставляет в городе чилбов Цри (в районе Шемахи)[13], остальное доставляет до ставки маскутского царя. После смерти Григориса его ученики перевозят в Амарас и предают земле также и остатки мощей Захарии и Пандалэона (царь Вачаган обнаруживает их в Амарасе раньше, чем мощи Григориса). Анализ позволяет думать, что эти сведения, добавленные автором ПВ или его источником к рассказу из Фавста, восходят к «программной легенде» капалакского периода Албанской церкви, когда юрисдикция последней распространялась только на территорию Албанского царства на левобережье Куры (315—428 гг.). По мнению Н. Акиняна, имена Захарии и Пандалэона для Албанской церкви (с центром в Капалаке) играли ту же самую роль, что для Армянской церкви играли имена Иоанна Крестителя и Афиногена, мощи которых привез в Армению из Кесарии Каппадокийской Григорий Просветитель.[14] ПВ наглядно показывает, как в партавский период «программная легенда» левобережной, собственно Албании была переработана католикосатом в Партаве, включена в систему легенд правобережных, армянских церковных общин и подчинена легенде о Григорисе.

И, наконец, **четвертый раздел** (39,13—40,12) содержит рассказ о мученической смерти отрока чилба и его учителя, иерея Даниила, ученика Григориса, оставленного последним в Цри хранителем части мощей Захарии и Пандалэона. Некие сирийские иноки переносят мощи Даниила и отрока чилба в местечко Хаку *(Հակու)*, недалеко от Цри. Этот рассказ полностью восходит к «программной легенде» капалакского периода, переработанной в ПВ.

Сопоставление текста вышевыделенного первого раздела ПВ с текстами вариантов сочинения Агафангела показывает, что в нем имеются многочисленные подробности, не находящие параллелей ни в одном из вариантов Агафангела.[15] Их нет и в истории

---

[13] Уточненная локализация Б. А. Арутюняна (Բ. Հարությունյան. *Լփինքի տեղադրության հարցի շուրջը.—ՊԲՀ, 1981,* № 1, с. 123).

[14] Ն. Ակինեան, *Մովսէս Դասխուրանցի (կոչուած Կաղանկատուացի) եւ իր Պատմութիւն Աղուանից.—Վիեննա, 1970,* с. 146.

[15] Важнейшими из вариантов Агафангела являются так называемые «национальный» Агафангел или «История» (*Ագաթանգեղայ Պատմութիւն Հայոց*...

просвещения Армении в сочинении Зеноба Глака.[16] Так, в начале повествования ПВ (32,5) говорится о том, что после убийства Хосрова Аршакида, при бегстве слуг Анака Парфянина в пределы Римской империи, уносивших с собой маленького Григория, ребенок чуть было не утонул в водах реки Ерасх *(«Եւ իւր /Գրիգորի*—А. А./ *փախուցեալ գնալով՝ հեղձամղձուկ ի ջուրս Երասխ գետոյ լինէր. դայեկաց ումանց առեալ փախստեայ ի Յունաց աշխարհն զերծուցանէին զերանելին Գրիգորիոս»).* Такой эпизод не известен из других историй о просвещении Армении. В продолжение этого эпизода в ПВ следует большой отрывок с рассуждениями о смысле происшедшего, также не известный из других источников.[17] У Агафангела Хосровидухт снится спасший страну сон 5 раз, в «Повести» же—3 раза. Само изложение ПВ достаточно четко отличается от изложения Агафангела. Вот наиболее близкие по изложению пассажи этих текстов (приводим только оригиналы).

Տփղիս, 1909) и „Житие Григория". Оригинал последнего не сохранился, и о нем мы судим по известным в настоящее время 4 переводам-вариантам. Это так называемые „Греческое житие" (*G. Garitte*, Documents..., с. 23—116), имевшее и свой арабский перевод (*Н. Я. Марр*. Крещение..., с. 66—148; Ա. Տեր-Ղևոնդյան. *Ագաթանգեղոսի արաբական խմբագրության նորահայտ ամբողջական բնագիրը.—ՊԲՀ*, 1973, № 1, с. 216—236), „Сирийское житие" (*M. van Esbroeck*, Le résumé syriaque de l'Agathange.—Analecta Bollandiana, t. 95, fasc. 3—4, 1977, с. 291—358), „Житие каршуни" (*M. van Esbroeck*, Un nouveau témoin du livre d'Agathange.—REArm., t. VIII, 1971, с. 22—95) и „Охридское житие" (*G. Garitte*. La vie grecque inédite de saint Grégoire d'Arménie.—Analecta Bollandiana, t. 83, fasc. 3—4, 1965, с. 233—290).

[16] Յովհան Մամիկոնեան, Պատմութիւն Տարօնոյ (Աշխատութեամբ և առաջաբանով Աշ. Աբրահամյանի.—Երևան, 1941).

[17] «И случилось это провидением Бога великого, по примеру первопророка Моисея, который в корзинке из тростника спасся в водах (реки) от рук нечестивого фараона, чтобы (впоследствии) спасти народ Божий от тяжкого рабства египетского. Подобно ему, всесвятой Григор, спасшийся от меча армянских нахараров, был сохранен (Богом) в стране греков для спасения Армении и всего Восточного края, как избранная стрела, приберегаемая в колчане, пронзенный которой враг невидимый был (впоследствии) истреблен. Он был избран (Богом еще) в чреве матери, (еще) в утробе освящен победителем-мучеником и апостолом благолепным, данный стране Торгома и сынам Асканаза как первосвященник». Перевод по Ш. В. Смбатяну (*Мовсэс Каланкатуаци*, История страны Алуанк..., с. 35).

Իսկ կրկնեաց դարձեալ եւ կնոջն զնոյն տեսիլ, եւ հնգկնեաց սպառնալեօք, զի եթէ ոչ պատմեսցէ ստէպ ստէպ մեծամեծ տանջանս ընկալցի եւ ճառուածր մարդկան եւ թագաւորին եւս քան զեւ սաստկացին մահու եւ պէսպէս տանջանօք։ Եւ մտեալ անդրէն խոստովանութեան՝ մեծաւ երկիւղիւ եւ զգուշութեամբ ասաց զբանսն հրեշտակին։

Իսկ նորա վաղվաղակի յղէին անդր նախարար զումն աւագ որոյ անուն Օտայ կոչէր։ Եւ գնաց նա ի քաղաքն Արտաշատ՝ հանել զնա ի խոր բանդէ վիրապին։ Արդ՝ իբրեւ եկն եհաս Օտայն ի քաղաքն Արտաշատ՝ ընդ առաջ ելանէին նմա քաղաքացիքն՝ հարցանել զպատճառս գալոյն։ Եւ նա ասէ ցնոսա, թէ «Վասն կապելոյն Գրիգորի եկեալ եմ, հանել զնա»։ Իսկ նորա զարմացեալ առ հասարակ ասէին. Ո՞ գիտէ կայցէ. զի բազում ամք են, զի ընկեցին զնա անդր»։ Իսկ նա պատմեաց զիրս տեսլեանն եւ զգործն զինչ եղեն իսկ։

Եւ եկին բերին կարս պարանաց երկայնս եւ ստուարս, եւ կցեցին իջուցին ի ներքս։ Աղաղակեաց Օտայ նախարարն ի ձայն մեծ եւ ասէ. «Գրիգորիոս, եթէ կայցես ուրեք՝ եկ ի դուրս. զի տէր Աստուածն քո, զոր պաշտէիրն դու՝ նա հրամայեաց հանել զքեզ այտի»։ Եւ անդէն յառն կացեալ՝ վաղվաղակի շարժեաց զպարանն, եւ բուռն հարեալ ունէր։

Եւ իբրեւ կրկնեալ եւ երեքկնեալ զտեսիլն, յարուցեալ առ վտանգի ճառուածոցն, չոգաւ ի բերան վիրապին թերահաւատքն՝ կաղս ի կաղս բարբառեալ բանիւն Աստուծոյ. «Ել ի դուրս, եթէ իցես կենդանի»։ Եւ վաղվաղակի զեկուցանէր զկեալն կենդանի։

Даже здесь видно, что совпадения минимальны, а текст ПВ отличается несколькими независимыми подробностями. Напротив, в III выделенном нами разделе встречаются многочисленные совпадения с текстом источника. Вот пассажи, относящиеся ко всем трем героям—Григорису, Иусику и Вртанэсу (приводим только оригинал).

Фавст, III,5. с. 10	ИА. с. 36—37
Ոչ ամուսնացաւ *նա (Գրիգորիսը*—А. А.), **այլ** *ի* **հնգետասանամենից** *հասա յաստիճան* **եպիսկոպոսութեան աշխարհին Վրաց և Աղուանից**, *այս ինքն սահմանացն Մազքթաց։* **Երթեալ նորոգեաց** *անդ* **զեկեղեցիսն** *լուսաւոր* **կարգօք...**	...**ոչ ամուսնացեալ** *ի կարգս աշխարհիս, այլ...* **Քանզի զհնգետասան ամօք** *ձեռնադրեալ* **յեպիսկոպոսութիւն** *մանուկն Գրիգորիս* **Վրաց և Աղուանից աշխարհին.** *և* **երթեալ** *լուսաւորէր զերկուսին գաշխարհսն...* **Շինէր և զեկեղեցիս** *բում* **կարգաց** *և քաղաքաց...*

Фавст, III,12. с. 28	ИА, с. 36
Վասն որոյ **անդէն** *ի ներքս բարշէին* **զնա յեկեղեցւոջն, բռածեծ եղել** *ջախջախեալ քահանայապետն Աստուծոյ սուրբ երանելին մանուկն Յուսիկ...*	...*յանդիմանէր զթագաւորն վասն մեղանչէր չարագործութեանն. և նորա հրամայեալ* **անդէն յեկեղեցւոջն բռով սպանանել զնա։**

Фавст, III,3, с. 8	ИА, с. 36
...*զորս* **ելեալ** *իւր իսկ ինքնին Վրթանէս մատուցեալ* **հարցանէր** *զնոսա, եթէ դուք ո՞յք էք. կամ ուստի՞ գայք. կամ զո՞ խնդրէք, կամ ուստի՞ եկիք։ Իսկ նոցա զպարզապէս սկսեալ խօսել,* **խոստովան լինէին....** *Ապա աղօթս մատուցանէր, և խնդրէր յԱստուծոյ* **բժշկէր** *և արձակէր զնոսա... տայր ժամանակ սահմանեալ* **ապաշխարութեան։**	...*և* **եկեալ առ սա** *զարմանայր։ Եւ* **հարցեալ** *զպատճառս* **խոստովանէին** *զչար խորհուրդն իւրեանց և զկամս կնոջ թագաւորին։ Եւ* **նա** *կացեալ* **յաղօթս՝** *ձեռնադրութեամբ զամենեսեան* **բժշկէր** *և խրատէր մի եւս գործել չար ինչ,* **այլ ապաշխարութեամբ** *գտանել ողորմութիւն։*

Текст ПВ самостоятелен, т. е. автор излагает, а не переписывает рассказ Фавста. Однако здесь не встречаем более или менее пространных независимых рассуждений или неизвестных из источника подробностей. Сопоставление результатов источниковедческого анализа двух разделов (первого и третьего) показывает, что несовпадение текста I раздела ПВ с изложением Агафангела не является результатом «творчества» автора ПВ, следовательно источником указанному разделу служил не Агафангел, а какой-то неизвестный вариант истории просвещения Армении. Выше мы установили, что подобное заключение можно сделать и для второго раздела. В основе рассказа о пребывании и деятельности Григория Просветителя в Хабанде лежат сведения Фавста, однако в полном объеме они не покрывают II раздел. Это позволяет предположить существование не дошедшего до нас отрывка труда Фавста.

Таким образом, I раздел ПВ основывается на неизвестном в настоящее время варианте истории просвещения Армении Григорием Просветителем, его продолжение—II раздел—основывается на не дошедшем до нас отрывке труда Фавста о деятельности Григория и, наконец, продолжение II раздела—III раздел—полностью основан на известном ныне тексте Фавста. Сопоставляя эти заключения, нам представляется возможным выдвинуть предположение, что к «Истории Армении» Фавста Бузанда восходят не только третий и второй, но и первый выделенный нами раздел ПВ. Это значит, что на основании вышепроделанного анализа можно допустить существование во второй половине VI века первой и второй частей (дпрутюнов) труда Фавста.

Как известно, в дошедших до нас списках «Истории Армении» Фавста Бузанда, древнейшие из которых переписаны в XVII веке,[18] четыре дпрутюна этого сочинения носят номера с третьего по шестое, что предполагает существование не дошедших до нас первого и второго дпрутюнов. Такую возможность допускают Е. Мадатян, Н. Я. Марр, Н. Адонц, А. Матикян, М. Абегян, В. П. Геворкян и др.[19] С другой стороны, К. Нойман, Н. Эмин, Г. Ха-

---

[18] О рукописях Фавста см. Գ. Տէր Մկրտչեան, *Փաւստոսի ձեռագրերը.—Հայագիտական ուսումնասիրություններ*, Ս. Ա.—Երևան, 1979, с. 352—362.

[19] *Ե. Մ(ադաթեան). Փաւստոս Բուզանդ, Վիեննա*, 1890, с. 22—26; *Н. Я. Марр*. О начальной истории Армении Анонима. К вопросу об источниках Истории Моисея Хоренского. По поводу критических статей проф. *А. Carrière*.—ВВ. т. I, вып. 2. 1894, с. 263—266; *Н. Адонц*, „Начальная история Армении" у Себеоса в ее отношениях к трудам Моисея Хоренского.—ВВ, т. VIII, вып. 1—2, 1901, с. 93—98; Հ. Ա. Մաթիկեան, *Անանունը կամ կեղծ-Սեբէոս։ Քննական ուսում-*

латянц, О. Гатрчян, А. Ташян, А. Гарагашян, Г. Зарбаналян Г. Алишан, Р. Ачарян, Ст. Малхасянц считают, что текст сочинения Фавста дошел до нас полностью.[30] При этом обе группы исследователей основываются на анализе дошедшего до нас текста «Истории Армении» и указывают на достойные внимания факты. В настоящей работе нам не удалось добавить что-нибудь к рассуждениям исследователей по дошедшему до нас тексту. Однако если вышеизложенные логические построения верны, то представляется возможным решить проблему в пользу существования первых двух дпрутюнов Фавста на основании анализа ПВ, одного из первых исторических сочинений, использовавших «Историю Армении» в качестве источника.

Таким образом, если первые два дпрутюна Фавста Бузанда существовали, то они содержали, в частности, историю просвещения Армении Григорием Просветителем и оставили свой след в «Истории Албании» Моисея Дасхуранского.

Նախաբանութիւն.—Վիեննա, 1912, с. 9—29; Ակադ. Մանուկ Աբեղյան. Հայոց հին գրականության պատմություն, Գիրք Ա.—Երևան, 1944, с. 156, 388—391; Վ. Գ. Գևորգյան, Փավստոս Բյուզանդի «Հայոց պատմության» բնագրի հարցի շուրջը.—Երևան, 1963, с. 7—27.

[30] *А. Neumann*. Versuch einer Geschichte der armenischen Literatur.—Leipzig, 1836, с. 26; История Армении Моисея Хоренского (Перевод Н. Эмина.—М. 1858, с. 264—265; Գր. Խալաթեանց. Ղազար Փարպեցի եւ գործք նորին.—Մոսկուա, 1883, с. 116; Հ. Յ. Գաթրճեան, Համառօտութիւն Փ. Բիւզանդացւոյ.—Վն. 1859, с. 43; Յ. Տաշեան, Փավստոս Բուզանդ. Ուսումնասիրութիւն.—Վն., 1890, с. 68—70; Ա. Մ. Գարագաշեան, Փ. Բիւզանդացւոյ մասին.—Վն., 1896, с. 291; Գ. Զարբհանալեան, Հայկական հին դպրութիւն.—Վենետիկ, 1897, с. 231—232; Հ. Ղ. Ալիշան, Հայապատում, Հ. Ա.—Վենետիկ, 1901, с. 46; Փավստոս Բուզանդ. Պատմություն Հայոց (Թարգմանություն, ներածություն և ծանոթագրություններ ակադեմիկոս Ստ. Մալխասյանց.—Երևան, 1968, с. 5—34.

АРХИТЕКТУРА

А. М. ВЫСОЦКИЙ, Ф. В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

МАРТИРИЙ В НИСЕ ПО ОПИСАНИЮ ГРИГОРИЯ НИССКОГО И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ СТРАН ЗАКАВКАЗЬЯ*

Архитектура соседних со странами Закавказья областей Византии, северо-восточной Малой Азии и западной Северной Месопотамии важна для изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья как с точки зрения поисков истоков, так и с точки зрения заполнения пробелов по аналогии. Ведь в истории архитектуры как части археологии эксперимент сводится к сопоставлению гипотезы с эмпирическими фактами археологии, и чем больше привлекается фактов, тем надежнее становится непротиворечивость гипотезы[1]. Вместе с тем, исторические факты археологии не могут основываться лишь на ее эмпирических фактах, поскольку эмпирические факты археологии могут не полностью соответствовать фактам ископаемой действительности из-за плохой изученности источников, а последние—фактам прошлой действительности из-за плохой их сохранности[2]. История архитектуры включает в себя не только археологическое вещеведение, завершающееся упорядочиванием источников, но и историческую интерпретацию, начинающуюся ситуационной реконструкцией, но немыслимую без содержательной критики источников, в частности, без оценки познавательных возможностей источников, без оценки

---

* По материалам доклада для V Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении в Ереване в 1982 г. Авторы выражают благодарность за помощь в работе над настоящей статьей А. Н. Комечу и А. Л. Якобсону.

[1] Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода., М., 1975, с. 109—111.

[2] Захарук Ю. Н. О понятии «факт» в археологической науке.—«Советская археология» 1977, № 4.

их соответствия общим представлениям о предмете исследования[3]. В случае ограниченности познавательных возможностей источников история архитектуры предполагает ситуационную реконструкцию по аналогии—в конце концов, познавательные возможности любых источников ограничены и любая ситуационная реконструкция выходит за пределы эмпирических фактов археологии.

К сожалению, сохранившиеся памятники соседних со странами Закавказья областей Византии, северо-восточной Малой Азии и западной Северной Месопотамии не только малочисленны, но и односторонни по составу, представляя сельскую архитектуру и являясь отчасти, по выражению О. Демуса[4], «негативом» архитектуры этих областей. Ведь для развития средневековой христианской архитектуры важны религиозно значимые памятники, не относящиеся ни к сельской, ни к массовой архитектуре, что было показано Р. Краутхаймером[5] и К. Д. Конентом[6] на примерах соответственно мартирия церкви на Голгофе в Иерусалиме и церквей в Клюни. С одной стороны, не говоря уже об их редкости, религиозно значимые памятники обладали большей потенциальной информативностью (тем более, в смысле потенциальной диагностичности для всей имеющейся информации) именно в силу их религиозной значимости. С другой стороны, не говоря уже об их редкости, религиозно значимым памятникам была присуща большая потенциальная вероятность исчезновения именно из-за их религиозной значимости.

Поэтому для изучения средневековой христианской архитектуры (в особенности, соседних со странами Закавказья областей Византии, северо-восточной Малой Азии и западной Северной Месопотамии) важны описания в письменных источниках несохранившихся религиозно значимых памятников, что было показано Р. Краутхаймером[7] на примерах первой церкви Апостолов в Константинополе и «Золотого октогона» в Антиохии.

---

[3] Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978, с. 79—80; Формозов А. А. О критике источников в археологии.—«Советская археология», 1977, № 1.

[4] Demus O. Romanische Wandmalerei. München, 1968, S. 42—43.

[5] Krautheimer R. Introduction to an „Iconography of Medieval Architecture".—„Journal of the Warburg and Courtauld Institutes". Vol. 5. 1942; Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. 2. ed. Harmondsworth, 1975.

[6] Conant K. J. Carolingian and Romanesque Architecture. 800—1200. 3 ed. Harmondsworth, 1973.

[7] Krautheimer R. Early Christian. . .

Среди подобных описаний находится и описание мартирия в Нисе[8], в северо-восточной Малой Азии, упомянутого в письме Григория Нисского Амфилохию Иконийскому.

Как показал К. Н. Юзбашян[9] на примере армянских письменных источников и как можно показать на примере неармянских и незакавказских письменных источников, описания памятников в средневековых христианских письменных источниках подчинены, по выражению Д. С. Лихачева[10], «литературному этикету». Что касается армянских письменных источников, описания памятников в них включают такие определения, как «просторный», «светлый», «крепкий», «каменный», такие противоположные определения, как «тесный», «темный», «ветхий», «деревянный» (или «кирпичный»), такое определение, как «построенный снизу доверху», позднее—такие определения, как «купольный» и «построенный до армянского летосчисления» (или «во времена Григория Просветителя», или «во времена апостолов»)[11]. В связи с рядом этих определений следует рассматривать и определения размеров памятников.

Иногда эти определения противоречат действительности даже у хорошо осведомленных авторов. Например, в «Истории» Аракела Даврижеци[12] говорится: «В пустыне Ереванской... все строения, кроме часовни, были деревянные; и все они были разрушены и разорены... И они... были все заново отстроены..., и не из дерева, а из камня и гипса». Но никаких чисто деревянных памятников в Армении нет. В «Истории» Закарии Канакерци[13] говорится: «(Церковь) Карапета (в монастыре Ованаванк) была вновь обновлена красивыми камнями, ибо купол ее был раньше крыт деревом». Но никакого купола у этой церкви нет. В «Истории» Степаноса Орбеляна[14] говорится: «И в 100 локтей высота ее, и в

---

[8] *Мы следуем в написании топонима греческому Νύσσα, а не латинскому* Nyssa.

[9] Юзбашян К. Архитектурная тема в армянской средневековой историографии.—II Международный симпозиум по армянскому искусству. Сборник докладов, т. 3, Ереван, 1981.

[10] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3 изд., М., 1979, с. 80—102.

[11] Ср.: Деопик Д. В. Народная хронологическая традиция как исторический источник (по материалам средневековой Бирмы).—Математические методы в исторических исследованиях. Сборник статей, М., 1972.

[12] Аракел Даврижеци, Книга историй, М., 1973, с. 256; *Պատմութիւն Առաքել վարդապետի Դաւրիժեցւոյ,—Վաղարշապատ, 1896*, с. 318.

[13] Закария Канакерци, Хроника, М., 1969, с. 237; *Զաքարեայ Սարկաւագի Պատմութիւն,—Վաղարշապատ, 1870*, с. 6.

[14] *Ստեփաննոս Օրբելեան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Տփղիս, 1910*, с. 224—225.

48 локтей длина ее, и в 24 локтя ширина ее (т. е. церкви Петроса и Погоса в монастыре Татев)...». Столб ... во имя святой Троицы (в монастыре Татев) ... в размер 30 локтей. Но высота этой церкви—никак не вдвое больше длины, длина—26,89 м, ширина—17,07 м; высота же этого столба—8 м.

Однако описание мартирия в Нисе весьма пространно, судя по цели письма, не ограничено «литературным этикетом», иногда искажающим действительность, и поэтому позволяет дать реконструкцию памятника с размерами, хотя точность реконструкции зависит от точности расшифровки терминологии, неоднозначной, начиная с определения функции, μαρτύριον —«мартирий»—или εὐκτήριον —«молельня», как и от точности определения системы мер, римской, с футом в 29,6 см, или византийской, так называемой «греческой», с футом в 30,9 см[15]. Именно в возможности дать реконструкцию памятника с размерами, хотя и приблизительно, а также в неизвестности подобных памятников в той же области (тем более, в то же время) состоит особая важность описания мартирия в Нисе в отличие, например, от описаний церкви в Назианзе, в северо-восточной Малой Азии[16], или церкви в Эдессе, в западной Северной Месопотамии[17].

Обратимся теперь к письму Григория Нисского Амфилохию Иконийскому.

---

[15] Величина фута или стопы (πούς, pes) во всех античных системах мер равна 2/3 величины локтя (πῆχυς, cubitus). Величина фута в римской системе мер общеизвестна (Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь, 2 изд., М., 1976, с. 761; Irmscher J., Johne R. (Hrsg.) Lexikon der Antike. 2 Aufl. Lpz., 1977, S. 342; Strzygowski J. Kleinasien, ein Neueland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903, S. 81). Величина фута в византийской, так называемой „греческой" системе мер также общеизвестна и подтверждена Э. Шильбахом (Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970; ср.: Полевой В. М. Искусство Греции. Древний мир. М., 1970, с. 312; Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973, с. 27). Последняя не имеет отношения к величине фута в собственно греческих системах мер, установленной У. Б. Динсмуром (Dinsmoor W. B. The Basis of Greek Temple Design: Asia Minor, Greece, Italy.—Atti del VII Congresso internazionale di archeologia classica. Vol. 5. Roma, 1961; Пичикян И. Р. К методике реконструкции античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам.—«Краткие сообщения Института археологии», вып. 152, 1978, с. 81; ср.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь, т. 2, М., 1958, с. 1362; Ирмшер, ук. соч. с. 342): 29,4 см (в ионической системе) или 35 см (в самосской системе).

[16] Mango C. The Art of the Byzantine Empire. 312—1453. Sources and Documents. Englewood Cliffs, 1972, p. 26—27.

[17] Там же, с. 57—60.

II

Полный греческий текст письма Григория Нисского Амфилохию Иконийскому (Epistula XXV) с критическим аппаратом и комментарием публикуется в литературе на русском языке впервые. Поэтому представляется нелишним предварить его издание некоторыми вводными замечаниями.

Editio princeps греческого текста (вместе с его латинским переводом) было подготовлено Д.—Б. Каррачоли[18] в начале XVIII в. на основании рукописи Codex Laurentianus 86, 13 fol. 243v—245r. Впоследствии оно было перепечатано, в частности, Ж. П. Минем[19]. Ревизия греческого текста и его новое издание (вместе с его немецким переводом) были предприняты Б. Кайлем[20] в начале XX в., по просьбе которого Г. Вителли сверил издание греческого текста с рукописью и дал в ряде случаев новые чтения[21]. Впоследствии версия издания Б. Кайля была принята и в издании Г. Паскали[22], за исключением того только, что последним не принимаются по большей части те же конъектуры Б. Кайля, которые отвергаются и авторами настоящей статьи.

В соответствии с этим в греческом тексте в нашей публикации цифры в сопровождении латинских литер указывают на пагинацию рукописи, другие же, сохраненные и в русском переводе,—на разбивку на параграфы по изданию Б. Кайля (разбивка на абзацы в русском переводе также следует за изданием Б. Кайля). В критическом аппарате латинская литера L обозначает версию рукописи, K—издания Б. Кайля, P—Г. Паскали.

При переводе специально привлекались те переводы на современные языки[23] (и комментарии к ним), которые даны в искусствоведческой литературе, так как они тесно связаны с последующей интерпретацией греческого текста в искусствоведческом плане, за исключением одного русского синодального перевода[24], использованного потому, что до сего времени он являлся единствен-

[18] Gregorius Nyssenus. Epistula septem. Ex versione et cum notis G.—B. Carracioli. Firenze, 1731, p. 72sqq.

[19] PG, v. 46, p. 1093 sqq.

[20] Strzygowski J. Kleinasien, ein Neueland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903, S. 71—74, 79—81.

[21] Там же, с. 77.

[22] Gregorius Nyssenus. Opera. Ed. W. Jäger. Vol. 8. Part. 2, Epistulae, ed. G. Pasquali. Berolini, 1925 (=Leiden, 1959), p. 76 sqq (=p. 79 sqq).

[23] Strzygowski J. Kleinasien, ein Neueland der Kunstgeschichte. Leipzig. 1903, S. 71—74; Mango C. The Art of the Byzantine Empire. 312—1453. Sources and Documents. Englewood Cliffs, 1972, p. 27—29.

[24] Григорий Нисский. Творения, ч. 8. М., 1871, с. 535—539.

ным переводом на русский язык. Латинский перевод[25] был отвергнут как слишком вольный. Довольно часто дается наш перевод отдельных пассажей письма, не схожий с отдельными или же всеми привлеченными переводами. Аргументация в пользу нашего перевода приводится в комментарии, помещенном после русского перевода. Однако это делается только в наиболее важных для толкования греческого текста случаях.

В русском переводе по мере возможности сохранены все особенности языка и стиля греческого текста. Вместе с тем, мы старались следовать этому общему для нас правилу, не ущемляя строя русского языка и законов построения фразы. Поэтому в русском переводе в скобках () даны либо слова, которых нет в греческом тексте, но необходимые для связного и ясного изложения, либо буквальные переводы оборотов, неуклюже звучащих по-русски.

В комментарии также приводятся сведения об авторе и адресате письма, времени его написания и истории его изучения в искусствоведческой литературе, как и обоснование реконструкции, поскольку она представляет собой графическое выражение интерпретации греческого текста.

Греческий текст.

τοῦ αὐτοῦ Ἀμφιλοχίῳ*[1].

Ἤδη μοι πέπεισμαι κατορθώσεσθαι κατὰ Θεοῦ χάριν τὴν ἐπὶ τῷ μαρτυρίῳ σπουδήν. θελήσειας· πέρας τὸ σπουδαζόμενον ἕξει τῇ δυνάμει τοῦ Θεοῦ ἔργον ποιεῖσθαι δυναμένου τὸν λόγον, ᾗ ἂν εἴπῃ. ἐπειδή, καθώς φησιν ὁ ἀπόστολος[2], ὁ ἐναρξάμενος ἔργον ἀγαθὸν καὶ ἐπιτελέσει, παρακλήθητι καὶ ἐν τούτῳ μιμητὴς γενέσθαι τοῦ μεγάλου Παύλου καὶ εἰς ἔργον ἡμῖν προαγαγεῖν τὰς ἐλπίδας καὶ τεχνίτας ἡμῖν τοσούτους πέμψαι, ὥστε ἱκανοὺς πρὸς τὸ ἔργον εἶναι. (2) γένοιτο, δ' ἂν ἐκ συλλογισμοῦ τῇ τελειότητί σου γνώριμον, εἰς ὅσον μέτρον ἅπαν τὸ ἔργον συλλογισθήσεται. οὗ χάριν φανερὰν σοι ποιῆσαι πειράσομαι πᾶσαν τὴν κατασκευὴν διὰ τῆς τοῦ λόγου γραφῆς. (3) σταυρός ἐστι τοῦ εὐκτηρίου τὸ σχῆμα τέσσαρσιν, ὡς εἰκός, οἴκοις ἁπανταχόθεν ἀναπληρούμενος. ἀλλὰ[3] καταλαμβάνουσιν ἀλλήλας αἱ συμβολαὶ τῶν οἴκων, ὥσπερ ὁρῶμεν πανταχοῦ ἐν τῷ σταυροειδεῖ τύπῳ γινόμενον. ἀλλ' ἔγκειται τῷ σταυρῷ[4] (244 r.) κύκλος ὀκτὼ γωνίαις διειλημμένος. κύκλον δὲ διὰ τὸ περιφερὲς ὠνόμασα τὸ ὀκτάγωνον σχῆμα, ὥστε τὰς τέσσαρας τοῦ ὀκταγώνου πλευράς, τὰς ἐκ διαμέτρων ἀλλήλαις ἀντικειμένας, δι' ἀψίδων τοῖς τετραχῇ παρακειμένοις οἴκοις τὸν ἐν

[25] PG, v. XLVI, p. 1093 sqq.

*[1] sic L, P· 'Αμφιλοχίῳ K —[2]. Phil. 1,6 —[3]. ἀλλὰ = δὲ —[4]. sic K, P; σταυρῷ L(?)

τῷ μέσῳ συνάπτειν κύκλον. (4) αἱ δὲ ἄλλαι τέσσαρες τοῦ ὀκταγώνου πλευραί, αἱ μεταξὺ τῶν τετραγώνων οἴκων δηλονότι, οὐδὲ αὐταὶ κατὰ τὸ συνεχὲς εἰς οἴκους ἀποταθήσονται, ἀλλ' ἑκάστη τούτων ἡμικύκλιον περικλείσεται κογχοειδῶς[5] κατὰ τὸ ἄνω ἐπὶ ἀψῖδος ἀνατεινόμενον, ὥστε ὀκτὼ γίνεσθαι ἀψῖδας τὰς πάσας, δι' ὧν ἐκ παραλλήλου τὰ τετράγωνά τε καὶ ἡμικύκλια πρὸς τὸ μέσον τὴν συνάφειαν ἔχει. (5) ἔσωθεν δὲ τῶν διαγωνίων[6] πεσσῶν ἰσάριθμοι παραστήσονται κίονες εὐκοσμίας τε καὶ ἰσχύος χάριν. ἀνέξουσι δὲ καὶ οὗτοι ὑπὲρ ἑαυτῶν ἀψῖδας ταῖς ἔνδοθεν δι' ἴσου συγκατεσκευασμένας. (6) ἄνω δὲ τῶν ὀκτὼ τούτων ἀψίδων διὰ τὴν συμμετρίαν τῶν ὑποκειμένων θυρίδων ὁ ὀκτάγωνος οἶκος ἐπὶ τέσσαρας αὐξηθήσεται πήχεις, τὸ δὲ ἀπ' ἐκείνου στρόβιλος ἔσται κωνοειδής, τῆς εἰλήσεως[7] τὸ σχῆμα τοῦ ὀρόφου ἐκ πλατέος εἰς ὀξὺν σφῆνα κατακλειούσης. (7) διάστημα[8] δὲ κάτω τὸ πλάτος ἑκάστου τῶν τετραγώνων οἴκων ὀκτὼ πήχεσιν[9] ἔσται, ἡμιολίῳ δὲ πλείονας εἰς[10] τὸ μῆκος, ὕψος δὲ ὅσον ἡ ἀναλογία τοῦ πλάτους βούλεται. (8) τοσοῦτον ἔσται καὶ ἐπὶ ἡμικυκλίων, ὡσαύτως ὅλον μὲν εἰς ὀκτὼ πήχεις τὸ μεταξὺ τῶν πεσσῶν διαμετρεῖται· ὅσον δὲ δώσει ἡ τοῦ διαβήτου περιγραφή, ἐν τῷ μέσῳ τῆς πλευρᾶς πηγνυμένου τοῦ κέντρου καὶ ἐπὶ τὸ ἄκρον αὐτῆς διαβαίνοντος, τοσοῦτον βάθος[11] ἕξει· τὸ δὲ ὕψος ἡ ἀναλογία τοῦ πλάτους καὶ ἐπὶ τούτων ποιήσει. (9) τὸ δὲ (244v) τοῦ τοίχου βάθος ἔσωθεν[12] τῶν κατὰ τὸ ἐντὸς μεμετρημένων διαστημάτων, τριῶν[13] ποδῶν, ὅλον περιθεωρεῖται τὸ ἔργον. (10) ταῦτά σου τῆς ἀγαθότητος μετὰ σπουδῆς κατέγραψα τοῦτον ἔχων σκοπόν, ὥστε σε διά τε τοῦ βάθους τῶν τοίχων καὶ διὰ τῶν ἐν μέσῳ διαστημάτων ἐπιγνῶναι δι' ἀκριβείας, εἰς ὅ τι κεφαλαιοῦται[14] μέτρον ὁ τῶν ποδῶν ἀριθμός. διότι περιδέξιός ἐστί σοι πάντων ἡ φρόνησις, ὅπουπερ ἂν θέλῃς, ἐν ἐκείνῳ κατὰ θεοῦ χάριν εὐδοκιμοῦσα, καὶ δυνατόν ἔσται σοι διὰ τῆς κατὰ λεπτὸν συναριθμήσεως ἐπιγνῶναι τὸ συναθροιζόμενον ἐκ πάντων κεφάλαιον, ὡς μήτε πλείονας μήτε ἐνδέοντας τῆς χρείας ἡμῖν τοὺς οἰκοδόμους ἐκπέμψαι. (11) τούτου δὲ μάλιστα παρακλήθητι πολλὴν ποιήσασθαι τὴν φροντίδα, ὡς εἶναί τινας ἐξ αὐτῶν καὶ τὴν ἀνυπόστατον εἴλησιν ἐπισταμένους· ἔμαθον γὰρ ὅτι τοιοῦτον γινόμενον μονιμώτερόν ἐστι τοῦ ἐπικαταπηγνυμένου τοῖς ὑπερείδουσιν· ἡ γὰρ τῶν ξύλων σπάνις εἰς ταύτην ἄγει ἡμᾶς τὴν ἐπίνοιαν, ὥστε λίθοις ἐρέψαι τὸ οἰκοδόμημα ὅλον διὰ τὸ μὴ παρεῖναι τοῖς τόποις ἐρέψιμον ὕλην.

---

[5] sic K, P; κογχοειδῶς L — [6] sic K, P; διαγωνιῶν L — [7] sic K, P; εἰλήσεως L — [8] sic K, P; διαστῇ L — [9] sic L, P; <εἰς> ... πήχεις K — [10] sic L, P; [εἰς] K — [11] sic K, P; πλάτος L — [12] sic L, P; ἔξωθεν K — [13] sic P; διαστήματα τῶν τριῶν L, διαστημάτων τῶν τριῶν <ἐν> K — [14] sic K, P; κεφαλαίου τὸ μέτρον L

(12) πεπείσθω δὲ ἡ ἀψευδής σου ψυχή, ὅτι τῶν ἐνταῦθά τινες τριάκοντά μοι τεχνίτας συνέθεντο[15] εἰς τὸ χρύσινον ἐπὶ τῷ τετραπεδικῷ ἔργῳ, δηλαδὴ καὶ τῆς τεταγμένης τροφῆς τῷ χρυσίνῳ ἀκολουθούσης. ἡμῖν δέ, ἡ τοιαύτη τῶν λίθων οὐ πάρεστιν, ἀλλ'ὀστρακίνη πλίνθος ὕλη τοῦ οἰκοδομήματος ἔσται καὶ οἱ ἐπιτυχόντες λίθοι, ὡς μὴ ἔσται εἶναι αὐτοῖς ἀνάγκην τρίβειν τὸν χρόνον ἐν τῷ τὰ μέτωπα τῶν λίθων συγξέειν (245 r)ἐναρμονίως πρὸς ἄλληλα. ἐγὼ δὲ κατὰ τὴν τέχνην καὶ τὴν περὶ τὸν μισθὸν εὐγνωμοσύνην ἐπίσταμαι τοὺς αὐτόθεν κρείττους εἶναι τῶν ἐνταῦθα καταμεμφομένων τῆς χρείας ἡμῶν. (13) τὸ δὲ τῶν λαξόων ἔργον οὐ μόνον ἐν τοῖς κίοσίν ἐστι τοῖς ὀκτὼ[16], οὓς χρὴ αὐτοὺς τῷ καλλωπισμῷ βελτιῶσαι, ἀλλὰ βωμοειδεῖς σπείρας ἀπαιτεῖ τὸ ἔργον καὶ κεφαλίδας διαγλύφους κατὰ τὸ Κορίνθιον εἶδος. (14) καὶ εἰσόδους ἐκ μαρμάρων τῷ καθήκοντι κόσμῳ κατειργασμένων[17], καθυπερκείμενα τούτων θυρώματα τοιαύταις γραφαῖς τισι, καθὼς ἔθος ἐστίν, εἰς κάλλος κατὰ τὴν τοῦ γεισίου προβολὴν ἐξησκημένα· ὧν πάντων αἱ μὲν ὕλαι δῆλον ὅτι παρ'ἡμῶν παρατεθήσονται, τὸ δὲ ἐπὶ τῇ ὕλῃ εἶδος ἡ τέχνη δώσει. (15) πρὸς τούτοις δὲ καὶ κατὰ τὸ περίστυλον κίονας οὐχ ἧττον ὄντας τῶν τεσσαράκοντα· λαξευτῶν[18] ἔργον καὶ οὗτοι πάντως εἰσίν. (16) εἰ τοίνυν ἐπάρκεσεν ὁ λόγος δι'ἀκριβείας τὸ ἔργον, δυνατὸν ἂν γένοιτό σου τῇ ὁσιότητι κατιδούσῃ τὴν χρείαν διὰ πάντων ἡμῖν παρασχεῖν τὸ ἐπὶ τοῖς τεχνίταις ἀμέριμνον. εἰ δὲ μέλλοιτο[19] πρὸς ἡμῶν ὁ τεχνίτης συντίθεσθαι, προκείσθω, εἴπερ οἷόν τε, φανερὸν μέτρον τοῦ ἔργου τῇ ἡμέρᾳ, ἵνα μὴ ἀπράκτως παρελθὼν τὸν χρόνον μετὰ ταῦτα, μὴ ἔχων ἐπιδεῖξαι τὸ ἔργον ὡς τοσαύταις ἡμέραις ἡμῖν ἐργασάμενος, τὸν ὑπὲρ αὐτῶν μισθὸν ἀπαιτῇ. (17) οἶδα δ'ὅτι μικρολόγοι τινὲς τοῖς πολλοῖς δόξομεν οὕτω περὶ τὰς συνθήκας διακριβούμενοι, ἀλλὰ παρακλήθητι συγγνώμην ἔχειν. ὁ γὰρ μέγας ἐκεῖνος πολλὰ πολλάκις παρ'ἡμῶν ἀκούσας κακῶς τέλος ἐπήνεσεν[20] (245 v) ἑαυτὸν ἡμῶν ὡς πορρωτάτω - μεταστὰς οἶμαι τὴν ἀεὶ γινομένην κατ'αὐτοῦ φλυαρίαν - καὶ[21] τινι χάσματι ἀδιαβάτῳ, τῇ πενίᾳ λέγω, ἑαυτὸν ἡμῶν διετείχισεν, ὡς μήτε ἐκεῖνος πρὸς ἡμᾶς ἐλθεῖν μήτε ἡμᾶς πρὸς ἐκεῖνον διαπεράσαι. τούτου χάριν περὶ πολλοῦ ποιοῦμαι τὴν εὐγνωμοσύνην τῶν τεχνιτῶν, ὥστε δυνηθῆναι πρὸς τὴν προκειμένην ἡμᾶς διαρκέσαι σπουδὴν μὴ κωλυθέντας τῇ πενίᾳ, τῷ ἐπαινετῷ καὶ εὐκταίῳ κακῷ. (18) ἀλλὰ τούτοις μέν τι καὶ παιδιᾶς καταμέμικται· σὺ δέ μοι, ὦ ἄνθρωπε τοῦ θεοῦ, ὅπως ἂν δυνατὸν καὶ νενομισμένον ᾖ, οὕτω τοῖς ἀνθρώποις συνθέμενος θαρρῶν ἐπαγγεῖλαι[22] πᾶσιν αὐτοῖς τὴν παρ'

[15] sic L,P; συν<τε>θεντο K — [16] sic L,P; <δε>κατῷ K — [17] sic L, P; <καὶ> K — [18] sic K, P; λαξόων L — [19] sic L, P; μέλλει τὸ K — [20] sic K, P; ἐπήνεγκεν L — [21] Luc. 16, 26 — [22] sic K, P; ἐπάγγειλε L

ἡμῶν εὐγνωμοσύνην καὶ τὴν τῶν μισθῶν ἀποπλήρωσιν· δώσομεν γὰρ ἀνελλιπῶς τὰ πάντα, τοῦ Θεοῦ διὰ τῶν σῶν εὐχῶν καὶ ἡμῖν τὴν χεῖρα τῆς εὐλογίας ἀνοίγοντος.

Русский перевод.

Того же (Григория) Амфилохию.

Теперь я убежден довести по благодати Божьей до счастливого завершения (нашу) заботу относительно мартирия. О, если бы ты захотел,— желаемое будет иметь завершение силою Бога, могущего сделать слово делом, когда бы ни рек. Поелику, как говорит апостол, начавший дело благое и совершит (его), будь призван и в этом стать подражателем великого Павла и привести нам надежды в дело и прислать нам стольких мастеров, чтобы (они) были достаточны для дела. (2) Да станет же твоему совершенству известно из подсчета, в каком размере все дело будет рассчитано; для этого я попытаюсь сделать тебе ясным через словесное описание все сооружение.

(3) Форма молельни представляет крест, составленный, как (это) подобает, со всех сторон четырьмя помещениями. Стыки же помещений связаны друг с другом (букв.: связи же помещений держат друг друга), как мы (это) видим повсеместно существующим в крестообразной форме; в кресте же лежит внутри круг, охваченный восемью углами; кру́гом же из-за округлости я назвал октогональную форму, (такую) чтобы четыре стороны октогона, диаметрально друг другу противоположные, связывали через арки круг в середине с прилегающими (к сторонам) с четырех сторон помещениями. (4) Другие же четыре стороны октогона, (а именно) простирающиеся между четырехугольными помещениями, сами также не будут тянуться по сплошной линии (вплоть) до (этих) помещений, но к каждой из них (т. е. сторон) будет прилегать полукруг, завершающийся наверху у арки конхообразно, чтобы всех арок, стало восемь, через которые четырехугольники и полукруги параллельно имеют связь с серединой. (5) Внутри же диагональных пилонов (букв.: шашек) равночисленные (им, или помещениям, или аркам) колонны будут расставлены (букв.: стоять около) украшения и прочности ради; и они (т. е. колонны) же будут нести над собой арки, устроенные подобно тем (что) внутри (них). (6) Выше же этих восьми арок соответственно лежащим выше окнам будет возвышаться на четыре локтя октогональный объем (букв.: помещение). То же (что) от него (вверх) представит конусообразный округлый объем (букв.: кружение), причем вращение заключает в себе форму кровли от ши-

рокой до острой части конуса (букв.: от широкого до острого клина).

(7) Размер (букв.: расстояние) же внизу: ширина каждого из четырехугольных помещений будет в восемь локтей, в длину же — в полтора раза больше, высота же требует (столько) сколько аналогия ширины. (8) Столько же будет и у полукругов; равным же образом все (расстояние) между пилонами измеряется в восемь локтей; сколько же даст след циркуля, воткнутого в середину стороны и прошедшего от центра до края ее, столько будет иметь глубина; высота же и у них (т. е. полукругов) представит (букв.: сделает) аналогию ширины. (9) Толщина (букв.: глубина) же стены внутри (т. е. при наличии) измеренных внутри (т. е. внутренних) размеров, (а именно) в три фута, обегает кругом все сооружение (букв.: дело).

(10) (Все) это я рассказал сообразно усердию твоей благости, имея ту цель, чтобы ты через толщину стен и через размеры в середине в точности узнал, в какое количество суммируется (общее) число футов. Поелику ум у тебя искусен во всем, в чем только пожелаешь, в том преуспевающий по благодати Божьей, (то) и узнать через перечисление по детали собранное из всего целое (букв.: сумму) тебе будет возможно, чтобы послать нам строителей ни больше ни меньше нужды.

(11) Более же всего будь призван обратить (букв.: сделать) большую заботу (на то), чтобы некоторые из них (т. е. мастеров) были сведущи и в бесподпорном своде (букв.: вращении); ибо я узнал, что (именно) так созданное оказывается более прочным опирающегося на подпорки; ведь редкость дерева приводит нас к тому мнению, чтобы покрыть камнем всю постройку из-за того, что в этих местах нет кровельного леса. (12) Да уверится же нелживая душа твоя, что некие из тамошних наняли для меня тридцать мастеров на каменотесную работу по златнице (т. е. солиду) (всем в день), разумеется, и с прибавлением к златнице наломанного материала (букв.: побитой пищи). У нас же каменного материала (букв.: таковой камней) нет, но материалом (для) постройки будет керамический кирпич и случайные камни, чтобы им (т. е. мастерам) не было нужды проводить время в том, чтобы точно подгонять друг к другу грани камней. Я же знаю, что по искусности и благоразумию в отношении платы здешние (мастера) лучше тамошних, извлекающих выгоду из нашей нужды.

(13) Работа же скульпторов (букв.: камнерезов) состоит не только в восьми колоннах, которые сами (по себе) нужно усовершенствовать украшением, но дело требует (также) алтареобразных баз и резных капителей коринфского ордера. (14) И вход из мрамора, доведенного до завершения соответствующим укра-

шением, (а именно) облегающая рама из него, изукрашенная, как (это) принято, по выступу карниза для благовидности некими подобающими украшениями; ясно, что из всего же этого материал будет предоставлен ваш (букв.: от нас), форму же материи придаст искусство. (15) К этому же и колонны по перистилю (числом) не менее сорока; и они представляют целиком скульпторскую работу.

(16) Итак, если речь (букв.: слово) в точности объяснила дело, не трудно ли будет твоей благости, познавшей (нашу) нужду, всячески обеспечить нам беззаботность относительно мастеров. Если бы же мастер вознамерился договориться с нами, (то) пусть будет установлен, если возможно, ясный размер дневной работы, чтобы, проведя между делом (букв.: между ними, т. е. работами) время бездеятельно и не имея показать (столько) работы, сколько проработал на нас дней (букв.: как столькие же проработавший на нас дни), он не потребовал платы за них (т. е. дни). (17) Я же знаю, что мы покажемся многим какими-то мелочными, так подробно рассуждая о договоре, но да будь призван иметь сочувствие. Ибо тот (т. е. пресловутый) Мамона (т. е. богатство), часто много слышав от нас худого, наконец переселился от нас как можно дальше—возненавидев, я думаю, неизбывное насчет себя поношение—и отгородился от нас некой непереходимой пропастью, то есть бедностью (букв.: я говорю бедностью), чтобы ни он к нам не пришел, ни мы к нему не прошли. Ради этого я более всего забочусь о благоразумии мастеров, чтобы мы, не имея помех от бедности, этого восхваленного и вожделенного зла, смогли вынести предстоящую заботу (букв.: быть достаточными для предстоящей заботы). (18) Но к этому же примешалась и некая доля шутки; ты же, о человече Божий, договорившись для меня с людьми так, как бы было возможно и достойно, смело объяви им всем наше (букв.: от нас) благоразумие (или благорасположение) и выдачу платы; ибо мы выдадим все без остатка, поелику Бог твоими молитвами отверзает и нам руку благословения.

Комментарий.

Автор письма, Григорий Нисский, и его адресат, Амфилохий Иконийский, или Кесарийский,—отцы церкви, почитаемые святыми, представители так называемого «каппадокийского кружка» (наряду с Василием Великим, или Кесарийским, и Григорием Богословом, или Назианзином). Григорий Нисский, младший брат Василия Великого, главы так называемого «каппадокийского кружка», одно время был учителем риторики. Лишившись этого звания при императоре Юлиане Отступнике, он вступил в клир и пребыл в нем, за кратким перерывом, до конца своих дней. В 373 г. Василий Великий, желая иметь искусных помощников в

борьбе с арианством, поставил Григория Нисского, вопреки его воле, епископом Нисы. В 375 г. по проискам ариан он лишился кафедры, но в 379 г. был на ней восстановлен. Амфилохий же Иконийский около 375 г. был поставлен епископом Иконии. Оба — и автор письма, и его адресат — скончались около или после 394 г.[1]

По мнению Б. Кайля[2], исходящего из фактов биографий Григория Нисского и Амфилохия Иконийского и формул обращения, письмо должно было быть написано во второе епископство Григория Нисского (между 379—394 гг.), точнее, не ранее начала 380-х гг. (по его же мнению[3], упомянутый в письме мартирий не поддается отождествлению с мартириями, упомянутыми в других творениях Григория Нисского, в частности, с мартирием Феодора Тирона). По мнению же М. Рестле[4], исходящего лишь из фактов биографии Григория Нисского, письмо должно было быть написано еще в первое епископство Григория Нисского (между 373—375 гг.). Уточнение времени написания письма выходит за рамки задач настоящей статьи и требует детального анализа формул обращения. Во всяком случае, знакомство Григория Нисского и Амфилохия Иконийского началось еще до поставления последнего епископом Иконии. Вместе с тем, если из письма можно заключить, что его автор—заказчик строительства—был епископом Нисы, то из него с первого взгляда нельзя заключить, был или не был его адресат епископом Иконии.

Письмо составлено в полном соответствии с правилами греческой риторики (хотя цель письма, далекая от апологии, и его принадлежность участнику строительства делают его уникальным историко-архитектурным источником). Но это не простой набор устоявшихся штампов, а искусное соединение двух весьма различных по своим внутренним законам риторических жанров — эпистолярного и экфрасиса.

Именно благодаря последнему, упражнение в котором требовало от адепта риторики подробного описания каждой детали, мы можем представить правдоподобную реконструкцию плана памятника и получить четкое представление о некоторых сторонах организации строительства. Он же регулирует и четкое разделение письма на три легко выделяемые части: во-первых, объем работы,

[1] В датах биографии Григория Нисского и Амфилохия Иконийского мы следуем Б. Кайлю (Strzygowski J. Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903, S. 77—78) и М. Рестле (Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Wien, 1979. Bd. 1. S. 80).

[2] Strzygowski, op. cit., S. 77—78, 71.

[3] Ibidem, S. 78.

[4] Restle, op. cit., Bd. 1. S. 80.

во-вторых, качество материала, в-третьих, условия договора. Содержание, тем самым, идет целиком в русле жанра экфрасиса.

Но вот форма изложения этого содержания диктуется законами эпистолярного жанра, требующего от пишущего стиля, близкого разговорному, что подчеркивается и самим автором (§ 10). Отсюда—метафорическое описание ветвей креста в плане памятника (οἶκοι—τετράγωνοι οἶκοι—τετράγωνα; §§ 3—4, 7), частей колонн (§ 13) качества материала (§ 12).

Но иногда жанр экфрасиса заявляет о себе, нарушая законы эпистолярного жанра. Таковы риторические периоды в §§ 10 и 16, антитеза ὕλη—ὕλαι § 14; ср. §§ 11—12), рассуждение о бедности (§ 17), которое, как бы извиняясь за нарушение законов эпистолярного жанра, автор обращает в шутку (§ 18.)

Список и тех и других примеров можно было бы легко увеличить, но мы предпочитаем проиллюстрировать эти необходимые общие положения конкретными примерами ниже, в той части комментария, которая посвящается собственно разбору письма.

Сейчас же отметим еще только одно: центральным пунктом, через который автор связывает два различных риторических жанра, служит вторая часть письма, посвященная качеству материала. Но под ним автором имеется в виду качество, то есть квалификация и умонастроение, мастеров. Эта тема пронизывает все письмо—и его вторую часть (§§ 11—15), и третью (§§ 16—18), и конец первой (§ 10). Благодаря наполнению конкретного понятия (качество материала) абстрактным содержанием (искусность и нестяжательство мастеров) оказываются неразрывно связанными два в известном смысле противоположных риторических жанра—строго логически-понятийный жанр экфрасиса и свободно-метафорический эпистолярный жанр[5].

Все это не только превращает простое деловое письмо в подлинное произведение искусства, но и чрезвычайно затрудняет понимание его ключевых пассажей, в чем и надо видеть основную причину многочисленных различных (в том числе и не всегда удачных) толкований греческого текста и реконструкций памятника.

Письмо стало привлекаться как источник по истории ранне-средневековой христианской архитектуры со второй половины XIX в. когда оно стало доступным благодаря изданию Ж. П. Миня. В 1869 г. К. Бок[6] в не доступной нам статье (впоследствии

[5] Strzygowski J. Kleinasien, ein Neueland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903, S. 86—90.

[6] Bock K. O. T.— „Christliches Kunstblatt“. 1869. Nr. 88.

неоднократно упоминаемой, но не излагаемой[7], предложил первую реконструкцию памятника. Письмо использовалось Н. Ф. Красносельцевым[8], частично приводящим русский синодальный перевод, и Ф. К. Краусом[9], упоминающим реконструкцию К. Бока. С тех пор оно используется историками архитектуры в различной связи, в частности, А. Л. Якобсоном[10] в связи с раннесредневековой архитектурой стран Закавказья.

Однако первое—и по сей день единственное—комплексное исследование, а не привлечение ad hoc, письма как историко-архитектурного (и историко-литературного) источника (наряду с изданием) было проведено в 1903 г. Б. Кайлем[11], который предложил и свою реконструкцию памятника (рис. 1а), получившую широкую известность[12], иногда приписываемую И. Стриговскому[13] благодаря широкой известности монографии И. Стриговского[14], упоминающего и отвергающего реконструкцию К. Бока[15] и включившего все материалы Б. Кайля в эту монографию.

В 1904 г. О. Вульф[16] высказал свои соображения против немецкого перевода и реконструкции Б. Кайля. В 1908 г. Фриденталь[17] в не доступной нам монографии также исследовал письмо. В 1913 г. А. Бирбаум[18] развил соображения О. Вульфа. В 1933 г. С. Гуйер[19], отталкиваясь от немецкого перевода Б. Кайля,

---

[7] Krauss F. X. Geschichte der christlichen Kunst. Bd. I. Freiburg im Breisgau, 1895, S. 363; Strzygorski J. указ. соч., S. 71.

[8] Красносельцев Н. Ф. Очерки из истории христианского храма. Казань, 1881, с. 197—199.

[9] Krauss F. X., указ. соч., S. 363.

[10] Якобсон А. Л. Очерк истории зодчества Армении V—XVIII вв., М.—Л., 1950, с. 11; Его же, Архитектурные связи Кавказской Албании и Армении.— «ИФЖ», 1977, № 1, с. 79.

[11] Strzygowski J. Kleinasien, ein Neueland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903, S. 71—74, 77—79, Abb. 62—63.

[12] Кузнецов А. В., Тектоника и конструкции центрических зданий, т. 1. М., 1951, рис. 51, фиг. 4.

[13] Mango C., Byzantine Architecture, N. Y., 1976, p. 26.

[14] Strzygowski J., указ. соч.

[15] Там же, с. 71.

[16] Wulff O., Besprechung über: J. Strzygowski. Kleinasien, ein Neueland der Kunstgeschichte.—„Byzantinische Zeitschrift". Bd. 13, 1904, S. 557.

[17] Friedenthal K., Das Kreuzformige Oktogon. Karlsruhe, 1908.

[18] Birnbaum A., Die Oktigone von Antiochia, Nazianz und Nyssa.—„Repertorium für Kunstwissenschaft". Bd. 36, 1913, S. 202—209.

[19] Guyer S. Die Bedeutung der christlichen Baukunst des inneren Kleinasien für die allgemeine Kunstgeschichte.—„Byzantinische Zeitschrift". Bd. 33.

предложил новую реконструкцию памятника (рис. 1б), получившую некоторую известность[20], а позднее повторил ее. В 1972 г. К. Манго[21] опубликовал английский перевод письма (по изданию Г. Паскали и, вероятно, согласно критике О. Вульфа и А. Бирнбаума), а позднее на его основе предложил под названием реконструкции И. Стриговского новую реконструкцию памятника (рис. 2в). В 1979 г. М. Рестле[22], отталкиваясь отчасти от немецкого перевода Б. Кайля и учитывая издание Г. Паскали и критику О. Вульфа и А. Бирнбаума, предложил новую реконструкцию памятника (рис. 2а). Наконец, в 1982 г. один из авторов настоящей статьи[23] предложил (обоснованную затем обоими авторами) свою реконструкцию памятника в двух вариантах (рис. 2б-в), второй из которых полностью совпадает с реконструкцией К. Манго[24].

Как бы там ни было, все исследователи сходятся в том, что мартирий в Нисе представлял собой в плане центрическую ротондальную купольную постройку типа поликонха, точнее, типа октоконха, с примыкающими в октогону (в центре) четырьмя четырехугольными (по осям) и четырьмя полукруглыми (по диагоналям) выступами. Вместе с тем, исследователи расходятся в определении числа колонн и размера сторон октогона, причем в основе этого расхождения, в особенности, в первом случае, лежит расхождение интерпретаций греческого текста.

Последний по времени выхода в свет английский перевод К. Манго—самый небрежный из всех, с которыми нам довелось ознакомиться. В этом отношении он может соперничать лишь с латинским переводом. К сожалению, и русский синодальный перевод страдает переводами «по смыслу», причем зачастую этот смысл бывает неправильно понят. Самым добротным остается немецкий перевод Б. Кайля, хотя и он не свободен от некоторых

1933, S. 69—90. Abb. 6; См. также его Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst. Einsiedeln-Zürich-Köln, 1950, Abb. 45a.

[20] См.: *Якобсон А. Л.*, Архитектурные связи..., рис. 5а.

[21] Mango C., Указ. соч., p. 26—27; см. также: Его же, The Art of the Byzantine Empire. 312—1453. Sources and Documents. Englewood Cliffs, 1972, p. 27—29.

[22] Restle M., Указ. соч., Bd. 1, S. 75 ff, Bd. 2, Pl. 58.

[23] Высоцкий А. М. Мартирий в Нисе по описанию Григория Нисского и его значение для изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья.—V Республиканская конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов, Ереван, 1982, с. 276—278, илл. 9.

[24] В 1983 г. А. Л. Якобсон (Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983, рис. 38а) предложил под названием реконструкции С. Гуйера новую реконструкцию памятника (рис. 1б).

погрешностей, связанных, как правило, с излишним педантизмом и, как это ни странно, подчас недостаточным вниманием к риторическим периодам и иносказаниям.

В связи с этим наш перевод пришлось начинать почти с нуля, заново сверяя каждое слово, каждый оборот не только с правилами греческой грамматики и риторики, но и с ходом развития внутренней логики письма. Вместе с тем, авторы настоящей статьи сознают, что и их перевод не может быть совершенно свободным от неточностей, но все же надеются, что им удалось сделать новый шаг на пути изучения таких замечательных памятников, как мартирий в Нисе и письмо Григория Нисского Амфилохию Иконийскому.

Обратимся теперь к собственно разбору письма.

§ 1. Рукопись, сохранившая греческий текст письма,—не список одного письма, а сборник различных творений Григория Нисского. Поэтому в рукописи в заголовке письма стоит «Того же (Григория) Амфилохию», тогда как в подлиннике стояло, несомненно, просто «Амфилохию»[25].

Теперь я убежден довести...до счастливого завершения (вашу) заботу...— ἤδη μοι πέπεισμαι κατορθῶσθαι... τὴν... σπουδήν. Русский перевод в соответствии с нормой для оборота acc. c. inf. должен был бы звучать (без учета времени inf., «по смыслу»): «Теперь я убежден, что (наша) забота... дойдет... до счастливого завершения»[26]. Или (с учетом времени inf.): «Теперь я убежден, что (наша) забота...дошла...до счастливого завершения»[27]. Но тогда делаются бессмысленными само письмо и все изложенные в нем просьбы. Поэтому мы решили передать этот оборот иначе, чтобы подчеркнуть, что здесь inf. aor. имеет значение совершенного вида—и только, а вовсе не буквально прошедшего времени.

...начавший... (его) ...Здесь приводится цитата из Библии (Фил. I, 6) в сокращенном виде по сравнению с ее каноническим греческим текстом.

§ 3. Слово εὐκτήριον, обычно переводимое как «часовня», здесь нужно переводить буквально как «молельня», поскольку неясно, во-первых, существовали ли «часы» уже в конце IV в. и, во-вторых, не имело ли поэтому это слово (ср.: προσευκτήριον, προσευχή) тогда более общее значение: как «мартирий», так и «церковь».

Стыки... помещений связаны друг с другом...—[illegible]

[25] Strzygowski J., Указ. соч., S. 79, 71.

[26] Strzygowski J., Указ. соч., S. 71; Григорий Нисский. Творения, ч. 8, М., 1871, с. 535.

[27] Mango C., The Art..., p. 27.

ἀλλήλας ··· αἱ συμβολαὶ τῶν οἴκων ... Буквальный русский перевод звучал бы: «Связи...помещений держат друг друга...». Здесь идет речь о соединении между собой помещений, образующих ветви креста в плане памятника[28]. В соответствии с правилами риторики абстрактное понятие—συμβολαί—«связи»—применено для обозначения конкретных вещей, стыков помещений (риторический прием abstractum pro concreto). Отсюда—и наш перевод[29].

...чтобы...—...ὥστε...Обычно слово ὥστε (ср. § 4) имеет значение союза придаточного предложения следствия и связано с глаголом соответствующего наклонения. Однако его употребление в греческом тексте письма (ср. еще §§1, 10, 17), где оно связано с оборотом acc. c. inf., показывает, что оно имеет значение союза придаточного предложения цели, что и отражено в нашем переводе, хотя при переводе «по смыслу» здесь (ср. § 4, где перед ним стоит не запятая, а кóлон) был бы союз придаточного предложения следствия[30].

Здесь имеется классический пример описаний памятников в средневековых христианских письменных источниках, где выделяются символически значимые геометрические формы (в данном случае крест и круг, точнее, октогон)[31].

§ 5. Это—одно из самых сложных для понимания мест письма, послужившее основой для расхождения реконструкций плана памятника в отношении числа колонн.

По реконструкциям Б. Кайля (рис. Iа) и С. Гуйера (рис.Iб), в мартирии в Нисе имелись шестнадцать колонн в два кольца, причем различно расположенные. По реконструкциям же К. Манго (рис. 2в), М. Рестле (рис. 2а) и авторов в обоих вариантах (рис. 2б—в), в мартирии в Нисе имелись восемь колонн в одно кольцо.

В следующем за немецким переводом Б. Кайля русском переводе это место письма должно было бы звучать: «Внутри же противостоящих прямоугольных помещений равночисленные (тем, что внутри октогона) колонны будут расставлены украшения и прочности ради; и они (т. е. колонны) же будут нести над собой арки, устроенные подобно тем (что) внутри (октогона)».

Б. Кайль[32] понимал слово πεσσοί (ср. § 8)—«шашки»—как

[28] Григорий Нисский. Творения, ч. 8, М., 1871, с. 535; Strzygowski J., Указ. соч., S. 72.

[29] Restle M., Указ. соч., Bd. 1, S. 76.

[30] Ср.: Strzygowski J., Указ. соч., S. 72

[31] Ср.: Krautheimer R. Introduction to an „Iconography of Medieval Architecture".—„Journal of the Warbourg and Courtauld Institutes". Vol. 5, 1942.

[32] Strzygowski J., Указ. соч., S. 81.

«прямоугольные помещения». Отсюда—и его буквальное понимание словосочетания ἐντὸς... τῶν... πεσσῶν как «внутри...прямоугольных помещений», и предположение о наличии шестнадцати колонн в два кольца, немыслимое без конъектуры в § 13.

Уже О. Вульф[33] заметил, что слово πεσσοί следует понимать как «пилоны» (на стыках соседних помещений), ибо только они одни и являются не просто «противоположными», но и расположенными в углах октогона, то есть «диагональными»— διαγώνιοι. Отсюда и его понимание словосочетания ἐντὸς... τῶν... πεσσῶν как «внутри...пилонов» (в углах октогона), и предположение о наличии восьми колонн в одно кольцо (в углах октогона) при наличии шестнадцати концентрических арок в два кольца, и признание неприемлемости конъектуры в § 13. А. Бирнбаум[34] подкрепил замечание О. Вульфа в отношении понимания слова πεσσοί соответствующими ссылками на труды Евсевия Памфила и Прокопия Кесарийского. Выводы О. Вульфа и А. Бирнбаума были приняты К. Манго[35] и М. Рестле[36], и отражены в нашем переводе. С. Гуйер[37] же оставил их без внимания (назвав к тому же мартирий в Нисе мартирием в Иконии)[38].

Однако даже если понимать слово πεσσοί как «прямоугольные помещения» или, что менее вероятно, «помещения», но признавать неприемлемой конъектуру в § 13, при отсутствии перед этим словом слова ἕκαστος —«каждый» (ср. §§ 4, 7) можно предложить несколько вариантов русского перевода, исходящих из понимания словосочетания ἐντὸς... τῶν... πεσσῶν как «между (всеми)... прямоугольными помещениями» (или «между (всеми)... помещениями») и совместимых с предположением о наличии восьми колонн в одно кольцо (в углах октогона) при наличии шестнадцати концентрических арок в два кольца.

Так или иначе, предположение о наличии шестнадцати концентрических арок в два кольца подкрепляется и тем, что в греческом тексте дважды подчеркивается мысль о подобном устройстве обоих колец арок: в первом случае—словосочетанием ἐξ ἴσου——«подобно», что было бы вполне достаточно, во втором случае—не переводимой на русский язык приставкой συν- —«вместе»—в слове συγκατασκευασμένοι: —«устроенные» (ср.: καθυπερκειμένη —«облегающая»; § 14), что было бы уже излишне, если бы не было нужно подчеркнуть, что оба кольца арок являются уступами одного кольца.

[33] Wulff O., Указ. соч., S. 557.
[34] Birnbaum A., Указ. соч., S. 205—206.
[35] Mango C., The Art..., p. 27.
[36] Restle M., Указ. соч., Bd. I, S. 76—77.
[37] Guyer S., Die Bedeutung..., S. 89—90.
[38] Там же. 104.

Таким образом, делая на основании греческого текста выбор между реконструкциями Б. Кайля и С. Гуйера и реконструкциями К. Манго, М. Рестле и авторов в обоих вариантах, можно с определенностью остановиться на последних. К тому же, первые не подтверждаются и никакими аналогиями (вдвое меньший диаметр купола по реконструкции С. Гуйера не может служить аргументом в пользу нее: диаметр купола по другим реконструкциям заключается в пределах между 8,58 м (по реконструкции авторов в первом варианте при римской системе мер) и 13,43 м (по реконструкциям К. Манго и авторов во втором варианте при византийской системе мер) минус удвоенный диаметр колонны, то есть не менее чем 1 м, и, следовательно, не превышает, например, диаметр купола баптистерия церкви Софии в Константинополе[39].

§ 6. Здесь риторика дает себя знать другим своим проявлением—метафорами, которые легко воспринимались современниками автора, но для нас должны быть расшифрованы. Слово στρόβιλος буквально значит «кружение». Единственный перевод, который мы можем представить себе,—это «округлый объем».

Слово εἵλησις (ср. § 11), если это только не искаженное εἴλυος —«покрытие», буквально значит «вращение», что и отражено в нашем переводе. Не исключен, однако, и перевод «свод»[40]. Тогда русский перевод всего предложения с этим словом звучал бы: «...свод образует форму кровли...».

В словосочетании ἐκ πλατέος... εἰς ὀξὺν σφῆνα «от широкого до острого клина»—hiatus: пропущен корреспондирующий gen. σφηνός после πλατέος. Отсюда—и наш перевод: «...от широкой до острой части конуса».

§ 7. ...высота... требует (столько) сколько аналогия ширины... Даже если понимать словосочетание ἀναλογία τοῦ πλάτους (ср. § 8) как «равенство ширине»[41], непонятно, идет ли речь о высоте помещений в целом или, что более вероятно, их высоте до пяты арки. Поэтому любая реконструкция разреза памятника (единственная была предложена Б. Кайлем[42]) будет достаточно гипотетичной.

[39] Krautheimer R., Early Christian and Byzantine Architecture. 2 ed., Harmondsworth, 1975, Ill. 164. Реконструкция А. Л. Якобсона противоречит всем возможным вариантам русского перевода греческого текста: в частности, необъяснимы и слово περιστήσονται—„будут расставлены" или, буквально, "будут стоять около"—по отношению к кольцу колонн, и слово ἔνδοθεν—„внутри"—по отношению к кольцу арок, не несомому кольцом колонн.

[40] Ср.: Birnbaum A., Указ. соч., S. 207–208.

[41] Там же, 204.

[42] Strzygowski J., Указ. соч., Abb. 63.

§ 8. ...сколько...даст след циркуля, воткнутого в середину стороны и прошедшего от центра до края ее, столько будет иметь глубина... В рукописи вместо βάθος—«глубина»—стоит πλάτος—«ширина». Но тогда высота полукруглых помещений, о которой идет речь далее, оказалась бы вдвое меньше высоты четырехугольных (что не характерно для центрических ротондальных купольных построек типа октоконха в Византии), и поэтому мы принимаем конъектуру Б. Кайля (возможно, πλάτος вместо βάθος попало в § 8 из § 9, где идет речь о толщине стены, и наоборот, хотя в § 10, где также идет речь о толщине стены, в рукописи также стоит βάθος). Не исключено, однако, что здесь мы сталкиваемся с описательным плеоназмом (ср. § 3), имеющим своей целью показать построение полукруглых помещений, и идет речь именно об их ширине, тогда как их глубина лишь подразумевается, ибо ничто не заставляет нас понимать все предложение в том смысле, что ширина полукруглых помещений равна раствору циркуля—половине стороны октогона. Вместе с тем, в центрических ротондальных купольных постройках «типа Ниноцминда» и «типа Рипсиме-Джвари» в странах Закавказья (ср. также церковь Панагии Камариотиссы на острове Халки[43] высота помещений по диагоналям (при значительно меньшей их ширине) значительно меньше высоты помещений по осям (не с определенным ли вольным толкованием греческого текста (этого письма или подобного документа) связаны эти постройки, в особенности, вторые (рис. 3)?).

§ 9. Толщина... стены внутри (т. е. при наличии) измеренных внутри (т. е. внутренних) размеров, (а именно) в три фута, обегает кругом все сооружение... Б. Кайль заменяет ἔσωθεν—«внутри»—рукописи на ἔξωθεν—«вне». Думается, в этом нет никакой необходимости, ибо ничто не заставляет нас понимать слово ἔσωθεν буквально, а не как оборот «при наличии, с учетом, в соответствии с...».

Здесь автор вновь прибегает к риторическому приему abstractum pro concreto. Поэтому не «стена», а «толщина... стены... обегает все сооружение...».

Это—также одно из самых сложных для понимания мест письма, ибо непонятно, как сочетается толщина стены с шириной выступов внутри, что послужило основой для расхождения реконструкций плана памятника в отношении размера сторон октогона.

По реконструкции авторов в первом варианте (рис. 2), размер сторон октогона равняется ширине выступов внутри. По реконструкции М. Рестле (рис. 2), размер сторон октогона равняется

[43] Mango C., Byzantine Architecture. N. Y., 1976. pl. 249—250.

ширине выступов внутри плюс удвоенная часть (0,58) толщины стены, причем расстояние между наружными сторонами пилонов равняется ширине выступов внутри плюс удвоенная толщина стены. По реконструкциям же К. Манго (рис. 2) и авторов во втором варианте (рис. 2), восходящим к реконструкции Б. Кайля, размер сторон октогона равняется ширине выступов внутри плюс удвоенная толщина стены.

Из § 8 может показаться, что размер сторон октогона равняется ширине выступов внутри, а из § 5,—что он больше ее (но насколько—по греческому тексту установить невозможно).

Таким образом, делая на основании греческого текста выбор между реконструкцией авторов в первом варианте, реконструкцией М. Рестле и реконструкциями К. Манго и авторов во втором варианте, нельзя с определенностью остановиться на какой-либо из них, хотя первая реконструкция кажется наименее вероятной. К тому же, лишь немногочисленные аналогии среди средневековых христианских памятников[44] свидетельствуют в пользу первой реконструкции. Многочисленные же аналогии среди позднеантичных и раннесредневековых христианских памятников[45], начиная с «храма Ограды» в Риме[46] или вестибюля «Золотой площади» виллы Адриана в Тиволи[47], свидетельствуют соответственно в пользу второй или третьей и четвертой реконструкции.

§ 11. Слово ἀνυπόστατος в словарях не встречается, но, судя по тому, что слово ὑπόστασις имеет значение «подпора», это слово нужно понимать как «бесподпорный». Слово εἴλησις—«вращение, кружение, закругление»—здесь нужно понимать в переносном смысле, также как иногда и в русском языке, как «завершение» или, точнее, «свод» (тем более, что свод имеет закругленную форму). К. Манго переводит словосочетание ἀνυποστάτους εἰλήσεις как «бескружальный свод» (и последующее слово τὰ ὑποστάθεντα—«подпоры»—как «кружала»), что лингвистически рискованно, но историко-архитектурно оправдано, поскольку применение кирпича в качестве строительного материала (см. § 12) не требует применения кружал.

§§ 11—12, 14. Повсюду игра слов: ὕλη—«лес»; ὕλη—«материал»; ὕλη—«материя»; ὕλαι—«материал».

§ 12. До нас все переводчики переводили двухкратное слово

---

[44] *Кузнецов А. В.* Тектоника и конструкция центрических зданий, т. 1, М., 1951.

[45] Там же.

[46] Там же, рис. 40, фиг. 2.

[47] Там же, рис. 20, фиг. 6, рис. 40, фиг. 3.

οἱ ἐνταῦθα как «здешние» и слово οἱ αὐτόθεν как «тамошние». Между тем, если слово ἐνταῦθα имеет значение и «здесь», и «там», то слово αὐτόθεν—только «здесь». Наш перевод логичнее, так как лучше увязывается с контекстом. Здесь идет речь о том, что на месте пребывания адресата письма можно нанять мастеров, но, во-первых, нанятые было там каменотесы или, буквально, «мастера на каменотесную работу» (где слово τετραπεδικός —«каменотесный» (ср.: λαξευτικός—«скульпторский» или, буквально, «камнерезный»; § 15) восходит к латинскому слову quadratarius—«каменотёс») автору письма не нужны, так как на месте его пребывания нет подходящего камня[48], и, во-вторых, мастера здесь—каменотесы (вероятно, в окрестностях) или каменщики определенных специальностей—лучше[49]; любая другая интерпретация греческого текста чревата противоречиями. Никто не обращал внимания на то, что избранный для памятника строительный материал—кирпич—не характерен для северо-восточной Малой Азии.

...тридцать мастеров на каменотесную работу по златнице (солиду) (всем в день)... Предположение, что вся работа всех (или дневная работа каждого) расценивается в солид, немыслимо в свете представлений об экономике конца IV в. А о том, что плата мастеру будет по числу дней при определенном объеме дневной работы, идет речь в § 16. Отсюда— и наш перевод[50], хотя ничто не заставляет нас понимать весь греческий текст в том смысле, что условия договора с ненужными каменотесами идентичны условиям договора с нужными мастерами, что каменотесная работа идентична всей работе и что исключен поэтому перевод: «...(каждому за все)...» (или «...(всем за все)...»).

Здесь имеется блестящий пример риторической метафоры. Словосочетание τετριμμένη τροφή буквально значит «побитая пища». До нас все переводчики понимали «пищу» буквально, как «еду», не связывая это словосочетание с контекстом, в котором идет речь о строительных материалах. И переводили, поэтому, это словосочетание то как «подобающая пища» (русский синодальный перевод), то как «условленная» (Б. Кайль), то как «приготовленная» (К. Манго). Между тем слово τρίβω, от которого и part. perf. τετριμμένος, имеет значения, все связанные только с понятиями «бить, колоть». Это и навело нас на мысль, что и здесь идет речь об обработке камня и что «побитая пища»—это обработанный материал (или, точнее, камень). Перевод «наломанный» исходит из значения part. perf. и из того представления, что предварительная

[48] Strzygowski J., Указ. соч., S. 80.
[49] Mango C., Byzantine..., p. 27.
[50] Там же, p. 27.

обработка камня при добыче и окончательная при строительстве производились разными мастерами. Естественно, что то, кем будет предоставлен материал, влияет на расценку работы. А о том, что материал будет предоставлен заказчиком, идет речь в § 14.

§ 13. ...в восьми колоннах... Б. Кайль безо всякой необходимости вставляет перед ὀκτώ—«восемь»—рукописи δίς—«дважды», ибо ему нужно получить шестнадцать колонн в два кольца в § 5.

Слово βωμοειδής встречается только однажды, в этом письме. Б. Кайль и К. Манго переводят слово βωμοειδεῖς буквально, как «алтареобразные», как дано и в нашем переводе. Слово σπεῖρα встречается в следующем контексте: σπεῖρα δὲ ἡ τοῦ Ἰωνικοῦ (κίονος βάσις) (Pollux, VII, 121)[51]. Поскольку здесь далее идет речь о капителях коринфского ордера, а базы коринфского ордера близки базам ионического, то появление этого слова не случайно. При этом по контексту совершенно ясно, что слово σπεῖρα употребляется вместо слова βάσις—«базы», что и отражено в нашем переводе.

§ 14. ...вход..., (а именно) облегающая рама... Мы, в противоположность всем предыдущим переводчикам, предлагаем считать, что вторая часть этого предложения лишь конкретизирует первую, относясь к тому же самому предмету. Ибо слово εἴσοδοι может обозначать и абстрактно вход: и створки двери, и дверной проем, тогда как слово θυρώματα—преимущественно дверную раму (и никак не дополнительные входы[52] или оконные рамы[53]). Тогда слово καθυπερθυρώματα не отражает приставочный плеоназм, а как нельзя лучше выражает функцию дверной рамы: «облегающая».

§ 17. ...отгородился... не прошли. Здесь приводится парафраза Библии (Лук. 16, 26).

§ 18. Словосочетание τὴν... εὐγνωμοσύνην καὶ τὴν... ἀποπλήρωσιν можно понимать и как оборот ἓν διὰ δυοῖν: «благоразумие (или благорасположение) и выдачу — благоразумие (или благорасположение) в отношении выдачи.

На этом мы закончим комментарий, так как ещё более увеличенный текстологический комментарий перегрузил бы настоящую статью в сущности неважными для понимания письма как источника по истории раннесредневековой христианской архитектуры подробностями. К тому же наше понимание всех остальных темных мест и терминов письма читатель найдет заключенным в скобки в соответствующих местах русского перевода. Более же общие рассуждения относительно мартирия в Нисе и письма Григория

---

[51] Ср.: Strzygowski J., Указ. соч., S. 80.
[52] Ср.: Guyer S. Die Bedeutung..., Abb. 6.
[53] Ср.: Birnbaum A., Указ. соч., S. 207.

Нисского Амфилохию Иконийскому целесообразно вынести в основной текст настоящей статьи, так как они имеют более универсальный смысл, не связанный непосредственно с конкретным толкованием греческого текста.

III

Таким образом, как явствует из исследования письма Григория Нисского Амфилохию Иконийскому, мартирий в Нисе представлял собой в плане характерную для позднеантичной и раннесредневековой христианской архитектуры центрическую ротондальную купольную постройку типа поликонха, точнее, типа октоконха, с примыкающими к октогону (в центре) четырьмя четырехугольными (по осям) и четырьмя полукруглыми (по диагоналям) выступами и с восемью колоннами в одно кольцо (в углах октогона, отличаясь лишь отношением ширины и глубины четырехугольных выступов (1:1,5 вместо обычного 1:0,5).

С одной стороны, описание мартирия в Нисе (если, конечно, он был построен!) свидетельствует о существовании по соседству со странами Закавказья близких и ранних аналогов центрических ротондальных купольных построек типа поликонха, точнее, типа октоконха и «типа Ниноцминда» и «типа Рипсиме-Джвари», в раннесредневековой архитектуре стран Закавказья. При поисках истоков в процессе изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья нельзя попросту отмахнуться от существования несохранившегося мартирия в Нисе, как и сохранившегося мартирия в монастыре Мар Габриел в Картамине, в восточной Северной Месопотамии[54]. (Следует учесть, во-первых, армянские и грузинские переводы творений Григория Нисского[55]; и, во-вторых, усилившиеся после 591 г. контакты стран Закавказья с Малой Азией, в частности, связь с Малой Азией антикатоликоса Армении Иоанна III и католикоса Грузии Кюриона, современников строительства церкви в Аване и большой церкви Джвари в Мцхете).

С другой стороны, описание мартирия в Нисе (и вообще письмо Григория Нисского Амфилохию Иконийскому), наряду с некоторыми другими незакавказскими письменными источниками, свидетельствует о многих сторонах организации строительства. При заполнении пробелов по аналогии в процессе изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья также нельзя

[54] Krautheimer R. Early Christian... Ill. 262.

[55] *Абегян М.* История древнеармянской литературы, Ереван, 1975. Кекелидзе К. Чужеземные авторы в древнегрузинской литературе.—Кекелидзе К. Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. 5, Тбилиси 1957.

попросту отмахнуться от существования описания мартирия в Нисе, как и некоторых других незакавказских письменных источников.

Если значение самого мартирия в Нисе для изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья может представляться спорным, то значение описания мартирия в Нисе должно представляться абсолютно бесспорным—остановимся на этом.

Во-первых, описание мартирия в Нисе свидетельствует о контроле церкви над строительством, точнее, о четком представлении представителей церкви (тем более, в качестве заказчиков) об архитектурной иконографии памятника.

Согласно средневековым христианским письменным источникам, памятник и отчасти его архитектурная иконография рассматривались как «богоявленные», прежде всего, верхушке духовной и светской иерархии. Характерными примерами могут служить многие закавказские нарративные источники, начиная с «Истории» Агатангелоса[56] с описанием строительства первого собора Эчмиадзина и анонимным «Обращением Картли»[57] с описанием строительства первого собора Свети Цховели.

Характерными примерами могут служить и некоторые незакавказские нарративные источники. Например, в «Житии святого Порфирия Газского» Марка Диакона[58] говорится: «После того, как Марнейон был полностью сожжён..., блаженный епископ (Порфирий Газский) вместе со святым клиром и христианским народом решил построить церковь на месте сожжённого согласно откровению, которое он видел, когда он был в Константинополе... Он сказал: «Предоставим это (т. е. план (θέσις)) ...воле Божьей»». В анонимном «Житии святой Марты»[59] говорится: «В святой день Господень (т. е. воскресенье) слуга Божий Симеон (Столпник Младший) ...повелел, чтобы был начертан (план (σκάριφος)) триконховой молельни по образу (плана), который был начертан блаженной женщиной (Мартой) и показан ему (в откровении)». В анонимной «Повести о (церкви) святой Софии»[60] говорится: «Форма церкви была открыта императору (Юстиниану I) ангелом Господним».

Характерными примерами могут служить и многие закавказские строительные надписи, начиная со строительных надписей

---

[56] Ագաթանգեղայ Պատմութիւն Հայոց, Տփղիս, 1909.

[57] *Такайшвили Е. С.* Источники грузинских летописей. Три хроники.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Вып. 28, 1900; ძველი ქართული აგიოგრაფიული ლიტერატურის ძეგლები. ტ. I, თბილისი, 1963.

[58] Mango C., The Art..., p. 30—31.

[59] Там же, p. 126—127.

[60] Mango C. The Art..., p. 96.

церкви в Мастаре[61] с формулами «Бог дал построить» и «Повелением Бога построено» и кончая некоторыми поздними строительными надписями [62] с формулой «Волею Бога построено».

За выбор архитектурной иконографии отвечали скорее не архитекторы (которые были скорее организаторами работ, главами мастеров)[63], а заказчики при участии представителей церкви (если заказчики сами не были представителями церкви). Характерными примерами могут служить многие закавказские нарративные источники, начиная с тех же «Истории Агатангелоса»[64] с описанием строительства первого собора Эчмиадзина и анонимным «Обращением Картли»[65] с описанием строительства первого собора Свети Цховели.

Характерными примерами могут служить и некоторые незакавказские нарративные источники. Например, в приведённом «Житии святого Порфирия Газского» Марка Диакона[66] далее говорится: «Пока место расчищалось, прибыли сановники с письмами вечной памяти императрицы Евдоксии... На... листе, вложенном в письмо, был план (σκάριφος) святой церкви в форме креста...; и письмо содержало распоряжение, чтобы святая церковь была построена согласно этому плану... Святой епископ (Порфирий Газский) нанял архитектора Руфина из Антиохии, надёжного и опытного человека, и именно он закончил всё строительство. Он взял мел и начертил план ([illegible]) святой церкви по образу плана (σκάριφος), который был прислан благочестивейшей Евдоксией. Святой же епископ совершил молитву и коленопреклонение и повелел народу копать». В приведённом анонимном «Житии святой Марты»[67] далее говорится: «Пока они (т. е. монахи) чертили его (т. е. план (σκάριφος)), о чудо, собралась толпа каменщиков из страны Исаврии и других мест, люди..., которые, придя к святому (Симеону Столпнику Младшему) с большой верой..., попросили, чтобы их допустили выполнить работу». В приведённой анонимной «Повести о (церкви) святой Софии»[68] не называются имена Анфимия из Тралл и Исидора из Милета.

[61] *Մանուչարյան Ա. Ա. Քննություն Հայաստանի IV—XI դարերի շինարարական վիմագրերի, Երևան, 1977, էջ 54.*

[62] Там же, էջ 110; *Чубинашвили Г. Н.* К вопросу о местоположении трех Болниси.—Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории искусства. Исследования и заметки, т. I, Тбилиси, 1970, с. 307.

[63] Mango C. Byzantine..., p. 27.

[64] *Ագաթանգեղայ Պատմութիւն...;*

[65] *Такайшвили Е. С.*, Указ. соч.;

[66] Mango C. The Art..., p. 31.

[67] Mango C. The Art..., p. 127.

[68] Там же, p. 96 ff.

Характерными примерами могут служить и некоторые закавказские канонические источники. По словам 15 правила «Правил отцов, выступавших после апостолов» в армянской «Книге правил»[69], «да осмеливается расчерчивать с правоверием основания (himунк') церкви только епископ, или хорепископ, или перетут повелением епископа. Итак, если без епископа или без хорепископа кто-то осмеливается, повелели (мы) уничтожать те основания»[70]. По словам же «Чина основания церкви» католикоса Иоанна I Мандакуни в армянском «Требнике»[71], «Божий епископ созывает лик святоправный богослужителей, и (они) отправляются в место, по достойному выбранное; и приносят 12 невыделанных и нетёсанных средней величины камней. И читают псалмы числом 15... Диакон проповедует... И затем устанавливают один камень в основание церкви в центре алтаря и другие невыделанные камни по четырём углам (и) продвигаются с зажжёнными свечами и воскурением ладана. Епископ читает такую молитву... И затем повелевает архитектору (ч'артарапет) взять измерительный инструмент и расчерчивает место по воле строителя (шинол). Затем святым елеем освящает камни и четыре угла, говоря... Это говорит епископ и иерей на четырёх углах. После этого совершается

[69] *Կանոնագիրք Հայոց, Հ. Ա, Երևան, 1964։*

[70] Эти слова находят аналогии в незакавказских канонических источниках. По словам 4 правила IV Вселенского (Халкедонского) собора в русской «Книге правил» (Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1901), «поелику некоторые, для вида употребляя одежду монашескую, расстраивают церкви и гражданские дела, по произволу ходя по градам, и даже монастыри сами для себя составлять покушаются, то рассуждено, чтобы никто нигде не созидал и не основывали монастыря или молитвенного дома без соизволения епископа града». По словам 17 правила VII Вселенского (II Никейского) собора (там же), «некоторые из монахов, желая начальствовати, от послушания отметаяся, оставив свои монастыри, предприемлют созидати молитвенные дома, не имея потребного к совершению оных. Аще убо (т. е. если же) кто дерзнёт сие творити, да будет ему возбранено от местного епископа. Аще (т. е. если) же имеет потребное к довершению, то преднамеренное им да приведётся к концу. Сие же самое соблюдати и для мирян, и для клириков». По словам же I правила поместного Константинопольского «двухкратного» собора (там же), «да не будет позволено никому созидати монастырь без ведения и соизволения епископа, но с его ведением и разрешением и с совершением подобающей молитвы, якоже древле богоугодно законоположено, монастырь да созидается».

[71] *Мурадян П. М.* Строительство и освящение культовых зданий по армянским источникам.—«Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока», вып. 10, 1978, с. 129—130.

такое пение: 89 псалом, ирмос... Затем епископ берёт кирку в руки и ударяет по земле, которую расчертил мастер: 3 (раза) на востоке, 3 (раза) на западе, 3 (раза) на юге, 3 (раза) на севере. И отдаёт рабочим и ставит 12 камней в алтаре на четырёх углах, которые отметил епископ. И совершают литургию на том месте, где устанавливается алтарь»[72]. В свете лишь приведённых бесспорных для понимания незакавказских нарративных источников (в особенности, «Жития святого Порфирия Газского» Марка Диакона[73]) кажется вероятным, что в этих словах подразумеваются, во-первых, архитектор, обозначаемый армянским словом ч'артарапет (соответствующим грузинскому слову **хурот'модзгуари** и греческому слову ἀρχιτέκτων и не переводимым русским словосочетанием «глава мастеров»), и, во-вторых, не строитель-архитектор, а строитель-заказчик, обозначаемый двухзначным армянским словом шинол (соответствующим также двухзначным грузинскому слову машенебели и греческому слову οἰκοδόμος); под «волей» же заказчика подразумевается, во-первых, возможность выбора размеров памятника в соответствии с вкладываемыми денежными средствами и, во-вторых, возможность выбора образца для памятника в рамках канонизированной архитектурной иконографии, подобно тому, как говорится в «Истории» Степаноса Таронеци Асолика[74]: «Царь Гагик возымел благую мысль по образцу обширной церкви во имя святого Григория, что была у Калакудашта и в то время лежала обрушенная в развалинах, выстроить церковь таких же размеров и такой же архитектуры в городе Ани»[75].

---

[72] Эти слова находят аналогии в незакавказских канонических источниках. По словам «Чина основания храма» в русском «Требнике» (Требник. М., 1817) (в модернизированном чтении), «украсивши себя основанием должного воздвигнуться храма, приходит туда архиерей и, наложив епитрахиль и омофорий свой, (или посланный архиереем архимандрит, или протопресвитер, или иерей..., наложив епитрахиль и фелонь) глаголет... Лик... И... Начальствующий же кадит основание вокруг. Певцы же глаголют отпустительный тропарь святого, во имя которого должен воздвигнуться храм, и иные тропари, которые хочет предстоятель (т. е. начальствующий). И став на месте, на котором святой жертвенник (т. е. алтарь) должен быть, (начальствующий) глаголет молитву сию: Диакон... Лик... Начальствующий... И после молитвы творит отпуст. И взяв один из камней и начертав им крест, сам начальствующий полагает его в основание, глаголя... И тотчас же берет для сего приготовленный крест и водружает его на месте, где должна быть святая трапеза (т. е. алтарь), глаголя молитву сию...».

[73] Mango C. The Art..., p. 31.

[74] *Степанос Таронский Асохик.* Всеобщая история. М., 1861, с. 204.

[75] Кроме того, кажется вероятным, что в строительной надписи в Текоре

Архитекторам была уготована анонимность[76]. Характерными примерами могут служить раннесредневековые закавказские строительные надписи (наряду с другими раннесредневековыми закавказскими письменными источниками), которые, как показал П. М. Мурадян[77], называют «строителем (шинол, машенебели)», прежде всего, заказчика и крайне редко,—его в сопровождении других лиц и на первом месте упоминают не архитектора. Например, строительная надпись церкви в Текоре[78] и строительная надпись церкви в Багаване[79]. Исключением, возможно, является строительная надпись церкви в Атени[80] (наряду с гомилией хорепископа Иоанна[81]). В этом плане нуждаются в тщательном обосновании все точки зрения об упоминании в закавказских письменных источниках именно архитекторов, а не заказчиков или представителей церкви, участвовавших в строительстве (если заказчики сами не были представителями церкви) или возглавлявших его (если заказчики сами не были активными участниками строительства), подобно тому, как говорится в «Истории» Сумбата Давитис-дзе[82]: «(Царь) Адарнасе... построил Ба-

(Մանուչարյան Ա. Ա. Указ. соч., 39) Саак Камсаракан и католикос Иоанн I Мандакуни, называемые соответственно «строителем» «мартирия (вкайаран)» и «основателем» «места(тела)» его «рукой (и дзерн)» в ее первой и второй частях, являлись строителями одного и того же памятника: в строительной надписи церкви в Багаване (Там же, 70) католикос Эзр называется одновременно «основателем» «церкви (екегеци)» и «завершителем» «места (тела)», а в «Истории» Сумбата Давитис-дзе (Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Тбилиси, 1979, с. 34) царь Адарнасе называется «строителем» церкви в Бана «рукой (хелита)» епископа Кюрике Банели.

[76] Mango C., Byzantine..., p. 24.

[77] *Мурадян П. М.*, Указ. соч.

[78] *Մանուչարյան Ա. Ա.*, Указ. соч., էջ 39.

[79] Там же. էջ 70.

[80] *Джавахов И.* К вопросу о времени построения грузинского храма в Атени по вновь обследованным эпиграфическим памятникам,—«Христианский Восток», т. I, вып. 3, 1912. Если в первой армянская буква ш представляет собой начало армянского слова шинол, а во второй армянское слово вардапет (вместо Чартарапет) соответствует греческому слову ἀρχιτέκτων (вместо ἐργ-άτης, или τεχνίτης—„мастер"—как в § 10 исследованного письма).

[81] Если в первой, в отличие от строительной надписи церкви Звартноц (*Մնացականյան Ս. Խ., Զվարթնոցը և նույնատիպ հուշարձանները, Երևան, 1971, էջ 11*), иноязычная среда повлекла за собой отклонение от нормы (и это именно строительная надпись, а во второй армянское слово соломонанман—„подобный Соломону"—значит лишь „искусный". (Ср.: Мурадян П. М. Указ. соч., с. 135).

[82] *Сумбат Давитис-дзе*, Указ. соч., с. 34.

ну рукою Кюрике Банели, который стал первым епископом в Банеэ»[83].

Во всяком случае, роль архитекторов в выборе архитектурной иконографии памятника не следует преувеличивать, как не следует преуменьшать и роль заказчиков и представителей церкви, хотя нельзя не учитывать и влияние на представления о творчестве в средневековых христианских письменных источниках представлений Библии (Исх. 25, I сл.; II Цар. 7, 13; III Цар. 5, I сл.; I Пар. 22, I сл.; II Пар. 2, I сл.) с описаниями строительства скинии Моисея и храма Соломона.

Во-вторых, описание мартирия в Нисе свидетельствует о повышенном интересе заказчиков прежде всего к архитектурной иконографии памятника, то есть плану и объёму, при относительном безразличии к строительной технике. По замечанию Р. Краутхаймера[84], «каменное перекрытие... возникло в результате не выбора, а необходимости... Григорий Нисский подчёркивал: «Редкость дерева приводит нас к тому мнению, чтобы покрыть камнем всю постройку». Считать каменное перекрытие усовершенствованием по сравнению с деревянным—предвзятый подход, характерный для XIX в., и от него следует отказаться».

В-третьих, хотя методы пропорционирования памятников являются специальным вопросом, отметим, что описание мартирия в Нисе свидетельствует о создании планов и объёмов памятников путём простейших геометрических построений (в данном случае

---

[83] Кроме того, нуждается в обосновании точка зрения, что лицо, называемое «строителем» его «рукой» (в дзери, хелита)» в закавказских письменных источниках, всегда являлось архитектором (ср. Мурадян П. М., указ. соч., с. 135): ни католикос Иоанн I Мандакуни, называемый в строительной надписи церкви в Тэкоре (*Մանուչարյան Ա. Ա.*, указ. соч., с. 39), ни «родом питиахши», называемые в строительной надписи церкви в Самшвилде (*Чубинашвили Н.* Самшвилдский Сион (его место в развитии грузинской архитектуры VIII—IX вв.), Тбилиси, 1969, с. 27—28), ни епископ Кюрике Банели, называемый в приведенной «Истории» Сумбата Давитис-дзе (указ. соч., с. 34), не являлись архитекторами (как и царь Соломон Библии II. Цар. 7, 13; III Царь 5, I сл., I Пар. 22, I сл.; II Пар. 2, I сл.;), которому уподобляется «строитель» гомилии хорепископа Иоанна (Мурадян П. М., указ соч. с. 135).

[84] Krautheimer R., Early Christian..., p. 143—144.

[85] Cuneo P. Les modèles en pierre de l'architecture arménienne.—„Revue des études arméniennes". Nouv. ser. t. 6. 1969; Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1963; Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977; Мосулишвили Г. Д. Закономерности построения структуры в грузинской монументальной купольной архитектуре IV—XVII вв. Автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1982; Халпахчь-

на основе ширины выступов внутри), то есть о наличии простейшего метода пропорционирования памятников, типа, установленного Т. Е. Геворкяном[86] на материале армянских однонефных базиликальных построек (хотя в данном случае скорее числового, чем геометрического)[87]. Аналогией описания мартирия в Нисе здесь может служить, например, «История» Товмы Арцруни[88] с описанием строительства дворца на острове Ахтамар. Даваемые, например, в приведённом «Чине основания церкви» католикоса Иоанна I Мандакуни в армянском «Требнике»[89] и в приведённом «Житии святого Порфирия Газского» Марка Диакона[90] сведения о разбивке плана во время богослужения за относительно короткое время косвенно подтверждают наличие простейшего метода пропорционирования **памятников.**

Кроме того, отметим, что описание мартирия в Нисе вроде бы свидетельствует о связи метода пропорционирования памятников с числовой символикой в размерах памятников, восходящей к античной пифагорейской[91], сочетающейся со средневековой христианской[92] и отмеченной особой привязанностью к числам первого десятка, начиная с 3, и далее к числам 12, 60 и, в особенности, 100[93] (в данном случае ширина выступов внутри составляет 8 локтей, или 12 футов, толщина стены — 3 фута, или 2 локтя, и не случайно выражена именно в футах, как и размеры в целом). Аналогией описания мартирия в Нисе здесь может служить

ян О. Х. К проблеме гармонизации памятников армянского зодчества. — „Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока", вып. 10, 1976.

[86] *Геворкян Т.* О построении планов базиличных церквей Армении раннего средневековья. — II Международный симпозиум по армянскому искусству. Сборник докладов, т. 2, Ереван, 1981.

[87] Желоховцева Е. Ф. Геометрические структуры в архитектуре и живописи Древней Руси. — Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980.

[88] *Թովմա վարդապետ Արծրունի, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Տփխիս, 1917, էջ 295։*

[89] *Мурадян П. М.*, указ. соч., с. 129—130.

[90] Mango C. The Art..., p. 31.

[91] *Михайлов Б. П.* Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967; *Рожанский И. Д.* Античная наука. М., 1980.

[92] Sauer J. Symbolik des Kirchengebäudes und seiner Ausstattung in der Auffassung des Mittelalters. 2 aufl. Freiburg im Breisgau, 1924; Krautheimer R. Introduction to an „Iconography of Medieval Architecture". — „Journal of the Warburg and Courtauld Institutes". Vol. 5, 1942; Mathew G. Byzantine Aesthetics. L., 1963.

[93] *Афанасьев К. Н.* От Пантеона до Софии Киевской. — Культура и искусство Древней Руси. Л. 1967; Полевой В. М. Искусство Греции. Древний мир. М., 1970; Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973.

29 глава I книги «Завета Господа нашего Иисуса Христа»[94] со следующим описанием: «Да будет дом баптистерия внутри перистиля, в длину 21 локоть по образу общего числа пророков и в ширину 12 локтей по образу (числа) тех, которые были избраны

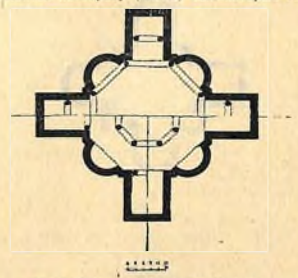

Рис. 1. Мартирий в Нисе. Реконструкция плана

проповедовать Евангелие». Однако даваемые, например, в приведённой «Истории» Степаноса Орбеляна[95] и в «Церковной истории» Евагрия Схоластика[96] размеры соответственно церкви Петроса и Погоса в монастыре Татев и церкви Софии в Константинополе, вроде бы подтверждающие эту связь, расходятся с истинными их размерами.

Наконец, в-четвёртых, описание мартирия в Нисе свидетельствует о некоторых других сторонах организации строительства, в частности, об организации артелей мастеров[97].

Таково значение мартирия в Нисе и описания мартирия в Нисе для изучения раннесредневековой архитектуры стран Закавказья.

[94] *Mango C.* The Art..., p. 25.

[95] *Ստեփաննոս Օրբելեան, Պատմութիւն նահանգին Սիսական, Տփղիս, 1910, էջ 224.*

[96] *Mango C.* Art..., p. 80.

[97] См.: *Халпахчьян О. Х.* Строительные традиции народных мастеров Армении.—«Архитектурное наследство» т. 3, *Халпахчьян О. Х.* К проблеме...; *Mango C.* Byzantine Architecture. N. Y. 1976.

8—150

Рис. 2. Мартирий в Нисе. Реконструкция плана

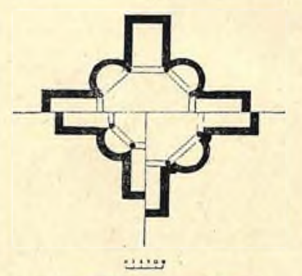

Рис. 3. Построение плана памятника

ПУБЛИКАЦИИ

ПОУЧЕНИЯ СИЛЬВАНА (Наг Хаммади VII, 4)

Введение, перевод и примечания

А. Л. ХОСРОЕВ

Большое собрание коптских папирусов, открытое в 1945 году около поселения греко-римского времени Хенобоскии (Верхний Египет, современный район Наг Хаммади)[1], состоит из 12 книг—кодексов[2], в которых находятся 52 текста (около 1130 страниц)[3]. Почти все сочинения—религиозные трактаты[4]: раннехристианские, гностические, герметические. Шесть из них ранее были известны либо на греческом (VI, 5[5]: Государство Платона; VI, 7: Молитва благодарения[6]; XII, 1: Поучения Секста[7]), либо на латинском (VI, 8: Асклепий), либо на коптском (II, 1: Апокриф Иоанна; Премудрость Иисуса Христа). Еще шесть текстов—дуб-

[1] Подробно об истории находок см. The Nag Hammadi Library in English: *J. M. Robinson*. Introduction. Leiden, Brill, 1977, p. 21—25. О раскопках, проводимых на этом месте см. *J. M. Robinson*, The 1-st Season of the Nag Hammadi Excavation 27 Nov.—19 Dec. 1975.—Göttinger Miszellen, Hft. 22, 1976, S. 71—79; The Second Season... 22 Nov.—29 Dec. 1976.—GM, Hft. 24, 1977, S. 57—73.

[2] Тринадцатая книга пострадала уже в древности, и от нее уцелело лишь 8 листов, вложенных в шестую книгу, см. The Facsimile Edition of the Nag Hammadi Codices. Codises XI, XII, XIII. Leiden, Brill, 1973, p. XV—XVI.

[3] Ср., однако, *M. Krause*, Der Stand der Veröffentlichung der Nag Hammadi-Texte.—Studies in the History of Religions (Suppl. to Numen, XII). Leiden, 1967, S. 62, где говорится о 51 тексте. К. Рудольф (*K. Rudolph*, Die Gnosis. Leipzig, 1977, S. 48) говорит о 53 текстах (1153 страницы).

[4] Единственным исключением является отрывок из Государства Платона (588 B—589 B).

[5] Здесь и далее римская цифра обозначает порядковый номер кодекса, арабская—номер трактата. Общепринятую теперь классификацию рукописей см. *M. Krause*, Der koptische Handschriftenfund bei Nag Hammadi.—Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo (MDAIK), Bd. 18, 1962, S. 121—132.

[6] Эта герметическая молитва известна и в латинском переводе.

[7] Полный текст известен по двум греческим рукописям, а также в латинском, сирийском, армянском и грузинском переводах, см. *H. Chadwick*. The Sentences of Sextus. Cambridge, Univ. Press, 1959.

ликаты (III,2 и IV, 2: Евангелие египтян; III, 3 и V, 1: Блаженный Евгност; I,3 и XII, 2: Евангелие истины; II, 5 и XIII, 2: О происхождении мира; II, 1, III, 1 и IV, 1: Апокриф Иоанна). От некоторых произведений ранее было известно несколько фрагментов (на греческом—II,2: Евангелие Фомы; два на коптском—II, 5: О происхождении мира и VII, 4: Поучения Сильвана), но они не могли быть идентифицированы, пока в руках исследователей не оказался полный текст. Некоторые произведения настолько фрагментарны (VIII, 1: Зострианос, трактат, занимавший 132 страницы, но дошедший до нас в плачевном состоянии; IX, 1. Мельхиседек; IX, 3: Свидетельство истины и т. д.), что число сочинений, содержащих более или менее полный текст, сокращается до тридцати[8].

В языке текстов различаются две основные группы: рукописи I, X и первая часть XI написаны на поддиалекте субахмимского, а остальные сочинения—на саидском диалекте с архаизмами и сильным влиянием ахмимского и субахмимского диалектов[9].

Вся библиотека была переписана 8 писцами: один переписал пять рукописей (IV—VI, VIII и IX), четверо других переписали по одной рукописи (II, III, XII и XIII), шестому принадлежит X и часть I рукописей, седьмому достались часть I рукописи и два первых трактата XI рукописи, восьмой переписал всю VII рукопись и 3 и 4 трактаты XI рукописи[10].

После исследования переплетов[11] рукописей становится очевидным, что здесь также трудился не один человек, а по меньшей мере три: первая группа (IV, V, VIII) характеризуется весьма скромным оформлением переплета, что свидетельствует об экономии материала; вторая (II, VI, IX, X)—усовершенствованной техникой и более высоким эстетическим качеством; третья—весьма примитивна и не имеет ярко выраженных отличительных черт[12].

Как теперь можно увидеть, в одной и той же рукописи не встречаются дублеты; все дублеты написаны разными переписчиками; все дублеты находятся в разных группах переплетов. Это,

---

[8] Подробно см. *Robinson*, Introduction, p. 12.

[9] *M. Krause*. Zum koptischen Handschriftenfund bei Nag Hammadi.— MDAIK, Bd. 19, 1963, S. 113.

[10] *M. Krause*, Bd. S. 111.

[11] Двенадцатая рукопись не имеет переплета, и было высказано предположение, что она не принадлежала библиотеке из Наг Хаммади, см. *F. Wisse*. Die Sextus Spruche und des Problem der gnostischen Ethik.—*Zum* Hellenismus in den Schriften von Nag Hammadi (Göttinger Orientforschungen, VI. Bd. 2) Wiesbaden, 1975, S. 57.

[12] *Robinson*, Introduction, p. 14.

кажется, свидетельствует в пользу того, что библиотека из Наг Хаммади была составлена из более маленьких книжных собраний или отдельных книг[13].

Датировка по письму в ранних коптских текстах не имеет надежных критериев, поскольку нет датированных ранних коптских рукописей[14]. Однако греческие и коптские папирусы, обнаруженные в картонаже переплетов библиотеки из Наг Хаммади[15], проливают свет на этот вопрос. Некоторые документы, составляющие картонаж седьмой рукописи, имеют точную датировку: две расписки в получении пшеницы (20 ноября 341 г. и 21 ноября 346 г.), ручательство (октябрь 348 г.). Последний документ является terminus a quo для переплета этой рукописи[16]. Но если принять во внимание тот факт, что рукописи переплетались сразу после написания[17], то временем возникновения седьмой рукописи следует считать конец 40-х — начало 50-х годов IV века[18]. Остальные рукописи по палеографическим особенностям исследователи датируют примерно тем же временем[19].

Документы из картонажа I рукописи позволяют установить и место возникновения этих коптских памятников. Из «обязательства маслоделов», датированного концом III — началом IV вв.[20], видно, что этот текст, пошедший в переплет, возник около Диосполиса Малого (город по соседству с Хенобоскией) — т. е. недалеко от того места, где были найдены рукописи. Вероятно, где-то здесь рукописи были переписаны и переплетены.

Местечко Хенобоския, которое упоминается в документах из картонажа, известно тем, что здесь основатель монашества в Верхнем Египте Пахом (292—346) стал учеником известного анахорета Паламона. Недалеко от места, где были найдены рукописи (8,7 км), в Пабау, находился монастырь, в котором Пахом провел последние годы жизни[21]. Отрывок из коптского письма, со-

---

[13] *Robinson*, Introduction, p. 15.

[14] *W. Till*: W. C. van Unnik, Evangelien aus dem Nilsand, 1960, s. 156.

[15] Greek and Coptic Papyri from the Cartonage of the Covers. Ed. by J. W. B. Barns, G. M. Browne and J. C. Shelton (Nag Hammadi Studies, XVI). Leiden, Brill, 1981.

[16] Ibid., p. 5, 53—58.

[17] *R. Kasser*, Fragments du Livre Biblique de la Genèse cachés dans la reliure d'un Codex gnostique.—Le Muséon, T. 85, 1972, 1—2, p. 68.

[18] Рукописи *I, X, XI* представляют одну группу с VII, поскольку переписаны одной группой переписчиков; следовательно, датируются тем же временем.

[19] *M. Krause*. Rez.: M. Kramer. Koptische Paläographie. Wiesbaden, 1964.— Bibliotheca Orientalis, XXIII, 1966, N. 5—6, s. 287.

[20] Greek and Coptic Paryri..., p. 15—17.

[21] Van Elderen, Robinson, The second Season..., p. 58—59.

держащий обращение Пафнутия к «моему возлюбленному отцу Пахому»[22], наводит на мысль, а не был ли адресат самим Пахомием Великим, а его корреспондент первым экономом монастыря—Пафнутием[23]? Данные почерпнутые из текстов картонажа (всего 153 греческих и 19 коптских документов), позволяли предположить, что библиотека была собственностью монастыря Пахома[24] (или, может быть, члена монастырской общины).

Приняв эту точку зрения, можно объяснить, почему во второй половине IV в. библиотека была погребена. В 367 г. Афанасий Великий написал Пасхальное письмо, направленное против еретиков и апокрифических книг. Тогдашний глава пахомовых монастырей Феодор приказал перевести письмо на коптский и поместить его в монастыре, чтобы оно служило руководством для братии при выборе книг[25]. Вероятно, после этого владелец и решил избавиться от библиотеки.

Такова вкратце история коптской библиотеки из Наг Хаммади. Мы можем установить, когда и где она возникла, когда была похоронена, предположить, кто были ее владельцы. Сложнее обстоит дело с греческими оригиналами, подавляющая часть которых неизвестна. Никакие вспомогательные дисциплины, как в случае с коптскими текстами (раскопки на месте находок—археология; язык памятников—лингвистика; анализ документов картонажа—папирология; палеография) не могут способствовать исследованию. Здесь можно придти к определенным заключениям лишь на основе историко-филологического анализа вторичного, т. е. переводного коптского текста. Специфика последнего,—а именно использование греческих слов там, где коптский язык либо не может передать все нюансы греческого термина, либо слово уже прочно вошло в обиходную лексику копта,—оказывается незаменимым подспорьем в исследовании, если речь идет о несохранившемся греческом оригинале того или иного памятника. Чем больше сложность оригинала (языковая, терминологическая, догматическая) и чем ниже мастерство и образованность переводчика, тем большее количество греческой терминологии попадает в коптский текст. Такой текст, может быть, не так интересен для коптолога, но является по сути дела богатым кладом для исследователя идеологической основы оригинала.

---

[22] Greek and Coptic Papyri..., p. 139—140.

[23] Op. cit., J. C. Shelton, Introduction, p. 10-11.

[24] *J. W. B. Barns*, Greek and Coptic Papyri from the Covers of the Nag Hammadi Codices: a Preliminary Report.—Essays on the Nag Hammadi Codices in Honour of P. Labib, Ed. M. Krause. Leiden, Brill, 1975, p. 9—17.

[25] *L. Th. Lefort*. Theodore de Tabennesi et la lettre Pascale de St. Athanase sur le Canon de la Bible.—Le Muséon, vol. 11, 1910, p. 207.

Сказанное как нельзя более относится к коптскому переводу «Поучений Сильвана» (далее—*ПС*). Мы не располагаем никакими свидетельствами о происхождении этого сочинения, но анализ греческого терминологического аппарата памятника позволяет пролить свет на этот вопрос. То обстоятельство, что ПС находится в коптской рукописи в окружении гностических текстов (VII, 1: Парафраз Сима; VII, 2: Второй трактат великого Сифа; VII, 3: Апокалипсис Петра; VII, 5: Три стелы Сифа), не может свидетельствовать в пользу его гностического происхождения. Более того, в словах: «Пусть никто не говорит, что Бог незнающий! Ибо несправедливо помещать творца всякого творения в незнание» (116.6—10)[26] следует видеть возражение гностическому учению о демиурге, который создал мир в незнании верховного бога. Трактат вышел из-под пера христианского автора. Для него Бог «творец всякого творения» (100.13—14), «Вседержитель, который всегда существует» (115.12—13). Он «принес в жертву божественного Сына» (115.15—16). Христос—Слово (106.24). «Будучи Богом, он стал человеком» для спасения человечества (110.18—19). Через свою смерть Христос дал жизнь (107.15—17). Бога можно постичь только через Христа, который имеет образ Отца (100.24—26) и т. д.

Греческая философская лексика ПС выдает в авторе человека, знакомого с философской мыслью своего времени. Этическое учение ПС (призыв к борьбе со страстями) находится под сильным влиянием позднего стоицизма, а онтология обязана платонизму[27].

Автор ПС хорошо знаком с аллегорическим методом толкования библейских книг; в его сочинении мы находим несколько аллюзий к трудам Филона Александрийского[28], который синтезировал в своей мысли стоическо-платоническую философию с символическим толкованием Пятикнижия.

Отчетливо выраженное родство ПС с мыслью учителей александрийской школы второй половины II—первой половины III вв. Климента и Оригена позволяет утверждать, что именно в Александрии и именно в это время возникли ПС. Возможно, автор ПС был слушателем этой школы.

---

[26] Здесь и далее первая цифра в скобках указывает на страницу рукописи, вторая цифра на строку.

[27] Эта тема—предмет отдельного исследования, см. *M. L. Peel—J. Zandee* „The Teachings of Silvanus" from the Library of Nag Hammadi (CG VII: 84, 15—118,7).—Novum Testamentum, XIV, 1972, p. 294—311.

[28] *J. Zandee.* „Les Enseignements de Silvanos" et Philon d'Alexandrie.— Mélanges d'histoire des religions offerts à H.—C. Puech. Paris, 1974, p. 337—345.

Имя Сильван, стоящее в заглавии трактата, бесспорно псевдоэпиграф, вероятно, имеющий в виду спутника апостола Павла (Деян. 15:22 сл. греч. форма Σίλας; ср. I Петр. 5:12 латинизированная форма Σιλουανός). Однако утверждать с уверенностью, что это авторство было присвоено сочинению на греческой почве, мы не можем: ранее известный коптский отрывок из ПС (другой перевод, сделанный с того же оригинала) называет автором Антония Великого[29].

Предваряя перевод, следует заметить, что греческий текст иногда вызывал затруднения у копта-переводчика[30], и в результате отдельные отрывки ПС труднопонятны и не поддаются точному переводу. Следуя традиции перевода коптского текста на европейские языки, мы указывали в русском тексте греческие слова, вошедшие в коптский текст. Звездочками обозначались либо прямые цитаты, либо парафразы из библейских книг.

Поучения Сильвана (VII. 84, 15—118,9)

Расстанься со всяким детским возрастом (ἡλικία) и приобрети себе крепость ума (νοῦς)* и души (ψυχή). Усиль войну (πόλεμος) против всякого безумия страстей (πάθος) эроса (ἔρως), дурной злобы (πονηρία), любви к славе, любви к раздорам, мучительной зависти, негодования, гнева (ὀργή), жажды (ἐπιθυμία) стяжательства (—χρῆμα). Охраняйте свою крепость (παρεμβολή) оружием (ὅπλον) и копьями! Вооружись всеми воинами, т. е. словами (λόγος), начальниками (ἄρχων), т. е. советами и своим (85.1) умом (νοῦς) как руководящим принципом (ἡγεμονικόν).

Мой сын, прогоний всякого разбойника (λῃστής) от своих ворот (πύλη). Охраний (τηρεῖν) все свои ворота (πύλη) факелами (λαμπάς), т. е. словами (λόγος), и ты приобретешь всем этим спокойную жизнь (βίος). А (δέ) тот, кто не будет их защищать, станет как пустынный (ἔρημος) город (πόλις), который захватили: все дикие звери (θηρίον) попрали (καταπατεῖν) его. Ибо (γάρ) недобрые мысли—это дурные звери (θηρίον). И твой город (πόλις) наполнится разбойниками (λῃστής), и ты не сможешь приоб-

---

[29] *W.—P. Funk.* Ein doppelt überliefertes Stück spät ägyptischer Weisheit — ZÄSA, Bd. 103, 1976, Hft. 1, S. 8—21.

[30] Ср. Till, op. cit., S. 158.

* 4 Макк. 5:11

рести себе мира (εἰρήνη), но только всех диких (ἄγριον) зверей (θηρίον). Презренный (φαῦλος), который является тираном (τύραννος) —господин над ними; направляя это, он пребывает в великой (20) грязи (βόρβορος). Весь город (πόλις) погибнет, т. е. твоя душа (ψυχή).

Удали все это, несчастная (ταλαίπωρος) душа (ψυχή)! Положись на своего предводителя (ἡγούμενος) (25) (и) своего учителя Ум (νοῦς) это предводитель (ἡγούμενος μέν), а (δέ) Логос (λόγος)— учитель; и они выведут тебя из погибели и опасности (κίνδυνος).

Мой сын, послушайся моего совета (συμβουλία)*. Не показывай своим врагам свою спину, пускаясь в бегство, но (ἀλλά) лучше (μᾶλλον) преследуй их как (ὡς) /силь/ный. (86,1) Не становись скотом, причем люди погонят тебя, но (ἀλλά) стань человеком, который гонит дурных зверей (θηρίον), чтобы не (μήπως) (5) одолели они тебя и не попрали (καταπατεῖν) тебя как (ὡς) труп и не погиб ты через их злодеяние. О несчастный человек (ταλαίπωρος), что ты (10) будешь делать, если попадешь в их руки! Берегись (τηρεῖν), чтобы не (μήπως) оказался ты в руках своих врагов. Вверься этой упряжке двух друзей: Логосу (λόγος) и (15) уму (νοῦς)—никто не победит тебя. Пусть Бог обитает в твоей крепости (παρεμβολή) и Дух (πνεῦμα) его защищает твои ворота (πύλη). Ум (νοῦς) божества (20) пусть защищает стены. Святой Логос (λόγος) пусть станет факелом (φανός) твоего ума (νοῦς), сжигающим дерево, т. е. весь грех.

Если же (δέ) ты сделаешь это, о мой сын, (25) ты победишь всех своих врагов, и они не смогут воевать (—πόλεμος) против тебя, не (οὐδέ) смогут восстать, не (οὐδέ) смогут ступить на твой путь. Ибо (γάρ) если ты (30) обретешь это, ты будешь презирать (καταφρονεῖν) их как отрицателей истины[1]. Они будут говорить с тобой, /обольщая/[2] тебя и завлекая, /бо/ясь (87,1) не тебя, но (ἀλλά) боясь тех, кто обитает в тебе, т. е. стражей божества и учения.

Мой сын, (5) возьми себе воспитание (παιδεία)** и учение[3]. Не беги от воспитания (παιδεία) и учения, но (ἀλλά) если тебя

---

* Сир. 6:22.

** Сир. 6:17.

учат, воспринимай с радостью, и если тебя наставляют (παιδεύω), в любом деле становись делающим (только) хорошее. (тогда) ты сплетешь венок воспитания (παιδεία) своего руководящего принципа (ἡγεμονικόν). Надень на себя непорочное учение как (ὡς) одежду (στολή). Стань (15) благородным (εὐγενής) через хорошую жизнь (πολιτεία). Приобрети себе строгость (αὐστηρά) благонравия (—εὐτακτος). Судя (κρίνω) сам себя как (ὡς) мудрый (σοφός) судья. Не отступай от моего учения (20) и не приобретай неучености, чтобы не (μήπως) ввел в заблуждение свой народ (λαός)*. Не беги от божественного (θεῖον) и учения, которые в тебе. Ибо (γάρ) тот, кто учит тебя, (25) любит тебя очень. Ибо (γάρ) он даст тебе достойную строгость (αὐστηρά). Отбрось от себя скотскую природу (φύσις), которая внутри тебя, и не держи дурного (φαῦλος) помышления (λογισμός) (30) в себе. Ведь подобало бы, чтобы ты знал, каким образом я тебя учу[4]. Если хорошо править (ἄρχω) не/многими/[5], как ты это видишь, /на/сколько (πόσῳ μᾶλλον) лучше (88.1) править[6] (ἄρχω) каждым, господствуя над любым собранием и любым народом (λαός), и во всех отношениях (ты) возвышен божественным (θεῖος) Логосом (λόγος)[7], после того как ты (5) стал господином над любой силой (δύναμις), убивающей душу (ψυχή). Мой сын, разве (μή) желает (—ἐπιθυμεῖν) кто-нибудь быть рабом? Зачем (πῶς) ты (так) сильно (ταράσσω) волнуешься?

Мой сын, не (10) бойся никого кроме (εἰ μήτι) одного Бога, который возвышен. Отбрось от себя козни (—πανουργία) дьявола (διάβολος). Возьми свет для своих глаз и отбрось (15) от себя тьму. Живи (πολιτεύω) во Христе, и ты приобретешь себе сокровища на небе**. Не становись вместилищем (ἀποθήκη)[8] многих вещей, которые не имеют в себе пользы, и не (20) будь проводником своего незнания, которое слепо.

Мой сын, слушай мое доброе поучение, которое полезно (χρήσιμος)[9], и прерви сон, который (25) давит на тебя. Беги от забвения, которое наполняет тебя тьмой. Если бы у тебя не было силы делать всякое дело, я не говорил бы тебе это. Христос же (δέ) пришел, чтобы дать тебе (30) этот дар (δωρεά). Почему ты следуешь

---

* Сир. 10:1.

** Мф. 6:20.

за тьмой, когда свет находится в твоем распоряжении? Почему ты пьешь плохую воду, когда у тебя есть хорошая вода? /Со/фия (σοφία) призывает /тебя/, (89.1) а ты стремишься к глупости. Не по своему желанию ты делаешь это, но (ἀλλά) скотская природа (φύσις), которая в тебе, именно она делает это. (5) Премудрость (σοφία) призывает (παρακαλεῖν) тебя в своей благости (—ἀγαθός)[10], говоря тебе: „Придите ко мне все вы, о глупые, и вы получите в дар (δωρεά) понимание, (10) доброе и драгоценное*. Я даю тебе архиерейскую (ἀρχιερεύς) одежду (σχῆμα), сотканную из всякой мудрости (σοφία)*. Что есть дурная смерть, как не (εἰ μήτι) незнание? Что есть (15) дурная тьма, как не (εἰ μήτι) забвение познания?[11]. Возложи свою заботу на одного Бога**. Не становись любящим золото и серебро, которые не имеют в себе пользы***, но (ἀλλά) (20) облачи себя в мудрость (σοφία) как в одежду (στολή) и знание возложи на себя как венок****, сядь на трон (θρόνος) понимания (αἴσθησις)*****, так как они твои[12], (25) (и) ты получишь их снова сверху[13]. Ибо (γάρ) глупый человек одевается в глупость как в одежду (στολή) и как в траурную (πένθος) одежду (30) облачается в позор, и венчает себя незнанием, и садится на трон (θρόνος) не/понимания/[14]. Ибо (γάρ) будучи /неразумным/ ([ἄλο]-γος)[15] (90.1) он сам заблуждается. Ведь (γάρ) им руководит незнание, и он идет дорогами желания (ἐπιθυμία) всяких страстей (πάθος). (5) Он плавает в желаниях (ἐπιθυμία) жизни (βίος) и пошел ко дну. А (μέν) он-то думает, что извлекает пользу, делая все то, что не имеет в себе пользы. (10) Несчастный (ταλαίπωρος) человек, который идет через все это, умрет, потому что у него нет ума (νοῦς) руководителя. Но (ἀλλά) он подобен кораблю, который ветер швыряет (15) из стороны в сторону, и подобен вырвавшейся лошади, у которой нет возницы (ἡνίοχος). Ведь (γάρ) он нуждался в вознице (ἡνίοχος), т. е. в разуме (λόγος). Ведь (γάρ) несчастный (ταλαίπωρος) впал в заблужде-

* Сир 24:18.
** 1 Петр. 5:7.
*** Сир. 34:5.
**** Сир. 6:30.
***** Притч. 12:23.

ние, (20) так как он не пожелал совета (συμβουλία). Он был бросаем из стороны в сторону этими тремя дурными вещами. Он приобрел себе смерть как отца, и незнание (25) как мать, и дурные советы (συμβουλία) приобрел как друзей и братьев (ед. ч.). (Я сказал все это)[16], чтобы ты, глупец, оплакал себя.

Отныне, мой сын, обратись (30) к своей божественности. Этих дурных друзей, /обманщиков/[17], прогони от/себя. Возьми се/бе Христа /милосердного/[18] (91.1) как доброго учителя. Отбрось от себя смерть, которая стала тебе отцом. Ибо (γάρ) смерть не существует и не (5) будет существовать в конце. Но (ἀλλά) когда (ἐπειδή) ты отбросил от себя Бога, святого отца, истинную (ἀληθινόν) жизнь, источник (πηγή) жизни*, из-за этого ты (10) получил (κληρόω) смерть как отца себе, а незнание приобрел себе как мать. Они лишили (ἀποστερεῖν) тебя истинного знания (γνῶσις).

Мой сын, вернись же (δέ) к своему (15) первому отцу, Богу, и мудрости (σοφία), своей матери, той из которой ты произошел от начала, чтобы ты сражался против всех своих врагов сил (δύναμις) (20) противника (ἀντικείμενος). Слушай, мой сын, мои советы (συμβουλία). Не будь высокомерным к любому доброму совету (γνώμη), но (ἀλλά) возьми себе сторону[19] (25) божества разума (λόγος). Соблюдай святые заповеди (ἐντολή) Иисуса Христа, и ты будешь царем над всяким местом (τόπος) земли, и ты станешь почитаем ангелами (ἄγγελος) (30) и архангелами (ἀρχάγγελος). Ты же (δέ) приобретешь их себе как друзей и слуг. Ты же (δέ) приобретешь /себе/ места (τόπος) на /небесах/[20]. Божественное (θεῖον), /которое/ (92.1) пребывает в тебе, не печаль (-λύπη) его и не беспокой, но (ἀλλά) когда ты будешь лелеять (θάλπω) его, молить его, чтобы ты оставался чистым и чтобы ты стал (5) воздержанным (ἐγκρατής) в своей душе (ψυχή) и своем теле, ты станешь троном (θρόνος) мудрости (σοφία) и домочадцем у Бога**. Он даст тебе великий свет (10) через нее.

Но (δέ) прежде всего познай свое рождение. Познай себя, что ты есть, из какой ты сущности (οὐσία) или из какого рода

* Пс. 35:10.

** Ср. Прем. Сол. 8.21—9.4.

(γένος) или из какой филы (φυλή). Знай, что ты произошел из трех родов (γένος): из земли, из сформированного (πλάσμα) и из созданного. Тело (σῶμα) произошло из земли, из земной сущности (οὐσία), а (δέ) сформированное (πλάσμα) произошло ради души (ψυχή) из божественной (θεῖος) мысли. Созданное же (δέ) — это ум (νοῦς), который произошел по образу (κατὰ εἰκόνα) Бога. Божественный (θεῖος) ум (νοῦς) имеет сущность (οὐσία) от божественного (θείου). А (δέ) душа (ψυχή) это то, что он сформировал (πλάσσειν) в их собственных сердцах (?)[21]. Ибо (γάρ) я думаю, что она является женой того, который произошел по образу (κατὰ εἰκόνα). А (δέ) тело (σῶμα), которое произошло из /зем/ли, его сущность (οὐσία)—материя (ὕλη). /Если/ ты смешаешься, ты приобретешь /себе/ (93.1) три части (μέρος), вследствие того, что ты упал из добродетели (ἀρετή) в неполноценность.

Живи (-πολιτεύου), следуя (κατά) уму (νοῦς). Не думай о плотском (-σάρξ). Приобретай себе силу, так как ум (νοῦς) сильный. Если ты отпал от этой другой[22], ты стал андрогином. Сущность (οὐσία) же (δέ) ума (νοῦς) т. е. мышление (νόησις) если ты отбросил ее от себя, ты отрезал мужское и обратился к женскому. Ты стал душевным (ψυχικός), так как ты принял сущность (οὐσία) сформированного (πλάσμα). Если ты отбросил еще малость этого, так что (ὥστε) ты не приобрел себе какой-либо человеческой части (μέρος), но (ἀλλά) взял себе мысль и подобие скота, ты стал плотским (σαρκικός), так как ты принял скотскую природу (φύσις). Ибо (γάρ) трудно найти душевного (ψυχικός), насколько (πόσῳ μᾶλλον) труднее найти господа.

Я же (δέ) сказал, что Бог духовный (πνευματικός) Человек принял образ (μορφή) от сущности (οὐσία) Бога. Божественная (θεῖος) душа (ψυχή) имеет общение (κοινωνεῖν) частью (μέρος) с ним (т. е. с Богом—*А. Х.*); с другой стороны (πάλιν) душа (ψυχή) имеет общение (κοινωνεῖν) частью (μέρος) с плотью (σάρξ). Глупая душа (φαῦλος, ψυχή) обычно шатается из стороны в сторону, ... /ко/торое[23] она считает (δοκεῖν) истиной (ἀλήθεια).

/Лучше/[24] тебе, о человек, (94.1) обратиться к человеку, чем к скотской природе (φύσις), я имею в виду плотскую (σαρκική). Ты примешь подобие той стороны, куда ты обратишься. Еще я скажу тебе нечто. Снова (πάλιν), для чего ты будешь

усердствовать? Ты пожелала (ж. р., т. е. душа—*А. Х.*) стать скотом, когда ты оказалась в этой природе (φύσις) этого вида[23]. (10) Лучше же (μᾶλλον δέ) общайся (κοινωνεῖν)[24] с истинной природой (φύσις) жизни. Скотство (-θηρίον) будет направлять тебя в род (γένος) земли, а (δέ) умная (νοερός) природа (φύσις) (15) будет направлять тебя к умным (νοερός) образам. Обратись к умной (νοερός) природе (φύσις) и отбрось от себя рожденную землей природу (φύσις). О упрямица (-ὑπομένειν) душа (ψυχή), (20) отрезвей (νῆφε) и сбрось опьянение свое, которое является работой незнания. Если ты будешь упорствовать (ὑπομένειν) и жить (πολιτεύειν) в теле (σῶμα), ты будешь жить в грубости (-ἄγροικος). (25) Когда ты вошла в телесное (σωματικός) рождение, ты была рождена. Ты оказалась внутри брачного чертога (νυμφών) и осветилась умом (νοῦς)[25].

Мой сын, не (30) плавай в любой воде и не позволяй, чтобы тебя осквернили чуждыми знаниями (γνῶσις). Разве (μή) ты не знаешь, /что/ (95.1) замыслы (ἐπίνοια) противника (ἀντικείμενος) немалые и колдовские средства (φάρμακον), которые у него есть, различны. Даже (? μάλιστα) умного (νοερός) человека[26] (5) они лишили (ἀποστερεῖν) мудрости змея. Ведь (γάρ) подобает тебе быть в согласии с мудростью этих двух: с (10) мудростью змея и невинностью голубя*, чтобы не (μήπως) вошел он к тебе в образе льстеца, как (ὡς) истинный друг, говоря: (15) „Я советую (συμβουλεύειν) тебе то, что хорошо". А (δέ) ты не узнал его коварства (-πανοῦργος), когда принял его к себе как истинного друга. (20) Ведь (γάρ) он бросает дурные мысли в твое сердце как (ὡς) добрые, и лицемерие (ὑπόκρισις) в образе незыблемой мудрости, и (25) жадность (-χρῆμα) в образе спасительной бережливости (οἰκονομία), и тщеславие в образе того, что прекрасно, и хвастовство (ἀλαζών) и (30) высокомерие в образе великой строгости (στυφή), и безбожие как /великое/[27] благочестие. (96.1) Ибо (γάρ) тот, кто говорит: „У меня много богов",—безбожник, и ложное знание (γνῶσις) бросает он в твое (5) сердце в образе тайных (μυστήριον) речей (λόγος). Кто сможет понять его мысли и его

---

* Мф. 10:16.

различные уловки? (ЕГО), являющегося великим умом (νοῦς) для тех, кто (10) желает принять его себе как царя.

Мой сын, как ты сможешь постичь его мысли или (ἤ) его намерение, убивающее душу (ψυχή)? Ибо (γάρ) его уловки и (15) замыслы (ἐπίνοια) его злобы (πονηρία) многочисленны. И думай (νόει) о его воротах (πύλη), т. е. как он войдет в твою душу (ψυχή) и в какой одежде он войдет к тебе. Возьми (20) себе Христа, который может освободить тебя, который взял на себя козни того, чтобы через это он смог сокрушить (καταλύω) его в (его) обмане. (25) Ибо (γάρ) он царь, который есть у тебя, непобедимый вовеки: против него никто не сможет сражаться, ни сказать слово ему. Он (30) твой царь и твой отец. Ибо (γάρ) нет никого равного ему. Божественный (θεῖος) /учитель/[20] находится в тебе (97.1) постоянно[21]. Он заступник (βοηθός), он же (δέ) спешит тебе на помощь из-за добра, которое в тебе.

Не держи дурного (πονηρία) слова в своем суждении (γνώμη). (5) ибо (γάρ) всякий дурной (πονηρός) человек вредит (βλάπτω) своему сердцу. Ведь (γάρ) только глупый человек идет к своей погибели, а[22] (δέ) мудрый (σοφός) человек знает (10) свой путь. Глупый же (δέ) человек не остерегается говорить сокровенное (μυστήριον), мудрый (σοφός) человек не бросает любое слово, но (ἀλλά) становится созерцателем (-θεωρεῖν) (15) того, что слышит. Не бросай каждое слово в присутствии тех, кого ты не знаешь. Имей у себя множество друзей, но (ἀλλά) не советников*. Сначала (20) испытай (δοκιμάζω) своего советника. Ибо (γάρ) всякий человек, который льстит, не почитай его. Их речь (μέν) сладка как мед, а (δέ) их сердце полно (25) чемерицы (ἐλλέβορος). Ибо (γάρ) когда (ὅταν) они[23] подумают, что стали надежным другом, тогда (τότε) они лживо обратятся к тебе и сбросят тебя в грязь (βόρβορος). Не доверяйся никому как другу. Ведь (γάρ) весь этот мир (κόσμος) произошел обманно, и каждый /человек/ волнуется (35) /напрасно/[24]. Все вещи (98.1) мира (κόσμος) бесполезны, но (ἀλλά) они существуют всуе. Нет никого, даже брата[25]; каждый ищет (5) выгоду для себя**.

* Сир 6:5; 37:8.
** Экл. 4:8.

Мой сын, не бери себе всякого человека как (ὡς) друга. А (δέ) если ты приобрел его, не доверяйся ему. Доверяйся только Богу как (ὡς) отцу (10) и как (ὡς) другу. Ибо (γάρ) всякий человек ходит во лжи. Вся земля наполнена страданиями и печалью: в них нет пользы. Если ты хочешь прожить свою (15) жизнь спокойно, не общайся ни с кем. Даже если (κἄν) ты общаешься с ними, будь как если бы ты не общался. Будь угоден Богу и ты (20) не будешь нуждаться (-χρεία) ни в ком.

Живи (πολιτεύου) с Христом, и он спасет тебя. Ибо (γάρ) он истинный свет* и солнце жизни. Ведь (γάρ) как солнце является (25), чтобы давать свет глазам плоти (σαρκί), так и Христос просвещает всякий ум (νοῦς) и сердце**. Ибо (γάρ) больной (πονηρός) телесно (σῶμα)—это злая смерть, насколько больше (πόσῳ μᾶλλον) тот, у кого слепой ум (νοῦς) (подвержен смерти—*А. X.*). Ведь (γάρ) (как) всякий слепой /не может[26] видеть его (т. е. солнце—*А. X.*), /так и/ (99.1) тот, у кого нет здорового ума (νοῦς), не имеет удовольствия (ἡδονή) приобрести себе свет Христа, т.е. разум (λόγος).

(5) Ибо (γάρ) все явное является образом (τύπος) тайного. Ведь (γάρ) как огонь, горящий в некоем месте (τόπος), не ограничивается местом (τόπος), так и (10) солнце на небе: все его лучи (ἀκτίς) достигают мест (τόπος), которые на земле. Так и Христос имеет только одну сущность (ὑπόστασις), а (15) просвещает каждое место (τόπος). Точно так же он говорит о нашем уме (νοῦς) как о светильнике, который горит и освещает место (τόπος): (находясь) в части (μέρος) души (ψυχή), (20) он освещает все части (μέρος).

Теперь (πάλιν) я скажу о том, что более возвышенно, чем это. Ум (νοῦς) по (κατά) сущности (ὑπόστασις) находится в некоем месте (τόπος), т. е. в теле (σῶμα), (25) а (δέ) по отношению к (κατά) мысли (ἐπίνοια) ум (νοῦς) не (имеет) места (τόπος). Ибо (γάρ) как (ὡς) он может пребывать в (определенном) месте (τόπος), когда (ὅταν) он созерцает (θεωρεῖν) всякое место (τόπος)? Однако (δέ) мы можем сказать (30) еще более возвышенное, чем это. Ведь

* Иоанн 1:9.
** Эфес. 1:18.

(γάρ) не думай в своем сердце, что Бог обитает /в некоем месте. Если ты помещаешь Г/оспода всего/[27] (100.1) в некое место (τόπος), тогда надлежит тебе говорить, что это место (τόπος) более возвышенно, чем тот, который обитает в этом месте (τόπος). Ибо (γάρ) то, что содержит, более велико, чем то, что в нем содержится. Ибо (γάρ) нет места (τόπος), которое называли бы бестелесным (ἀσώματος). Ведь (γάρ) несправедливо (ἄδικον), чтобы мы говорили, что Бог есть тело (σῶμα). Ибо (γάρ) следствием (ἀκολουθία) было бы то, что мы даем этому телу (σῶμα) рост и убывание. И тот (+δέ), кто претерпевает это, не (может) оставаться непреходящим.

Не трудно (+μέν) узнать творца всякого творения, но (δέ) невозможно постичь образ его. Ибо (γάρ) не только людям трудно постичь Бога, но (ἀλλά) трудно (и) любой божественной (θεῖος) природе (φύσις): ангелам (ἄγγελος) и архангелам (ἀρχάγγελος). Необходимо (ἀναγκαῖον) познавать Бога, как он есть. Невозможно тебе никак познать Бога кроме как (εἰ μήτι) через Христа, того, который имеет образ (εἰκών) Отца*. Ибо (γάρ) этот образ (εἰκών) являет истинное подобие по отношению к (κατά) тому, кто являет[28]. Царя обычно не знают без (χωρίς) образа (εἰκών).

Думай (νόει) о Боге то, что он пребывает в каждом месте (τόπος) и вместе с тем (πάλιν) он /ни/ в /каком/ месте (τόπος). /По отношению к силе/[29] (101.1) (+μέν)—он во всяком месте (τόπος), а (δέ) по отношению (κατά) к божественности—он не в месте (τόπος). Ибо (γάρ) (только) таким образом можно немного узнать Бога. По (κατά) своей силе он наполняет каждое место, а (δέ) в величии его божественности ничто не вмещает его. Все находится в Боге. Бог же (δέ) (не вмещается) ни в чем. Что же (δέ) есть познать Бога? Все (+δέ), что пребывает в истине, есть Бог**. Однако (δέ) невозможно смотреть (θεωρεῖν) на Христа, как (невозможно смотреть) на солнце. Бог видит всякого, (но) никто не смотрит (θεωρεῖν) на него***. Христос

* Колос. 1:15.
** Иоанн 14:6.
*** 1 Тимоф. 6:16.

же (δέ) без того, чтобы завидовать (φθονέω), берет и дает. Он (+δέ) свет Отца, (20) дающий свет без зависти (-φθονέω). Таким образом он освещает каждое место (τόπος). И все (+δέ) есть Христос, тот, который унаследовал (κληρονομέω) все от Существующего. (25) Ибо (γάρ) Христос есть все, иначе (χωρίς)[40] нетленность. Ибо (γάρ) если ты подумаешь (νοέω) о грехе, он не реальность (οὐσία). Ведь (γάρ) Христос—это постижение (νόησις) нетленности и свет, (30) который светит, не будучи запятнанным. Ибо (γάρ) солнце (светит) во всяком нечистом (ἀκάθαρτον) месте (τόπος) и не осквернится. Так и Христос, даже если /он находится в/ недостатке, однако (ἀλλά) он без недостатка, (даже) если /он был рожден/[41], (102.1) он не рожденный. Так и Христос, (даже) если он постижим (+μέν), то (δέ) по своей сущности (ὑπόστασις) он непостижим[42]. (5) Христос есть все. Тот, у кого нет всего, не может познать Христа.

Мой сын, не дерзай (τολμάω) говорить слова о нем и не ограничивай для себя Бога всего (10) умственными образами[43]. Ибо (γάρ) тот, кто судит (κατακρίνω), не может быть судим (κρίνω) тем, кто судит (κατακρίνω)[44]. Хорошо (+μέν) спрашивать и узнавать, кто (15) есть Бог. Логос (λόγος) и ум (νοῦς) это мужские имена. Тот, кто желает (+μέν) знать об этом, пусть ищет спокойно и благоговейно. Ибо (γάρ) существует немалая опасность (κίνδυνος) (20) говорить об этих (предметах), поскольку ты знаешь, что ты будешь судим за все то, что ты скажешь. Пойми это, что тот, кто во тьме, не сможет увидеть ничего, (25) не взяв света для своих глаз[45]. Испытай (δοκιμάζω) себя, имеешь ли ты действительно (ὄντως) свет, чтобы, поскольку ты спрашиваешь об этом, ты понял, (30) как избежать ее (т. е. тьмы—*А. Х.*). Ибо (γάρ) многие ищут во тьме и ощупывают, желая узнать, поскольку нет для них света.

Мой (103.1) сын, не позволяй своему уму (νοῦς) смотреть вниз, но ((ἀλλά) лучше пусть он взглянет наверх при помощи света. (5) Ибо (γάρ) свет постоянно будет идти сверху. Даже (κἄν) если он (т. е. ум—*А. Х.*) на земле, пусть он стремится следовать за теми, которые наверху. Просвети свой ум (νοῦς)

светом неба, (10) чтобы ты смог отправиться к свету неба. Не уставай стучать в дверь разума (λόγος) и не прекращай ходить по пути (15) Христа. Ходи по нему с тем, чтобы ты смог получить отдых от своих мучений. Если ты ходишь по какому-то другому (пути), (то) путь, который ты будешь совершать, не имеет пользы. Даже (καὶ γάρ) те, кто (20) ходит по широкой дороге, их концом (будет то, что) они спустятся к погибели грязи (βόρβορος). Ибо (γάρ) преисподняя простирается перед душой (ψυχή), и место (τόπος) погибели (25) широко. Возьми себе Христа—тесный путь*. Ибо (γάρ) он страдает (θλίβω) и несет наказание за твой грех.

О упорствующая (-ἀπειθεῖν) душа (ψυχή), в каком пребываешь ты (30) незнании! Ибо (γάρ) кто твой проводник во тьме? Как много образов принял Христос ради тебя! Будучи Богом, он (104,1) находился** среди людей как (ὡς) человек**. Он спустился в преисподнюю и освободил детей смерти. Они были в родовых муках, как (5) сказало Писание Бога. И он запечатал (σφραγίζω) сердце в ней (т. е. преисподней-*А. Х.*). И он сломал напрочь ее мощные своды. И когда все силы (δύναμις) увидели (10) его, они побежали, так что он смог вывести тебя, несчастный (ταλαίπωρος), из бездны и умереть за тебя как жертва за твой грех***.

Он спас тебя от мощной руки преисподней.

(15) А (δέ) ты с трудом (μόγις) отдаешь свой выбор (προαίρεσις) ему, идя навстречу (досл. посредством шага (ἴχνος), с тем, чтобы он принял тебя с радостью. А (δέ) свободный выбор (προαίρεσις), т. е. смирение сердца, это дар (δῶρον) Христа. (20) Кающееся сердце—достойная принятия жертва (θυσία).
Если ты себя смиришь, ты будешь весьма возвышен, а если ты себя возвысишь, ты будешь совсем унижен.

Мой сын, (25) береги себя от зла (πονηρία) и духа (πνεῦμα) зла (πονηρία), не позволяй ему, чтобы он сбросил тебя в бездну.

---

* Матф. 7:13—14.

** Филип. 2:7.

*** Матф. 20:28. I Тимоф. 2:6.

Ибо (γάρ) он безумный и жестокий. Он ужасен и бросает (30) всякого в яму грязи (βόρβορος). Великое и доброе дело не любить нечестие (πορνεία) и даже не вспоминать о жалком (ταλαίπωρος) (т. е. нечестии — *А. Х.*) совсем: ибо (γάρ) (105.1) вспоминать о нем — это смерть. А (δέ) любому человеку подпасть смерти — лишено пользы. Ибо (γάρ) душа (ψυχή), которая подпала (5) смерти, оказывается лишенной разума (ἄλογος). Ибо (γάρ) лучше не жить совсем, чем приобрести жизнь скота. Остерегайся (τήρει), как бы не (μήπως) сгорел ты в огне нечестия (πορνεία). Есть (10) ведь (γάρ) много погруженных в огонь[47], которые являются его слугами (ὑπηρέτης). Они, которых ты не знаешь, являются твоими врагами.

Мой сын, сбрось с себя одежду нечестия (πορνεία) и (15) оденься в одежду, которая чиста и светла, чтобы быть в ней прекрасным. Имея же (δέ) на себе эту одежду, тщательно (ὅλως) береги (τηρεῖν) ее. Освободись (20) от всяких оков, чтобы приобрести себе свободу (-ἐλεύθερος). Если ты отбросишь от себя желание (ἐπιθυμία), коварства которого многочисленны, и если (25) освободишься от грехов удовольствия (ἡδονή)[48].

Слушай, душа (ψυχή), мои советы (συμβουλία) и не становись ни норой лисиц и змей, ни пещерой драконов (δράκων) и (30) ехидн, ни местом обитания львов или прибежищем василиска. Если это случится, о душа (ψυχή), что ты будешь делать? Ибо (γάρ) это (106.1) — силы (δύναμις) противника (ἀντικείμενος). Все мертвое войдет в тебя через них: ибо (γάρ) их пища — всякая мертвечина (5) и всякая нечистота (ἀκαθαρσία)*. Ведь (γάρ) пока они находятся внутри тебя, что живое войдет в тебя? Живые ангелы (ἄγγελος) будут ненавидеть тебя! Ты была (10) храмом**, а сделала себя могилой (τάφος). Перестань быть могилой (τάφος) и стань храмом, чтобы праведность и божество могли пребывать в тебе. Свет, который в тебе, зажги (15) и не гаси его. Ибо (γάρ) никто не зажигает светильника для диких зверей

---

* *Матф.* 23:27.

** I *Коринф.* 3:16, ср. 6:19.

(θηρίον) и их детенышей. Покойников[19], которые умерли, воскреси их. Ибо (γάρ) они жили и умерли из-за тебя. (20) Дай им жизнь, и они снова будут жить. Ибо (γάρ) древо жизни — Христос. Он — мудрость (σοφία)*. Ибо (γάρ) он — мудрость (σοφία). Он также Логос (λόγος). Он (25) жизнь, сила *(δύναμις)* и дверь. Он свет, вестник (ἄγγελος) и добрый пастырь. Вверь себя тому, кто стал (30) всем ради тебя. Стучись в себя самого как в дверь и ходи внутри себя, как *(ὡς)* по прямой дороге. Ибо *(γάρ)* если ты ходишь по дороге, ты не можешь заблудиться *(πλανάω)*. (107.1) И если ты будешь стучаться с ней (т. е. с мудростью — *А. Х.*), ты постучишься в спрятанные сокровища. Ибо *(γάρ)* если он (т.е. Христос — *А.Х.*) мудрость *(σοφία)*, он делает глупого мудрым (σοφός). Она *(5)* — святое царство и сияющая одежда (στολή). Ибо (γάρ) она — много золота, которое дает тебе великую честь. Ради тебя мудрость (σοφία) Бога (10) стала образом *(τύπος)* глупости, чтобы тебя, глупого, вознести и сделать мудрым**. И жизнь умерла ради тебя, когда *(ὅτε)* он (т. е. Христос — *А. Х.*) был бессильным, (15) чтобы через свою смерть он смог дать тебе, который умер, жизнь***. Вверь себя Логосу *(λόγος)* и удали от себя скотство. Ибо *(γάρ)* животное *(20)* являет то, что не имеет разума *(λόγος)*. Ведь (γάρ) многие думают, что у них есть разум *(λόγος)*, но *(ἀλλά)* если ты посмотришь на них внимательно, их (25) речь оказывается скотство.

Дай себе радость от истинной виноградной лозы Христа****. Довольствуйся истинным *(ἀληθινός)* вином, в котором нет ни пьянства, *(30)* ни заблуждения; ибо *(γάρ)* в нем конец пьянству, поскольку оно имеет (силу) давать радость душе (ψυχή) и уму *(νοῦς)* в Духе (πνεῦμα) Бога. *(108.1)* Но (δέ) сначала воспитай свои помышления *(λογισμός)*, перед тем как пить от него. Не пронзай себя мечом греха. Не сжигай себя, *(5)* о несчастный *(ταλαίπωρος)*, в огне удовольствия *(ἡδονή)*. Не вверяй себя варварам *(βάρβαρος)* как пленник (αἰχμάλωτος), ни диким *(ἄγριον)* зверям *(θηρίον)*, которые хотят *(10)* попрать тебя *(καταπατέω)*. Ибо *(γάρ)*

* Притч. 3:18.

** I Коринф. 1:20—21.

*** I Фессал. 5:9—10.

**** Иоанн 15:1.

они как львы, которые громко рычат. Не будь мертвецом, чтобы не (μήποτε) попрали (καταπατέω) они тебя. Будь человеком! (15) Твоя сила в помышлении (λογισμός), и (этим) ты победишь их. А (δέ) человек, который ничего не делает, не достоин (называться) разумным (λογικός) человеком. Разумный (λογικός) человек это тот, кто боится (20) Бога. А (δέ) тот, кто боится Бога, не делает никакого безрассудства (τολμηρία). Тот же (δέ), кто оберегает (τηρέω) себя от того, чтобы совершать безрассудство (τολμηρία)—оберегает свой руководящий принцип (ἡγεμονικόν). (25) Хотя он человек, обитающий на земле, он уподобляет себя Богу. А (δέ) тот, кто уподобляет себя Богу, не сделает ничего, не достойного Бога, (30) по (κατά) изречению Павла, который стал подобен Христу. Ибо (γάρ) кто почитает (σέβομαι) Бога, не желая делать того, что приятно (35) Богу? Ибо (γάρ) почитание Бога это то, (109.1) что от сердца, а (δέ) почитание Бога от сердца (свойство) любой души (ψυχή), которая близка к Богу. Душа (ψυχή) же (δέ), которая является (5) родственницей Бога, сохранена чистой. А (δέ) душа, которая облачилась в Христа, чиста, и для нее невозможно согрешить. Место (10) же (δέ), в котором Христос, там грех бездействует*. Пусть один Христос войдет в твой мир (κόσμος) и пусть он искоренит все силы (δυνάμεις), которые сошли на тебя. (15) Пусть он войдет в храм, который внутри тебя, чтобы изгнать всех торговцев**. Пусть он воссядет в храме, который внутри тебя, и ты станешь (20) для него жрецом и левитом (λευίτης), входящим в очищение. Блаженна ты, душа (ψυχή), если ты обретешь это в своем храме. Блаженна же (δέ) ты еще больше, если будешь ему (25) служить. А (δέ) того, кто будет осквернять храм Бога, Бог погубит***. Ибо (γάρ) ты, о человек, открыт (т.е. беззащитен—*А. Х.*), если удалишь его из своего (30) храма. Ведь (γάρ) когда (ὅταν) враги не увидят Христа в тебе, тогда они войдут в тебя вооруженные, чтобы сокрушить тебя.

О мой сын, я заповедывал (35) тебе много раз относитель-

---

* Римл. 8:10.

** Иоанн 2:14—15.

*** I Кориф. 3:17.

но этих (вещей), (110.1) чтобы ты постоянно оберегал свою душу (ψυχή). Не ты отбросишь его от себя, но он (т. е. Христос —*А. Х.*) отбросит тебя. Ибо (γάρ) ты, если побежишь от него, окажешься в великом грехе. (И) опять, если ты устремишься от него, ты станешь добычей своих врагов. Ибо (γάρ) все слабые бегут от своего господина, а (δέ) слабый в добродетели (ἀρετή) и мудрости (σοφία) бежит от Христа. Ведь (γάρ) всякий человек, если он один, попадает в лапы диких зверей (θηρίον). Познай, кто есть Христос и приобрети его себе как друга. Ибо (γάρ) он верный друг. Еще он Бог и учитель. Будучи Богом, он стал человеком ради тебя*. Он тот, кто сломал железные засовы (μοχλός) преисподней и медные ворота**. Он тот, кто сверг всех высокомерных тиранов (τύραννος), тот, кто сбросил с себя оковы, которыми был скован. Он вывел наверх нищих из бездны и страдающих из преисподней. Он тот, кто смирил высокомерные силы (δύναμις), тот, кто устыдил высокомерие посредством смирения, тот, кто сбросил вниз сильного и хвастуна посредством слабости, тот, кто презрел то, что (111.1) считают славой, в своем презрении, чтобы смирение ради Бога особенно возвысить. Он тот, кто принял вид человека, и божественный (θεῖος) Логос (λόγος)—это Бог. Он тот, кто всегда терпеливо относится к человеку, и он пожелал породить смирение в высокомерном. Он тот, кто возвысил человека, и тот стал подобен Богу, не для того чтобы свести Бога вниз к человеку, но (ἀλλά) чтобы человек стал подобен Богу. О великая благость (-χρηστός) Бога! О Христос—царь, который явил людям великое божество! Царь всякой добродетели (ἀρετή) и царь жизни. Царь веков (αἰών)*** и владыка небес! Услышь мои слова и прости меня!

Снова (πάλιν) он явил великое усердие к божеству[30]. Где мудрец (σοφός), или (ἤ) могущий (δυνατός) понимать, или (ἤ) человек, чьи искания многочисленны, поскольку он знает мудрость (σοφία)?**** Пусть он говорит о мудрости (σοφία), пусть

* Филип. 2:7.

** Пс. 106:16 (LXX). Ис. 45:2.

*** I Тимоф. 1:17.

**** I Коринф. 1:20—21.

он обнаружит великую гордыню. Ибо (γάρ) всякий человек стал глупым и сказал от своего знания. Ибо (γάρ) он (т. е. Христос —*А. Х.*) отвратил советы коварных и превзошел мудрецов в их уме. Ибо (γάρ) кто сможет раскрыть совет Вседержителя (παντοκράτωρ), или (ἤ) говорить о божестве, или (ἤ) правильно его выразить? (112.1) Если мы не смогли даже понять советов наших друзей, кто сможет постичь Божество или (ἤ) божества на небесах? Если мы с трудом (μόγις) находим то, что на земле, кто будет искать то, что на небе?*. Великая сила и великая слава явились миру (κόσμος), и жизнь неба желает все обновить[31], чтобы выбросить то, что слабое, и всякую черную одежду (στολή), чтобы каждый мог явиться в небесных одеждах, сияя, чтобы явить повеление Отца и чтобы он увенчал тех, кто желает ревностно (καλῶς) бороться, причем Христос является судьей в состязании (ἀγωνοθέτης), тем (судьей), который увенчал каждого, уча каждого бороться**. Он тот, кто боролся и первый получил венок, стал владыкой и явился, давая свет каждому. Все же (δέ) было обновлено через святого Духа (πνεῦμα) и ум (νοῦς).

Господь вседержитель (παντοκράτωρ), как много славы я воздам тебе! Никто же (δέ) не смог прославить Бога как подобает. Ты тот, кто прославил свое Слово (λόγος), чтобы спасти каждого, о милостивый Боже! Тот, кто вышел из твоих уст и поднялся из твоего сердца,—Перворожденный, Мудрость (σοφία), Первообраз (-τύπος), Первый Свет. Ибо (γάρ) он свет от (113.1) силы Бога. И он истечение чистой славы Вседержителя (παντοκράτωρ), и он ясное отражение работы (ἐνέργεια) Бога и образ (εἰκών) его благости (-ἀγαθότης). Ибо (καὶ γάρ) он свет вечного света***. Он зрение (ὅρασις), которое смотрит на невидимого Отца, постоянно служа (διακονῶν) и творя по воле Отца. Он тот, кто один был рожден по благоволению Отца. Ибо (γάρ) он непостижимое Слово (λόγος) и мудрость (σοφία) и жизнь. Он дает жизнь и питает все живое (ζῷον) и силы. Как (κατά) душа

* Прем. 9:16.
** II Тимоф. 4:7—8.
*** Прем. 7:26.

(ψυχή) дает жизнь всем членам (μέλος), (так) он господствует надо всем (20) в силе и дает им жизнь. Ибо (γάρ) он начало и конец всего*. Он наблюдает за всем и заключает их (в себе). Он же (δέ) заботится о каждом, и радуется, (25) и печалится также. С одной стороны (μέν) он печалится за тех, кто унаследовал (κληρονομεῖν) место (τόπος) наказания (κόλασις), а с другой (δέ) он заботится о всяком, кого он с трудом ведет к учению. (30) Он же (δέ) радуется о всяком находящемся в чистоте.

Берегись также, чтобы ты не (μήπως) попал в руки разбойников (λῃστής), и не давай сна своим глазам, не давай (35) дремать своим векам, чтобы ты мог спастись как лань от западни и как (114.1) птица от силка**. Сражайся в великом состязании (ἀγών), пока (ἕως) состязание (ἀγών) продолжается, поскольку все силы (δύναμις) пристально смотрят на тебя: не только же (δέ) святые (силы), (5) но (ἀλλά) и все силы (δύναμις) противника (ἀντικείμενος). Горе тебе, если они победят тебя среди всех тех, кто пристально смотрит на тебя. Если ты будешь сражаться в состязании (ἀγών) и (10) победишь силы (δύναμις), которые сражались против тебя, ты доставишь великую радость каждому святому и учинишь великую скорбь своим врагам. Твой судья в состязании (ἀγωνοθέτης) весь помогает (тебе), (15) желая, чтобы ты победил.

Слушай, мой сын, и не будь медленным своими ушами!*** Восстань, поскольку ты оставил своего ветхого человека, как орел (ἀετός)****. Бойся (20) Бога во всех своих делах (πρᾶξις) и прославляй Бога через доброе дело, зная, что всякий человек, который не угоден Богу, сын погибели. (25) Он войдет в преисподнюю ада. О долготерпение Бога, которое поддерживает (ἀνέχω) каждого, (то), которое желает, чтобы всякий, ставший грешником, был спасен. (30) Но (ἀλλά) никто не помешает (κωλύω) ему делать то, что он желает. Ибо (γάρ) кто сильнее его, чтобы воспрепятствовать ему? Так как он тот, кто касается земли, (35) заставляя ее дрожать и заставляя горы дымиться (-καπ-

* Откр. 21:6, 22:13.

** Притч. 6:4—5.

*** Сир. 5:11.

**** Пс. 102:5 (LXX).

νός*) Он тот, кто собрал море (θάλασσα) (115.1) великое как в меха (ἀσκός) и измерил всю воду на своих весах**. И одна рука Господа создала все это***. Ибо (γάρ) эта рука Отца—Христос, и она создает все. Через нее все произошло, поскольку она стала матерью всего. Ибо (γάρ) он всегда (10) сын Отца. Думай (νοέω) это о Боге Вседержителе (παντοκράτωρ), который всегда существует. Он не был бы всегда царем, если бы не (μήπως) (15) принес в жертву божественного (θεῖος) сына. Ибо (γάρ) все обитает в Боге, что возникло через Слово**** (λόγος) т. е. Сына как образ (εἰκών) Отца. (20) Ибо (γάρ) Бог близок, и он не далеко*****. Всякий предел божественного (θεῖος) это домочадцы у Бога (?[53]). Если божественное (θεῖον) согласно с тобой в чем-нибудь частично (μέρος), (25) знай, что все божественное θεῖον) согласно с тобой. Однако (δέ) это божественное не согласно ни с чем дурным (πονηρός). Ибо (γάρ) именно оно учит всякого человека тому, что (30) хорошо. Это то, что Бог дал роду (γένος) людей, чтобы по этой причине всякий человек мог стать избранным перед лицом всех ангелов (ἄγγελος) (35) и архангелов (ἀρχάγγελος). Ибо (γάρ) Бог не нуждается в том, чтобы кого-нибудь испытывать (δοκιμάζω). (116.1) Он знает все, до того как это произошло, и он знает тайное сердца******. Все же (δέ) они (т. е. тайные помыслы—*А. Х.*) явны и (5) ничтожны перед ним. Пусть никто не говорит, что Бог незнающий! Ибо (γάρ) нечестиво (—δίκαιον) помещать творца (δημιουργός) всякого творения в незнание. (10) Ибо даже (καὶ γάρ) то, что находится во тьме, перед ним как в свете. Итак, ведь (γάρ) нет ничего скрытого, кроме (εἰ μήτι) одного Бога. А (δέ) он является каждому и (вместе с тем) скрыт (15) весьма. Но (δέ) он открывается, так как Бог знает все[54]. Даже если (ἐάν) они не хотят сказать это, они будут уличены своим сердцем. Он же (δέ) скрыт из-за того, (20) что никто не понимает принад-

* Пс. 103:32 (LXX)

** Ис. 40:12.

*** Ис. 66:2. Прем. 11:17.

**** Прем. 9:1.

***** Иер. 23:23.

****** I Иоанн. 3:20.

лежащего Богу. Ведь (γάρ) непонятно и недостижимо знать помысел Бога. Напротив (πάλιν), трудно постичь его и трудно (25) обрести Христа. Ибо (γάρ) он тот, кто обитает во всяком месте (τόπος) и в то же время—ни в каком месте (τόπος). Ведь (γάρ) никто, кто хочет, не сможет познать Бога, как он существует, (30) ни Христа, ни Духа (πνεῦμα), ни хора (χορός) ангелов (ἄγγελον), ни архангелов (ἀρχάγγελον) (117.1) и тронов (θρόνος) духов (πνεῦμα), ни возвышенные господства, ни великий ум (νοῦς). Если ты не познаешь себя, ты не сможешь (5) познать их всех. Открой себе дверь, чтобы ты смог познать то, что происходит. Стучись в себя самого, чтобы Слово (λόγος) открыло тебе. Ибо (γάρ) оно (10)—царь веры (πίστις) и острый меч, ставший всем для каждого из-за того, что он желает сострадать каждому.

Мой сын, готовь себя уйти от (15) правителя мира (κοσμοκράτωρ) тьмы и от такого воздуха (ἀήρ), который полон сил (δύναμις). А (δέ) если у тебя есть Христос, ты победишь весь этот мир (κόσμος). То, что ты откроешь (20) для себя, ты откроешь. То, куда ты будешь стучать для себя, ты будешь стучать, принося себе пользу (ὠφελέω). Приноси себе пользу, мой сын, не ходя по тем (путям), (25) где нет пользы.

Мой сын, очищай себя сначала от внешней жизни (πολιτεία), чтобы ты смог очистить внутреннее. И не будь как торговцы (30) Слова Бога. Испытай (δοκιμάζω) сначала каждое слово, прежде чем ты его произнесешь. Не стремись приобретать почести, которые не имеют силы, ни (118.1) высокомерия, которое ведет тебя к погибели.

Возьми себе мудрость (σοφία) Христа, долготерпивую и кроткую, и оберегай (5) ее. О мой сын, знающий, что путь Бога всегда полезен.

(Колофон:) Ихтюс (ἰχθύς) (Иисус, Христос, Бог, Сын, Спаситель —*А. Х.*) Чудо (θαῦμα) неизъяснимое (ἀμήχανον).

ПРИМЕЧАНИЯ

ПС написаны на саидском диалекте коптского языка—диалекте Южного Египта, однако в тексте встречается множество ахмимских, субахмимских и архаических форм. См. подробно *J. Zandee*, Deviations from standardised Sa-

hidic in „The Teaching of Silvanus".—Le Muséon. T. 89. 1976, fasc. 3–4, p. 367—381.

Транслитерация коптского текста в нашем примечании дается по грамматике Тилля, см. *W. C. Till*, Koptische Grammatik (Saidischer Dialekt). Leipzig, 1955, S. 40.

Критическое издание ПС в настоящее время готовит известный коптолог и историк религий Жан Зандее (Голландия). Наш перевод выполнен по факсимильному изданию рукописи (The Facsimile Edition of the Nag Hammadi Codices. Codex VII. Leiden, Brill, 1972).

[1] calme—„отрицателей истины". Объяснение этого сочетания см. *Zandee* Deviations, p. 378. В немецком переводе Функа стоит „Mükken"—*W.-P. Funk* „Die Lehren des Silvanus". Die vierte Schrift aus Nag-Hammadi-Codex VII.—Theologische Literaturzeitung, 100 Jhrg., 1975, N. 1, S. 12 (Далее: нем. пер. с. ... прим. ..

[2] eu/kō/rš erok—реконструкция Функа (нем. пер. с. 23, прим. 11) В английском переводе: [cajoling], см. The Teachings of Silvanus (VII,4). Introd. and Transl. by Mc. L. Peel and J. Zandee.—The Nag Hammadi Library in English. Leiden, Brill, 1977, p. 348 (Далее: англ. пер. с. ...) В факсимильном издании s не видно (p. 92).

[3] „Учение"—tesbō, то же слово, что и в названии сочинения n̄sbou n̄silouanos. Обычно передает греческое διδασκαλία или διδαχή.

[4] enesou pōh gar eksooun n̄the etiti sbō nak—место сложное. Функ перевел: „... denn es ist gut, dahin zu gelangen, dass du so erkennst wie ich dich lehre" (нем. пер. с. 12). Зандее предположил порчу места (Zandee, Deviations, p. 380–381), ср (For ... you know the way which I teach" (англ. пер. с. 348). Позднее Зандее еще раз вернулся к этому пассажу и, предложив другое деление на слова, по-новому понял отрывок (ene soupōh ... J. Zandee, Eine Crux Interpretum in den „Lehren des Silvanus".—Göttinger Miszellen, 44, 1981, s. 79—80. Мы следуем этой поправке Зандее.

[5] earchei enho [ra] ton—„править видимым"—реконструкция Функа (нем. пер. с. 23, прим. 12). Однако в факсимильном издании „TO" не читается (p. 93). Кажется, лучше [e]nho[ein]e „немногими" как противопоставление следующему [et]rekarchei ouon nim ... „править каждым" (т. е. всеми). В англ. пер. (с. 348) [few], где, вероятно, имелась в виду такая реконструкция.

[6] Начало и конец строки испорчены. Вероятно, следует [hos]ō mallon tsotp̄ [et]rekarchei...

[7] auo n̄čise mmine nim m̄noulogos n̄thelos. Функ дополнил n<g>čise и перевел und dass du dich erhebst in jeder Hinsicht kraft eines göttlichen Logos (нем. пер. с 12). Однако, кажется, нет необходимости в этом добавлении, поскольку n̄čise относится к предыдущему квалитативу „o" в сочетании ekōn̄noc: тогда и далее следует понимать (eko)n̄čise. Функ перевел m̄n инструментально, а в английском переводе m̄n понято как союз „и", что дает

выражению другой смысл: you ... (are) prominent in every respect, and (area) divine reason, having become master over every power ... (с. 348).

[8] monthulos—это слово не засвидетельствовано греческими текстами, однако значение его понятно, ср (μ)ονόθυλος. См. замечание Шенке: *H.—M. Schenke*. Zur Faksimile-Ausgabe der Nag-Hammadi-Schriften.—ZÄS, Bd. 102, 1975, Hft. 2, s. 136.

[9] Слово χρηστός записано как nomen sacrum: $\overline{\text{хрс}}$ вследствие смешения двух понятий χριστός и χρηστός, которые было достаточно обычным в греческих текстах византийского периода. Подобная ошибка встречается и в коптских текстах: хрістос или $\overline{\text{хс}}$ для χρηστός, см. Nag-Hammadi Codices. Greek and Coptic Papyri from the cartonage of the covers. Ed. by J. W. B. Barns ... Leiden, Brill, 1980, p. 62—63.

[10] *MN̄TX̄C̄*—опять nomen sacrum, но выше в тексте (см. 85, 16; 88, 29) стяжением $\overline{\text{хс}}$ обозначалось слово хрістос. Здесь через $\overline{\text{хс}}$ передано χρηστός: MN̄TX̄C̄=χρηστότης, см. *A. Böhlig*. Die griechischen Lehnwörter im sahidischen und bohairischen Neuen Testament. 2 Aufl. München, 1958, s. 96—97.

[11] psooun n̄bše—„познание забвения". Функ предложил исправить на „забвение познания", считая, что копт-переводчик не понял греческую конструкцию (*W.—P. Funk*. Bemerkungen zu den Lehren des Silvanus.—Essays on the Nad Hammadi Texts in Honour of Pahor Labib. Ed. by M. Krause. Leiden, Brill, 1975, s. 286. В английском переводе (с. 349) текст оставлен без исправления: familiarity with forgetfulness.

[12] Т. е. мудрость, знание, понимание.

[13] Сочетание mpsan̄hre, как считает Функ (нем. пер. с. 23, прим. 15) возникло из неправильного перевода греческого ἐναλλάξ „снова", а n̄kesop могло быть глагольной приставкой в „ἀναλαμβάνω", греческого оригинала или наречием πάλιν.

[14] outhronos mmn̄tat[eime]—„трон не[понимания]"—реконструкция Функа (нем. пер. с 23, прим. 16). В английском переводе (с. 349): a throne of [nescience], вероятно, имея в виду mn̄tat[sooun]. Однако ср. 89.23—24, где в коптском тексте thronos n̄aisthēsis, а не thronos n̄gnōsis.

[15] Функ, ссылаясь на Зандее, читает n̄]alo]gos и переводит [ohne Logos] (нем. пер. с. 23, прим. 17). Однако в факсимильном издании (р. 95) три последние буквы не читаются, хотя могут быть предположены n̄[...]gos. Ср. англ. пер. (с. 349): [without reason].

[16] Слова в скобках, пояснение, предложенное Функом (нем. пер. с. 13).

[17] rmn̄k[ro]f—„обманщик"—реконструкция Функа (нем. пер. с. 23, прим. 19). Ср., однако, англ. пер. (с. 349), где не отмечено, что в тексте была лакуна: deceiving friends.

[18] [či ero]k mpechs [n̄]š[anhtēf]: [Nimm] den ba[rmherzigen] Christus—реконструкция и перевод Функа (нем. пер. с. 13, с. 23, прим. 20). В англ. пер.

(с. 349—350): [Accept] Christ, [this true friend], вероятно, имея в виду [n̄š] b̄ēr mme].

[19] Ср. однако нем. пер. (с. 13, с. 23, прим. 22), где Функ предложил дополнить psa „сторона“ в psa<h>, т. е. „учитель“ и перевел ... nimm den Lehr[er] der Frömmigkeit.

[20] knačpo de n[ak n̄]hentopos hn̄ t[pe n̄sat]pe,—du wirst dir Ehrenplätze ob[en] im[Himmel] erwerben—реконструкция и перевод Функа (нем. пер. с. 13, с. 23, прим. 23). Ср. англ. пер. ... you will acquire places in [heaven above] (с. 350).

[21] tpsychē de pentafrplasse n̄neuhēt ouaau,—смысл этой фразы неповитен Ср. нем. пер. (с. 14): die Seele dagegen ist es, was in ihnen selbst „gebildet“ wurde ... и англ. пер. (с. 350): but the soul is that which he (God) has formed for their own hearts.

[22] Т. е. добродетели, ср. нем. пер. с. 14.

[23] a[š p[etšrdoci n̄talethia,—Was meint (nun) Wahrheit? реконструкция и перевод Функа (нем. пер. с. 14, с. 23, прим. 27, ср. *Funk*, Bemerkungen, s. 287—288). Мы оставили это место вслед за английскими переводчиками без перевода, ср. The base soul is wont to turn from side to side /.../ which it imagines the truth (с. 351).

[24] [nano]us—„хороший“, „лучше“, ср. нем. пер. с. 14, с. 23, прим. 28 и англ. пер. с. 351.

[25] areouōš eatbnē ntarešōpe hn̄ teiphysis... „ты пожелала стать скотом, когда ты оказалась в этой природе ...“ Зандее видит в n̄tare — темпоралис (AA^2) см. *Zandee*, Deviations, p. 370 и переводит: „You (fem. sing.) wished to become animal when you had come into this kind of nature“ (англ. пер. с. 351). Функ понял n̄tare—как перфект 2: „willst du (o Seele) etwa zum Tier werden und daraufhin in der nämlichen Natur existieren (нем. пер. с. 14).

[26] mallon de arkoinōni e ... Зандее (Deviations, p. 378) считает, что ar- императив от eire и поэтому: „But rather share in a true nature of life (англ. пер. с. 351). Функ (нем. пер. с. 14: Lieber doch teilhaben an einer wahren Lebensnatur!) вероятно, рассматривал r̄koinōni как инфинитив, а „a“ как AA^2 вариант форманта „e“ перед инфинитивом.

[27] Место не совсем ясное, поэтому Функ перед началом предложения вынужден был дополнить <Als du wiedergeboren wurdest> (нем. пер. с. 14).

[28] Функ (нем. пер. с. 15, с. 23, прим. 31) предложил исправить pnoētos „умный“ на p<a>noētos „неразумный“ и перевел Der <un>verständige Mensch ...

[29] Функ читает o[uno]c (нем пер. с. 15, с. 23 прим. 32), однако в факсимильном издании не читается ни одной буквы (p. 102).

[30] psah—„учитель“. У Функа (с. 15) и в англ. пер. (с. 352) не указано, что слово непорчено. В факсимильном издании (p. 102) читается только ps[ah].

[31] thai[ek no]uoeiš nim—„находится в тебе постоянно". реконструкция Функа (нем. пер. с. 15, с. 23 прим. 33).

[32] Коптский текст на пергамене (10—11 вв.), хранящийся в Британском Музее (Or 6003), как теперь стало ясно, содержит отрывок из „Поучений Сильвана" (правда, автором здесь назван апа Антоний). Хотя этот перевод независим от найденного в Наг-Хаммади (но оба выполнены с одного греческого оригинала), в ряде мест он помогает восстанавливать лакуны последнего. Отрывок (соответствует 97.4—98.22 ПС) издан и прокомментирован Функом см. *W.—P. Funk*. Ein doppelt überliefertes Stück spätägyptischer Weisheit.—ZÄS, Bb. 103, 1976, Hft. 1, S. 8—21.

[33] holan gar eušanmeeue—„ибо когда они думают". Здесь, возможно, ошибка переписчика вместо ekšanmeeue—„когда ты думаешь", что лучше по смыслу.

[34] au[ō rōm]e nim efštr[t]ō[r] epčinčē—„и каждый человек волнуется напрасно. Лакуна восстанавливается на основе отрывка из Британского Музея, см. *Funk*. Ein doppelt, s. 11.

[35] mnlaau oude mnson—„нет никого, даже брата..." Функ на основе отрывка из Британского Музея дополнил: Es gibt keinen Freund <nšbēr> und gibt keinen Bruder (нем. пер. с. 23 прим. 36). Ср. англ. пер. (с. 353): There is no one, not even a brother (who is trustworthy)...

[36] i[mēn aēn com] enau erof—реконструкция Функа (нем. пер. с. 23 прим. 37): Denn jeder Blinde ist auf [Dauer] un[fähig (?)] sie (sc. die Sonne) zu sehen. Англ. пер. (с. 353): For every Blind man [goes along in such way] that he (?) is seen just, вероятно, основан на такой реконструкции i[mooše hi hie] enau eros [ndikaios].

[37] pē[oeis mpt]ērf—„господа всего"—см. нем. пер. с. 23 прим. 40.

[38] Ср. англ. пер. (с. 353): for this image reveals the true likeness in correspondance to that which is revealed и нем. пер. с. 16. Denn dieses Abbild offenbart die wahre Gestalt auf sichtbare Weise.

[39] ka[ta tcom]—см. нем. пер. с. 16: [Gemäss der Kraft] и англ. пер. с. 353: [With respect to power].

[40] Это место вызывает затруднения, ср. нем. пер. с. 17: Denn das All ist Christus-abgesehen von der Unvergänglichkeit (Christi?) и англ. пер. с. 354: For Christ is all, apart from (his) incorruptibility. Если, однако, слово chōris понимать не как предлог со значением „без", а как наречие со значением „иначе", смысл фразы станет понятен.

[41] ntau[čpof]—конъектура Функа (нем. пер. с. 23 прим. 42), ср. англ. пер. с. 354: [he has been begotten].

[42] Подробно об этом пассаже см. *Funk*, Bemerkungen, s. 289—290.

[43] Так, англ. пер. с. 354: do not confine the God of all to mental images, ср. нем. пер. с. 17. Und mach dir keine inneren Bilder vom Gott des Alls!

[44] Смысл фразы станет хорошо понятен, если принять пояснение англ. пер.: For he (God) who condemns may not be condemned by the one who con-

demns (с. 354). Зандее не исключает возможности видеть в форманте EVA—(A³) (=EVNA—) futurum I, хотя подобная форма встречается в тексте только в этом месте (Deviations, p. 377) Нем. пер.: wird seinerseits beurteilt werden ... (с. 17) не учитывает отрицания.

[45] nīnabal—спорное место. В англ. пер. (с. 354) оставлено без перевода. В нем. пер. (с. 17): ... es sei denn, dass er das Licht bekommt und durch es sehend wird. Зандее, (Deviations, p. 381) предложил понимать как n̄nefbal — „его глаза"; наш перевод следует этой конъектуре.

[46] a[u] ci[ne]—„находился". См. нем. пер. с. 17, с. 23 прим. 43 и англ. перев. с. 355: he [was found].

[47] relčalk̄ sote—„погруженный в огонь", см. *Зандее* (Deviations, p. 380) и англ. пер. с. 355: who are submerged in fire. Ср., однако, перевод Функа: Pfeilschützen, который в sote видит не „огонь", а [illegible], т. е. „лук".

[48] Фраза, кажется, не имеет завершения. Функ вынужден был добавить <dann wirst du ...> и оборвать фразу (нем. пер. с. 18). В англ. пер. (с. 355) эта фраза понята как продолжение предыдущей.

[49] nekrefmoout—Функ поясняет: d.e. deine lebendigen Glieder (нем. пер с. 18).

[50] Функ считает, что речь идет об апостоле Павле (нем. пер. с. 20).

[51] Ср., однако, нем. пер. с. 20: Der Welt ist erschienen grosse Macht und grosse Herrlichkeit und das himmlischen Leben in der Absicht, das All zu erneuern ...

[52] hb̄he зд. „весы", см. *Зандее* (Deviations, p. 381). В нем. пер. с. 21: mit seiner hohlen Hand.

[53] areči nim n̄thelos ne n̄rmhn̄eei mpnoute. Англ. пер. с 360: All divine limits are those which belong to God's household. Ср., однако, нем. пер. с. 22: Wer ist seine Grenze? Die göttlichen Wesen sind Verwandte Gottes.

[54] Смысловая связь между частями предложения не совсем ясна. Функ предположил, что в греческом оригинале была пассивная форма глагола sooun и, исходя из этого, перевел: weil Gott am All erkannt wird (с. 22).

НОВОНАЙДЕННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ИСТОРИИ ТИГРАНА ПАҺЛАВУНИ

Известный арменовед Г. Зарбаналян, говоря об авторе XI в. Саркисе Севанском, завершает раздел перечнем имен авторов, живших в этот период. Среди тех, литературное наследие которых не дошло до нас, упоминается также «Тигран Паһлавуни»[1].

Упоминание имени Тиграна Паһлавуни, по всей вероятности, было основано на следующих фактах. В послании, адресованном в 1042—1044 Саргису вардапету, Григор Магистрос пишет: *Եւ զմերոյն Վաղարշակայ ի Մովսիսէ և Տիգրանայ ինձ գրեալս քո զվախճան մահոյց իմն* («О нашем Вагаршаке написано Мовсесом и **Тиграном**, извещая о кончине твоей»)[2]. Кажется, упомянутого здесь Тиграна имеет в виду Вардан Аревелци в своей Истории. Приведя небольшой отрывок из одного исторического труда, он пишет: *Այս ըստ Վահրամայ, որդւոյ Տիգրանայ վիպագրի* («Сие согласно Ваграму, сыну **Тиграна** повествователя»)[3].

---

[1] Գ. Զարբհանալեան, *Հայկական հին դպրութեան պատմութիւն (Դ—ԺԳ դար)*. Վենետիկ, 1886, էջ 572։ Մ. Մուրադեանց, *Պատմութիւն Հայաստանեայց Առաքելական սուրբ եկեղեցւոյ*, Երուսաղէմ, 1872, էջ 424։

[2] См. Գրիգոր Մագիստրոսի *թղթերը, բնագիրն աշխատասիրեց և ծանօթութիւններով առաջին անգամ ի լոյս ընծայեց Կ. Կոստանեանց*, Ալեքսանդրապոլ, 1910, էջ 63։

[3] См. Մեծին Վարդանայ Բարձրբերդեցւոյ, *Պատմութիւն Տիեզերական, ի լոյս ընծայեաց Մկրտիչ Էմին*, Մոսկվա, 1861, էջ 127։ *Հաւաքումն Պատմութեան Վարդանայ վարդապետի լուսաբանեալ*, Վենետիկ, 1862, էջ 94։ Всеобщая история Вардана Великого, перевел М. Эмин (с Примечаниями и Приложениями), М., 1861, с. 118. Ср. Ե. Դուրեան, *Ամբողջ երկեր. Պատմութիւն հայ մատենագրութեան*. Երուսաղէմ, 1933, էջ 101։ В Истории Мхитара Айриванеци он упоминается как «Վահրամ Տիգրանակերտցի» (Ваграм Тигранакертци). Մխիթարայ Այրիվանեցւոյ *Պատմութիւն Հայոց, ի լոյս ընծայեաց Մկրտիչ Էմին*, Մոսկվա, 1860, էջ 22։ В Предисловии русского перевода Истории Вардана М. Эмин пишет, что „автор (Ваграм—*А. К.*) Истории происхождения татар у нашего Вардана называется випагиром" *(«վիպագրի»)* (с. XIX). В венецианском издании Истории Вардана между «Տիգրանայ» и «վիպագրի» ошибочно поставлена запятая, вследствие чего слово «վիպագրի» в силу того же недоразумения можно приписать Ваграму. Однако в Истории Вардана слово «վիպագրի» со всей очевидностью касается Тиграна *(«Տիգրանայ վիպագրի»)*.

Имея в виду тот факт, что послание Григора Магистроса к Саргису вардапету было написано в 1042—1044 г., надо полагать, что предполагаемая История Тиграна была написана до 1042—1044 гг., по всей вероятности, в начале XI века.

Можно думать, что упоминание Г. Зарбаналяном, М. Муратяном и Е. Дурьяном Тиграна как историка и представителя рода Паһлавуни имеет не только историческое, но и рукописное подтверждение. И действительно, в рукописи № 4166 Матенадарана им. Маштоца содержатся материалы, среди которых находится и «Գտաւ թուղթ ի Հնագրեանն Տիգրանայ Պահլաւունոյ» («Найдено послание из һнагреанка Тиграна Паһлавуни») (л. 2196—2206). Термин «Հնագրեանք» («һнагреанк») сам по себе наводит нас на мысль, что это извлечение из историографического сочинения. Если это так, то мы имеем дело с сохранившимся по счастливой случайности отрывком из сочинения известного доселе лишь по имени историка XI в. Тиграна Паһлавуни. Исходя из завершающих фрагмент слов «Սուղ ինչ գրեցաւ ի Փոտայ թխթոյն հաւատալիքս բանքս» (Сокращенное извлечение из послания Фотия о вере), можно заключить, что это извлечение есть не что иное, как сокращение известного послания патриарха Фотия армянскому католикосу Захарии. И действительно, сравнение показывает, что эта историографическая единица с ее сокращенностью и смешением, является редакцией соответствующих отрывков послания Фотия. Составляет исключение лишь начальная часть фрагмента («ՅԺԱ (862) թուին առաքեաց Փոտ... ձեռն սարկաւագն աթոռոյս»), что соответствует предисловию «Послания епископа Никии Ваһана».*

Не представляющая интереса с историографической точки зрения, эта находка, однако, представляет ценность в качестве книжной единицы. Самим фактом своего существования она дает возможность прибавить еще одно имя к семье армянских средневековых историков.

Ниже мы параллельно приводим наличный отрывок из «һНагреанка» Тиграна Паһлавуни, «Предисловие послания Ваһана Никейского» и соответствующие отрывки послания Фотия.

А. О. Кёсеян

---

* Исходя из халкидонитской направленности избранных отрывков, можно было бы тем не менее предположить, что Тигран Пахлавуни (если отождествить его с Тиграном, упоминаемом в Истории Вардана Аревелци) был отцом Babрама Рабуни (XIII в.), известном своими халкидонитскими воззрениями. Однако за отсутствием достоверных сведений с уверенностью говорить об этом пока трудно.

ՎԱՀԱՆԱՅ ՆԻԿԻԱՅ ԵՊԻՍԿՈՊՈՍԻ ԲԱՆՔ

Նախադրութիւն ·

(изд. Н. Акинян), «Андэс амсореа», 1968.

ՅԺԱ (862) Թուականութեանն Հայոց առաքեաց Փոտ Կոստանդնուպոլսի հայրապետն զՎահան Նիկիոյ արքեպիսկոպոս ի Հայս առ Զաքարիա Հայոց Մեծաց կաթողիկոս արար ժողով ի Շիրակաւան եպիսկոպոսաց բազմաց եւ կրաւնաւորաց, առաջի Աշոտոյ հայոց սպարապետին, քանզի անդ նստէր ի բանակի ազատակոյտ զաւրաւք իւրովք, զոր գումարեալ էր վասն Հիւսիսական կողմանց ապստամբութեան։ Անդ էր եւ Նանան ասոր, սարկաւագ մեծ եւ հռչակեալ փիլիսոփոս [...] (էջ 257—258)։

ԹՈՒՂԹ ՓՈՏԱՅ ՊԱՏՐԻԱՐՔԻ ԱՌ ԶԱՔԱՐԻԱ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ ՀԱՅՈՑ ՄԵԾԱՑ

(изд. Н. Акинян), «Андэс амсореа», 1968.

...Յետ ՅԺԵ(315) ամի զկնի յարութեան Տեառն մերոյ Յիսուսի Քրիստոսի մեծին Աստուծոյ եւ յեւթներորդ ամի թագաւորութեանն Կոստանդիանոսի գումարեցան սուրբ հարքն ի Նիկիա, յորս եւ պատրիարքունքն էին

Ի ՀՆԱԳՐԵԱՆՍ ՏԻԳՐԱՆԱ ՊԱՀԼԱՎՈՒՆՈՅ

рук. № 4166 Матенадарана им. Маштоца

ՅԺԱ (862) թուին առաքեաց Փոտ պատրիարգն Կոստանդնուպաւլսո զՅոհան արքեպիսկոպոս Նիկիո առ տէր Զաքարիա պատրիարգն Հայոց պատասխանի հարցմանն զպատճառս ժողովոյն Քաղկեդոնի, և արար տէր Զաքարիա ժողով ի Շիրակաւանն։ Անտ էր և Աշոտ իշխանն և Նանա սարկաւագն ասորըն։ Եւ էր գրեալ, թէ յետ ՅԺԵ (315) ամի յարութեան Տեառն եղև ժողով Նիկիա յԷ ամի թագաւորութեան Կոստանդիանոսի և պատրիարգ ունէին Սեղբեստրոս Հռոմա, Աղէքսանդր Աղեքսանդրու, Եւստաթէոս Անտիոքու, Արիստակէս Հայոց։ զկնի ՀԴ (74) ամացս ի Ե (5) ամի թագաւորութեան Թէոդոսի եղև ժողովն Կոստանդնուպաւլսոյ, և պատրիարգուն էին՝ Դամասոս Հռոմա, Նեքտարիոս Կոստանդնուպաւլսո, Տիմոթէոս Աղեքսանդրու, Կիւրեղ Երուսաղէմի, Մելիտոս Անտիոքա, Ներսէս Հայոց։ Զկնի ԽԵ (45) ամի յԲ (2) ամի թագաւորութեան Թէոդոսի Փոքու՝ Եփեսոսին է. Կեղ‖(219р)եստիանոս Հռոմա, Կիւրղոս Աղէքսանդրու, Յոհան Անտիոքու, Յոբնաղ Երուսաղէմի և Թուխթ Սահակայ

Սեղբեստրոս Հռոմայ, Աղեքսանդրոս Աղեքսանդրու, Եւստաթէոս Անտիոքայ, Աղեքսանդրոս Կոստանդնուպոլսոյ, Մակար Երուսաղէմի, Արիստակես Հայոց՝ հրամանաւ սրբոյն Գրիգորի եւ հանդերձ ՅԺԸ (318) եպիսկոպոսաւք։ Եւ նզովեալ ջնջեցին զՍաբել և զԱրիոս յեկեղեցւոյ եւ խոստովանեցան զՈրդի ծնունդ Հաւր եւ ճառագայթ էութեան նորա։ Եւ յետ այսորիկ երեւեցաւ Մակեդոն հոգեմարտ յուսմանէն արիանոսաց, որ զանեղ Սուրբ Հոգին արարած ասէր եւ ոչ՝ եղող եւ բղխումն ի Հաւրէ։ Եւ Մոնտանոս եւ այլք յաշակերտաց Սաբելի՝ հակառակ եւս ամբարշտաբար մի անձն հաւատեալ զերրեակ միութիւն։ Եւ յետ ՀԴ (74) ամի զկնի անցելոյն ժողովոյն Նիկիայ եւ ի քսաներորդ հինգերորդ ամի Մեծին Թէոդոսի գումարեցան սուրբ հարքն ի Կոստանդնուպոլիս։ Եւ հայրապետք էին՝ Դամասոս Հռոմայ, Նեքտարիոս Կոստանդնուպոլսի, Տիմոթէոս Աղեքսանդրու, Կիւրեղ Երուսաղէմի, Մելիտոս Անտիոքայ եւ սուրբ Ներսես Հայոց՝ հանդերձ ՃԾ (150) եպիսկոպոսաւք։ Նզովեալ ջնջեցին զՄակեդոնիոս, զՍաբելացիսն։ [...] (էջ 81—84)։ Եւ յետ ԽԵ (45) ամի ժողովոյն Կոստանդնուպոլսի եւ ի ԺԵ (15) ամի Փոքուն Թէոդոսի գումարեցան սուրբ հարքն յԵփեսոս։ Որոց գլխաւոր հայրապետքն էին Մեծի։ Զկնի երեւեցաւ Նեստորէս, որ էր շամանդրիտ ի Կոստանդնուպոլիս։ Եւ Փլաբիանոս հրամանաւ Լեւոնի արքային, և նա առաքեաց զներքինապետ պալատանն Ռոկեան անուն։ Գրեալ թուղթ վասն նմա առ Դեոսկորոս ընդունել զնա և յետոյ զղջացաւ ի խղճէ մտացն և առաքեաց զնոյն այր լինել ժողով յԵփեսոս և եղև իսկ ԻԲ (22) ամաւ զկնի առաջին ժողովոյն։ Եւ աքսորեաց զՓլաբիանոս և խոտեաց զթուղթն Լեւոնի և եկոյծ զԴոմնաս Անտիոքու հայրապետն։ Զկնի գայր իր մեղադրանաց ի Լեւոնէ առ Թէոդոս։ Եւ նա հարցեալ, թէ զինչ արասցէ, լուաւ թէ դարձեալ ժողով լիցի։ Եւ Թէոդոս նեղեալ և չժամանեալ՝ Մարկիանոս կատարէ զժողովն ի Քաղկեդոն։ Յետ ՆԿԲ (462) ամի յարութեան Տեառն յետ ԵԺ (15) ամի Սահակա պատրիարգին փոխելոյն ի Տէր, յորում ամի Վարդանքն պսակեցան ի հայրապետութեան տեառն Մանդակունոյ (sic) և չէին պարապ գալ ի ժողովն։ Բայց հակառակութիւն ոչ գոյր ՃԴ (104) ամ մինչ ի վերջին Ներսէս ի. սկիզբն թւականին Հայոց, ի ԺԴ (14) ամի Յուստինիանոսի և ի Դ-ն (4) Խոսրովու պարսից, որ արար ժողով ի Դուին ի ձեռն Աբդիշոյի Ասորու, որ եկեալ էր ի Սասնոյ ի Սարափթա վանիցն և այլ ընդ նմա, որ եղեն ի նմանէ եպիսկոպոսք. և

Կելեստիանոս Հռոմայ, Կիւրղոս Աղեքսանդրու, Յովհան Անտիոքու, Յոբնաղիոս Երուսաղէմի՝ հանդերձ Մ (200) եպիսկոպոսաւք. նզովեցին զամբարիշտն Նեստոր եւ մերժեալ ընկեցին յեկեղեցւոյ։ Եւ առ սուրբն Սահակ գրեցին ի Հայս զպատճառս ժողովոյն Կիւրեղ Աղեքսանդրացի եւ Պրոկղ Կիզիկոյ եպիսկոպոսս։ Եւ սուրբն Սահակ զժողովն ընկալեալ եւ նզովս արար ընդդէմ Նեստորի [...] (էջ 87—88)։

Արդ յետ այսորիկ երեւեցաւ պիղծն Եւտիքէս, որ էր շառաւեղ ուսմանն Սաբելի, որ ասէր մի բնութիւն Քրիստոսի աստուածութեանն եւ մարմնոյ. զի միաւորութիւնն յառաջ քան զհասիտեանս ասաց. եւ զմարմինն յերկնից բերել ասաց եւ ոչ ի Կուսէն առեալ։ Զոր աւրինակ Նեստոր զԱստուած Բանն ուրացաւ ծնանել ի Կուսէն, սա զմեր բնութիւնս ուրացաւ առնուլ ի մարէն եւ խառնել անճառապէս եւ հրաշափառ միաւորութեամբ ընդ իւր աստուածութեանն։ Զոր իմացեալ Փլաբիանոս հայրապետ քաղաքին չնչեաց զնա ի քահանայութենէ եւ յեկեղեցւոյ՝ հրամանաւ Լեւոնայ Հռոմայ հայրապետին։ Իսկ Եւտիքէս աղաչեաց զոմն Ոսկեվան, որ Ներքինապետն էր պալատանն, որ իւր սխտրին վիրավորեալ էր, գրել նմա թուղթ առ Դիոսկորոս յԱղեքսանդրիայ. եւ զՓիլաքսինոսի եպիսկոպոսի ի Նաբուհ քաղաքի եւ զՏիմոթէի Աղէքսանդրու Կուզն կոչեցելոյ զգրեանն թարգմանեցին ի Հայս, որ ունի շարախօսութիւն զժողովոյն եւ զՍուրբ Աստուածն «Խաչեցար» գրին եւ յունաց նզովիւք ի բաց կացին։ Եւ Խոստ[ր]ով թագաւոր պարսից խնդաց եւ գիր արգին ետ յորդեգիրս Ներսիսի եւ գիրկիր ի նմա հրամանքն արար։ Եւ ի ԺԶ (16) թուին սպան Հեռն Վարդան Մամիկոնեան զՍուրէն մարզպանն պարսից եւ եկն ընտանեաւք ի յոյնս յԼ (30) ամի Յուստինիանու յորժամ շինէր զՍուրբն Սոփի եւ ի տանի խաչին չհաղորդեցաւ, թէ՝ «մեր վարդապետքն չհրամանեն մեզ»։ Եւ թագաւոր արար ժողով ՃԼ (130) եպիսկոպոսս եւ ընկալան հայք, զոր Ե (5) ժողով կոչեն։ Իսկ յորժամ Մուշեղ Հայոց եւ յունաց զաւրաւքն նուաճեաց Խոստրովու թագաւորութիւն պարսից եւ դարձաւ պարգեւաւք առ Մաւրիկ կայսրն։ Եւ բան անկաւ վասն հաւատոց եւ Մաւրիկ արար ժողով Զ (6)-երորդ ի ՃԿ (160) եպիսկոպոսաց ԻԱ (21)-ն Հայոց էր, եւ ընկալան Հայք։ Եւ արար Հերակղ ժողով առ Եզրաւ, եւ ընկալան, իսկ Յոհան Մայրավանեցի ոչ ընկալաւ։ Եւ յաւուրս Կոստանդեա որդո Հերակղեա Դեոդորոս Ռշտունի եւ Ներսես կալան եւ, խաբեալ ի ճակատն, Հալածեցին ի լեառն

Ներքինին կատարեալ զխնդրուածս նորա՝ գրէ նմա թուղթ։ Եւ Դիոսկորոս ընթերցեալ զթուղթն՝ ընկալաւ զՆուիրէս ի յեկեղեցի եւ հաղորդեցաւ ընդ նմա։ Եւ յետ այսորիկ հարեալ ի խղճէ մտաց իւրոց՝ երկեաւ ի կանոնաց եւ յաւրինաց եկեղեցւոյ, որպէս զի մի ջնջեսցի, քանզի զլուծեալն եւ զնզովեալն ընկալաւ։ Աճապարեալ աղաչեաց զնոյն ներքինի, քանզի գլխաւոր էր պալատանն, լինել ժողով յԵփեսոս, ոչ ըստ Աստուծոյ կամացն եւ յեկեղեցւոյ օգուտ, այլ զի ծածկեսցէ զյանցանս իւր զոր մեղաւն։ Եւ ոչ ըստ աւրինաց ժողովոյ կատարեաց զեղեալսն Դիոսկորոս, այլ ի ներքինույն եւ ի զինուորացն աւժանդակեալ աքսորէ ի մահ զՓլաբիանոս, եւ արհամարհէ զթուղթն Լեւոնայ Հռոմայ հայրապետի։ Լուծանէ եւ զԴոմնաս Անտիոքայ հայրապետն, զի ոչ հաւանեցաւ խարեութեան նորա [...] (էջ 87—90)։

Քանզի ի հինգետասաներորդի ամի յետ վերափոխելոյն Սրբոյն Սահակայ յայսմ կենցաղոյս առ Քրիստոս՝ գումարեցաւ ժողովն Քաղկեդոնի, յորում ամի կատարեցաւ սուրբն Վարդան զաւրաւք իւրովք յԱրտազ գաւառի, ի տեղապահութեան աթոռոյն [Ղեւոնդեանցն] Յովսէփայ։ Եւ հայք վտանգեալք ի հինից Պարսից՝ ոչ զաւրեցին եւ պարապեցան գալ ի Կովկաս։ Եւ յետ մահուանն Ներսեհի դարձաւ և զոր ինչ կամեցաւն արար մա||(220ա)նաւանդ յորժամ թարգմանեցան ի Հայս գրեալքն Սիլիանոս Ակաղացը (sic) ի ձեռն Սարգսի ի ժողովն Մանծկերտոյ։ Իսկ յոյնք գտին զԸ (8) մասունս բանին և զԺ (10) ստորոգութիւնսն և զԺԴ (14) գլուխքս հակառակականացն։ Իսկ սատանայ իւր Դ (4) անունս կազմեաց. Ա՝ Արիոս, Եւնոմիոս, Մակեդոն, որք բաժանեն զԲ երրորդութիւն։ Բ-ն՝ Սաբել, Պետրոս Բափիլն։ Գ-ն՝ Նեստոր, Թէոդորիտոս, որք սուտ մարդ ասացին զՏէրն։ Դ-ն՝ Եւտիքէս, Սիլիանէ (sic), մանիքեցիք։ զԲ անիւան Նիկիո և Կոստանդնուպաւլսոյ ժողովն քակեցին։ Եւ զԲ անիւան Եփեսոսին և Հալկեդոնին։

Սուտ ինչ գրեցաւ ի Փոստաթխթոցն հաւատալիքս բանք։

ժողովն. վասն այնորիկ ոչ եհաս պատճառ ժողովոյն ի Հայք հաւաստեաւ: Բայց հակառակութիւն վասն ժողովոյն ի Հայք ինչ ոչ գոյր. այլ ամենեքեան ընդունէին զժողովն մինչեւ ի ժողովն Դունայ, որ լինին ամենայն ամք Չ եւ Դ (84) յերկրորդ ամէն Մարկիանոսի կայսէր մինչեւ ցտասաներորդ ամն Յուստիանոսի եւ ցվեցերորդ ամն Ներսէսի կաթողիկոսի, որ յԱշտարակացն էր, որ արար ժողով ի Դուին ի սկզբան թագաւորելոյն Հայոց Պարսից, եւ ի չորեքտասաներորդ ամին Խոսրովու Պարսից արքային՝ ի ձեռն Աբդիշոյի ասորւոյ, եկեալ էր ի Սասանոյ, ի Սարափթոյ վանիցն, եւ այլ ընդ նմա, որ ձեռնադրեցան եպիսկոպոսունք ի Ներսիսէ եւ ընկալան զԴիոսկորոս եւ զՓիլոքսոն եպիսկոպոս ի Նաբուր քաղաքէ, եւ զՏիմոթէոս Աղեքսանդրացին, որում Կուզն կոչեն, որ զգրեանս թարգմանեցին ի Հայս, որ կոչին յետին թարգմանիչք, որ ունի բազում չարախօսութիւն վասն ժողովոյն Քաղկեդոնի, ի նոցին թարգմանութեանն եւ ի նոցունց աւանդութենէն: Մի բնութիւն աւանդեցին Քրիստոսի աստուածութեանն եւ զխաչեցարդ եդին յերիս սրբասացութիւնն հակառակ կարծելով ժողովոյն Քաղկեդոնի եւ Հեգից հայրապետացն. եւ ի Յունաց նզովիւք չափ ի գառ

կացին ի հաղորդութենէ։ Ընդ որս ուրախ եղեւ Պարսից թագաւորն, ընդ որոշելն Հայոց ի ձեռնադրութենէն Հռոմայ. եւ գովեաց զնոսա եւ զյառաջ խոստացեալ դաշինս կատարեաց զօրգին տալով նմա յորդեգիրս եւ զհայաստան աշխարհի զհարկսն ի նա հատուցաց եւ եպիսկոպոսունս հաւանեալս ընդ նմա։

Եւ ի վեշտասաներորդ թագաւորութեանն Հայոց սպան խենն Վարդան Մամիկոնեան զՍուրէն մարզպան Պարսից առ ի չմուծելոյ արհամարհանացն, քանզի եբարձ [թագաւորն] զպատիւ ազատացն եւ եա եպիսկոպոսունսն։ Եւ ինքն փախեաւ բազում ազխիւ եւ համօրէն ընտանեաւք եւ եմուտ ի Յոյնս։ Եւ ի ԻԷ (27)-ներորդի ամի Յուստինիանոսի կայսեր [յորժամ զաւրքն Սոփի շինէր], ի տաւնի Սրբոյ խաչին ի հաղորդութենէն ի բաց եկաց առնելով, թէ՝ «վարդապետք մեր ոչ հրամայեցին մեզ»։ Յայնժամ հրամայեաց թագաւորն ժողով լինել եւ գալ եպիսկոպոսաց բազմաց եւ վարդապետաց։ Եւ ժողովեցան ի Կոստանդնուպոլիս ՃԼ (130), որում հինգերորդ ժողովն կոչեն, եւ Հայք ընդ նոսին եւ ձեռնագրով զժողովն Քաղկեդոնի ընկալան։ Եւ Մուշեղ Մամիկոնեան յորժամ յունական եւ Հայկական զաւրաւքն նուաճեաց

զնոսրավու զՊարսից Թագաւո-
րութիւնն եւ ինքն մեծարեալ ի
Պարսից արքայէ դարձաւ առ
կայսրն Մաւրիկ եւ բանք անկան
վասն Հաւատոց առաջի կայսեր։
Եւ կայսր հրամայեաց ժողով լի-
նել։ Յայնժամ ժողովեցան ի
Հայոց ԻԱ (21) եպիսկոպոսք և
գումարեցան ՃԿ (160) եպիսկո-
պոսք, որում վեցերորդ ժողովն
կոչի։ Եւ բացարձնեալ դարձեալ
Հայք ընկալան զժողովն Քաղկե-
դոնի ձեռնագրով, յաւուրս Մով-
սէսի կաթողիկոսի Հայոց։ Իսկ
յետ խորտակելոյն Հերակլի կայ-
սեր զՊարսիկս եւ ի Կարնոյ քա-
ղաք եւ զԵզր կաթողիկոս Հայոց
եւ զբազմութիւն եպիսկոպոսաց
Հայոց եւ այլ եւս բազումս յեկե-
ղեցւոց ի մի վայր գումարեալ՝
խօսք եւ խնդիր արարեալ երկո-
տարեալ ժամանակաւ. դար-
ձեալ հաւանեցան Հայք կամաւ
եւ ոչ բռնութեամբ. եւ ընկալան
զժողովն Քաղկեդոնի ձեռագրով։
Իսկ Յոհանն Մայրագոմեցի, որ
զՄարեկի եւ զՊետրոսի Անտիո-
քացւոյ աղանդ ունէր, ընթանայր
ի վեր եւ ի խոնարհ եւ շփոթեալ
խառնակէր զամենեսեանն։ Եւ յա-
ւուրս Կոստանդիանոս որդւոյ Հե-
րակլի Ներսէս կաթողիկոս, որում
Շինողն կոչեն, եւ Թէոդորոս
Ռշտունեաց տէր, որ զՀայոց
ունէր իշխանութիւնն, ըմբռնեալ
զնա եւ երկաթի հրատեալ աղուե-
սադրոշմ եդին ի ճակատին եւ

այնպէս խայտառակեալ բացահայածական արարին ի լեառն Կովկաս։ Իսկ նա զկնի մահուանն Ներսեսի դարձաւ ի Հայս եւ զոր ինչ խորհէին՝ արար։ Մանաւանդ յորժամ թարգմանեցան ի Հայս գիրքն Յուլիանեայ Աղիկառնացւոյ ի ձեռն Սարգսի։ Ի ժողովն Մանձկերտի՝ առաւել զօրացան բանքն նորա եւ թուեցեալ տիրեցին ընդհանուր աշխարհի ձեր [...] (էջ 67—72)։

Արդ. որպէս վերագոյն ասացի, այսօրիկ են չորք անիւքն ի կառսն սատանայի։ Առաջին անիւն Արիոս եւ Եւնոմիոս եւ Մակեդոն, որ բաժանեն զբնութիւն Սրբոյ Երրորդութեանն։ Իսկ երկրորդ անիւն ի կառսն սատանայի Սաբել եւ Պետրոս Թափիլ և Մայրագոմեցին, որ խառնակեն զերիս անձնաւորութիւնսն երանելւոյ Երրորդութեանն։ Իսկ երրորդ անիւն ի կառսն սատանայի Դիոդորոս է եւ Թէոդորոս, եւ Նեստոր, որ հերձեալ պատառեն զանճառելի անաւրէնութիւն Տեառն մերոյ Յիսուսի Քրիստոսի եւ սուտ մարդ դաւանեցին զծնեալն ի սրբոյ Կուսէն։ Իսկ չորրորդ անիւն ի կառսն սատանայի Եւտիքէս եւ Դիոսկորոս եւ Յակոբ եւ Յուլիանոս եւ մանիքեցիքն, որ ուրանան զմարմինն առեալ Որդւոյն Աստուծոյ ի Սրբոյ Կուսէն. եւ ի սուտս հանին զմեր փրկութիւնն։ Արդ զերկու անիւսն ի կառսն սա-

տանայի երկու սուրբ ժողովքն, որ ի Նիկիայն եւ որ ի Կոստանդնուպոլիսն, խոտրտակեցին։ Իսկ զայլ երկու անխուսն, որ ի կասոն սատանայի, որ ի տնաւրինութիւն Փրկչին ունին զհայհոյութիւնն, Թէպէտ եւ խոտրտակեցաւ յերկուց ժողովոցն, որ յԵփեսոս եւ որ ի Քաղկեդոնն, այլ սատք չարին եւ պտուղ կորստեան եւ ողկոյզ դառնութեան յոլով արձակեցին ի պատրանս բազմաց [...] (էջ 97—98)։

ГЕОРГИЙ СФРАНДЗИ

ХРОНИКА

Предисловие, перевод и примечания

Е. Д. ДЖАГАЦПАНЯН

Предисловие

В обширной исторической литературе, порожденной падением Константинополя и окончательным турецким завоеванием Византии, особое место принадлежит важнейшим греческим источникам—произведениям четырех последних византийских историков — Дуки, Сфрандзи, Критовула и Халкокондила. Среди них исторический труд крупного византийского сановника и видного дипломата Георгия Сфрандзи остается наименее изученным, хотя, по признанию многих исследователей, превосходит остальные по достоверности: его автор был приближенным лицом трех последних византийских императоров, он вырос при константинопольском дворе и смолоду принимал непосредственное участие в политической жизни государства. Сфрандзи совершил множество поездок с дипломатическими миссиями, не раз выполнял секретные поручения Константина Палеолога (1448—1453), вместе с которым участвовал в обороне Константинополя в майские дни 1453 г. Ему довелось пережить плен, гибель близких, стать свидетелем завоевания турками остатков византийских владений в Морее. Сочинение Сфрандзи—воспоминания очевидца-византийца, находившегося в самой гуще описанных им событий, и это отличает его от других современных ему исторических сочинений.

Историческая традиция приписывает Сфрандзи две хроники: Большую и Малую. На протяжении последних пяти десятилетий в византиноведении остро дискутировался вопрос о принадлежности Сфрандзи Большой хроники. Этой сложной источниковедческой проблеме посвящена обширная научная литература, критический анализ которой, наряду с текстологическим исследованием обеих хроник, позволяет заключить, что перу Сфрандзи принадлежит лишь Малая хроника, в то время как Большая скомпилирована во второй половине XVI в. монемвасийским митрополитом Макарием Мелиссином[1]: большинство фрагментов

[1] См.: *Е. Д. Джагацпанян*, Большая хроника Псевдо-Сфрандзи в историографии.—*Բանբեր Երևանի համալսարանի (հասարակական գիտություններ)*, 1979,

Большой хроники (включая вставки из произведений византийских авторов) так или иначе оказываются связанными с именем аристократического рода Мелиссинов и юрисдикцией Монемвасии, митрополитом которой в середине XVI века был Макарий Мелиссин. Имя Макария известно в дипломатике как имя ловкого фальсификатора, на счету которого имеется несколько поддельных документов[2]. Это обстоятельство, наряду со многими фактами его биографии[3], послужило доказательством того, что Большая хроника была скомпилирована монемвасийским митрополитом на основе подлинного сочинения Сфрандзи. В настоящее время неизвестен источник, помимо Малой хроники, который считался бы подлинным сочинением Сфрандзи (в лучшем случае можно говорить лишь о неизвестном источнике конца XV—XVI в., который среди прочих мог быть использован в компиляции Макария Мелиссина)[4].

Проблема авторства Большой хроники, как было справедливо отмечено С. К. Красавиной, надолго заслонила собой подлинное сочинение Сфрандзи—Малую хронику[5]. Ее продолжали по-прежнему использовать для сравнения с Большой хроникой, с той только разницей, что раньше это делалось для исправления текста последней[6], а теперь—для обнаружения в нем подделок и интерполяций[8] либо, наоборот, подлинных частей[7]. В свое время сомнению подвергалась и подлинность Малой хроники, однако

№ 2(38), с. 153—162; *ее же.* Некоторые замечания по поводу авторства Большой хроники Псевдо-Сфрандзи.—ВВ, 43, 1982, с. 229—230.

[2] *И. П. Медведев,* О подделках византийских документов в XVI в.—Вспомогательные исторические дисциплины, II, Л., 1969, с. 277—286; *его же;* Поздние копии византийских документов в собрании библиотеки АН СССР.—ВВ, 1971, 32, с. 223—231 и др.

[3] Ι. Κ. ΧΑΣΙΩΤΗ. Μακάριος, Θεόδωρος καὶ Νικηφόρος οἱ Μελισσηνοὶ (Μελισσουργοί). Θεσσαλονίκη, 1966.

[4] В процессе работы мы пользовались последним критическим изданием обеих хроник с параллельным румынским переводом: V. Grecu. Georgios Sphrantzes. Memorii (1401—1477). În anexă: Pseudo-Phrantzes. Bucureşti, 1966 (далее—М. х. и Б. х.).

[5] *С. К. Красавина,* Идейно-политическая борьба в византийской историографии XV в. и место в ней греческого историка Дуки. Канд. дис., М., 1966, с. 65.

[6] См., в частности, статью: *Г. С. Дестунис.* Заметки по исправлению текстов в обеих летописях Франдзия.—ЖМНП, 1894, январь, с. 1—11.

[8] См. о работах Ленерца, Дэльгера, Греку, Бивона, Пападопулоса в нашей статье «Большая хроника Псевдо-Сфрандзи в историографии».

[7] *M. Carroll,* Notes on the Authorship of the „Siege" Section of the Chro-

сторонники этой точки зрения не выдвинули ни одного сколько-нибудь значительного довода, который не был бы полностью опровергнут на основании палеографических и текстологических исследований (Грюмель, Сигалас, Грегуар, очевидно, были удовлетворены ответами на их рецензии издателя Большой хроники И. Пападопулоса, впервые высказавшего сомнение в ее подлинности[8], поскольку новых выступлений против его концепции с их стороны, насколько нам известно, не последовало[9]). В настоящее время в принадлежности Малой хроники перу Сфрандзи не сомневаются и такие исследователи, как М. Кэрролл, Я. Царас и другие, которые полагают, что существовала подлинная пространная редакция хроники или, по крайней мере, принадлежащее Сфрандзи описание осады и падения Константинополя[10].

Первым, кто непосредственно обратился к Малой хронике, был ее издатель В. Греку. Он охарактеризовал Малую хронику как произведение уникальное в византийской литературе, примыкающее по своему жанру к мемуарам[11]. Написанная на материале дневников, Малая хроника сохранила их личный характер и в этом смысле, по мнению издателя, ее можно сравнивать только со Стратегиконом Кекавмена (хотя в отличие от последнего она отнюдь не носит дидактического характера). На передний план повествования выдвинута фигура автора, что само по себе—явление редкое в византийской историографии[12]. Мелкие подробности

nicon Maius of Pseudo-Sphrantzes, Book III.—Byzantion, 41, 1971, p. 28—44; 42, 1972, p. 5—22; 43, 1973, p. 30—38.

[8] *I. B. Papadopoulos*. Phrantzès est-il réellement l'auteur de la grande Chronique qui porte son nom?—Bulletin de l'Institut archéologique bulgare, 9, 1935, p. 177—189.

[9] *V. Grumel*, La nouvelle édition du Chronicon de Phrantzès.—EO, 36, 1937, p. 87—94; *H. Gregoire*, La nouvelle édition de Phrantzès, ou la conjecture téméraire de M. Papadopoulos.—Byzantion, 12, 1937, p. 385—391; рецензия Сигаласа в ΕΕΒΣ, 13, 1936, с. 479—480; *I. B. Papadopoulos*, Bemerkungen zu dem Codex Hierosol. 38.—BZ, 38, 1938, S. 68—70. *M. Colonna* (Gli storici bizantini dal IV al XV secolo, I, storici profani, Napoli, 1956) вообще никак не объясняет свое высказывание о том, что *Малая хроника*—„позднейшие выписки" из Большой хроники, составленные неизвестным автором.

[10] *M. Carroll*. Op. cit.; *N. B. Tomadakes*, Δούκα-Κριτοβούλου-Σφραντζῆ-Χαλκοκονδύλου περὶ ἁλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως (1453). Athen, 1953, σ. 137—166; Τσάρας Γ. Σφραντζῆς, Φιαλίτης ἢ Φραντζῆς;—Byzantina, 9, 1977, σ. 123—139; S. Runciman The Fall of Constantinople 1453. Cambridge, 1965, p. 193.

[11] *V. Grecu*, Georgios Sphrantzes, Memorii..., p. XII.

[12] V. Grecu Das Memorienwerk des Georgios Sphrantzes.—Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines, 22, Beograd, 1964, p. 327—341.

жизни Сфрандзи (о которых эллинист XVII в. Лев Алляций писал, что их слишком много, они не представляют никакой ценности и составляют главный недостаток Малой хроники[13]) Греку причисляет к бесспорно интересным и важным фактам, так как они дают представление о частной и общественной жизни византийского сановника, о придворных рангах «от простого пажа до великого логофета»[14]. Большое количество деталей, касающихся личности автора Малой хроники, говорит о том, что она не могла быть кратким изложением Большой хроники, составленным после смерти Сфрандзи, ибо необъясним интерес к подробностям частной жизни Георгия Сфрандзи постороннего сократителя якобы принадлежавшей ему пространной редакции.

Лишь в последние годы ученые стали в своих исследованиях привлекать Малую хронику как самостоятельный и достоверный источник[15], а не просто ссылаться на нее, черпая основную информацию из Большой хроники. Однако и теперь еще в научной литературе встречаются ссылки на те фрагменты Большой хроники, которые являются пересказом Малой хроники[16].

Если говорить о произведении Сфрандзи в сравнении с тремя другими важнейшими византийскими источниками того же периода, то от них оно прежде всего отличается по жанру: это воспоминания (мемуары) и, следовательно, охватывают лишь годы жизни их автора. Все описанные в Малой хронике события точно датированы, и это отличает ее от исторического труда Лаоника Халкокондила, в котором вообще не приводится дат, и от сочинения Дуки, в котором далеко не все события датируются и не всегда верна хронологическая последовательность. Если Сфрандзи пишет о трех последних византийских императорах, морейских деспотах, посольствах к султану и к христианским правителям на основании личных впечатлений, как придворный и дипломат, то рассказ Дуки, хотя и кажется более полным и подробным, все же не принадлежит перу очевидца, а основан главным образом на устных рассказах и каких-то документах. И, конечно, невозможно обвинить Сфрандзи в той тенденциозности, какой исполнен исторический труд, посвященный Критовулом султану

---

[13] Allatii Leonis De Georgiis et eorum scriptis diatriba.— In: J. Alberti Fabricii Bibliotheca Graeca, vol 10, Hamburgi, 1721, p. 816.

[14] V. Grecu, Das Memorienwerk..., s. 340—341.

[15] K. M. Setton, The Papacy and the Levant (1204—1571), vol. II. The Fifteenth Century, Philadelphia, 1978, p. 31; D. Balfour, Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17—1429), Wien, 1979, pp. 12, 103.

[16] *C. N. Tsirpanlis*, The Career and Writings of Nicolas Cabasilas.— Byzantion, 49, 1979, p. 415 и сл.

Мехмеду II. Хотя Сфрандзи и был другом Константина XI, был предан ему и вообще дому Палеологов, однако в его труде мы не находим восхвалений этого мужественного императора и даже описания его героической смерти на стенах Константинополя. Вместо этого целая глава посвящена рассказу о дипломатических попытках и усилиях, предпринятых императором для спасения Византии[17], однако, читая ее, легко убедиться, что написана она не столько для того, чтобы реабилитировать Константина, сколько для того, чтобы обличить в неверности, политической недальновидности, жадности и коварстве союзников Византийской империи. Мы отнюдь не исключаем возможности, что Сфрандзи при этом замалчивал какие-то факты: так, например, говоря о секретном поручении Константина XI сосчитать количество защитников города, он называет число византийцев—4773 и «200 или чуть больше» иностранцев, в то время как другие источники[18] говорят о двух-трех тысячах латинян, участвовавших в обороне Константинополя. Возможно, Сфрандзи имел в виду лишь тех воинов, которые находились в стенах города, не считая моряков (известно, что в обороне византийской столицы принимали участие итальянские корабли) или сознательно уменьшил число союзников, чтобы лишний раз подчеркнуть предательскую позицию Запада, во всяком случае, здесь трудно говорить просто об ошибке переписчика, пропустившего один нуль, так как речь идет не о цифровом, а о буквенном обозначении (через «сигму») числа 200. Однако искажать действительность в той мере, в какой это делал Критовул, у «монаха Григория» не было причин. Даже то обстоятельство, что, проживая в монастыре на принадлежащем венецианцам острове Корфу, фактически под покровительством латинян, Сфрандзи не пожелал скрывать своего отношения к западным союзникам, скорее свидетельствует о его принципиальности и честности.

Несмотря на свой небольшой объем, Малая хроника Сфрандзи является ценным источником исторических данных. Д. Моравчик отмечал уникальное значение некоторых сообщений Малой хроники для истории Венгрии: только Сфрандзи рассказывает о том, что венгерскому полководцу Гуниади была обещана Месемврия в случае, если он окажет поддержку Византии, или о том, что сербский деспот был посредником в переговорах о мире между султаном и Венгрией; Сфрандзи точно датирует поездку в Венгрию императора Иоанна VIII—15 ноября 1423 г.—конец ок-

[17] М. х., XXXVI.

[18] *A. Pertusi*, La caduta di Costantinopoli. I, Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976, p. 422—423, n. 8.

тября 1424 г.[19], и др. В. Греку указал на такие интересные сведения, как то, что звание «порфирородный» в Византии XV в. было выше титула «деспот»; что в 1462 г. Мехмед II предпринял экспедицию в страну румын; что у Сфрандзи дается дата смерти Янко Гуниади — 1456 г.[20] И. П. Медведев обратил внимание на то, что хорошо разбирающийся в титулатуре Сфрандзи называет деспиной русскую царевну Анну, супругу Иоанна VIII[21], а это наряду с данными других источников позволяет судить о времени коронации соправителя Мануила II. С помощью Малой хроники Баркер определяет время поездки Мануила II в Пелопоннес[22]. Большой интерес представляет рассказ Сфрандзи о поездке в Грузию и Трапезунд[23], о беседе с трапезундским императором и многие другие эпизоды. В спорном вопросе о захвате турками Фессалоники в конце XIV в. краткие сведения Малой хроники, кажущейся на первый взгляд скудным источником как из-за своего объема, так и по той причине, что содержит сравнительно много сообщений личного характера, позволили нам примкнуть к точке зрения Дж. Денниса, а не А. Вакалопулоса[24]. М. Кэрролл с помощью Малой хроники, которую она считает весьма ценным и достоверным источником и которая до сих пор мало используется исследователями, сумела с достаточной убедительностью показать, что сообщение Халкокондила о браке Иоанна V Палеолога с Евдокией из Трапезунда не является ошибочным, как полагали Ленерц и Баркер[25], ибо оно подтверждается сведениями Сфрандзи[26].

То обстоятельство, что Сфрандзи, датируя то или иное событие, называет иногда даже день недели, в который оно произошло, дало нам возможность проверить эти даты с помощью хро-

---

[19] Gy. Moravcsik, Byzantinoturcica I. Berlin, 1958, p. 282—288.

[20] V. Grecu, Das Memorienwerk..., p. 339—340, Idem. Georgios Sphrantzes Memorii..., p. XII.

[21] *И. П. Медведев*. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? — В кн.: Историческое повествование древней Руси. Л., 1976, с. 225—262.

[22] W. J. Barker, On the Chronology of the Activities of Manuel II Palaeologus in the Peloponnesus in 1415.—BZ, 1962, 55, p. 39—55.

[23] *С. Г. Каухчишвили*, указ. соч., с. 36—88.

[24] См.: *Е. Д. Джагацпанян*, Еще раз о турецком завоевании Фессалоники в конце XIV в.—ВВ, 42, 1981, с. 158—160.

[25] *J. Barker*, Manuel II Palaeologus (1391—1425), New Brunswick, N. J., 1969, p. 474—478; R.—J. Loenertz, Une erreur singulière de Laonic Chalcocondyle.—REB, 15, 1957, p. 176—184.

[26] *M. Carroll*, A Minor Matter of Imperial Importance in the Sphrantzes Chronicle.—Byzantion, 49, 1979, p. 88—93.

нологических таблиц и убедиться в их достоверности[27]. Хронологические данные Малой хроники заслуживают доверия уже на том основании, что автор явно заботился об их точности: на это указывает то обстоятельство, что во всех рукописях этого памятника имеются пропуски для даты смерти Димитрия Палеолога, которую Сфрандзи, очевидно, собирался уточнить[28]. Все сказанное, разумеется, не исключает необходимости критического подхода к данным Малой хроники и не означает того, что в ней отсутствуют какие бы то ни было ошибки. Две неточности отмечены издателем В. Греку: 1) Сфрандзи ошибочно полагает, что султан Баязид был убит в 1402 г. в битве при Анкире (в действительности он умер год спустя в плену)[29]; 2) приводится неверная дата смерти Мехмеда I[30]. Кроме того, во втором параграфе XXIV главы мы обнаружили еще одну неточность: рассказывая о рождении в 1439 г. своего сына, Сфрандзи называет его крестного отца Константина Палеолога василевсом, каковым он стал в 1448 г. (хотя, необходимо еще раз подчеркнуть, обычно Сфрандзи очень строго придерживается принятой титулатуры. Возможно, в данном случае сказалась родительская гордость или привычка именовать сына императорским крестником).

Пропуск даты смерти Димитрия Палеолога, как и планируемый, но не осуществленный рассказ о Матфее Асане и деспоте Димитрии[31], говорят о том, что Сфрандзи не удалось полностью завершить и окончательно оформить книгу своих воспоминаний. Об этом же свидетельствуют, по мнению Греку[32], последние строки Малой хроники, которые никак не назовешь концовкой, это скорее просто оборвавшиеся записи. Вместе с тем, в Малой хронике имеются литературно обработанные части, которые по существу представляют собой законченные рассказы. Это не только рассказ о св. Фоманде и пленении в Патрах[33], но и рассказ о гонце Иоанна VIII, о желании Константина XI наградить Сфрандзи высоким чином и кознях Луки Нотары[34].

---

[27] Мы пользовались работами: *И. А. Орбели*, Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. М.—Л., 1961; *Vl V. Tsybulsky*. Calendars of Middle East Countries. M., 1979; *V. Grumel*, La Chronologie. Paris 1958.

[28] М. х., XVI, 9 (ср.: Б. х., с. 586, 8); М. х., с. 143, № 1.

[29] *V. Grecu*, Georgios Sphrantzes. Memorii..., p. 3.

[30] Ibidem, p. 11, n. 4; J. W. Barker, Manuel II..., p. 355.

[31] М. х., XLIII, 2.

[32] *V. Grecu*, Georgios Sphrantzes, Memorii..., p. XI.

[33] М. х., XVIII.

[34] М. х., XIII; XXXIV.

Малая хроника представляет несомненный интерес для истории греческого языка: она написана на среднегреческом койне[35]. Здесь мы находим немало слов тюркского и арабского происхождения (χαράτζι, μπαϊλομπεΐ, μπρουγιόφτης, κοκκοτζίλα, ἀμυρᾶ), слов латинского и итальянского происхождения (ὀφφίκιον, μαστροβικόν, λόρια, κάστρον, καπετάν, λίβρα), даже грузинское слово μέπε=„царь". Язык Сфрандзи богат народными изречениями, поговорками, цитатами из Священного писания, передаваемыми им не всегда точно: „съели клятвы, как огородную зелень", „против двоих и Геракл не справится", „нет прочности в спешке", „всякий дом, разделившийся сам в себе, пустеет" (Марк, 3, 25; Матф., 12, 25; Лука, 11, 17), „Лучше бы мне не родиться или умереть ребенком" (ср.: кн. Иова, 3, 11) и т. д. В тексте Малой хроники есть целые притчи и басни (о дорогах в св. Софию, о рыбах в неволе, о двух купцах-обманщиках). Очень много элементов новогреческого языка: союз νὰ для обозначения цели, энклитические формы родительного падежа личных местоимений (μας, σας, μου), εἰ δὲ в значении „иначе", „в противном случае", ὀφφίτζα—„зашифрованное письмо, κατασστιχόπουλον—„небольшой список" и т. д.

В числе литературных приемов Сфрандзи можно называть игру слов: κροκοντίλος-Κροκοδείλος, Ἀντι-ἐλαί, ἐλαί.
В Малой хронике немало и иронии: восхваления «храбрых архонтов», трусливо сдающих свои крепости туркам, упоминания о «помощниках», всячески мешающих делу. Язык Малой хроники, отличающийся не только от стилизованного языка Большой, но и других современных источников, многих исследователей наводил на мысль о том, что эта краткая версия якобы существовавшей пространной хроники Сфрандзи составлена после смерти историка. Однако против этой гипотезы, помимо прочих доводов, можно привести еще один, вытекающий из принимаемой нами концепции В. Греку, согласно которой Малая хроника—единственное подлинное сочинение Сфрандзи, написанное на основе днев-

---

[35] Некоторые замечания по поводу языка Георгия Сфрандзи имеются в работах: *W. Miller*, The Historians Ducas and Phrantzes,—JHS, 1926, 46. p. 70 *H. Hunger*. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, Beck, 1978, Bd. I, s. 498. О синтаксических особенностях языка Сфрандзи см.: *P. Helms*, Syntaktische Untersuchungen zu Joannes Malalas und G. Sphrantzes —Helikon, 1971—72, 11—12, s. 309—385 (работа С. Стенски-Доляной посвящена синтаксису Большой хроники. См. рецензию на эту работу в BZ, 36, 1936, s. 408 sqq., 459).

никовых записей: представляется совершенно естественным, что дневники Сфрандзи писались скорее всего на разговорном языке, который зачастую сохранен автором и в мемуарах точно так же, как и манера просто перечислять ничем не связанные друг с другом факты[36].

Личность самого Сфрандзи в повествовании Малой хроники, языковые и жанровые особенности памятника, дневниковый характер, позволяющий автору более пространно рассказывать о себе, своей семье, даже о коне, чем, например, об осаде Константинополя, отличают это произведение от сочинений других современных историков, несмотря на присутствие в нем целого ряда черт, присущих традиционной византийской историографии: Малая хроника имеет предисловие, в котором автор излагает свои принципы построения повествования, события располагаются в хронологической последовательности, отчетливо проступает ее «классово-ограниченный аристократический характер»[37].

Жизнь и деятельность Георгия Сфрандзи

Все, что нам известно о жизни Георгия Сфрандзи, мы черпаем из его произведения. Другие источники, если не считать двух упоминаний его имени (посол императора, талантливый оратор Sphrancius из героической поэмы Умберто Посколо «Константинополь» и ἄρχων κὺρ Σφραντζῆς, которому, наряду с другими архонтами Пелопоннеса, адресовано послание Мехмеда II[38], не на-

[36] Если говорить о сходстве языка Малой хроники с языком новогреческих пересказов византийских авторов, то оно отнюдь не более значительно, чем сходство по композиции Большой хроники с компиляциями XVI в., как хроники Псевдо-Дорофея и Кигалы (см. о них: И. Н. Лебедева, Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы.—ПС, 1968, 18/81).

[37] *С. К. Красавина*, Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки.—ВВ, 1973, 34, с. 111.

[38] *Я. Царас* (указ. соч.) считает, что здесь говорится не об историке, на том основании, что имя его не Сфрандзи, а Франдзи, однако сведения Малой хроники о ее авторе не дают оснований сомневаться в том, что речь идет именно о нем (ср. *V. Laurent*, Sphrantzès et non Phrantzès. A nouveau!—REB, 9, 1951, p. 170—171).

Возможно, имя Сфрандзи могли бы донести до нас дипломатические документы, но, как отмечает И. П. Медведев (ВВ, 33, 1972, с. 138), официальных документов от сношений Византии с турецким государством почти не сохранилось, так как они регламентировались обычным правом.

зывают Сфрандзи, хотя и рассказывают о некоторых посольствах, в которых он принимал участие[39].

Семья и юношеские годы Георгия Сфрандзи (1401—1425).

Георгий Сфрандзи родился 30 августа 1401 г. О месте своего рождения он не говорит, но при чтении Малой хроники нетрудно догадаться, что это—Константинополь, ибо начиная с 1387 г. в Константинополе жила св. Фоманда, ставшая крестной матерью Сфрандзи[40].

Автор Малой хроники происходил из довольно знатной семьи: отец Сфрандзи зимой 1416/17 г. был назначен воспитателем младшего сына императора Мануила II Фомы, отправлявшегося в Морею, и, видимо, служил при дворе Мануила еще в те годы, когда он был правителем Фессалоники[41]. Дядя Георгия Сфрандзи, брат его отца, был воспитателем другого царевича—будущего императора Константина Палеолога. Мать историка, по всей вероятности, происходила из Македонии, судя по тому; что отец ее построил монастырь в Верии[42], а кроме того, известно, что семья деда Сфрандзи со стороны матери находилась на Лемносе во время турецкого завоевания Фессалоники, и можно предположить, что именно оттуда семья переехала на Лемнос, поскольку в Малой хронике говорится, что старшая дочь деда «осталась в Фессалонике»[43].

О своих братьях и сестрах историк сообщает следующее: сестра его вышла замуж за Григория Палеолога Мамону (сына мегадуки Мамоны, прежде бывшего правителем Монемвасии) и

[39] Работа *Г. С. Дестуниса* «Опыт биографии Георгия Франдзия» (ЖМНП, 1893, с. 427—466), переведенная С. Ламиросом на греческий язык (ΝΕ, 1923, 17), содержит неточности, вызванные тем, что исследователь считал Большую хронику подлинным сочинением Сфрандзи и использовал ее как основной источник для своего труда.

[40] О ней подробно рассказывается в XVIII главе Малой хроники (далее— М. х.).

[41] См. нашу статью «Еще раз о турецком завоевании Фессалоники в конце XIV в.».

[42] М. х., XL, 13.

[43] М. х., XVIII, 4. На основании сообщения Малой хроники о том, что семья деда Сфрандзи находилась на Лемносе, Хунгер (указ. соч., с. 494) заключает: «Сфрандзи происходил из знатной семьи с Лемноса». Однако нам представляется более вероятным, что семья переехала туда из Фессалоники накануне захвата города турками. Именно поэтому Сфрандзи пишет также: «На Лемносе находился (а не жил—*Е. Д.*) мой дед»... (М. х., XVIII, 4).

жила в одной из крепостей на Черном море, куда был послан управляющим ее муж. О старшем брате Георгия Сфрандзи известно, что он осенью 1416 г. отправился в Морею в свите молодого императора Иоанна VIII и вскоре умер. Младший брат Сфрандзи, узнав об этой смерти, удалился в монастырь Харсианит[44].

О годах детства Сфрандзи в Малой хронике сказано лишь, что рос он вместе со своими двоюродными братьями, «соучениками, товарищами и слугами» деспота Константина (воспитателем которого был их отец), и с тех пор завязалась тесная дружба между ним и будущим императором[45].

В начале 1417 г. Сфрандзи, которому не было еще 16 лет, должен был вместе со своим отцом отправиться в Морею к деспоту Мистры Феодору II в свите царевича Фомы Палеолога в качестве его эпитрапезия и келлиота[46]. Однако поездка не состоялась из-за полученного в это время известия о том, что от свирепствовавшей по берегам Черного моря эпидемии чумы умерли сестра, зять и племянница Сфрандзи. Юный придворный остался в Константинополе вместе со своими убитыми горем родителями[47]. 17 марта 1418 г. император Мануил II сделал его своим келлиотом[48]. Вероятно, начиная с того времени (возможно, даже раньше) Сфрандзи стал вести дневниковые записи. Не исключено, что толчком к этому послужили рассказы Мануила II, ведь именно с сообщения о поездке Мануила на о. Фасос, в Фессалонику и в Морею и о восстановлении им Эксамилиона на Коринфском перешейке начинается собственно хроника Сфрандзи[49].

Несмотря на то, что историк ничего не пишет о своем образовании, можно предположить, что не последнюю роль в процессе приобретения им знаний сыграло общение с Мануилом II, этим «философом на троне», которого превозносили современники и

---

[44] М. х., V, 1.

[45] М. х., XV, 5. Сведения Сфрандзи, несмотря на их краткость, дают, по сравнению с другими источниками, наиболее полное представление о семье Мануила II (см.: *P. Schreiner*, Chronologische Untersuchungen zur Familie Kaiser Manuels II.— BZ, 63, 1970, 285—299).

[46] *Г. С. Дестунис* («Опыт биографии...», с. 436) считает, что на эти должности был назначен отец Сфрандзи, что объясняется неудачным пересказом этого сообщения в Большой хронике (Б. х., d. 248).

[47] Сеттон (указ. соч., с. 11) неверно полагает, что Сфрандзи поехал с Фомой в Морею. То же и у Гийана (*R. Guilland*, La protovestiarit George Phrantzes.— REB, 4, 1948, p. 48).

[48] М. х., VI, 1.

[49] М. х., IV.

которому посвящено немало исследований[50]. Скорее всего, Сфрандзи получил традиционное богословско-философское образование. В Малой хронике лишь вскользь говорится по этому поводу, что в юности Сфрандзи часто приходилось читать посвященные святым каноны и поэмы, сочиненные Палеологиней, «женщиной добродетельной и ученой, о которой много и часто слышал похвал от святого василевса кира Мануила»[51]. Если верить Умберто Посколо (выше упоминалась его поэма), то Сфрандзи был незаурядным оратором, и, по-видимому, изучал риторику. Судя по тому, что, говоря о тех или иных политических проблемах, Сфрандзи часто цитирует Мануила II, влияние этого мудрого государственного деятеля имело решающее значение для формирования политических взглядов юного придворного. В «ежедневном общении с опытным правителем жил Георгий Франдзи между 17-м и 24-м годами своей жизни, в возрасте, способном не только воспринимать слышанное, но и заготовлять в себе запас политических опытов, знаний и взглядов, необходимых для предстоявшей ему общественной деятельности»,— пишет Г. Дестунис[52].

В свою очередь Георгий Сфрандзи пользовался любовью престарелого императора и доверием и расположением других членов царской семьи[53]. Перед смертью Мануил II пожелал, чтобы Сфрандзи был одним из его душеприказчиков, а своему преемнику Иоанну VIII завещал особо позаботиться о нем, так как на протяжении последних лет он облегчал Мануилу II жизнь «во всем, что касается души и тела», но из-за большой разницы в возрасте сам Мануил не успел вознаградить его по заслугам[54].

Годы юности Сфрандзи прошли в относительно спокойное время, когда турецкое государство, еще не успевшее оправиться после победы Тимура, пошло на определенные уступки византийскому правительству. Так, по договору с османским царевичем Сулейманом-челеби в 1403 г. Византии была возвращена провинция Фессалоники, несколько островов, окрестности Константинополя, земли на западном побережье Черного моря, включая Вар-

---

[50] *J. W. Barker*, Manuel II Palaeologus (1391—1425). New Brunswick, 1969. *G. I. Dennis*, The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica 1382—1387, Romae, 1960; *C. J. G. Turner*, Pages from Late Byzantin Philosophy of History.—BZ, 57, 1964, p. 346—351, и др. Вызывала восхищение даже внешность Мануила II (см.: *C. Head*, Physical descriptions of the Emperors in Byzantine historical writings.—Byzantion, 50, 1980, p. 239).

[51] М. х., XVIII, 2.

[52] *Г. С. Дестунис*, Опыт биографии..., с. 443.

[53] Ср.: М. х., XIII.

[54] М. х., XV, 2—4.

ну, Иерон Стомион на Босфоре. Кроме того, Византия добилась отмены дани султану[56]. В то же время не прекращались попытки Византийской империи заручиться поддержкой западных и восточных христианских стран, а также приобрести союзников среди мусульманских правителей: переговоры велись с мамлюкскими султанами Египта, в Малой Азии—с Караманом[56]. После смерти Баязида в Турции долгое время не утихала борьба претендентов на право стать султаном. Победителем из этой борьбы вышел Мехмед I, с которым у Мануила II издавна сложились хорошие отношения[57]. Однако в полной мере использовать передышку для создания антитурецкого блока византийскому правительству не удалось. С одной стороны этому мешали разногласия между западноевропейскими государствами, еще более обостряемые Великой схизмой латинской церкви; с другой стороны—поддерживаемые и продлеваемые византийским императором раздоры между претендентами на султанский престол, а также попытки урегулировать некоторые внутренние проблемы[58] «охладили» его стремление заключить унию с Римом[59]. К тому же «турецко-греческая идиллия», как назвал это сравнительно мирное сосуществование Ф. Успенский, длилась недолго. С приходом в 1421 г. к власти султана Мурада II тотчас же, по словам Сфрандзи, были тайно блокированы все дороги, ведущие в Константинополь, так что находившийся в ставке султана византийский посол Димитрий Леонтари не мог даже известить свое правительство о смерти Мехмеда I. А между тем в византийской столице возникли волнения, и многие упрекали Мануила II за то, что он не воспользовался возможностью захватить и убить Мехмеда I. Сфрандзи не скрывает своей радости, когда оказалось, что враждебные действия исходили не от Мехмеда, которому император доверял, а от нового султана. Политическая дальновидность Мануила восхищала Сфрандзи и он не упускал возможности проиллюстрировать ее[60]. Константинополь был осажден войсками Мурада II, к городу прибыл сам султан, ведя с собой закованных в цепи византийских послов[61]. Взять византийскую столицу Мураду не удалось, и

[55] *F. Dölger*, Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453, Bd. V, Berlin, 1965, n. 3201.

[56] Там же, № 3328, 3354.

[57] M. x., VII.

[58] M. x., III—IV. *J. W. Barker*, On the Chronology of the Activities of Manuel II Palaeologus in the Peloponnesus in 1415.—BZ, 55, 1962, p. 39—55.

[59] *D. Geanakoplos*, Byzantium and the Crusades 1354—1453.—In: A History of the Crusades, vol. III. The University of Wisconsin Press, 1975, p. 87—88.

[60] M. x., VIII, 3—IX, 1; XXIII, 4—12.

[61] M. x., X, 1.

через несколько дней турки отошли от стен города[62]. Год спустя Турхан разрушил Эксамилион, который был восстановлен Мануилом в 1415 г., и вторгся в Морею и Албанию[63].

В такой усложнившейся политической обстановке начиналась дипломатическая карьера Георгия Сфрандзи. Его первой миссией было посольство к Мураду II с целью заключить мирный договор. Двадцатидвухлетний Сфрандзи ехал в составе посольства как представитель императрицы Елены, родственницы султана по матери, и мог в случае необходимости писать старому императору в столицу и молодому в Венгрию, куда Иоанн VIII прибыл после посещения Венеции и Милана по делам, связанным с заключением унии и получением военной помощи[64]. По предположению Г. Дестуниса, место Сфрандзи в этом посольстве было исключительным, «так что он мог, по всей вероятности, действовать совсем независимо от своих сотоварищей», т. е. вести более интимные беседы с султаном от имени императрицы[65]. К сожалению, мы не можем судить, насколько важной и решающей оказалась роль Сфрандзи в этом деле. Из Малой хроники нам известно, что согласие Мурада II заключить мирный договор было получено еще раньше Мануилом Мелахрином[66]. 22 февраля 1424 г. был подписан договор, по которому Византия вновь лишалась городов на Черном море, за исключением Месемврии, Деркоса и некоторых других земель, и стала данницей Турции, обязавшись выплачивать ежегодную дань в 300 тысяч аспров[67].

После смерти Мануила II Сфрандзи, несмотря на желание императора Иоанна VIII оставить его при себе в Константинополе, решил поступить на службу к деспоту Константину Палеологу, которого Иоанн собирался отправить в Морею, так как деспот Мистры Феодор II сообщил императору о своем намерении удалиться в монастырь. Решение свое автор Малой хроники объясняет только дружбой с Константином, хотя нам известно и то, что Сфрандзи считал Иоанна человеком, не слишком «подходящим для василевса», и, возможно, отказался от службы у него и по этой причине. Желание Георгия Сфрандзи было поддержано вдовой Мануила II, и Иоанн был вынужден согласиться[68].

---

[62] М. х., X, 2. Эту осаду описал I. Cananus (ed. I. Bekker, Bonn, 1838, 457—479), cf.: Laonicus Chalkokondyles. ed. I. Bekker, Bonn, 1843 (далее—Халкокондил), с. 231—234.

[63] М. х., XII, 1; Халкокондил, с. 238—239.

[64] *F. Dölger*, Regesten, nn. 3408—3410. D. Geanakoplos, Op. cit., p. 90.

[65] *Г. С. Дестунис*, Опыт биографии..., с. 438—439.

[66] М. х., XII, 4.

[67] *F. Dölger*, Regesten, nn. 3412—3414.

[68] М. х., XV, 5, 8.

Так кончается первый период жизни Георгия Сфрандзи, который можно назвать константинопольским. Рассказ Малой хроники о годах юности Сфрандзи очень краток и касается, главным образом, его придворной жизни. В дальнейшем повествовании, правда, мы находим некоторые замечания, касающиеся этого периода его жизни. В частности, это относится к упоминаниям о некоторых его друзьях молодости. Мы узнаем, что автор Малой хроники был дружен с известным церковным деятелем Макарием Макрисом, которому он в свое время помог стать настоятелем монастыря Пантократора в Константинополе и вместе с которым участвовал в строительстве и украшении его[69], а также с ставшим впоследствии митрополитом Коринфа Марком, который, как пишет историк, «воспитывался с нами и... находил большую заботу у моих родителей»[70]. Если в последующих главах Сфрандзи и пишет о себе больше, то это связано исключительно с его чрезвычайно активной дипломатической деятельностью: он много пишет о различных дипломатических миссиях и о себе постольку, поскольку он в них участвовал.

Деятельность Сфрандзи на службе у деспота Константина Палеолога (1427—1448).

В ноябре 1427 г. Сфрандзи вместе с деспотом Константином и императором едет в Морею. В Морее историк провел значительную часть своей жизни, а деятельность его отныне неразрывно связана с деятельностью Константина Палеолога, стремившегося объединить под своей властью земли морейского деспотата, что Палеологи пытались осуществить, начиная с XIII в. Константин и его братья начали новый этап борьбы против франкских правителей Мореи. Еще в июле 1424 г. (через год после нападения из Пелопоннес турецких войск Турхана) греки вторглись во владения наваррцев и захватили ахейского князя Чентурионе Цаккариа[71]. Теперь основным противником византийских деспотов в Морее стал Карло Токко, который владел Эпиром, Ионическими островами, захватил почти всю Элиду[72]. Во время посещения Мореи Мануилом II (1415—1416) он был провозглашен деспотом Янины[73]. Кампания против него была развернута Иоанном VIII и Константином на суше и на море сразу по прибытии в Морею.

---

[69] *М.* х., XXI, 8.
[70] М. х., XXVI, 5.
[71] *Н. П. Медведев*, Мистра. Л., 1973, с. 35—36.
[72] Там же, с. 36.
[73] *J. W. Barker*, On the Chronology..., p. 40. Ср.: М.х., XX, 6.

Победа в морском сражении, одержанная над превосходящими силами Токко в ходе этой кампании у островов Эхинады, оказалась, как подчеркивают исследователи, последним успехом византийского флота[74]. Затем, по словам Сфрандзи, установилось равновесие сил воюющих сторон, так что византийцы не в состоянии были отнять у Карло Токко оставшиеся земли, а последний не мог их уже защищать, и поэтому было решено, что Константин Палеолог женится на дочери Леонарда Токко, племяннице Карло Магдалене, а в качестве приданого возьмет принадлежащие Карло в Морее крепости[75]. Брачный договор был заключен и Константин передал Георгию Сфрандзи в управление Кларенцу—бывшую резиденцию Карло Токко[76].

Сфрандзи сопровождал Константина, когда тот вместе со своими братьями в 1428 г. предпринял попытку овладеть Патрами, но им удалось захватить лишь «три крепостцы» и заключить договор с жителями города, по которому те должны были выплачивать Константину ежегодно 500 флоринов[77]. Деспот Мистры Феодор II, отказавшийся от принятого им ранее решения стать монахом, передал Константину, рассчитывавшему получить весь его домен, только часть своих земель: Востицу, а также те, которыми управлял Лев Франгопул. К нему-то и был послан в 1428 г. Сфрандзи, чтобы оформить дела по передаче Константину Андрусы, Каламаты, Неокастрона и многих других крепостей. Сфрандзи принимает самое активное участие во всех кампаниях деспота Константина. Теперь целью деспота стал захват принадлежащего римской церкви города Патры.

В первоначальный план захвата Патр Константин посвящает одного только Сфрандзи: некоторое время они ведут переговоры и переписку с патрасскими архонтами о сдаче города, однако переговоры не увенчались успехом. Константин решил взять город силой и стал стягивать к нему войска. Встревоженные латиняне, не знавшие о переговорах, отправили в лагерь осаждающих «каноника Марка» с переводчиком. Узнав о намерениях Константина, парламентеры, возвратившись в город, подняли тревогу[78]. Таким образом, становится ясным, что Константин и

---

[74] *Н. П. Медведев*, Мистра..., с. 36; D. Zakythinos, Le despotat grec de Morée. I. Histoire politique, Paris, 1932, p. 201; P. Topping, The Morea 1364—1460. —In: A History of the Crusades..., III, p. 164.

[75] М. х., XVI, 1.

[76] М. х., XVI, 1.

[77] М. х., XVI, 3—5.

[78] В Малой хронике (XVII, 7) говорится, что когда забили тревогу, «все кто был снаружи, быстро собрались внутри стен города». Большая хроника

Сфрандзи прежде вели переговоры не с франками, а с греческими архонтами Патр. На следующий день патрасцы предприняли нападение на лагерь деспота. Во время этой вылазки Сфрандзи, прикрывая Константина, под которым была убита лошадь, раненый попадает в плен[79]. На сороковой день заключения, где закованный в цепи узник страдал не только от ран, но и от огромного количества мышей и разных насекомых, он был с почетом освобожден[80]. Явившиеся к Сфрандзи архонты Патр обратились к нему с просьбой написать деспоту Константину о том, что они готовы на уступки с условием, что он снимет осаду и отойдет от города, а в случае, если епископ Патр Пандольфо Малатеста до конца мая не вернется из Италии, то город будет сдан Константину. Условия были приняты деспотом, и договор вступил в силу, но только после того, как Сфрандзи прибыл в лагерь Константина. Поскольку епископ Малатеста к назначенному сроку не возвратился, то «власти и весь народ... поклонились господину деспоту и отдали ему ключи от крепости»[81]. Путь Константина в город был усыпан цветами. Вероятно, определенная часть греческого населения с радостью встречала своих соплеменников. Лишь небольшая кучка сторонников Малатесты отстреливалась, укрывшись в патрасском замке. Неудавшиеся предварительные переговоры свидетельствуют, однако, о том, что и среди греческого населения были сторонники Малатесты, то есть сторонники власти католического епископа, не пожелавшие сдать город Константину и тем самым предпочитающие платить харадж султану[82]. По просьбе горожан, управление Патрами было передано Георгию Сфрандзи[83], (не исключено, что горожане таким способом выразили свою благодарность Сфрандзи за то, что он убедил деспота выждать назначенный срок, который, вероятно, был ими установлен в переговорах со сторонниками Малатесты).

Еще не оправившись после ранения и плена, Сфрандзи вы-

добавляет: «и стали вооружаться» (Б. х., с. 280, 22). Г. Дестунис, сочетая рассказ Большой и Малой хроник, пишет, что население Патр было созвано и «насильно вооружалось». Слово βίᾳ (оно есть только в Малой хронике) он переводит «насильно», в то время как оно означает также «быстро», «поспешно» (*Г. С. Дестунис*, Опыт биографии..., с. 448).

[79] Хунгер (указ. соч., с. 494) почему-то полагает, что Сфрандзи спас своего господина из рук турок, хотя речь идет о патрасцах. (М. х., XVII, 8).

[80] М. х., XVII, 9—10; XIX, 1—4.

[81] М. х., XIX, 7—8.

[82] Ср.: *З. В. Удальцова*, Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания.—СВ, 1951, 3, с. 173—174.

[83] М. х. XIX, 11.

нужден был ехать к императору с известием о взятии Патр, а затем вместе с послом Иоанна VIII к султану, который выражал неудовольствие действиями Константина, лишившего его дани с Патр. Сфрандзи должен был оправдать взятие города тем, что в противном случае его захватили бы каталонцы—враги не только деспота Константина Палеолога, но и султана[84].

8 июня 1429 г. по пути в Константинополь Сфрандзи прибыл в Навпакт. В это же самое время там находился епископ Малатеста, возвращающийся из Италии, где он тщетно добивался военной поддержки Республики св. Марка для борьбы с греками. Венецианский сенат предпочел не вмешиваться в конфликт, так как не видел для себя выгод в возвращении папе Патр[85]. Посол Константина не преминул воспользоваться возможностью побеседовать с прелатом и попытаться выведать у него его намерения в отношении Патр. Со своей стороны, Пандольфо Малатеста стремился разузнать у Сфрандзи о цели его миссии, однако ни тому, ни другому в беседе ничего узнать не удалось. Зато Георгий Сфрандзи сумел ознакомиться с содержанием писем, переданных Малатестой туркам—послам Мурада II и Турхана: он допьяна напоил турецких послов, вскрыл письма, переписал их и вновь запечатал[86]. Содержания писем историк не приводит. Г. Дестунис высказывает предположение, что в письмах епископа содержалась просьба помочь ему возвратить Патры, за что он обязуется отплатить деньгами или землями[87]. Без сомнения, знакомство с содержанием писем повлияло на то, как Сфрандзи повел переговоры с турками: он устроил так, что решено было продолжить их уже в ставке Константина. И хотя сопровождавший Георгия Сфрандзи посол Иоанна VIII Марк Палеолог Иагр упрекал его в беспомощности и нерешительности, результаты в конечном итоге оказались положительными для византийской стороны [88].

Между тем младший брат Константина Фома Палеолог положил конец существованию Ахейского княжества, захватив ос-

---

[84] М. х., XIX, 5. Халкокондил сообщает, что папа Мартин V послал 10 каталонских галер, чтобы отнять Патры у греков (*Халкокондил*, с. 240—241).

[85] Еще в 1419 г., когда папа потребовал вывода венецианского гарнизона из арендованных Венецией Патр, сенат предупреждал, что это может привести к захвату города греками (*P. Topping*. Op. cit., p. 163—164; *K. Setton*. The Papacy and the Levant (1204—1571), vol. II, The Fifteenth Century. Philadelphia, 1978, p. 33.

[86] М. х., XX, 4.

[87] *Г. С. Дестунис*, Опыт биографии..., с. 454—455.

[88] М. х., XX, 5.

татки владений Чентурионе Цаккариа. И таким образом, после двух с лишним столетий латинского владычества почти вся Морея (за исключением венецианских владений в Арголиде и Мессении) вновь принадлежала Византии[89].

26 марта следующего 1430 г. Сфрандзи едет в Эпир для улаживания спора о наследстве между шурином Константина Палеолога и незаконнорожденными сыновьями Карло Токко в качестве третейского судьи. Как видим, Константин Палеолог доверял ему не только государственные, но и частные дела. Однако исполнить это поручение Сфрандзи не удалось, так как возле острова св. Мавры апокрисиарий вместе с сопровождавшими его людьми был захвачен каталонскими пиратами. Пленников привезли в Кларенцу, где отпустили за выкуп[90].

В сентябре 1430 г. Сфрандзи приступает к своим обязанностям управляющего Патр. О его деятельности на этом поприще ничего не известно. В январе 1432 г. Сфрандзи едет в Константинополь к императору, который пожаловал ему чин протовестиарита[91], а затем к султану. О цели своей поездки к султану историк ничего не сообщает. Деступис связывает это посольство с разрушением незадолго до этого укреплений Эксамилиона[92], а пожалование чина считает наградой за успешно выполненную миссию[93]. Однако в Малой хронике совершенно отчетливо говорится, что поездка в Константинополь предшествовала посольству к Мураду II, так что, вероятнее всего, Иоанн VIII наградил Сфрандзи за какие-то другие заслуги.

7 января 1434 г. Сфрандзи едет с дипломатической миссией к герцогу Афин Антонио Аччайуоли, а затем к султану и в Константинополь. В Малой хронике опять ничего не говорится о целях посольства[94]. Можно предположить, что речь шла о передаче

---

[89] М. х., XX, 7. *Н. П. Медведев*, Мистра..., с. 36; ***P. Topping***, Op. cit., p. 165; ***K. Setton***, Op. cit., p. 35.

[90] М. х., XXI, 1. Константин, как уже говорилось, был женат на Магдалене Токко, принявшей, согласно византийскому обычаю, новое имя — Феодора.

[91] М. х., XXI, 10. Многие путают этот чин Сфрандзи с гораздо более высоким чином протовестиария. См. об этом ***R. Guilland***, Le protovestiarite..., p. 48—57.

[92] М. х., XXI, 9. Турки разрушили Эксамилион в конце весны 1431 г.

[93] *Г. С. Деступис*, Опыт биографии..., с. 458.

[94] Усматривать во всех подобных случаях дипломатическую сдержанность Сфрандзи, как это делает Г. Деступис, на наш взгляд, не следует, ибо, если сообщения об этих посольствах были перенесены Сфрандзи в Малую хронику прямо из его дневников без литературной обработки, то неудивительно, что никаких подробностей автор не приводит: для дневниковых записей достаточ-

Константину Афин в обмен на какие-то другие владения. После достижения договоренности с Аччайуоли посол, видимо, обязан был уведомить о результатах переговоров императора Иоанна, а затем султана. Полтора года спустя, по просьбе вдовы умершего к тому времени Антонио Аччайуоли[95], Сфрандзи вновь отправляется в Афины «с аргировулом и множеством воинов, чтобы забрать Афины, а ей дать другое владение в Морее»[96]. Однако греческого посла опередил Турхан, который осадил и взял Фивы, так что, доехав до Эксамилиона, Сфрандзи вынужден был вернуться к деспоту Константину, а затем вновь ехать к Турхану. Последний объявил, что ему не были известны планы Константина относительно владений Аччайуоли, как и то, что они были согласованы с султаном (судя по всему, через Сфрандзи). В знак примирения Турхан отправил к деспоту Константину с Сфрандзи двух своих сыновей, но войска из Фив не вывел[97]. Следует еще раз подчеркнуть, что сведения Малой хроники о посольствах и переговорах с турками, в которых участвовал сам Сфрандзи, представляют особую ценность, так как официальных документов о сношениях Византии с Турцией почти не сохранилось[98].

В сентябре 1435 г. Сфрандзи вместе с деспотом Константином приехал в столицу, туда же прибыл престолонаследник деспот Феодор, хотя император Иоанн VIII не раз «клятвенно и в тайне» заверял Сфрандзи, что предпочел бы сделать своим преемником Константина, а остальных братьев—Феодора, Димитрия и Фому—желал бы поселить в Морее[99]. Но поскольку сам Кон-

но даты и места действия. Разумеется, предположение это относится далеко не ко всем сообщениям подобного рода. К тому же замечание Дестунисa вполне справедливо для Большой хроники, которую он считал сочинением Сфрандзи и где повествование более подробно.

[95] Вдова герцога Антонио Аччайуоли, гречанка по имени Мария, которую составитель Большой хроники Макарий называет Мелиссиной (Б. х., с. 302, 18. В других источниках этот эпиним отсутствует), с помощью своего родственника Георгия Халкокондила (отца Лаоника Халкокондила) пыталась добиться признания ее как самостоятельной правительницы латинского герцогства, однако флорентийская партия отстранила Марию от власти, изгнав из Афин ее сторонников (*Халкокондил*, с. 320—322), а саму ее выдав замуж за другого представителя флорентийской династии Аччайуоли—Нерио II (см.: *K. Setton*, The Catalans and Florentines in Greece, 1380—1462.—In: A History of the Crusades, vol. III..., p. 268—271).

[96] М. х., XXII, 1.

[97] М. х., XXII,1—3.

[98] *Н. П. Медведев*, К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи.—ВВ, 1972, 33, с. 129—139.

[99] М. х., XXII, 7—8.

стантин тогда не рассчитывал унаследовать императорский престол и считал более реальным делить власть в Морее с младшим братом Фомой, то в июне он тайно покинул Константинополь, а своего друга Сфрандзи послал к султану, дабы склонить его на свою сторону. Успешно выполнив поручение, посол вернулся в Морею, где в это время Константин и Фома вели войну с Феодором. В течение 1436/37 г. к воюющим прибыло несколько посольств от императора, прежде чем удалось остановить раздоры[100]. Вскоре Константин был вызван в Константинополь в связи с отъездом императора в Италию на собор. Вместе с деспотом 24 сентября 1437 г. в столицу прибыл и Сфрандзи.

Результаты Ферраро-Флорентийского собора, закончившегося подписанием церковной унии, хорошо известны: несмотря на «догматическую и политическую капитуляцию» перед римской церковью, Византия не получила от католического Запада ожидаемой материальной и военной помощи[101]. В самой же Византии в ответ на заключение унии с новой силой разгорелась межпартийная борьба[102]. Резко обострились отношения с Турцией[103].

В январе 1438 г. Сфрандзи женится на дочери императорского секретаря Алексея Палеолога Цамплакона Елене. Крестным отцом их детей стал Константин Палеолог[104]. В декабре 1440 г. Сфрандзи едет на Лесбос просить руки Екатерины Гаттилузи для деспота Константина, а оттуда вновь возвращается в Морею. Через год Константин поручает Сфрандзи секретные переговоры с султаном и императором о своем переезде в Константинополь в качестве престолонаследника. Кроме того, Сфрандзи должен был договориться с императором об обмене доменов Константина и Димитрия. В ноябре 1442 г. Константин прибыл в столицу. Император пожаловал ему Силимврию, куда управляющим был направлен Сфрандзи. Однако не прошло и четырех месяцев, как Сфрандзи был отозван оттуда в Константинополь, так как было решено, что Константину будут отданы владения деспота Феодо-

---

[100] М. х., XXII, 9—11.

[101] О соборе см., в частности, библиографию в кн.: *J. Gill,* The Council of Florence. Cambridge, 1959; а также: *З. В. Удальцова,* Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии.—ВВ, 1950, 3, с. 106—132; ее же: Жизнь и деятельность Виссариона Никейского.—ВВ, 1976, 37, с. 74—97; *Н. А. Казакова,* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков Л., 1980.

[102] *З. В. Удальцова,* Жизнь и деятельность..., с. 80—83; *D. Geanakoplos,* Op. cit., p. 94.

[103] М. х., XXIII, 9—11.

[104] М. х., XXIV, 1—2,8.

ра в Морее, а последний получит Силимврию. Причин всех этих перестановок Сфрандзи не разъясняет, хотя из Малой хроники нам известно о бесконечных спорах между деспотами и о непостоянстве нрава самого императора Иоанна VIII[105]. Несмотря на уговоры Феодора Палеолога не покидать Силимврию и перейти к нему на службу, Сфрандзи уехал в Мистру к деспоту Константину. Тем временем в Константинополь прибыл папский легат кардинал Чезарини с армадой кораблей под командованием Алоизио Лоредана по случаю антитурецкой экспедиции, возглавляемой королем Венгрии и Польши Владиславом III Ягеллоном, трансильванским воеводой Яном Гуньяди и сербским деспотом Георгием Бранковичем[106]. Армии крестоносцев удалось добиться определенных успехов в Сербии, и 12 июня 1444 г. с турками был заключен мирный договор на 10 лет[107]. Именно в это время возвратившийся в Морею Сфрандзи был отправлен Константином «к василевсу, к султану, к королю (Владиславу— *Е. Д.*), а также к легату и к капитану Алоизио Лоредану по неотложным делам, которых требовали обстоятельства»[108]. Скорее всего, обстоятельства эти имели отношение к военным действиям Константина Палеолога, который, восстановив укрепления Эксамилиона[109], весной 1444 г. вторгся в Беотию, занял Фивы и Левадию и сделал Афинского деспота Нерио II данником Мистры[110].

Однако спустя несколько дней после прибытия Сфрандзи в столицу империи, в ноябре 1444 г., христианское войско понесло поражение при Варне, а король Владислав был убит. Несмотря на это, войска деспота Константина продолжали наступать и в следующем году им удалось овладеть почти всей континентальной Грецией[111]. 1 сентября 1446 г. Сфрандзи получил в управление Мистру и прилегающие к ней местечки Кулу, Евранки, Трипи, Церамнон, Пакоты, Склавохорион со всеми доходами от них, чего не имел прежде ни один правитель Мистры[112]. И. П. Мед-

[105] М. х., XXV, 6.

[106] Несмотря на заключение унии, призывы римского папы к новому крестовому походу встретили отклик только у балканских народов, которые сами находились под угрозой турецкого завоевания (см.: *D. Geanakoplos*, Op. cit., p. 96—97).

[107] *D. Nicol*, The last centuries of Byzantium (1261—1453), London, 1972, p. 380. О сепаратном договоре с турками Георгия Бранковича см.: *F. Babinger*, Mahomed II le Conquérent et son temps. Paris, 1954, p. 48.

[108] М. х., XXVI, 4.

[109] М. х., XXVI, 3.

[110] *И. П. Медведев*, Мистра..., с. 37.

[111] Там же.

[112] М. х., XXVII, 1.

12—459

ведев на основании этого сообщения высказывает предположение, что Сфрандзи был передан тот комплекс владений и прав, которым располагал в отношении Мистры сам деспот[113]. Но далее в Малой хронике приводятся слова Константина Палеолога о том, что Сфрандзи будет управлять Мистрой единолично лишь в отсутствие деспота. Когда же Константин прибудет в Мистру, то сам будет «вершить дела местности» совместно с месазоном Эвдаймонойоанном и Сфрандзи. Кроме того, на наш взгляд, следовало бы обратить внимание на следующее высказывание Константина: ἵνα σε μόνον ἔχωσιν ἀρχὴν ὡς ἐμὲ μόνον αὐθέντην[114]. Таким образом, становится очевидным, что Сфрандзи дифференцирует понятия «правитель» и «господин», следовательно, нельзя говорить об идентичности комплексов их прав.

В августе 1447 г. Сфрандзи вновь едет в Константинополь, откуда ему предстоит долгое путешествие в Грузию и Трапезунд за невестой для деспота Константина. После битвы при Варне и опустошительных походов турок в Морею (1446—1447 гг.) деспот Мистры, по-видимому, пытался опереться на помощь восточнохристианских стран. Сфрандзи было поручено досконально изучить хорошие и дурные стороны союза с Трапезундом и с Грузией и, исходя из этого, выбрать невесту для Константина[115].

Двадцать лет, проведенные Георгием Сфрандзи в Морее на службе у деспота Константина, сделали его очевидцем и участником отвоевания у франков греческих земель, свидетелем «последнего периода славы» Мистры, когда Константин Палеолог пытался объединить под своей властью земли Пелопоннеса, Аттики и Средней Греции, а затем и свидетелем трагических для Мистры событий, в результате которых она стала данницей Мурада II. За эти годы Сфрандзи окончательно сложился как дипломат, которому доверялись важные миссии не только его другом деспотом Константином, но и императором Иоанном VIII[116], а

---

[113] *И. П. Медведев*, Мистра..., с. 59.

[114] М. х., XXVII, 2—6. В Большой хронике далее следуют слова νῦν δὲ ἀντὶ μου (342,30), которые меняют смысл фразы. И. П. Медведев же цитирует Большую хронику (Мистра..., с. 59): «Заставь всех не иметь другой власти, кроме твоей, так как один я здесь господин, а теперь ты вместо меня».

[115] М. х., XXX, 1—2. Ср.: *R. Förster*, Eine Monodie auf Theodoros Palaiologos.—BZ, 9, 1900, s. 643, где Ферстер неверно называет Иверию Арменией.

[116] Император Иоанн VIII пожаловал Сфрандзи за заслуги перед государством чин протовестиарита, хотя официально он состоял на службе не у него, а у деспота Константина.

также как государственный деятель, которому могло быть поручено управление многими городами и крепостями, в том числе столицей Морейского деспотата—Мистрой.

Деятельность Сфрандзи в годы царствования Константина XI (1448—1453)

Сфрандзи находился еще в Константинополе, когда умер император Иоанн VIII, и между его братьями вновь вспыхнул спор из-за престола[117]. Но уже 6 декабря 1448 г. Сфрандзи едет к султану с сообщением о том, что константинопольцы, императрица-мать и деспоты желают, чтобы императором стал Константин Палеолог[118]. Султан одобрил кандидатуру Константина и отослал апокрисиария обратно с богатыми дарами. Лишь через год Сфрандзи отправляется в Грузию и Трапезунд[119]. Византийскому послу был оказан сердечный прием грузинским царем Георгием VIII (1446—1466). Брак грузинской царевны с византийским императором расценивался в Грузии как гарантия крепких политических связей с Константинополем, столь необходимых этой стране именно теперь, «когда юго-западные ее границы пришли в соприкосновение с границами турецкого государства»[120].

В Трапезунде Сфрандзи узнает о смерти Мурада II и о воцарении Мехмеда II. Опытный дипломат сразу понял, чем грозит Византии приход к власти этого молодого и агрессивного султана. В отличие от трапезундского императора, заключившего к тому времени с султаном договор, на Сфрандзи известие о смерти Мурада II произвело тяжелое впечатление[121]. Он немедленно шлет Константину XI письмо, в котором советует ему жениться на одной из вдов Мурада II—дочери сербского деспота Маре, двоюродной сестре Константина[122], которую Мехмед II

---

[117] М. х., XXIX, 1—2.

[118] М. х., XXIX, 3—5.

[119] О поездке Сфрандзи в Грузию и Трапезунд см: *С. Г. Каухчишвили*, Сведения византийских писателей о Грузии.—Георгика, т. VIII, Тбилиси, 1970, с. 36—88; *I. B. Papadopoulos*, Ὁ πρεσβευτὴς Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου Γεώργιος Φραντζῆς ἐν Τραπεζοῦντι καὶ Ἰβηρίᾳ.—ΑΠ, 18, 1953, σ. 202—204; Idem, Μία πολιτικὴ [illegible] ἐν τοῖς ἀνακτόροις τῆς Τραπεζοῦντος.—ΑΠ, 19, 1954, σ. 179—180.

[120] *К. С. Кекелидзе*, Отклики в Грузии на падение Константинополя.—В кн.: Этюды по истории древнегрузинской литературы, III, Тбилиси, 1955, с. 87—95.

[121] М. х., XXX, 4—6.

[122] См.: *I. A. Papadrianos*, The Marriage-Arrangement between Constantin XI Palaeologus and the Serbian Mara (1451).—Balkan Studies, 1965, 6, p. 132—138; Σ. Λάμπρος, Ὁ Κωνσταντῖνος Παλαιολόγος ὡς σύζυγος...—ΝΕ, 4, 1907.

глубоко уважал и которую с большим почетом отправил к родителям после смерти своего отца[123]. Возможно, что, рассчитывая таким способом продлить мир с султаном, Сфрандзи учитывал не только доброе отношение Мехмеда II к мачехе, но и то, что она обладала незаурядными способностями дипломата и могла употребить оба перечисленных обстоятельства на благо Византийской империи.

Почти два года провел Сфрандзи вдали от родины, но не успел он возвратиться в Константинополь (а это произошло в 1451 г.), как император вновь поручает ему дипломатическую миссию. На этот раз необходимо было ехать в Морею с тем, чтобы доставить оттуда одного из деспотов Палеологов в столицу (для наблюдения за действиями султана и переговоров с ним), а второго деспота направить в Западную Европу[124]. К этому времени Константин XI фактически потерял контроль над Пелопоннесом, который после смерти Иоанна VIII был разделен между братьями императора: юго-восточные области принадлежали Димитрию, а северо-западные Фоме. Братья, несмотря на скрепленное клятвами примирение, возвратившись из Константинополя в Морею, вновь начали междоусобную войну, которая, по словам Э. Врануси, к 1453 г. достигла своего апогея[125].

Сфрандзи было приказано также посетить племянницу императора, королеву Кипра Елену, дочь деспота Феодора II, вероятнее всего, по делам о военной помощи Константинополю[126], а затем ехать в Грузию за невестой Константина XI, так как после неудавшегося сватовства к бывшей султанше было решено, что император женится на дочери грузинского царя[127].

Сфрандзи пытался отказаться: ведь он не был дома около двух лет, и жена его грозилась уйти в монастырь или найти другого мужа, если не прекратятся его длительные поездки[128]. Константин настаивал, потому что у него не было другого столь же доверенного человека, в неподкупности и уме которого он был

[123] M. x., XXXI, 1—7.

[124] M. x., XXXIII, 1—2. Ср.: *V. Grecu*, Critobul din Imbros. Bucureşti, 1963 (далее—Критовул), с. 79.

[125] Βρανούσης Ε. Λ. "Ένας ανέκδοτος αργυρόβουλλος ορισμός του Δημητρίου Παλαιολόγου...—Byzantina, 10, 1980, с. 352—353.

[126] Константин XI не прекращал поиски союзников и на Западе (см.: *F. Dölger*, Regesten, №№ 3522, 3534, 3535, 3539, 3541, 3544—3552)

[127] Сфрандзи не разъясняет причин, по которым предпочтение было отдано браку с грузинской царевной (ср.: *С. П. Карпов*, Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв.—ВВ, 1973, 35, с. 162).

[128] M. x., XXXIII, 3.

бы так уверен. Император добился согласия жены Сфрандзи, обещав женить их сына на дочери знатного вельможи Николая Гудели и пожаловав Сфрандзи чин великого логофета. Императорскому нотарию приказано было именовать Сфрандзи в официальных бумагах великим логофетом[129]. При этом Константин просил своего друга сохранить это в тайне, чтобы не вызвать зависть и новые интриги при дворе в столь тяжелое для государства время. Сфрандзи намеревался взять с собой в поездку сына и часть движимого имущества на случай нападения на Константинополь турок и оставить мальчика в Морее у родственников жены[130]. Однако поездка не состоялась, так как стало известно, что султан выступил из Адрианополя и двинулся в сторону Константинополя[131]. Турки начали подготовку к решающему штурму византийской столицы.

Нам ничего не известно о жизни Сфрандзи и его семьи на протяжении года, предшествовавшего падению Константинополя. Малая хроника сообщает лишь, что во время осады города император поручает Сфрандзи по собранным у димархов сведениям подсчитать силы обороняющихся. Число их было приказано держать в тайне: оно составляло 4773 человека, не считая иностранцев, которых было всего 200 человек «или чуть больше»[132].

Во время последнего штурма Константинополя Сфрандзи осматривал по приказу императора часть города, отдаленную от той, где сражался Константин XI, и поэтому не был свидетелем его гибели[133]. Сам историк и вся его семья были захвачены турками. Сфрандзи освободился из плена за выкуп в сентябре 1453 г. и уехал в Мистру. Жена и дети Сфрандзи, как удалось ему узнать, были проданы мерахуру—комиту султанских конюшен, который скупал у других турок знатных византийских женщин и их детей и затем продавал с большой для себя выгодой. Мерахур не сумел скрыть от султана «красоты и хороших качеств» детей Сфрандзи, и Мехмед II купил их у него, разлучив с матерью[134].

Катастрофа, постигшая Византийскую империю, явилась для Сфрандзи тяжелейшим ударом и как для государственного деяте-

---

[129] М. х., XXXIV, 11.

[130] Цамплаконы принадлежали к числу знатных феодальных семей Мистры (см: *Н. П. Медведев*, Мистра..., с. 98).

[131] М. х., XXXIV, 12—XXXV, 2.

[132] М. х., XXXV, 6—8. Все население Константинополя составляло в то время около 45—50 тысяч человек (*А. S. Atiya*, The Aftermath of the Crusades.—In: A History of the Crusades, III, p. 657).

[133] М. х., XXXV, 9.

[134] М. х., XXXV, 11—12.

ля, и как просто человека, потерявшего все, что только возможно: родину, дом, семью, друга, чины, состояние. Оставался лишь опыт дипломата и надежда найти ему достойное применение.

Последний период жизни Сфрандзи (1453—1477).

После падения Константинополя Сфрандзи не отказался от активной политической деятельности. В декабре 1453 г. он прибыл в Леонтарион и поступил на службу к деспоту Фоме Палеологу. Тот принял его и даже пожаловал ему аргировулом местечко Кертези. Весной 1454 г. Сфрандзи была поручена миссия к деспотам Сербии, но посольству помешали мятеж бежавшего из тюрьмы сына князя Чентурионе Цаккарии и поход султана против Сербии[135]. В первые же месяцы пребывания в Морее Сфрандзи убедился в том, что гибель столицы империи не сплотила христиан Пелопоннеса и даже братьев Палеологов. Не пожелав помогать Фоме в его борьбе с Димитрием, Сфрандзи покидает его двор и уезжает в Адрианополь с тем, чтобы выкупить из плена свою жену. В феврале 1455 г. с женой и ее воспитанницей Хрисовергиной он возвращается в Патры. Что касается детей Сфрандзи, то их он выкупить не успел: сына в декабре 1453 г. за проявленную дерзость собственноручно убил султан[136], а дочь умерла в гареме от чумы в сентябре 1455 г.[137].

В Малой хронике мы не находим упоминаний о послании Мехмеда II к греческим архонтам Пелопоннеса с приглашением прибыть в Константинополь, который именно в это время, до перенесения туда турецкой столицы, заселялся турками из Аксарая, армянами из Бурсы, греками из Мореи и с островов Эгейского моря[138]. Первым в послании названо имя Сфрандзи[139]. Судя по всему, Георгий Сфрандзи предпочитал покорному признанию власти Мехмеда II активную политическую борьбу против продолжающейся турецкой экспансии. Между тем захват именно Пелопоннеса входил теперь в стратегический план турок, стремившихся предотвратить реставрацию на полуострове франкского княжества и создать плацдарм для нападения на Италию.

---

[135] M. x., XXXVII, 5. *P. Topping*. Op. cit., p. 165—166.

[136] M. x., XXXVII, 3.

[137] M. x., XXXVII, 9.

[138] *Ю. А. Петросян, А. Р. Юсупов*. Город на двух континентах. М., 1981, с. 103.

[139] *F. Miklosich, J. Müller*, Acta et diplomata graeca medii aevi, III, Vindobonae, 1865, p. 290.

До Сфрандзи еще не дошло известие о смерти дочери, когда он по просьбе Фомы едет в Венецию, где ему со стороны правительства оказываются всяческие почести[140]. Как и в большинстве подобных случаев, историк не сообщает целей своей миссии. По-видимому, речь шла о военной помощи против турок. 6 апреля 1456 г. Сфрандзи вернулся в Патры. Тем временем междоусобицы между Палеологами продолжались. Не желая в этой войне помогать ни одному из братьев и не в силах что-либо изменить, Сфрандзи, «придумав какие-то причины», оставляет двор Фомы Палеолога[141].

В декабре 1459 г. он оказывается в Мефоне. Там, сидя на берегу залива, Сфрандзи с «нетерпением и грустью» ждал, когда придет весть об окончании раздоров[142]. В его описании братоубийственной войны в Морее начинает звучать мотив обреченности и сознания неминуемого поражения. Отдельные экспедиции итальянцев уже не могут остановить турок в Морее. Для Сфрандзи совершенно ясно, что венецианское войско прибыло в Пелопоннес только с тем, чтобы защитить греческие владения Республики св. Марка, которая руководствуется в своих действиях исключительно сиюминутной выгодой[143]. Сопротивление турецкой агрессии со стороны латинян, по замечанию Э. Вернера, всегда носило скорее захватнический характер, ибо они защищали прежде всего «свои базы, колонии и торговые интересы»[144].

В июле 1460 г. в Мефоне началась эпидемия чумы и Сфрандзи уехал оттуда, намереваясь поселиться на Крите или в Верии, в монастыре св. Николая, основанном его дедом. Но деспот Фома Палеолог убедил его поехать на принадлежащий Венеции остров Корфу, куда перебрался сам деспот и многие греческие архонты. Когда чума распространилась и в крепости острова Корфу, Сфрандзи вместе с двором Фомы переехал в местечко Моливотина. Вскоре, уезжая в Рим, деспот Фома просил Сфрандзи сопровождать его или стать архонтом дома его жены, которую он оставлял на Корфу. Но Сфрандзи «из-за скорби по своим детям и из-за беспорядочности домашних дел деспота не согласился ни на то, ни на другое»[145]. Таким образом, он окончательно отошел от политической и дипломатической деятельности.

[140] Сфрандзи пишет, что сенат снабдил его деньгами и грамотами (М. х., XXXVII, 10).

[141] М. х., XXXIX, 10.

[142] М. х., XXXIX, 11.

[143] М. х., XLII, 5—9.

[144] *E. Werner*. Die Geburt einer Großmacht—die Osmanen. Berlin, 1978, s. 353.

[145] М. х., XLI, 6.

Оставшись на Корфу, Сфрандзи через некоторое время, подыскав себе жилье в обители св. Ильи, 6 сентября 1461 г. со своими домочадцами перебрался туда. Спустя пять месяцев он решил переселиться поближе к своему другу и духовному отцу Дорофею, который жил в корфиотском монастыре святых апостолов Ясона и Сосипатра [146]. Пять лет Сфрандзи, по-видимому, безвыездно жил на Корфу, но после смерти Дорофея, 18 апреля 1466 г., «вынуждаемый бедностью», он предпринял поездку в Италию: сначала в Витербо, так как узнал, что там на горячих источниках находится кардинал Виссарион, затем в Рим, где после смерти отца жили дети Фомы Палеолога. В сентябре того же года через Анкону и Венецию он возвратился на Корфу. Достиг ли бывший византийский сановник того, ради чего он отправился в это путешествие? Если целью поездки было добиться материальной помощи, то она, по всей вероятности, оказалась не слишком велика, так как в ноябре 1467 г. Сфрандзи по побуждению дочери Фомы Палеолога Елены (тещи владетеля острова св. Мавры Леонарда Токко) прибыл во владения Токко, чтобы «рассмотреть эту местность и тамошних людей и якобы получить от племянника, императора Константина» (первой женой Константина, напомним, была Магдалена Токко) некоторое ежегодное пособие «как старик больной и обнищавший в плену», к тому же некогда понесший убытки по вине их семьи. Вернулся он в том же месяце, «увидев и получив всего мало»[147].

Весной 1468 г. Сфрандзи тяжело заболел и проболел все лето. С горечью пишет он, что «мирские одежды» его износились, бедность и болезнь, лишившая его возможности вести активный образ жизни, заставили его надеть рясу[148]. В августе 1468 г. Георгий Сфрандзи и его жена, «дав свое первое исповедание веры в бога», приняли новые имена—Григорий и Евпраксия[149].

О жизни Сфрандзи в монашестве нам почти ничего не известно. Там он (судя по тому, что фигурирует в названии хроники уже как «монах Григорий») обработал свои дневниковые записи и написал Малую хронику. Он продолжает записывать то, что удается ему узнать о турках, о Морее, о Палеологах: так, мы узнаем, что жена сербского деспота Елена Палеолог отправилась в Венецию, чтобы подать в суд на расхитителей ее состояния на острове Корфу[150]; о морских экспедициях венецианцев под коман-

[146] М. х., XLI, 7.
[147] М. х., XLV, 1.
[148] М. х., XLV, 3.
[149] М. х., XLV, 3.
[150] М. х., XLVI, 1.

лованием Николо де Канаяля и Фомы Мученого[151]; о новых турецких походах, о смерти деспота Димитрия и кардинала Виссариона и многое другое. Кроме того Малая хроника описывает стихийные бедствия, происшедшие в эти годы: весной 1469 г. сильное землетрясение принесло большие разрушения на островах св. Мавры, Кефалинии и Закинфе, погибло много людей[152]; зимой 1470 г. на Корфу были такие снегопады, каких не помнили старожилы, так что «зайцев и лис можно было ловить прсто руками»[153]. В процессе обработки своих дневников Сфрандзи, по-видимому, не только подробнее пересказывал некоторые факты, но и литературно отделывал те или иные фрагменты, вносил определенные суждения, оценки событий, делал кое-какие расчеты[154].

О самом себе на протяжении 1470-х годов Сфрандзи сообщает лишь, что несколько раз с ним случались сильные приступы его старой болезни — ревматизма, так что его даже не раз причащали. Рассказав о поразившей его в октябре 1476 г. «в голову и в колени» болезни, после которой он долго оставался глухим и неподвижным, Сфрандзи вновь принимается излагать политические события. Это изложение обрывается на сообщении об экспедиции Мехмеда II против Навпакта и острова св. Мавры летом 1477 г. В это время Георгию Сфрандзи шел семьдесят шестой год. Вероятно, он умер вскоре после этого.

Знакомясь с биографией Георгия Сфрандзи, нетрудно заметить, насколько тесно связана жизнь этого дипломата и сановника с историей последних лет существования Византийской империи, с историей дома Палеологов. Не случайно поэтому этапы жизни историка совпадают с периодами правления трех последних византийских императоров: юность Сфрандзи приходится на последние годы правления Мануила II, келлиотом которого он

[151] М. х., XLVI, 3—8.

[152] М. х., XLVI, 2.

[153] М. х., XLVI, 4.

[154] В частности, иногда Сфрандзи сообщает точный (с точностью до дней) возраст того или иного лица, и если в случае, когда речь идет о его детях или о нем самом, числа точно соответствуют приводимым в Малой хронике датам рождения (ибо при этом историк, видимо, опирался главным образом на свою память), то в случае с Иоанном VIII и Константином XI «скорее можно говорить о расчетах, так как Сфрандзи делает их на год старше, считая текущий год за целый» (*P. Schreiner*, Op. cit., p. 289—290, ср. указ. соч. *Э. Воанисис*, с. 352).

был. После смерти Мануила историк покинул Константинополь, проведя годы царствования Иоанна VIII в Пелопоннесе на службе у деспота Константина. Последующие пять лет государственной службы Сфрандзи прошли вдали от Мореи, что было вызвано переездом унаследовавшего престол Константина Палеолога в столицу империи. Последние два десятилетия жизни Сфрандзи ознаменованы постепенным отходом от политической деятельности, в связи с чем Малая хроника сообщает и весьма незначительные данные, касающиеся биографии историка.

УБОГИЙ ГЕОРГИЙ СФРАНДЗИ, ПРОТОВЕСТИАРИТ[1], ГРИГОРИЙ МОНАХ, НАПИСАЛ ЭТО О СЕБЕ И О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ ЗА ВРЕМЯ ЕГО НЕСЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Хорошо было бы мне не родиться или умереть ребенком[2]. Поскольку этого не произошло, да будет известно, что родился я в 6909 году 30 августа, во вторник[3]; крещен же был благочестивейшей и святой Фомандой, о которой в надлежащем месте мы намерены поведать правду[4].

I,1. И в 28 день месяца июля десятого года был убит Тимуром султан Баязид[5]; этот Баязид был пятым правителем в своем роду. Первым был Эртогрул, а вторым Отман, от которого и произошли Атумалиды; третьим—Орхан, четвертым—Мурад, пятым—Баязид, шестым—Мехмед, седьмым—Мурад, восьмым—Мехмед[6], который нас захватил в плен и изгнал из Константинополя.

II,1. В начале 12-го года[7] возвратился с Запада в Константинополь святой василевс кир Мануил Палеолог[8].

2. И в 13-й год[9] месяца февраля 8 дня родился у него второй Константин, который также становится василевсом[10].

III,1. Начиная с 12-го и до 21-го года[11] произошло много знаменательных и достойных упоминания событий: я говорю о прибытии на Запад пятерых сыновей султана Баязида—Мусульмана, Мосе, Иесе, Мехмеда и Юсуфа, который стал христианином и получил имя Димитрий; о смерти василевса кир Иоанна[12] в Фессалонике и о прибытии туда его дяди святого василевса кир Мануила, и об установлении в Фессалонике власти его сына деспота[13] кир Андроника; и о смерти деспота кир Феодора[14] порфирородного[15] в Мистре и о приезде в Морею его брата, святого василевса кир Мануила; и о гибели султана Мусульмана[16] от руки его брата Мосе[17], и о трехлетней войне этого Мосе со святым василевсом кир Мануилом; и об ослеплении в окрестностях Ларисcы Орхана, сына Мусульмана; и о прибытии с Востока на Запад его брата Мехмеда-Кюрюджи, о его поражении и возвращении на Восток и вновь об отправлении его через Константинополь на Запад, его

победе и смерти Мосе, и еще о смерти в Монемвасии Константина—второго сына[18] святого василевса кир Мануила, а также двух его дочерей; и о рождении в Константинополе царевича кир Михаила и смерти его от чумы и о подобной же смерти челеби кир Димитрия; и о рождении царевича кир Димитрия и царевича кир Фомы; и о некоторых других значительных событиях. Однако поскольку все это из-за несовершенного моего возраста я не знал хорошо и точно—в каком году и месяце произошло и как,—я обхожу молчанием.

IV.1. В месяце июле 21 года выехал из Константинополя и отправился на остров Фасос святой василевс кир Мануил и достиг его в сентябре 22 года. Затем оттуда отправился в Фессалонику и в Морею[19] и отстроил Эксамилион[20].

2. Ибо в марте 22 года[21] он благополучно прибыл в порт, называемый Кенхрей[22]. И в 8 день месяца апреля начал расчищать и восстанавливать этот Эксамилион, который составляет в длину 3800 оргиев[23]. Он возвел на нем 153 башни. Была найдена надпись на мраморе, гласящая: «Свет от света, истинный бог от истинного бога, храни автократора Юстиниана и верного раба его Викторина и всех населяющих Элладу, от бога живущих»[24].

3. И в марте месяце 24 года[25], он возвратился в Константинополь. В том же месяце, после возвращения этого святого василевса, умер патриарх кир Евфимий[26]; и 21 мая того же года патриархом стал митрополит Эфеса кир Иосиф[27].

4. И в 25 году, осенью[28], отправился в Морею василевс кир Иоанн[29]; и тогда же, проезжая через Фессалонику, он взял Мустафу, мнимого сына Баязида[30], преследуемого его якобы братом Мехмедом, и отправил на Лемнос, а затем в Мистру.

V.1. Зимой того же года[31] начался мор на Черном море; среди находившихся там со своими семьями комендантов в одной из крепостей был мой зять Григорий Палеолог Мамона, прекраснейший человек, сын великого дуки Мамоны, некогда владетеля Монемвасии и ее окрестностей, вместе со своей женой, моей сестрой, и дочерью; первым умер ребенок, через 7 дней после ребенка—отец, а спустя семь дней после отца—мать, а также шестеро из их слуг, мужчин и женщин, так что осталось лишь двое из них. Приехав в Константинополь, они рассказали в один голос об этом моим несчастным родителям, которые не смогли пережить этого известия: и если оно не убило их сразу, то они, обессиленные, скончались позже; все это и послужило причиной того, что родитель мой не поехал в Морею с царевичем Фомой в качестве его воспитателя, а я—его эпитрапезия и келлиота[32], как было предписано нам святым василевсом, отцом царевича; мы собирались еще и потому, что старший брат мой был в Морее вме-

сте с василевсом Иоанном. Младший же мой брат после смерти старшего, оставив отца, мать и братьев, стал монахом в монастыре, называемом Харсианит[33], в котором пребывал и истинный учитель кир Иосиф[34].

2. Поскольку весной и летом мор начался и в Константинополе, в августе умерла от чумы и деспина[35] кира Анна из России[36] и была похоронена в Липском монастыре[37].

VI,1. И в начале 26 года[38] был послан в Морею отцом своим святым василевсом царевич кир Фома; в том же году возвратился в Константинополь василевс кир Иоанн. И меня святой василевс отец его ввёл в свои покои 17 марта, когда мне было 16 с половиной лет, ему же —69 с половиной.

2. И в 27 году в месяце ноябре[39] прибыла в Константинополь деспина кира София, дочь маркиза Монферратского. И в 19 день января того же года[40] был благословлен и обвенчан с нею в святой Софии[41] василевс кир Иоанн; и венчание это поистине превратилось в празднество праздеств и торжество торжеств.

VII,1. И в 28 году[42] прибыл султан Кюрюджи-Мехмед[43], чтобы от стен Константинополя переправиться на Восток; и заранее тайно узнавшие от его людей, что он направляется туда для устройства дел на Востоке, и по возвращении имеет цель и стремление пойти против Константинополя, все посвященные в тайну святого василевса архонты и кое-кто из духовенства побуждали и советовали святому василевсу схватить его. Он же никак не соглашался, говоря: «Я не нарушу клятву, которую дал ему, даже если бы убедился, что он собирается захватить нас в плен, когда будет здесь; если же, напротив, он нарушит свои клятвы, остается уповать на бога, который много сильнее его».

2. По этой причине он и не отправил никого из своих сыновей навстречу этому нечестивцу, а лишь прекрасного человека Димитрия Леондариса, Исакия Асана и протостратора Мануила Кантакузина, вместе с многочисленными сыновьями архонтов, воинами и дарами; они и встретились с ним близ Кутулона и ехали с ним до Диплокиониона[44]; на протяжении всего пути он беседовал с Леондарисом.

3. Там, в Диплокионионе, находился святой василевс и его сыновья, а также галера для его переправы, и он взошел на нее. Уже в море они с галер приветствовали друг друга и, беседуя, приплыли в то место на анатолийском берегу, которое теперь называется Скутарион[45], прежде же называлось Хрисополис. И сойдя с галеры, он вошел в приготовленный для него шатер. Василевсы[46] же ели и пили на галерах и обменивались с султаном яствами; к вечеру он верхом отправился по дороге, ведущей к Никомидии, а василевсы возвратились домой.

4. Весной того же года[47], возвратившись на Запад, он через Каллиполи отправился в Адрианополь. Святой же василевс, снарядив Димитрия Леондариса, послал его к султану, чтобы он разузнал о его намерениях и сообщил о них, и напомнил ему о любви и почестях, которые ему были оказаны, и о переправе, и о самом посланце, я имею в виду его личность и дары, которые он доставлял[48]. Султан принял его с величайшим почетом и любовью и под конец сказал ему: «Несколько дней я чувствую себя нездоровым, однако я поправлюсь, и мы будем вместе есть, пить и беседовать». Однако через три дня он умер[49].

VIII,1. И Леондариса о случившемся не известили, он же находился в своем шатре и удивлялся, почему государь не приглашает его, чтобы выслушать его дело. Он узнал о его смерти почти в тот час, когда тайно перекрыли дороги, ведущие в Константинополь, и хотя Леондарис послал многих гонцов, им не удалось пройти. И миновали дни, и вслед за этим раскрылся тайный замысел против Константинополя; и возникло много шума, тревог и мыслей, и святой василевс получил много упреков от тех, кто советовал ему, находившемуся из-за чумы в монастыре Перивлепты[50], захватить султана.

2. Лишь только, когда по другой дороге, ведущей в Месемврию, послал Леондарис человека, и оттуда он, проплыв по морю, привез письмо с известием, что султан умер, и случилось поистине так: «вечером водворяется плач, а на утро радость»[51].

3. И вот впали в другое беспокойство, и появились другие мысли и заботы: заключить ли союз с сыном султана Мурадом и предоставить ему стать правителем, как и было в их клятвенном договоре, или привезти из Мистры Мустафу и сделать его правителем на Западе, а Мурада—правителем на Востоке. Святой василевс-отец[52] советовал и считал справедливым по многим причинам первое, сын же его[53] и Димитрий Кантакузин считали, что следует сделать второе и что тогда Мустафа отдаст им Каллиполи; в конце концов, как бы уступая, святой василевс передал полномочия своему сыну, говоря: «Делай, как хочешь, ибо я, сын мой, стар и слаб и близок к смерти, а царство и его дела я передал тебе, и ты поступай, как хочешь»[54].

IX,1. И в месяце сентябре 29 года[55] василевс кир Иоанн отправился на галерах в Каллиполи, и привезя султана Мустафу из Мореи, сделал его правителем на Западе (и Каллиполи приветствовал его, и через несколько дней василевс, согласно обещанию, потребовал город, Мустафа же ответил: «Все турки говорят, что наша вера—в Каллиполи, и мы никак не можем отдать его»), в то время как Мурад с Востока через послов неоднократно просил и требовал этого.

2. В начале зимы того же года[56] переправился на Запад в верхней части Босфора[57] Баязид, человек полезный, бейлербей, бывший визирем у отца Мурада и правителем Анкиры, с целью подчинить, если сможет, власти Мурада Запад. И Мустафа вновь выступил из Каллиполи, чтобы одолеть его; и возле Адрианополя он схватил этого Баязида, убил его и захватил всю власть над нечестивыми на Западе.

3. И возвратившись в Каллиполи, Мустафа в том же году переправился на Восток, выступив против своего племянника Мурада, находящегося в Прусе, и, побежденный им, возвратился на Запад[58].

4. И летом того же года сам Мурад переправился на генуэзских кораблях и, преследуя своего дядю, настиг и убил его в начале 30-го года[59].

X,1. И 8 июня того же года[60] он послал Михалбея и блокировал Константинополь, а в 15-й день того же месяца прибыл и сам Мурад, его господин, и осадил город[61], приведя с собой закованных апокрисиариев, которых перед этим послали к нему для заключения мира—Димитрия Кантакузина, Матфея Ласкариса и грамматика Ангела Филомматиса[62].

2. И в 22-й день месяца августа он предпринял общий штурм города. И в 6 день месяца сентября 31 года[63], не добившись, с божьей помощью, успеха, он отошел от Константинополя.

XI,1. И в 30 день того же месяца явился Мустафопулос, брат этого Мурада, и переправился в Константинополь и остановился у царского дворца, а назавтра, 1 октября, явился на поклон к василевсам.

2. И в тот же день после обеда случился односторонний паралич у святого василевса кир Мануила. Увидев его, прибывшие с Востока с Мустафопулосом турки, пораженные одним его видом, с удивлением говорили, что он похож на основоположника их веры Магомета, как некогда и Баязид, враг его, сказал о нем, что даже тот, кто не знает, что он василевс, по одному только виду сказал бы, что «ему пристало быть царем».

3. А Мустафопулос, проведя напрасно из-за случившегося со святым василевсом еще несколько дней в Константинополе, наконец отправился в Силимврию, пробыв там недолго, возвратился в Константинополь и, миновав его, уехал в Прусу. Весной того же года[64] переправился на Восток и брат Мустафопулоса; выступив против него, он убил его, воспользовавшись предательством приближенных.

XII,1. И в мае того же года Турхан разрушил Эксамилион в Морее и истребил многих албанцев[65].

2. И летом того же года бежал царевич кир Димитрий вмес-

те с Иларионом Дорна и его зятем Гиурги Изаулом, и прибыли они в Галату, чтобы перейти к туркам, однако отправились не к ним, а в Венгрию[66].

3. И в 15 день ноября 32 года василевс кир Иоанн отправился в Италию и Венгрию[67], сделав деспотом своего брата царевича кир Константина и оставив его в Константинополе вместо себя.

4. А в 22 день месяца февраля того же года мы заключили мирный договор с султаном Мурадом[68]; послами при этом были Лука Нотара, ставший впоследствии мегадукой, Мелахринос Мануил и я по следующим причинам: Мелахринос ездил заранее к султану и узнал, что он хочет заключения мира, Нотара—чтобы заключить его на возможно лучших условиях, как человек полезный и подходящий; я же—как посланец от святой деспины, родственницы этого султана со стороны его матери и чтобы, если понадобится, писать шифрованные письма святому василевсу и его сыну—василевсу, находящемуся в Венгрии.

XIII,1. И в конце октября месяца 33 года[69] возвратился в Константинополь из местности на реке Дунае, называемой Келлион, василевс кир Иоанн, после того, как из Константинополя за ним отплыли галеры.

2. Ибо он заранее послал из Венгрии посуху с написанным шифром[70] питтакием гонца, иноязычного и иноплеменного. Прибыв, он стал добиваться свидания с василевсом[71], потому что имел сообщить нечто важное. Но как могло случиться, чтобы этот человек увидел василевса больным, прикованным к постели и к тому же с глазу на глаз? После долгого обсуждения были посланы к нему, наконец, два келлиота, моих товарища, которые сказали: «Или передай все, что ты хочешь, ему»,—указав на меня,—«или ступай, куда хочешь».

3. Тогда, отведя меня в сторону, он отдал мне шифрованное письмо и объяснил, откуда и когда он выехал. После того как я определил шифр и отправился прочесть его, я объявил, что прошу вознаграждения, так как мне предстоит сообщить радостную весть; при этом находилась и святая деспина и ее невестка[72], деспот[73] же в это время был на охоте. И когда я прочитал, что василевс Иоанн здоров и благополучно отбыл в направлении Великой Влахии и чтобы в местность, называемую Келлион, вышли за ним галеры, все очень обрадовались.

4. И немного спустя святой василевс приказал своему рухарию[74]: «Выдай Сфрандзи кафтан из парчи свинцового цвета на беличьем меху, и пусть получит сундук, который он просил у меня». Так в моих руках оказался прекрасный большой сундук, наполненный многими хорошими вещами, одни из которых были

предназначены его сыновьям, а другие—на помин его святой души. И вот выпросил я сундук и сказал он мне: «Сундук этот принадлежал прежде господину моему, василевсу отцу моему, и вместе с благословением его получил я в нем много красивых вещей, гораздо больше, чем ты видел, и я тоже хотел передать его моему сыну василевсу, чтобы он хранил в нем с моим благословением свои вещи». Теперь же приказал, чтобы сундук был моим, и я получил его вместе с его святым благословением, наполненным всем нужным и ценным в этой суетной жизни. А святая деспина велит принести мне красивую парчу из Прусы, молодая же деспина объявила: «Одно из моих платьев, когда ты женишься, будет принадлежать твоей жене»[75].

XIV,1. А в 21 день месяца июля того же года[76] умер ставший в блаженном слове незабвенным благочестивый василевс кир Мануил, переименованный в божественной ангельской схиме двумя днями раньше в монаха Матфея, и был похоронен в тот же день в прекрасном священном царском монастыре Пантократора[77] со скорбью и при стечении народа, какого никогда не бывало в других подобных случаях. Всего же он прожил 77 лет и 25 дней.

2. И в 34 году, в августе месяце[78], бежав, уехала к себе на родину деспина кира София.

3. И в 35 году, 29 августа[79], привезли из Трапезунда на галерах киру Марию Комнину—дочь василевса Трапезунда кир Алексея Комнина[80].

4. И в 36 году в месяце сентябре[81] обвенчался с нею василевс кир Иоанн.

XV,1. И в том же году в ноябре месяце сам василевс выехал из Константинополя со своим братом деспотом кир Константином и 26 декабря прибыл в Морею, чтобы кир Константин остался в Морее как господин, ибо их брат деспот кир Феодор[82] решил стать монахом, однако он передумал и монахом не стал.

2. С ними и я впервые отправился в Морею, находясь на службе у василевса, но надеясь перейти к деспоту кир Константину по следующей причине: незадолго до смерти их покойный незабвенный отец приказал мне, и я лично записал не завещание его—ибо василевсы не завещают, а предписывают,—чтобы каждый из его сыновей владел этот тем-то, другой тем-то из его личных ценных вещей, а остальное его имущество чтобы было разделено на четыре части: на его панихиду и литургию сверх обычного, каковые службы и были совершены пышно и хорошо на его средства и из государственных доходов; на бедных, на врачей и на его келлиотов[83]; душеприказчиками же чтобы были его духовник Макарий из обители Ксанфопулов[84], иудей по происхождению, учитель Иосиф из монастыря Харсианит и я.

3. И это распоряжение было прочитано мною в присутствии только его, святой деспины и их сына василевса, и затем сказал он своему сыну: «Сын мой, ты слышал, что я приказываю вам относительно моих личных слуг, которые ухаживают за мной, ибо написано: «келлиоты же мои, которые хорошо и преданно мне служили и, как и подобает, благожелательно ко мне настроенные, пусть пользуются соответствующими каждому любовью, покровительством и заботой всех моих сыновей».

4. Но особо я говорю тебе о Сфрандзи, который хорошо служил мне и заботился обо мне во всем, что касается моей души и тела, и теперь в моей болезни больше других заботится обо мне; я думаю, что и после моей смерти все, касающееся моей души, он хорошо устроит. Однако его молодость и моя старость не позволили мне сделать для него что-то достойное его любви и службы. Оставляю же его тебе и да пребудет с тобой мое благословение: пусть будет ему оказано тобой, что он заслужил, чтобы было сделано, но не было сделано мною по названным причинам».

5. А так как с деспотом кир Константином связывала меня дружба и полное доверие, которым благоволил бог (ведь брат моего отца был его воспитателем, а его сыновья и я вместе с ними—товарищами, друзьями и слугами его, затем пришло время и меня сделали приближенным его покойного незабвенного отца, и то многое и необходимое, в чем он нуждался, получал через меня), то он особенно хотел, чтобы я был у него на службе.

6. В доме василевсов был обычай и порядок, по которому келлиоты отца могли входить в покои его сыновей, келлиоты же сыновей в отцовские—нет, но до тех пор, пока жив отец, но не после его смерти. Когда умер блаженный незабвенный отец, после первой панихиды возвратились мы все, его келлиоты, во дворец—ибо существует такой обычай, что келлиоты василевса остаются у его могилы вплоть до первой панихиды,—я пошел к дому, в котором жил упомянутый деспот кир Константин, и сел, как многие, снаружи.

7. Узнав об этом, он послал моего дядю и велел сказать мне: «Ты не нарушил порядок и не вошел в мои покои прямо, как делал это при жизни моего господина василевса, моего отца, однако мы в долгу перед тобой за любовь к нему и службу нам, поэтому снова жалуем тебе право прямо входить в мои покои, как и прежде, поскольку ты будешь на службе у моего брата василевса».

8. Итак, мне было приказано его братом василевсом сопровождать его в поездке в Морею. По причине, которую мы объяснили выше, наедине Константин сказал мне: «Пусть будет так, но я хочу, чтобы тебе было можно быть при мне». И я ему ска-

зал: «Я этого хочу гораздо больше. Разумеется, если только это будет с согласия и по приказу твоего брата господина василевса». Итак, он попросил об этом для себя своего брата, умоляя словами и мотивируя необходимыми причинами, которые убедили бы его, что он нуждается во мне. А тот возразил, что просьба эта невыполнима не из-за чего-либо другого, а из-за приказа их отца, устно поручившего меня ему. Константин же снова просил об этом через их мать, святую деспину, а кроме того через его советников. И только тогда он приказал: «Пусть Сфрандзи едет с нами, и если мой брат останется в Морее, я позволю ему состоять при нем, ведь даже моя госпожа деспина сказала мне об этом и позволяет это. Если же брат мой возвратится со мной сюда, то он будет не иначе как при мне: так приказал мой отец, мой господин василевс, и было бы справедливо поступить, как велел он».

XVI,1. Прибыв в Морею, я находился в полном подчинении у одного, как сказал выше, но любовь и надежды связывали с другим. Благополучно достигнув Мореи, все господа братья двинулись в те земли, которыми в Морее владел деспот Карл[85]; в конце концов ни у них не осталось сил, чтобы суметь подчинить себе всю территорию, принадлежавшую Карлу, ни у него самого, чтобы суметь отстоять остатки владений, которые он еще удерживал, ибо наши господа захватили часть его земель[86]. Наилучшим оказалось, чтобы деспот кир Константин женился на племяннице этого деспота Карла[87], а крепости, которыми тот владел в Морее, взял как ее приданое. Когда этот план был осуществлен, я 1 мая того же года был послан управляющим в Гларенцу[88], а другие — в иные крепости.

2. Возвратившись в Мистру, все занялись монашескими делами деспота кир Феодора.

3. Однако для того, чтобы захватить, если возможно, Патры[89], важное и выгодное место, и чтобы не быть в Мистре, когда их брат собрался стать монахом, три брата[90], выступив 1 июля того же года, двинулись против Патр. И разбив лагерь возле патрасских мельниц, привезли туда племянницу деспота Карла киру Феодору[91], и там же деспот кир Константин обвенчался с ней.

4. В Патрах же ничего, что касается взятия, достигнуто не было, и причиной этого было, пожалуй, то, что их брат кир Феодор остался в Мистре, отказавшись от своего прежнего намерения[92], что стало причиной многих бед.

5. Поскольку в патрасских делах нужный результат не был достигнут, а были взяты лишь три крепостцы, то, заключив мир с патрасцами и договорившись, что они будут ежегодно выплачи-

вать деспоту кир Константину 500 флоринов, сняв лагерь, все разъехались: василевс—по одной дороге в Мистру, а деспот Константин со своей женой василиссой[95] по другой в Хлумуци.

6. А некоторое время спустя, когда василевс пожелал возвратиться назад домой, его брат, извещенный об этом, тоже отправился из Хлумуци в Мистру. Там оба брата пробыли несколько дней, а в октябре месяце 37 года все вместе отправились верхом до Коринфа. И василевс на галерах отплыл в Константинополь, а деспот Феодор отправился обратно по той же дороге в Мистру, царевич кир Фома, проехав с ним до определенного места, отправился в Калавриту.

7. Мы же с нашим господином деспотом кир Константином прибыли по другой дороге в Востицу. Ибо, хотя деспот кир Феодор монахом не стал и поэтому все его владения не перешли к его брату кир Константину, он все-таки отдал ему Востицу, а в другой части—земли, где был управляющим протостратор[94] Франгопул, а именно: Андрусу, Каламату, Пидиму, Маин, Ниси, Спитали, Гребени, Азтос, Лон, Неокастрон, Архангелос и многие другие, которые я, посланный деспотом, принял у упомянутого протостратора.

8. И в том же году, 4 марта[95], умер деспот кир Андроник[96], в божественной схиме принявший имя Акакий. Он был похоронен в монастыре Пантократора, в котором и жил.

XVII,1. Мой господин деспот тайно советовался со мной одним, как нам захватить Патры: если мы возьмём их, то останемся в Морее, а владения Константина на Черном море будут отданы его брату василевсу. Если же мы не возьмём Патры, то уедем обратно в Константинополь, и он сохранит за собой здесь в Морее крепости, полученные в приданое, и владении там, то есть на Черном море. А крепости, переданные деспотом[97], будут вновь отданы: какие—решает василевс. И затем случилось то, что отчасти было подтверждением тайного замысла.

2. Выехав из Востицы по патрасской дороге, мы отправились в Гларенцу и Хлумуци, где находилась василисса. Андроник Ласкарис Падиатис был послан по кое-каким делам к архонтам в Патры, и пока он там находился, с ним встретились отдельно священник и миряне, относительно того, что если его господин желает, то у них есть способ сделать так, чтобы он овладел Патрами. Однако, поговорив с другими, Ласкарис отклонил тайные предложения патрасцев, выслушав и сочтя их невозможными и излишними.

3. Тот же Андроник Ласкарис был послан управляющим в Андрусу, а другие архонты — также управляющими, в тамошние крепости; что касается первого архонта дома Константина, Алек-

сея Ласкариса, то он получил в управление Востицу и остался там.

4. Переехав, как я уже говорил, мой господин деспот со мной одним приступил к осуществлению планов, касающихся Патр: находясь в Гларенце, мы часто писали тем, кто встречался по этому делу с Падиатисом, и они нам неоднократно отвечали, однако мы решили, что для нас это неприемлемо, что в дальнейшем подтвердилось.

5. Наконец, было решено, что мы выступим и с наступлением ночи прибудем к месту, недалеко от границ патрасских виноградников, называемому «у трех церквей», ибо в старину там стояли церкви. Там же будут находиться и люди, которые подробно сообщат о том, что обсуждалось в переписке. И если возможно, то пусть город будет сдан, если же нет—то мы выступим открыто, блокируем крепость, и будь что будет.

6. И вот мы написали приказы всем управляющим в окрестностях Андрусы, чтобы 15 марта этого года каждый из них явился с оружием и множеством людей своей области, чтобы новый господин этой местности подобающим образом проехал через земли принцесса[98] и прибыл в окрестности Андрусы. О том же был извещен Ласкарис в Востице.

7. Но поскольку мы верхом уехали не по дороге вдоль Алфея, а по левой стороне, прибывшие недоумевали и спрашивали друг друга: «Куда нам ехать?» Мы же, приехав к условленному месту ко времени пения петухов, встретившись с людьми и видя, что они ничего не достигли и говорят неприемлемое, отослали их. Дождавшись там рассвета, мы посовещались, что же нам делать: войску напасть внезапно и захватить людей, находящихся вне крепостных стен, а также все еврейское поселение—по многим причинам показалось невозможным. Но вот, увидев нас из крепости и недоумевая, что же происходит, ибо не предполагали происходящего, жители послали одного из архонтов и одного каноника по имени Марк с переводчиком[99] и людьми, чтобы они узнали, кто мы и зачем явились. Когда же увидели, кто это и услышали, что мы пришли для того, чтобы либо они нам сдали крепость, либо чтобы взять ее самим, каким сможем способом, поспешно возвратились, забили тревогу, и все, кто был снаружи, быстро собрались внутри стен. А назавтра (это был праздник—вербное воскресенье) мы все, нарезав миртовых веток—а их в той местности было много—и неся их в руках, подошли и остановились у ворот крепости.

8. 26 марта, после службы в великую субботу[100], поев, мы сидели, беседуя о разном, в шатре моего господина. Но вдруг из Еврейских или Пахотных ворот (ибо они и так называются) на нас напало несколько всадников, которых отогнали, как только

они появились, и они ускакали и укрылись за Морскими воротами. Там были наготове все жители крепости с цанграми, луками и копьями. А когда деспот и я оказались впереди преследователей тех всадников—так как наши лошади оказались случайно наготове возле моста на дороге, ведущей к церкви св. Андрея,—какой-то натрасец выстрелил в лошадь деспота так, что она тотчас же пала. И когда они подбежали, чтобы или убить его, или взять в плен, я защитил его, и он с божьей помощью высвободился из-под лошади и бежал пеший.

9. Я же ударил одного и даже схватил его, сына Стамателло, но и меня били; били и меня и моего коня столько, что он без сил упал и придавил меня. Прекрасный конь, которого султан дал Исааку Асану, когда встретился с ним, Асан же—своему зятю Георгию Филантропину, а тот—своему племяннику Комнину, зятю протостратора Кантакузина; а когда он бежал на этом коне в Галату, мой брат настиг и схватил его, а в награду получил от василевса его коня. Я же взял его у него, отправляясь в Морею.

10. Итак, меня, израненного, схватили, повели и бросили в башню, в тёмное помещение, с муравьями, долгоносиками и мышами, так как прежде в нем был хлебный склад. Надели на меня железные колодки, а на левую ногу—крепкую цепь, прикрепленную к большому колу. И я лежал в этой темнице, тяжко страдая от ран, от оков, жесткого ложа и от других неудобств, которые имело это помещение, на которые я указал выше.

XVIII.1. Здесь же следует рассказать и о благочестивейшей Фоманде. Она происходила из хорошего рода из Анатолии. Когда она осиротела, родственники привезли ее в Константинополь и отдали сестре трех архиереев, братьев Кавасила, матери мудрейшего Николая Кавасилы[101].

2. Она содержала и воспитывала ее, а через некоторое время уехала в Фессалонику, когда епископом там был ее брат Нил Кавасила. И они поселились в монастыре св. Феодоры вместе с Палеологиней, добродетельной и образованной женщиной, о которой я часто слышал от незабвенного василевса кир Мануила много похвал; и я читал множество канонов ее сочинения в честь св. Димитрия, св. Феодоры и других святых. У них жила и воспитывалась в добродетели и в знании святая Фоманда.

3. А когда наступила их кончина, они ей завещали все, особенно же жену Киприана, которая, измученная жестокостью своего мужа, ушла к упомянутым монахиням и стала послушницей. Когда же приблизился их конец, она подчинилась их наследнице как в жизни, так и в добродетели, и хорошо прошла путь повиновения вплоть до смерти. Я говорю о жене Киприана, явившегося в Константинополь и основавшего монастырь в честь святых Феодоров, но называемый Киприановым.

4. Когда же нечестивые захватили Фессалонику[102], благочестивая Фоманда, уехав оттуда, вместе с подчиненной ей Киприаной прибыла на Лемнос, чтобы оттуда вновь вернуться в Константинополь. А на Лемносе находился мой дед со своей женой и детьми. Увидев её, её добродетель и разум, первая из трех его дочерей,—в то время как самая старшая его дочь[103] осталась в Фессалонике вместе со своим мужем и детьми,—покинув родителей, сестер, братьев и того, кто был предназначен ей в мужья, ушла и стала монахиней в подчинении у этой святой. Уехав оттуда и прибыв втроем в Константинополь, они остановились сначала в монастыре, называемом Клерена.

5. Молва о добродетели этой святой и знании Священного писания дошла до василевса, патриарха и до всех в городе, и василевс предлагал ей взять монастырь побольше и более доходный, и чтобы патриарх дал ей наставление духовной власти над теми женщинами города, которые пожелают, и чтобы горожане приходили, смотрели и поклонялись им себе на пользу, ибо не было у них ни золота, ни серебра, и ничего другого, кроме рукоделия и божьего попечения через архонтов.

6. Но она взяла какое-то небольшое местечко, и к ней стеклось столько послушниц, сколько не было ни в Ливском монастыре, ни в монастыре Кирамарфы, она же приняла не более двенадцати. И так они пребывали в бедности, послушании, мудрости и во всем, что угодно богу, так что в городе стали говорить не «святая», а «святые», и это считали названием для них. А об общности пищи, одежды монахинь, об отсутствии какой-либо собственности, о том, что они не делали даже малости ни для общей, ни для собственной пользы без отпущения грехов, о том, что ходят босые, мало едят и лежат на земле, живут в бедности, и об остальном, что является свидетельством добродетели, говорить излишне. А также и об их святой духовной матери, о пожертвованиях для нее и внимании со стороны василевса и деспин[104], архонтов и архонтисс—одних за исповедь, других за молитву и созерцание—кто смог бы подробно рассказать об этом, о ее добродетели?

7. Мы расскажем только один совершенно достоверный случай. В упомянутую великую субботу, в которую со мной произошло то, о чем я рассказывал, сидя после обряда литургии в церкви вместе со всеми своими монахинями и ожидая, чтобы немного спустя отведать причастия просфорой, а затем приступить к чтению Деяний апостолов, святая сказала: «Монахини, встаньте!» Они же спросили: «Какая тебе в том нужда, святая наша госпожа?» А она ответила: «Кир Георгию явилось искушение, помолимся богородице за него». Услышав это, все, прежде всего сестры моей матери—ибо и другая, младшая сестра тоже стала монахиней и её доброй слугой—подбежали к ней со слезами: «Что

случилось, святая наша госпожа?» Она же им: «Не шумите, бог, попустивший искушение, подаст и помощь и прекращение этого искушения». И они стоя со слезами запели молитву богородице. Что лучше этого свидетельствует о ее добродетели и причастности к богу?

8. Так и прожила она хорошо, и много доказательств ее добродетели проявил господь, и наконец пришла ее смерть, праведная перед богом и людьми. Несколько дней она испытывала небольшое недомогание, всех вместе наставляла и оставила в подчинение сестре моей матери, которая была у нее первой в добродетели и послушании, и все дела их обители передала ей в управление; потом, словно воспрянув, села с закрытыми глазами, но рот ее все время шевелился, вознося гимны и благодарения богу. Ничего из пищи или питья она не принимала, ни с кем не разговаривала, кроме священника, ежедневно приходившего для ее причащения к божественным таинствам, и тогда, воздев глаза и руки к небу, она причащалась, моля об отпущении грехов. Но и василевс кир Иоанн, и деспины, которые и прежде часто к ней приходили, и архонты, и архонтиссы, выдающиеся люди, иеромонахи и монахи пришли теперь ради последнего благословения. Она же качала головой, отпускала грехи и благословляла. И проведя так семь дней, она предстала перед богом. И была достойно похоронена в присутствии почти всех священников и иеромонахов, архонтов и архонтисс, хотя зван никто не был. И так поистине и было.

XIX,1. Я провел в заточении сорок дней, когда наступил день поминовения освободителя пленных, то есть великомученика Георгия. Стал я молиться ему: ведь и я Георгий и с детства раб его. А когда я уснул, приснилось мне, что я в знаменитом манганском храме[105], носящем его имя, и стою в фиале[106] в оковах. Будто бы идя в церковь на службу, мимо прошел василевс, и я стал умолять его, чтобы меня освободили от оков. И василевс вошел в церковь, а какой-то молодой архонт, повернувшись ко мне, сказал: «Наш господин василевс приказал, чтобы с тебя сняли оковы, ибо об этом просила и наша госпожа деспина».

2. И вот ночью, перед рассветом, в необычное время являются архонты крепости и другие люди с инструментами и снимают с меня все оковы, и прося прощения, говорят, что не из враждебных чувств плохо меня кормили, а потому что у самих не было еды. А через два дня, придя вновь, просят меня, и я обращаюсь с письмом к моему господину, чтобы он позволил приехать архонтам для заключения мира, что и было сделано.

3. Заключив соглашение, они отдали ему Саравале с тем условием, что он снимет осаду и уйдет к себе в Гларенцу. И если до конца мая явится их митрополит и господин[107], то пусть он

поступает, как хочет, если же нет—они сдадут крепость. Скрепив договор клятвами и приняв Саравале, он ускакал 5 мая и отступил до границ Склавицы и Риола.

4. За мной же он прислал Иоанна Росату, чтобы тот забрал меня, ибо заключенный договор должен был вступить в силу после моего благополучного освобождения. И освобожденный, но почти полумертвый я приехал туда, где находился мой господин, который встретил меня и с великой радостью, и с грустью: с грустью потому, что я был так слаб, а с радостью, потому что я был освобожден. Он сказал мне много ободряющих слов и похвал, а когда я вошел в свою палатку, мне принесли дары от него: дорогой парчовый двойной зеленый кафтан, привезенный из Лукки, подбитый красивым зеленым сукном, шапку из Фессалоники, подбитую ярко-красным шелком, парчовый кирпичного цвета кавади на толстой подкладке, золотистого цвета парчовые штаны из Прусы, пояс из Прусы и украшенный меч.

5. Назавтра мы отправились в Гларенцу. Но вот через несколько дней султан через своего архонта передал: «Патры платят мне хорадж и принадлежат мне. Сними осаду и отойди от них, а иначе мы пошлем войско против тебя». Господин же мой ответил ему: «Мы слышали, что их хотят отдать каталонцам, поэтому нам показалось недопустимым позволить врагам моего брата великого султана и нашим врагам захватить эту крепость посреди наших владений. Поэтому мы и прибыли туда и, разведав положение дел, решили не допустить этого. И вот, как видишь, встали и ушли к себе домой, а через несколько дней я намереваюсь послать к моему брату великому султану вот этого архонта,—он указал на меня,—и он объявит ему многие наши мысли». Турок, выслушав эти слова, и к тому же порядочно задобренный, уехал довольный.

6. А когда он уехал, деспот приказал мне: «Ну, готовь необходимое к дороге» (я не знал еще, что перед этим произошло). А я ответил ему: «Дай бог, чтобы митрополит не приехал и чтобы крепость сдали нам, и я бы немного поправился. Однако все приготовлю для выполнения твоего поручения».

7. 1 июня этого года [108], когда настал срок и митрополит не явился, мы верхом отправились в Патры. В те же дни царевич кир Фома осадил Халандрицу, крепость принцепса Кентуриона, впоследствии ставшего его тестем. Когда же мой господин и его братья проезжали по дороге, ведущей в Патры, этот его брат прибыл, и они все вместе остановились в Каменице.

8. Когда же об этом узнал находящийся в Халандрице архонт принцепса Иоаннуц Балота, он, испросив разрешения явиться и поклониться обоим господам, приехал. Прибыв, он сразу вынул ключи от крепости и отдал их моему господину со слова-

ми: «Ведь эта крепость принадлежит моему господину, свату твоей царственности»,—ибо сын принцепса женился на сестре василиссы киры Феодоры,—«и он приказал мне, чтобы я передал крепость ей». А тот ему ответил: «Получилось так, что место это принадлежит моему родственнику, но не более близкому, чем мой брат. Так вот, если бы он сделал это раньше, то мой брат, мне кажется, не стал бы ничего предпринимать, и я желал овладеть крепостью мирно, но твой господин рассудил иначе. Однако если я возьму её теперь, это приведет к тому, что мы с братом непременно поссоримся. И происходит-то это все не из-за чего-то значительного, а скорее из-за пустяков. Однако ступай туда и поступай, как можешь».

9. Выслушав это, он попросил, чтобы деспот пожаловал в свою крепость. И я, получив приказ, отправился вместе с Иоанницем Балота и стратиотами. А находящийся недалеко от крепости Фома Рауль[108] счел этот случай удобным, чтобы отбить его у меня. И появилась опасность возникновения между братьями большой и тягостной войны. Однако, благодаря благоволению бога, и его успешно довез до его крепости, и сам благополучно возвратился и 4 июня вечером нашел своего господина, прибывшего к храму и могиле святого Андрея Первозванного.

10. А в воскресенье, 5-го числа[109] власти крепости и весь народ вышли, и, дойдя до храма упомянутого святого, поклонились моему господину деспоту и отдали ему ключи от крепости. В великой радости представители той и другой стороны верхом въехали в крепость и доехали до домов у церкви святого Николая. Вся дорога была украшена и устлана разными цветами, а справа и слева из всех домов на них сыпали розы и брызгали розовой водой. Однако с высоты башни нас встретили плохо: военными приготовлениями и цанграми, хотя никакого вреда и не причинили. Это приверженцы митрополита, запасшись продовольствием, захватили башню и близлежащие господские дома в надежде, когда митрополит вернется, вновь благодаря этому овладеть тем, чем владели прежде.

11. А назавтра мы и весь народ той местности собрались в церкви святого Николая, и они дали клятву, что будут верными слугами нашему господину деспоту. А меня попросили себе в управляющие, и услышали в ответ: «Поскольку мы многим ему обязаны и по вашей просьбе, он станет вашим главой».

XX,1. И 8 июня я уехал в Навпактос с тем, чтобы сначала отправиться к василевсу и известить его о происходившем в Патрах, а оттуда вместе с его архонтом—к султану. Ибо 4 числа этого месяца, когда мы дошли и остановились у церкви святого Андрея, тогда же из Навпактоса прибыли два турка—один от султана, другой от Турхана—которые сообщили приказ

не брать Патры. Возвращались они вместе со мной, получив такой ответ: «Когда этот мой архонт прибудет к моему брату великому султану[110], то как он прикажет, так мы и поступим».

2. Когда мы доехали и остановились в Навпактосе, еще не рассвело. И вот туда же прибыл на каталонской галере митрополит Древних Патр Пандольфо Малатеста, ибо когда, проезжая мимо островков, в середине пути он узнал, что крепость отдана деспоту, он высадился на навпактосском берегу, чтобы сначала хорошенько разузнать, что произошло. Мне пришлось остаться там и назавтра, чтобы, во-первых, известить об этом моего господина (что и было сделано, и впервые он узнал об этом от меня), а во-вторых, чтобы по возможности узнать, каковы намерения митрополита.

3. Благодаря посредничеству капитана Навпактоса Бернардо Марчелло, мы встретились друг с другом. Увидев его, я был поражен, насколько он выделялся среди всех людей своей безобразной внешностью. Он стал выведывать, что я собираюсь делать у султана, а я у него—относительно Патр, но, как говорится, я получил от него косточки, а он от меня мох[111].

4. Однако митрополит вселил в меня много размышлений, дав рабам письма к султану и к Турхану: не обещает ли он отдать некоторые патрасские крепостцы, если ему помогут отвоевать город, или какие-то большие суммы денег? И раздумья мои не прекращались до тех пор, пока я не постарался и, сам много выпив против воли, не напоил рабов настолько, что взял их письма, прочел, переписал, а затем снова их запечатал и положил на место.

5. А когда я приехал в Константинополь, мне был дан в сопокрисиарии Марк Палеолог Иагр, тогда протовестиарит, а впоследствии протостратор, который был больше помехой в моей работе, чем помощником. И я не вижу никакой другой причины, кроме той, что «зависть не умеет предпочитать пользу». Отправившись вместе к султану, мы получили ответ: отдать Патры тем, кому они принадлежали. Но тогда я возразил первому визирю и архонту Ибраиму-паше: «Я не осмелюсь сказать это своему господину. Но поскольку он все же послал своего архонта к великому султану, то пусть и султан велит своему рабу, чтобы тот отправился вместе со мной и передал приказания великого султана». И он согласился на это, сказав: «Вы говорите хорошо и разумно». Иагр особенно издевался надо мной из-за этого, будто я, кроме вреда, ничего не добился. Я же с божьего соизволения сделал так, взяв с собой архонта-раба. И это стало первой причиной улаживания патрасских дел.

6. В том же месяце июле того же года в Янине умер деспот Карл[112].

7. И в 38 году в месяце сентябре[113] в Кратиках[114] родные братья деспоты обручили царевича кир Фому с дочерью принцепса Кентуриона Асана Захарии.

8. А я в том же месяце вновь возвратился в Трикала к Турхану и окончательно уладил дело, касающееся Патр.

9. И в том же году в ноябре месяце, находясь в Стамироне, умерла василисса кира Феодора, причинив много горя своему мужу и нам, его слугам, так как была прекрасной женщиной. И была похоронена она сначала в одной из церквей Гларенцы, а затем ее перенесли в Мистру, в монастырь Жизнодавца.

10. А в январе месяце того же года[115] царевич кир Фома обвенчался в Мистре с кирой Екатериной, дочерью упомянутого принцепса.

XXI,1. И 26 марта того же года в тот же день и час, когда меня захватили патрасцы, выехав в деспотат[116] в качестве апокрисиария для улаживания спора между племянником деспота Карла, шурином моего господина, и незаконными сыновьями этого Карла—Эркулом и Меноном[117], по их просьбе (ибо они заключили клятвенный договор: «Если присланный по нашей просьбе архонт деспота кир Константина как-то рассудит спор между нами, то обе стороны подчинятся его решению»), я вместе со многими людьми и ценным снаряжением неподалеку от острова Святой Мавры был захвачен каталонцами. Некоторое время нас продержали, довезя до Кефаллинии, будто бы для переезда в Неаполь, наконец мы возвратились в Гларенцу, и меня и тех, кто был со мной, продали.

2. В марте же месяце султан Мурад-бей отвоевал у венецианцев Фессалонику[118].

3. А мой господин деспот кир Константин в мае того же года овладел патрасским замком, благодаря голоду и другим страданиям находившихся в нем.

4. 17 июля того же года каталонцы захватили Гларенцу и, продержав ее некоторое время, вновь продали.

5 И в августе месяце того же года послы василевса кир Иоанна великий стратопедарх Марк Иагр и великий протосинкел и игумен почитаемого царского монастыря Пантократора иеромонах и духовник Макарий, прозванный Макрисом, человек прекраснейший по разуму, добродетели и здравому смыслу[119], возвращаясь от папы[120], по приказу василевса сделали деспотом царевича кир Фому.

6. И в 39 году, в сентябре месяце[121] мне были пожалованы в управление Патры.

7. И в том же году в октябре месяце бейлербей турок Синан захватил Янину и прилегающую к ней область.

8. И 26 марта того же года[122], в тот же день и час, когда со мной произошли описанные выше события[123], через послание господина моего из Востицы я получил злосчастное известие о том, что минувшего 7 января умер от чумы мой лучший друг Макарий, прозванный Макрисом, в жестоком сердце и надменных и алчных глазах патриарха еретик, в недремлющих же глазах вседержителя и на суде истины ортодокс[124]. Он пришел в Константинополь со Святой Горы и при моем особом участии и содействии получил монастырь Пантократора. Как всем известно, в этом монастыре прежде всего с помощью бога вседержителя, а также при моем и его усердии и заботе развивалось все хорошее, касающееся строительства и украшения.

9. И в конце весны того же года явился Турхан и к тому же разрушил Эксамилион. А в Патрах начался великий мор.

10. И 31 января 40 года[125] я по приказу деспота отправился апокрисиарием к василевсу (который мне тогда пожаловал чин протовестиарита) и к султану.

11. В том же году, примерно в марте месяце произошел обмен владениями между двумя братьями деспотами кир Константином и кир Фомой. И первый забрал Калавриту и все тамошние земли кир Фомы, а последний—Гларенцу и всю область вокруг Андрусы.

12. И в 41 году[126] умерла дочь Малатесты, жена порфирородного деспота кир Феодора кира Клеопа и была похоронена в монастыре Жизнодавца[127].

13. И в 42 году, 7 января[128] я вновь отправился апокрисиарием к господину Афин Антонио[129], к султану и к василевсу.

14. В январе же, в ночь на 29, в третьем часу[130] в Константинополе, во Влахернах[131] сгорел прекрасный божественный храм Богоматери, о чем мы услышали по дороге туда на реке, называемой Места, 1 февраля, в час после вечерни большого церковного праздника Сретения. И мы сочли это ложью, так как рассказавший был нам незнаком. И проехав дальше, мы ничего не слышали об этом в пяти монастырях, а в шестом монастыре, в Редесте, мы узнали точно, как и когда случилось это невероятное событие.

XXII,1. И в начале лета 43 года[132] умер господин Афин и Фив Антонио дель Аччайоли, и по просьбе его жены[133] я был послан с освященным клятвой аргировулом[134] и с множеством стратиотов забрать Афины, а ей передать другую местность в Морее, какую и сколь великую—решать мне. Но нас опередил Турхан: осадил Фивы и через несколько дней взял их, а я, ничего не добившись, повернул обратно от Эксамилиона, везя с собой это известие.

2. Мой господин деспот находился в Стиларии, ожидая венецианских торговых кораблей, чтобы отправиться в Константинополь. Тут я, потерпевший неудачу, и застал его. Я отправился с ним. И когда мы достигли Эврипа, было принято решение, по которому я отправился к находящемуся в Фивах Турхану и разъяснил ему связанное с Афинами дело.

3. И Турхан клятвенно стал заверять меня: «Ради знакомства и из любви к деспоту и к тебе я бы по-доброму и с готовностью уступил, чтобы так и было, если бы что-нибудь знал об этом прежде, чем выехал из своего дома и прибыл сюда; ведь сделал это я не по приказу великого господина[135]. Пока я был у себя дома, у меня было для этого много предлогов, теперь же у меня их больше нет». Он был щедр и любезен, привел ко мне на поклон своих сыновей и поручил их мне и моему господину (один из них — и ныне известный великий Амар). И оттуда я вернулся, не добившись успеха.

4. А поскольку опередившие нас люди Турхана подняли мост к Эврипу[136], то мы невольно остались на скалах возле моста и провели ночь на холоде — было 29 августа — голодные, на голых скалах и в страхе перед ворами из войска Турхана за чужих лошадей, которых мы одолжили в крепости, так что впоследствии возникла поговорка назло бывшим тогда со мной людям.

5. Назавтра же мы взошли на корабли и 23 сентября 44 года[137] прибыли в Константинополь.

6. И 25 марта того же года[138] в Константинополь приехала на царском корабле, который был послан за ней с Мануилом Палеологом, дочь мегадуки Параспондила Зоя. И через несколько дней деспот кир Димитрий обвенчался с ней.

7. На том же корабле в Константинополь прибыл деспот кир Феодор с тем, чтобы находиться в городе как престолонаследник и второй брат василевса. Но василевс невольно предпочитал моего господина кир Константина, в чем часто втайне клятвенно заверял меня; он любил его и желал сделать василевсом, как и покажет дальнейшее повествование.

8. Но поскольку обстоятельства сложились таким образом, он постарался поселить трех остальных братьев в Морее. А мой господин деспот кир Константин вместе со своим братом деспотом кир Фомой (ибо в городе вместе с нами находился первый архонт его дома Михаил Иеис Рауль) старались устроить так, чтобы двое находились с василевсом в городе, а они сами вдвоем — господами в Морее.

9. По этой же причине в июне того же года деспот кир Константин, как беглец, выехал из Константинополя в Морею на галере, а я был им послан к султану по этому делу, чтобы склонить

его на свою сторону. И я отправился и успешно выполнил поручение и по суше приехал в Морею.

10. Застал же я господ и братьев занятыми великим сражением. Ибо вслед за моим господином кир Константином отправился на корабле кир Феодор и начал войну против двух своих братьев, так что с обеих сторон сошлись войска и между ними началась междоусобная война.

11. В 45 году[139], когда василевс прислал апокрисиариев—ими были прекрасный и добрый иеромонах Дионисий[140], ведущий дела и митрополит Сард, и Георгий Диспипат—они отчасти приостановили борьбу. Наконец, когда вновь прибыли другие апокрисиарии василевса—духовник и иеромонах Григорий[141], впоследствии попечитель и патриарх Константинополя, и все тот же Георгий Диспипат, было заключено соглашение, по которому мой господин деспот кир Константин уедет и будет жить в Константинополе, а деспоты кир Феодор и кир Фома—в Морее.

12. И 5 сентября 46 года[142] мы, то есть я со своим господином, выехали по суше из Патр к Эврипу, а в крепостце Каристос на Эврипе сели на венецианский корабль. На этом же корабле находился Марк, бывший некогда каноником в Патрах, когда мы выступили против них, ставший легатом своего родственника папы Евгения[143] и его апокрисиарием к василевсу. И 24 числа того же месяца сентября мы прибыли в Константинополь.

XXIII,1. И 27 ноября того же года василевс кир Иоанн вместе с патриархом[144], деспотом кир Димитрием, многими архонтами синклита и церкви и почти со всеми митрополитами и епископами уехал на собор[145], задуманный не так, как следует.

2. И я говорю так не из-за церковных догматов, ибо судить об этом дано другим; мне же нравится отцовское наследие веры и то, что ни от кого с их стороны[146] я не слышал, что наша вера плоха, но, напротив, что она хорошая и древняя, и у них не плохая, а хорошая.

3. И я бы сказал для примера, что много лет хожу с некоторыми людьми по широкой и просторной улице города Месе[147], по которой доходили мы до святой Софии. Затем через некоторое время какими-то людьми была найдена другая дорога, ведущая, как они говорят, туда же; и они бы меня убеждали: «Пойди и ты по этой дороге, которую мы нашли; ибо хотя та, по которой ты ходишь, хорошая и древняя и нам с вами издревле известная и проходимая, однако и та, которую мы теперь нашли, тоже хорошая». А я бы слышал от одних, что она хорошая, а от других—что нехорошая. Почему бы мне не сказать: «С миром и любовью ступайте, пожалуйста, в святую Софию, как хотите. Я же опять пойду по дороге, по которой и с вами долгое время ходил, и которая и вами, и моими предками признана хорошей и проходимой».

4. Однако не по этой причине сказал я «как не следовало» (ибо я предпочел бы, чтобы у меня остался один глаз, лишь бы по-доброму совершилось объединение церквей), но потому, что это дело с собором стало первой и важной причиной, по которой произошло нападение на Константинополь нечестивых, осада, плен и столь великое наше несчастье.

5. Выслушайте же правдивые слова, причем саму истину призываю я в свидетели. Когда речь зашла о соборе, незабвенный василевс[148] сказал своему сыну василевсу кир Иоанну наедине, и только я при этом присутствовал: «Сын мой, определенно и достоверно известно нам от самих нечестивых, что их очень пугает, как бы мы не договорились и не объединились с франками, ибо они думают, что если это произойдет, то им будет причинено из-за нас большое зло христианами Запада.

6. Так вот о соборе: пекись и хлопочи о нем, и особенно тогда, когда тебе необходимо запугать нечестивых. Но не предпринимай ничего для того, чтобы осуществить его, потому что я не вижу, чтобы наши были способны найти какой-нибудь способ объединения, мира и единодушия, но они стремятся тех обратить к тому, чтобы мы стали как прежде. А поскольку это почти невозможно, боюсь, как бы не произошла еще худшая схизма — и тогда мы раскрылись перед нечестивыми».

7. Но василевс, по-видимому, не согласившись с мнением своего отца, ничего не сказав, встал и вышел. И немного задумавшись, покойный и незабвенный отец его, взглянув на меня, сказал: «Мой сын василевс подходит для василевса, но не нынешнего времени. Ибо видит и замышляет великое, но такое, чего требовали времена благоденствия наших предков, а не сегодняшний день, когда дела у нас обстоят так, что не василевс требуется нашему государству, а хозяин. И я боюсь, как бы из-за его замыслов и предприятий не произошло разрушение этого дома. Ведь я предвидел его замыслы и то, что он думал устроить вместе с Мустафой и видел достигнутые им результаты — к какой опасности они нас привели!»

8. Но он исполнил иначе некогда высказанную волю своего приснопамятного отца. Когда было решено, что он отправится на собор, был послан к султану апокрисиарий Андроник Иагр, чтобы объявить ему, якобы как другу и брату, об этом. А тот возразил: «Мне не кажется правильным, что он поедет, утруждая себя этим и тратясь. И что он выиграет? Вот я, если он имеет нужду в деньгах из-за расходов, ренты или чего-нибудь другого, относящегося к возмещению его убытков, я готов её удовлетворить». И было много советов и мнений: будет ли, как сказал султан, или они отправятся на собор. И стало так, как захотел василевс, или, вернее, злая судьба.

9. Когда василевс, выехав из города, уехал, султан решил напасть на Константинополь, послав против него войско, не столь многочисленное, чтобы взять его, сколько чтобы заставить василевса вернуться.

10. И это было решено и одобрено всеми его приближенными, кроме одного Халил-паши, который воспротивился, говоря: «Если ты выступишь против Константинополя, это скорее станет причиной того, что василевс вынужденно скажет франкам: «Я согласен с тем, что вы говорите». И тогда произойдет то, чего мы боимся, так что оставь это и посмотри, что он будет делать. А на случай, если они договорятся, у тебя есть с ними клятвенный мирный договор. Впредь опять будешь поступать, как захочешь. Если же они—скорее всего—не договорятся, тогда, пожалуй, есть смысл с большей смелостью делать то, что захочешь». И этот совет воспрепятствовал намерению султана.

11. Прежде чем мы узнали о совете, данном Халил-пашой, но зная мнение других, мой господин и архонты снарядили Фому Палеолога и послали к василевсу. И у константинопольцев были великие сомнения и волнения до тех пор, пока мы не узнали о возымевшем действие совете Халил-паши.

12. Вот доказательство того, что собор был не таким, каким следовало. Уж я опускаю прочее, что из того последовало.

XXIV.1. В том же 46 году, в 26 день января месяца[149] я обвенчался с дочерью начальника каниклия[150] Алексея Палеолога Цамплакона[151]—Еленой.

2. И 1 мая 47 года[152] у меня родился сын Иоанн, которого крестил мой господин василевс[153] кир Константин, который перед этим и нас венчал[154].

3. И 17 декабря 48 года[155] умерла деспина кира Мария из Трапезунда[156]. И 1 января того же года умерла деспина Евгения[157], дочь Гателузи[158]. Обе были похоронены в монастыре Пантократора. А зима тогда стояла суровая как никогда. И в том же месяце, 17 января[159] умерла василисса кира Зоя[160] и была похоронена в монастыре Кирамарфы.

4. И в феврале того же года возвратились в Константинополь с собора василевс, деспот и все остальные уезжавшие, кроме скончавшихся там патриарха и митрополита Сард, прекрасного и доброго, больше всех мне дорогого. Последний умер в Ферраре, а патриарх позже во Флоренции.

5. И 27 марта того же года в светлое воскресенье[161] родился у меня второй сын, Алексей, который прожил всего 30 дней.

6. И весной того же года бывший митрополит Кизика кир Митрофан стал патриархом[162].

7. И 6 декабря 49 года[163] я по приказу отправился на остров Лесбос, устроил сватовство и совершил брачный сговор с кирой

Екатериной, дочерью господина Митилини и прочих владений кир Дори Палеолога Гателиузи.

8. И 16 апреля того же года, тоже в пасхальное воскресенье[164] родилась у меня дочь Тамар, у которой крестным отцом при святом крещении тоже был мой господин деспот кир Константин.

9. И в тот же день, забрав свою дочь Феодору Асанину, бежал из Константинополя Павел Асан[165] и, явившись в Месемврию, отдал ее в законные жены деспоту кир Димитрию.

10. И 27 июля того же года[166] прибыл на царских кораблях в Митилини мой господин и обвенчался с упомянутой кирой Екатериной Гателиузи, а капитаном на кораблях был ставший впоследствии мегадукой Лука Нотара.

11. И в сентябре месяце 50 года[167] мой господин оставил свою жену василиссу там у ее отца, а мы на тех же кораблях и еще с одним из Митилини прибыли в Морею.

XXVI.1. И 20 октября того же года я по приказу уехал апокрисиарием к султану и к василевсу, имея тайное поручение, если василевс согласится, отправиться к деспоту кир Димитрию дальше в Месемврию и передать ему все земли, которыми владел мой господин в Морее, а последний, вновь приехав в Константинополь, чтобы получил Силимврию и его прежние владения— Месемврию и прочие вплоть до Деркоса, и чтобы в ожидании царской власти находился в городе, как того желает и василевс. Василевс принял меня благосклонно, и в январе месяце[168] я отправился в Месемврию к деспоту кир Димитрию. Он же, действуя против Константинополя, или скорее против василевса, отослал меня ни с чем.

2. В том же месяце, сраженный тяжелым апоплексическим ударом, испустил дух Павел Асан.

3. А когда я, возвратившись в город, ожидал приказа василевса, чтобы вернуться к моему господину, деспот кир Димитрий 23 апреля того же года вместе с турками напал на окрестности Константинополя, окружил и разорил их. В том же месяце и в тот же день у него родилась дочь.

4. И в июле месяце того же года мой господин деспот кир Константин, отправившись на помощь Константинополю и проезжая через Митилини, забрал свою жену василиссу и прибыл на Лемнос. И находясь там, подвергся многодневному нападению в Кокине всего турецкого флота. Но с божьей помощью флот ушел, не добившись успеха, а василисса, ослабев от обстоятельств и преждевременно родив, в августе того же года умерла и была похоронена в Палеокастроне, на том же острове Лемносе.

5. И 14 сентября 51 года[169] у меня родился другой сын Алексей.

6. И в ноябре того же года прибыл в Константинополь мой господин деспот кир Константин. И 1 марта[170] он получил от василевса Силимврию и послал меня туда управляющим, с тем чтобы я защищал и охранял ее от султана, от деспота кир Димитрия и от самого давшего ее василевса.

7. И в июне того же года прибыл в Константинополь протостратор Франгопул. И я по приказу тоже приехал из Силимврии в Константинополь. И было заключено соглашение, по которому мой господин деспот должен был отправиться в Морею и забрать все владения деспота кир Феодора, а тот — явиться в Константинополь и получить Силимврию, что и было сделано.

XXVI.1. И 10 октября 52 года[171] мой господин деспот, выехав на корабле из Константинополя, отправился в Морею, и на том же корабле деспот кир Феодор в декабре того же года прибыл в Константинополь. И в марте[172] я передал ему Силимврию.

2. И поднявшись на корабль Антония Иалина с Крита, я сошел в Карнстосе на Эврипе. И 3 июня сухопутной дорогой я добрался до Мистры, хотя деспот кир Феодор очень просил и уговаривал меня, чтобы я продолжал управлять Силимврией и стал одним из первых его подчиненных.

3. А в дороге я узнал, что истекшей весной мой господин деспот отстроил Эксамилион.

4. Через несколько дней после того, как я достиг Мистры, в Константинополь со множеством кораблей отправился кардинал и вицеканцлер, католический легат папы[173] по поводу похода короля Венгрии[174] против нечестивых. И я был вновь послан апокрисиарием к василевсу, к султану, к этому королю, а также к легату и к капитану Алоизо Лоредану по неотложным делам, к которым привели обстоятельства.

5. И 30 августа, проезжая через Коринф, чтобы застать на Эврипе корабли армады, я попал на похороны прекрасного и доброго митрополита Коринфа Марка, который родился у нас при дворе, рос вместе с нами и находил большую заботу у моих родителей, очень угнетаемый злобой своей мачехи, и из-за большой враждебности был даже вынужден бежать от своего отца, и ушел в монастырь Ксанфопулов и стал таким полезным человеком.

6. Доехав до Эврипа, я, однако, не настиг кораблей и добрался до Лемноса на другом судне, а там застал царский корабль и в начале ноября 53 года[175] приехал в Константинополь.

7. В том же месяце, 11 числа[176] король Венгрии был убит султаном при Варне[177].

8. И 17 июля того же года[178] началась всеобщая засуха, достойная упоминания.

9. Тем же летом духовник кир Григорий стал патриархом[179].

10. И 15 августа того же года родился у меня сын Андроник, который прожил всего восемь дней.

XXVII,1. И в декабре 54 года, в конце месяца[180] я прибыл на венецианском торговом корабле в Морею, 1 сентября 55 года[181] мне было пожаловано управление Мистрой со всеми прилегающими к ней местечками, а именно: Кулой, Эвранки, Трипи, Церамноном, Пакотами, Склавохорноном, со всеми их доходами, чего никогда не имел ни один другой управляющий Мистры.

2. Повелел же мне деспот так: «Я дал тебе Мистру за твою хорошую службу и из-за нашего с тобой кумовства и любви и потому, что я хочу, чтобы и тут было, как в Коринфе и в Патрах, которыми управляют Иоанн Кантакузин и Алексей Ласкарис.

3. И знай, что я не собираюсь никого другого делать месазоном[182], кроме того, которого имею—Эвдаймоноиоанна. Однако я не буду постоянно находиться здесь, а собираюсь для большей пользы объезжать свои владения.

4. И когда я буду находиться в Коринфе, я буду вершить свои дела и дела этой местности с Кантакузином и Эвдаймоноиоанном; когда же уеду в Патры, то с Ласкарисом и Эвдаймоноиоанном, оставив Кантакузина в его области. Когда же я нахожусь здесь—то с тобой и с Эвдаймоноиоанном.

5. Кроме того, когда я с богом соберусь жениться, то невесту я получу через тебя и буду проводить большую часть времени здесь, и тебе к тому же будут подведомственны ее службы.

6. Теперь же я уезжаю для лучшего устройства Эксамилиона, а ты, находясь здесь, хорошо исполняй свою власть, прекрати несправедливость и здешнее многоначалие и заставь всех здесь, чтобы только твою признавали власть, а меня одного—господином». Я же поклонился ему и поблагодарил. В 8-й день того же месяца сентября он уехал к Эксамилиону.

XXVIII,1. А в октябре того же года дочь деспота кир Фомы кира Елена выехала из Гларенцы, чтобы отправиться в Сербию и выйти замуж за Лазаря, сына деспота кир Георгия[183], что и произошло.

2. И по этой причине василевс кир Иоанн пожаловал Лазарю через Георгия Филантропина титул деспота.

3. А 27 ноября того же года султан выступил против Эксамилиона и 10 декабря захватил его и разрушил. И дойдя до Патр, захватил, сжег и разорил лишь их окрестности.

4. И в августе того же года[184] я вновь был послан в Константинополь и по прочим делам, и по делу сватовства моего господина в Трапезунде и Готфии[185], так как я заранее писал и послал по этому делу оттуда иеромонаха Исидора, ставшего впоследствии митрополитом Афин, и своих людей.

5. И пока я там пребывал, в июне 56 года[186] в Силимврии от

чумы умер деспот кир Феодор. И привезя в Константинополь, его похоронили в монастыре Пантократора.

6. И 15 августа того же года у меня умер сын Алексей, прожив 5 лет и 11 месяцев. И смерть эта сильно потрясла меня. И не знал я несчастный, что мне уготовано еще более печальное будущее.

7. И 31 октября 57 года[187] в возрасте 56 лет, 10 месяцев и 15 дней умер василевс кир Иоанн[188]. И 1 ноября он был похоронен в монастыре Пантократора, процарствовав 23 года, 3 месяца и 10 дней.

XXIX,1. И в 13 день того же месяца ноября прибыл на корабле в Константинополь деспот кир Фома, не знавший о смерти василевса и услыхавший о ней, проезжая мимо Каллиполи

2. Когда он приехал, уже значительно поутихли интриги, которые создавал деспот Димитрий, или вернее его приспешники с целью возвести на трон его, хотя константинопольцы не считали достойным порфирородного деспота, так как был жив его старший брат[189], который превосходил его всеми достоинствами и неудачливым не был. К тому же это очевидное и справедливое мнение подкреплялось волей святой деспины[190] и ее сыновей деспотов, а также советом и мнением архонтов.

3. 6 декабря я уехал апокрисиарием к султану сообщить, что и мать, и братья, и старшинство по возрасту, и добродетель, и любовь почти всех в Константинополе говорят за то, чтобы василевсом стал кир Константин; и чтобы султан знал об этом. Он с этим согласился и одобрил и отослал меня обратно с почетом и с дарами.

4. В те же дни из города в Морею были посланы архонты Алексей Филантропин Ласкарис, которого наш господин послал в город к василевсу вместе с деспотом кир Фомой, чтобы следить за ходом дел этого деспота, и Мануил Палеолог Иагр. И 6 января[191] они короновали в Мистре деспота кир Константина.

5. И 12 марта того же года он прибыл в Константинополь на каталонском корабле и был с радостью встречен всеми.

6. И в том же году в августе месяце деспот кир Фома выехал из Константинополя и отправился в Морею, награжденный титулом порфирородного.

7. И 1 сентября 58 года[192] уехал и порфирородный деспот кир Димитрий и тоже отправился в Морею, помирившись в Константинополе с Фомой в присутствии святой киры своей матери, брата василевса и наших избранных архонтов и дав клятвы, на которые с трудом согласились и плохо приняли, как я позднее узнал, хотя как они были настроены по отношению друг к другу, рассказывать нет необходимости, да и в городе меня не было, чтобы знать о том хорошо.

XXX,1. Ибо 14 октября этого года я был послан к мепе Иварии, то есть царю Георгию[193], и к василевсу Трапезунда кир Иоанну Комнину[194] с ценными дарами и большим и прекрасным снаряжением, с архонтопулами и стратиотами, с иеромонахами и певцами, врачами и мастерами, везущими орган. Хотя название его иварцы и слышали, но что это такое—не знали и хотели увидеть и послушать. И поэтому сходились со всех концов Иварии, чтобы послушать его[195].

2. А поехал я ради сватовства с тем из двух родов, который я выберу. Однако следовало, чтобы я к тому же беспристрастно разъяснил своему господину василевсу положительные и отрицательные качества обеих сторон, а там—как он решит. И я послал с людьми письма, и мой господин в ответ послал ко мне обратно других и, проезжая мимо Амисоса, они потерпели кораблекрушение. И до тех пор, пока мой господин василевс, узнав об этом, послал других, я провел в тех краях 2 года без 30 дней.

3. Пока я находился там, 23 марта того года[196] умерла в блаженном слове ставшая незабвенной святая деспина, в божественной и ангельской схиме принявшая имя монахини Ипомони; и была похоронена она в монастыре Пантократора рядом со своим покойным незабвенным мужем василевсом.

4. И в феврале 59 года[197] умер султан Мурад. И я не слышал об этом в Иварии, а когда прибыл в Трапезунд, василевс говорит мне: «Архонт апокрисиарий, мы сообщим тебе хорошие вести, только ты должен будешь отблагодарить нас». Встав, я поклонился и сказал: «Да сделает бог многолетним твое царствование, в которое ты всеми способами оказываешь и будешь оказывать нам благодеяния. И теперь сообщаешь добрые вести. Однако что есть у нас достойное, чтобы воздать твоей царственности?» И он сказал мне о смерти султана и о том, что господином стал его сын[198] и что он многое воздал василевсу[199] и подтвердил мирный договор, который этот дом заключил с его отцом.

5. И услышав это, я онемел и опечалился так, будто он сообщил мне о смерти моих самых близких. И немного спустя опомнившись, я сказал: «Государь мой, это не радостное известие, а весьма печальное». И он говорит. «Как же это?» И я сказал: «Потому что тот был стар и попытка выступить против Константинополя была им уже совершена, и больше ничего такого он предпринимать не собирался, но желал лишь мира и спокойствия. Этот же, который теперь стал господином,—молод и с детства враг христиан, и он поносил и грозился, что сделает то-то и то-то против христиан.

6. И Константинополь, который прежде из-за слабости моего господина василевса, твоего зятя[200], был в затруднительном положении из-за большого долга, лежащего на его доходах, испыты-

вал нужду во всем. И мой господин василевс, новый господин, нуждается в мирном времени, чтобы выйти из этого трудного положения. И если бог допустит, чтобы в нем победили молодость и злоба и чтобы он напал на Константинополь, то я не знаю, что будет. Вот если бы бог соблаговолил, чтобы умер этот, его сын, то была бы действительно радостная весть, а отец, так как у него не было бы другого преемника, ослаб бы и меньше прожил от печали. И между тем, если бы он умер, этот дом[201] усилился бы и достиг бы большого превосходства». И он говорит мне: «Ты один из разумных и первых архонтов того дома и тебе лучше знать об этом, однако бог в силах обратить это на благо». И я сказал: «Все так, как ты говоришь». И остался у него.

XXXI.1. А когда я услышал об этом и о том, что жена султана, дочь деспота Сербии[202] с почетом благополучно возвратилась к своим родителям, и так как я собирался остаться в Трапезунде по многим причинам, то я послал с отправляющимся в Константинополь судном лошадей и двух юношей, которых царь Иврии захватил в походе на Самахи[203] и прислал мне в подарок, и кое-что другое, что мы получили в дар и приобрели иначе. Я сел и написал своему господину василевсу о том, что я сделал в Иврии и что, я думаю, надо сделать в Трапезунде, и о причине задержки здесь.

2. Написал я и другое послание, о котором собираюсь пояснить. И отдав письма одному из находившихся со мной архонтопулов, я отослал его, приказав: «Одно письмо отдай нашему господину василевсу, когда поклонишься ему, и на словах доложи все о нас; а назавтра отдай ему другое».

3. А написал я так: «Приехав сюда, в Трапезунд, я узнал от василевса о смерти султана. Узнал я и о возвращении его двоюродной сестры, султанши, на родину к своим родителям. Итак, по размышлении мне кажется во многом лучше и выгоднее брак с ней, чем со здешними, если ты найдешь это выполнимым.

4. Ибо я нахожу только четыре осложнения: более низкое происхождение; церковное—из-за родства; то, что она имела мужа, и 4-е—что она пожилого возраста, и есть мысль, как бы она не подверглась опасности, когда придет время родить ребенка, что очень часто случается, как пишут физиологи.

5. Итак, по поводу первого скажу, что нет ничего невероятного, поскольку она не более низкого происхождения, чем моя госпожа, твоя незабвенная мать[204]. По поводу второго—ведь мы вполне рассчитываем на то, что церковь согласится на брак с трапезундской невестой; если дать денег на церковные нужды и на бедных, то она тем более согласится на брак с дочерью деспота Сербии, ведь и церковь, и иеромонахи, и монахи, и монахини, и бедные окажутся связаны и в долгу за такие милости.

6. А по поводу третьего—тоже нет ничего невероятного, так как деспина кира Евдокия сначала была замужем за турком, владетелем маленькой и незначительной местности, и имела от него детей, а ее взял в жены твой дед. А эта была женой такого великого господина и, как я слышал, с ним не жила. По поводу же 4-го—пусть будет так, как бог соблаговолит.

7. А поскольку это и во всем прочем будет выгоднее, и родители с радостью на это согласятся, пошли кого-нибудь из своих придворных или из монахов, пусть разузнают об этом. И сделай это, не откладывая».

8. Когда 28 мая[205] письмоносцы прибыли в Константинополь, василевс охотился на кабана. Как только ему сказали, что прибыли те, кто был в Иверии, он, оставив всё, возвратился. Дело с Сербией ему понравилось, как покажет дальше повествование.

9. А случилось так, что того же 28 числа вечером привиделось мне во сне, что я приехал в Константинополь и, приветствуя василевса, пал ему в ноги. Но он, не позволив мне этого, поднял и поцеловал меня в глаза. И проснувшись я говорю спавшим возле меня: «Вот то-то приснилось мне во сне, запомните этот день».

10. Однако мой господин василевс, увидев, что приехал не я, а кто-то из сопровождавших меня, прочел первое письмо и погрустнел, досадуя и упрекая меня за медлительность. Когда же назавтра прочел второе письмо, то остался доволен, как если бы вернулся и я. И тут же снарядив Мануила Палеолога, племянника протостраториссы Кантакузины, он отправил его в Сербию, и был испробован этот вариант: родители ее выслушали предложение с радостью и с готовностью приступить к делу.

11. Но оказалось, что султанша молилась богу и дала обет, что если каким-нибудь образом он освободит ее из дома ее, якобы мужа, она никогда в жизни не выйдет замуж за другого мужчину, но останется свободной и по мере сил будет служить своему избавителю. По этой-то причине дело оказалось неисполнимым.

12. В том же году в августе, как беглец, уехал из Константинополя патриарх кир Григорий.

XXXII,1. И 14 сентября 60 года[206] на корабле доброго Антония Рицоса, принявшего впоследствии мученичество за свою христианскую веру, я доехал до Константинополя, завершив, или скорее более утвердив дело со сватовством в Иверии, рассматривая трапезундское как гораздо менее удачное, чем это.

2. Ибо сказал мне василевс Иверии: «У нас не принято, чтобы женщины давали деньги будущим мужьям, но мужья женам, как ты здесь узнаешь. Поэтому мы сделаем все без ведома, не советуясь с моими: я даю за своей дочерью, кроме одежды и средств на ее слуг, 36 тысяч флоринов и ежегодно она будет

иметь 3 тысячи для раздачи церкви и бедным и на что ей заблагорассудится.

3. А у тебя, я слышал, двое детей; мальчик—крестник василевса и принадлежит ему, а девочка с сегодняшнего дня будет под покровительством моей дочери, и она должна будет выдать ее замуж, когда ты сочтешь нужным, и ты получишь ее вместе с приданым.

4. А когда ты с богом приедешь за моей дочерью, ты получишь от меня 4 рулона шелка, а он тонкий и, как мы слышали, рулон стоит 500 флоринов».

5. Когда же я доложил все, касающееся посольства, и дошел до сербского дела, я спросил об этом. И он сказал мне так: «Я многим обязан тебе за твою ко мне с детства любовь, верность и службу. Но это теперешнее дело с Сербией было подтверждением и доказательством твоей любви ко мне и службы, и я обещаю и должен вознаградить тебя за сделанное для меня. Ведь ты столько потрудился, страдал и грустил по своему дому столько времени, и ты получил то, что получил: столько всяких обещаний благодеяний и почестей, если только ты исполнишь их желание, ты же предпочел заботиться о большей моей выгоде и написал и посоветовал мне то, что написал—это было веским доказательством твоей истинной любви ко мне, верности и службы. Знай же достоверно, что пока я жив, ты получишь от меня достойное вознаграждение.

6. А относительно того дела—произошло следующее: когда умер султан и так устроилось с дочерью деспота Сербии, пришла и встретилась со мной по этому делу протостраторисса и дала много клятв и обещаний о будущих выгодах, которые и я по многим причинам считал такими большими, истинно хорошими и полезными. Однако об этом нужен был совет, мнение других—как должно быть, чтобы дело удалось.

7. Но с кем было мне советоваться? Моя госпожа деспина умерла. Кантакузин, который сравнительно с другими давал советы более беспристрастно, тоже умер. Нотара явно и неявно говорит, что никакие другие советы не помогут, разве только его, и, как говорится, пускает в ход все средства, и ты лучше других это знаешь. Великий доместик враждебно настроен к делу с Сербией. И вот, сговорившись с Иоанном Кантакузином, постоянно убеждают меня отдать предпочтение трапезундскому варианту. На кого было опереться? На монахов? Но они в это не вмешиваются. На архонтов? Но кого бы я выбрал, беспристрастного и чтобы не был к чему-то привержен, или чтобы не разболтал другим? Так что я с трудом переносил твое запаздывание.

8. Когда же пришло твое письмо, я понял тебя и узнал твое

мнение. То, что было задумано и нами, ты разумно и хорошо разрешил. И я сразу под предлогом других дел послал Палеолога, чтобы он сообщил об этом от имени ее тетки протостраториссы. И вот услышали мы о причине препятствия и прекратили переговоры. Итак, с богом, совершим это дело с василевсом Иврини».

9. И был составлен и подписан хрисовул о том, что дочь последнего будет его женой и деспиной Константинополя, а он будет ее мужем согласно договору, который заключил со мной василевс Иврини. И был вызван тот посланный со мной его архонт, из второстепенных, в его присутствии мой господин василевс собственноручно начертал киноварью три креста вверху лицевой стороны хрисовула, как принято, для удостоверения. И приняв из его рук хрисовул, он услышал: «Вот он,—он указал на меня,—будущей весной с богом приедет на кораблях, чтобы забрать невесту». Тот поклонился и уехал.

XXXIII.1. А поскольку в начале того года ходили слухи, что султан собирается явиться к Стенону и построить крепость у Асоматоса, василевс решил послать в Морею за одним из своих братьев, который соизволит это и согласится с договоренностью, чтобы в случае необходимости наблюдать за действиями султана, а второй из двух чтобы отправился к правителям Запада.

2. И решив так, он велел мне в один из дней: «Протовестиарит, мы приняли такое решение: я предполагаю отправить тебя в Морею, чтобы, как только ты там все устроишь, сюда приехал тот из моих братьев, который это захочет. Ты же отправишься на Кипр к моей племяннице королеве[297]. А мы здесь приготовим необходимое, чтобы ты, уехав с Кипра, отправился в Иврию за своей будущей госпожой».

3. Я же ответил ему: «Любовь и долг моей службы требуют, чтобы я сказал «как прикажешь», однако я боюсь за твою рабу и куму, как бы она не разгневалась и либо не ушла в монахини, либо не оставила меня и не взяла другого мужа, ибо вчера я приехал, проведя в Иврини год и 11 месяцев, а теперь мне снова уезжать. Она будет вправе поступить так, сделав одно из двух». А он со смехом сказал: «Все же скажи ей, чтобы она позволила тебе совершить одну эту поездку, и я дам клятвенное обещание, что больше не побеспокою тебя по такому делу.

4. И ты ведь знаешь, что мы оба хотим, согласовали и собираемся сделать. Достоверно и без клятвенного обещания и то, что для тебя прекратятся посольства» (а то, что мы согласовали и чего желали, было то, что василевс укажет мегадуке Нотара, что он не сможет иметь чин месастикия[298].) «И хотя нам не удастся его у него отобрать из-за его почета, однако он отдаст его, чтобы иметь первое место по положению в совете[299] и какой-нибудь доход другим способом; затем мне, подобно моему брату

василевсу, необходимо назначить двух архонтов (но не месазонов), чтобы с раннего утра и до поздней ночи, пока я занимаюсь своими делами, были со мной». Так и было сделано.

5. И мегадука был навещен через его и моего кума, иеромонаха и духовника Неофита из монастыря Харсианит, и согласился, волей или неволей — не знаю. И даже сделал вид, будто он и сам хотел это сделать, чтобы только василевс возвел в чин его сыновей. И было принято решение, хотя ничего и не совершилось, так как всех нас вместе постигли несчастья.

6. И он сказал, что одним из архонтов буду я, а другим он предполагает Николая Гудели. И если такое товарищество приятно, то чтобы между нами установились и родственные связи: пусть мой сын женится на его дочери. И это было то дело, о котором он говорил, собираясь прекратить мои посольства.

7. Мне же он сказал: «Я бы хотел послать в Морею кого-нибудь из якобы более почтенных, но я хочу передать из рук в руки мое поручение, имеющее 5 пунктов, чтобы посол изложил для заключения соглашения первый, если же не получится, то второй или третий, или четвертый, а при необходимости — пятый. И я полагаю, что пошли я кого-нибудь кроме тебя, то он уступит за то, чтобы ему аргировулом определили какое-нибудь местечко, или за обещание, что он и его дети будут иметь то и это, он сразу же представит пятый пункт, что для меня будет тяжело.

8. А к королеве Кипра — ты знаешь о монахе, который явился ко мне в один прекрасный день? Он сказал мне от имени моей племянницы, что у нее есть нечто важное, что она хотела бы сказать мне лично, если бы это было возможно, или сообщить через верного и разумного человека, если бы у нее был такой. А поскольку одно невозможно, а другого она не имеет — чтобы я послал выслушать это дело того, кто кажется мне подходящим.

9. Но кто более подходит для этого? По третьему же делу слов не требуется, ибо ты — тот, кто его совершил: и был, и лично видел, и встречался, и исполнил. Как может окончание дела быть исполненным другим?» Я ответил ему: «Это, бесспорно, так, как ты говоришь. И твоя раба и моя спутница позволит это, раз того требует дело и ради того, что будет то, что ты мне назначил — и место, и почет, и кумовство, более высокое, чем у других архонтисс. Однако в остальном я не нахожу ничего, что тебе возразить». Когда же наступило время завтрака, я отправился домой.

XXXIV,1. А когда после обеда пришел мегадука, он сказал ему, что решил со мной относительно посольств: относительно того, что я уезжаю, но не причин. И прибавил следующее: «Нам необходимо его отличить, ибо в чине, который он имеет, нет никакой нашей заслуги, но моего брата василевса. Итак, подумай

об этом и разузнай, какую из должностей он хотел бы, и мы выслушаем тебя».

2. Он встретился со мной и я сказал ему, что у меня в мыслях есть попросить, чтобы мне был пожалован более высокий чин, но которым никто другой не владеет и который не будет при моей жизни пожалован другому, поскольку мне кажется такой порядок подобающим и предпочтительным. Особенно, когда я отправился в Трапезунд, столько слышал упреков и порицаний— как на одной и той же должности здесь три архонта. И моя мысль еще больше утвердилась в желании, которое я имел. Так вот, пусть мне будет пожалован чин великого кондоставла»[210].

3. Он ушел и доложил об этом василевсу, и тот велел ему: «Этот чин, Нотара, я давать не собираюсь, так как господин василевс мой отец назначил в Эксамилионе великим кондоставлом моего первого тестя. Но я дам более высокий, чем этот, и сделаю его великим логофетом[211], что является четвертым рангом, а великий кондостав—седьмой.

4. Мегадука ему говорит: «А что стало с Метохитом Палеологом, когда ты сделал сына Кантакузина протостратором по просьбе твоего брата деспота, ради его отца и из-за родства и кумовства? И он может отдать свою душу дьяволу, если теперь ты сделаешь Сфрандзи великим логофетом, так как это выше великого стратопедарха[212]. Что будет? Дай же ему великого примикирия[213], который идет после стратопедарха».

5. И он говорит ему: «Он предупреждал меня, что не желает никакого чина, даже высокого, если его имеет другой. Как он это воспримет? Все-таки скажи ему об этом, и мы да услышим».

6. Он приходит и говорит мне: «О должности великого кондоставла он сказал, что поскольку великим кондоставлом является его тесть, ни тебе, ни другому не пожалует его, но пожалует тебе великого примикирия, который выше его». Я же сказал ему, что если бы он был выше мегадуки, я не захотел бы его, так как его имеет другой. Разговор прекратился.

7. А когда я посоветовался с родными, друзьями и домашними, наилучшим показалось вот что: относительно должности— будь что будет, а я уеду в Морею и на Кипр и возьму с собой моего прекрасного сына, превосходящего почти всех своих сверстников, а также большую часть своего движимого имущества, и мы поедем по суше, чтобы он увидел разные места и научился всему полезному в жизни. И к тому же нам станут ясны планы султана, и при случае я оставлю своего сына в Морее вместе с моим имуществом у его кровных родственников со стороны матери, или он вернется со мной. Этот довод убедил и его мать, а именно—мысль о войне, и она согласилась на мой новый отъезд.

8. Когда же я запасся всем необходимым в дорогу и остава-

лись только письма[214], в один из дней я отправился во дворец и как обычно вошел в покои василевса. И так как я не нашел там василевса, то спросил, и мне сказали, что он в тетрасароне[215], другом помещении рядом с его покоями, беседует с отцом Антонием Родеосом. Я подождал немного, и вот василевс, дыша гневом, говорит мне: «Видел его? Я уж не говорю о дерзости твоего месазона! Ты просил о должности великого кондоставла, и я сказал ему, что ни тебе, ни кому другому я не дам ее, сказал, по каким причинам. И я сказал о должности великого логофета, а он сказал, что это вызовет гнев великого стратопедарха Палеолога—то, что я ставлю тебя перед ним. И сегодня он послал эту овцу, отца Антония, чтобы по его просьбе я наградил его телят. Просит, чтобы я сделал первого великим логофетом, а второго великим кондоставлом, так как он и теперь управляет рогаторами[216], что подведомственно этому должностному лицу.

9. Так вот, говорю тебе, что им, если он захочет, я дам другие, более низкие должности, которые и то не будут соответствовать их достоинствам; ты же будешь великим логофетом. Только об одном я прошу тебя: чтобы ты по многим, временным, причинам и из-за этих архонтов не кланялся на праздничной церемонии согласно этому рангу, однако пусть нотарий напишет в письмах к моим братьям и королеве и вообще во всех, которые будет писать, что приезжает великий логофет. И ты тоже будешь так писать сюда ко мне и своим. А тем заткнешь рот, и в конце концов они проглотят это, даже если им оно покажется острым и горьким».

10. Я же ответил: «Многие лета твоему святому царствованию! Однако я хочу и прошу, чтобы из-за меня не было ничего такого, что принесло бы неприятности. Лучше сними мою кожу, если это способно принести мир и радость твоему святому царствованию». И он говорит: «Ты говоришь как хороший слуга, однако ничего такого не думай. Ведь я огорчался, видя их мнимую любовь к тебе и почтение и их манеры. Однако позови мне сюда нотария: кто там есть?» И откликнувшись, кто-то пошел и позвал его.

11. А когда он пришел, василевс приказал ему: «Мы говорили тебе, кому и кому написать верительные грамоты, извещающие их. И напиши, что они будут извещены неким великим логофетом. И если будем живы, впредь я буду так писать и обращаться во время церемоний у тех, которые будут это осуждать. Однако до времени и ты, нотарий, храни это в тайне».

12. И когда приказы были приготовлены, я взял их с тем, чтобы в тот же день откланяться, но назавтра пришлось остаться тоже, потому что «султан выступил из Адрианополя и идет, и

давай посмотрим, как бы в пути тебе не встретилось какое-нибудь препятствие».

XXXV,1. Вот 26 марта того же шестидесятого года[217] явился султан и остановился у пролива Стенон, чтобы возвести там укрепление[218]. И сегодня—«посмотрим», и завтра, и «по суше не стоит, так как будет опасно, вот найдем судно».

2. В июне того же года произошло сражение, и после бегства нашего войска тех, кого обнаружили вне города, забрали в плен и блокировали город. И закончив строительство крепости, 31 августа султан выступил оттуда, и, придя, напал на окрестности города.

3. И 3 сентября 61 года[219] он уехал в Адрианополь, очевидно, за эти два дня тайно хорошенько осмотрев крепость и ее оснащение.

4. И в том же году осенью в Морею явился Турхан со своими сыновьями и многочисленным войском, тогда-то его сын и был захвачен морейцами.

5. И 17 января того же года[220] родился наследник и преемник рода Палеологов кир Андрей Палеолог[221].

6. И 4 апреля того же года вновь явился султан и, подойдя к Константинополю, осадил город всеми средствами и приспособлениями с суши и с моря, окружив город на протяжении 18 миль[222] с суши двумястами тысяч человек. А столь великий город имел в обороне 4773 человека, не считая иностранцев, которых было едва 200 или чуть больше[223].

7. Я же знал, что это так, по следующей причине: ибо по приказу василевса каждый димарх точно переписал в своей димархии[224] способных обороняться в крепости мирян и монахов и какое оружие для обороны есть у каждого из них. И каждый из димархов принес и отдал список своей димархии василевсу.

8. Затем он приказал мне: «Эта работа касается тебя и никого другого, поскольку ты умеешь хорошо считать и хорошо сохранять то, что необходимо хранить в тайне. Возьми списки и, сев у себя дома, сосчитай точно, сколько имеется людей и сколько оружия—сколько копий, сколько щитов, сколько луков». И выполнив его приказание, я принес и отдал моему господину василевсу списочек[225] с грустью и величайшей мрачностью. И количество осталось в тайне только между мной и им.

9. И 29 мая, во вторник[226], в час начала дня султан взял Константинополь, и в тот же час взятия города пал мертвым блаженный мой господин василевс кир Константин. Меня же не было рядом с ним в этот час, но по его приказу я вроде осматривал другую часть города. Увы, увы мне! Не знал я, для каких времен сохранило меня провидение.

10. А вся жизнь покойного этого василевса и мученика про-

должалась 49 лет, 3 месяца и 20 дней[227], из которых он царствовал 4 года, 4 месяца и 24 дня, будучи восьмым василевсом рода Палеологов. Ибо первым был Михаил, вторым—Андроник, третьим—Михаил, четвертым—Андроник, пятым—Иоанн, шестым—Мануил, седьмым—Иоанн и восьмым—Константин[228]. Царствовал же и правил Константинополем род Палеологов сто девяносто четыре года, десять месяцев и 4 дня.

11. Я же, несчастный, был схвачен и пережил все несчастья и беды плена. Наконец, 1 сентября 62 года[229] я откупился и приехал в Мистру. А жена и дети мои были захвачены старыми и добрыми турками и вновь проданы ими мерахуру султана, то есть комиту его лошадей[230], который скупал и многих других знатных архонтисс и имел с этого большую прибыль.

12. А поскольку он не смог скрыть красоты и других положительных качеств моих детей, узнавший о них султан забрал их, дав мерахуру несколько тысяч аспров. А несчастная мать осталась одна, с одной только своей воспитанницей, остальные же были распроданы.

XXXVI.1. Пожалуй, кто-нибудь спросит, что же происходило у василевса в разгар борьбы в тот год, в то время, когда султан вел приготовления, и что сделали зарубежные христиане для того, чтобы помочь?

2. Относительно зарубежных христиан ясно, что ничего. И более того, к сербскому деспоту Георгию был послан архонт султана для того, чтобы склонить его стать посредником в мирном договоре с венграми, а после того, как апокрисиарий уехал, некоторыми турками из совета был направлен нотарий, чтобы посоветовать деспоту найти способ отсрочить мирный договор, так как если будет мирный договор с венграми, султан тут же выступит против Константинополя. Но тот сказанного не сделал, не зная, несчастный, что если случится лишить тело головы, то члены мертвы[231].

3. В Венеции, когда состоялся большой совет, воспротивился дож Франческо Фоскари не по неведению—ибо и василевс кир Иоанн говорил нам, да и другие, видевшиеся и беседовавшие с ним, что более разумного человека не знают в Италии,—но по злобе и недоброжелательности. Ведь недоброжелательство не умеет предпочитать пользу. Причина же была вот в чем: Алоизо Диедо был его посредником по делу о том, чтобы мой покойный господин кир Константин, будучи деспотом и находясь господином в Морее, взял в жены дочь этого дожа с большим приданым. Господин же мой не ради приданого, но ради того, чтобы его владения стали как бы едиными с Венецией, согласился на этот брак, причем я больше других одобрял и поддерживал это. И все уже было решено.

4. Когда же он стал василевсом и переехал в Константинополь, этот брак стал неподобающим. Ибо кто из архонтов или архонтисс города принял бы госпожой и деспиной дочь венецианца, правда, знатного и дожа, но временного? Или его других зятьев как свояков, или сыновей как шурьев василевса? Вто так, исходя из этого, он отослал посредника, а человек стал врагом. И хотя архонты Алоизо Лоредан и Антоний Диедо и многие другие много говорили ему и указывали на то, что если Константинополь будет взят, это обернется большим вредом и для их государства, не сумели убедить его[232].

5. А что думала об этом римская церковь? Ведь когда русский кардинал[233] находился в Константинополе, я был его посредником к моему незабвенному покойному господину василевсу по поводу того, чтобы он стал патриархом, и чтобы им и тогдашним папой[234] было сделано то-то и то-то или хотя бы чтобы вторым поминался папа.

6. И после многих разговоров, советов, беспокойств незабвенный василевс решил, что от одного он совершенно откажется, так как если тот станет патриархом, все либо должны будут повиноваться ему, либо ополчатся против него, и между ним и теми неповинующимися возникнет война. А в такое время, когда на нас надвигается война извне, сколь ужасно иметь еще и внутреннюю войну. А относительно поминания—пусть оно будет ради нашей надежды на помощь в случае необходимости. И в то время как одни будут совершать его в св. Софии, другие будут оставаться непричастными и спокойными. И 12 декабря минуло вот уже шесть месяцев с тех пор, как было произнесено столько речей о помощи, сколько их произнес султан Каира[235].

7. А из Сербии, хоть и была возможность из многих областей тайно послать деньги, а также людей другим способом, видел кто-нибудь хоть один обол? Да, действительно, они посылали много денег и людей—султану, осадившему город. И турки ликовали и указывали: «Вот и сербы против вас».

8. Кто из христиан—василевс ли Трапезунда или кто из влахов, или ивирцев послал на помощь тайно или явно один обол или одного человека?

9. Венгры, правда, послали апокрисиариев, сказать: «Когда выяснилось, что вы собираетесь заключить мирный договор с Константинополем, мы тоже заключили с вами мирный договор, а иначе мы расторгнем его». Посольство ехало почти неделю, в течение которой турки собирались начать войну. И если бы они победили, то сказали бы им: «Вот мы взяли город, а вы уезжайте и как хотите—сохраняйте с нами мир или воюйте». Так и случилось, и они им это сказали. А если бы не взяли и сняли бы осаду, то сказали бы, мол, «ради мира с вами и договора о согласии мы

сняли осаду»; или заключили бы мир: султан, как мы слышали, говорил: «Если не возьму город, сразу заключу мир, который будет на всю жизнь».

10. А мой покойный господин василевс чего не сделал и тайно, и явно для защиты своего дома и христиан или собственной жизни? Разве замышлял он, если что-нибудь случится, бежать, хотя это было возможно и легко?[236]

11. Ведь кто знал из всех остальных, кроме Иоанна Кантакузина и меня, что Янко[237] заранее просил, чтобы он отдал ему в подчинение Силимврию или Месемврию и чтобы там находились многие из его людей, и тогда во время войны с турками он будет им врагом и помощником городу? И когда началась война, ему была отдана Месемврия. И мною был написан хрисовул, и зять Феодосия Кипрского, сын Михаила, его ему доставил.

12. Кто знал о требовании каталонского короля[238] отдать ему Лемнос, и тогда он всегда будет против турок на море и на стороне Константинополя, если понадобится помощь? И это было сделано.

13. Кто знал, сколько он дал обещаний и послал денег на Хиос через Галату, чтобы оттуда прислали людей, и они не прислали?[239]

14. Кто соблюдал посты и молился сам и через священников, давая им деньги, или больше заботился о бедных, или дал больше обетов богу ради избавления христиан от турецкого ига? Но все это, с одной стороны, бог презрел (за какие грехи — не знаю!), а с другой стороны, люди этого не знали, и каждый говорил по-своему, как хотел. Но возвратимся к предмету повествования.

XXXVII,1. Той же осенью, то есть в 62 году[240], все албанцы Мореи восстали против своих деспотов и господ и — не знаю как сказать — сделали якобы деспотом Мануила Кантакузина.

2. И в декабре того года вновь явился сын Турхана с войском на помощь деспотам и, немного повоевав с албанцами, забрал в качестве награды своего брата и уехал назад.

3. В том же году и месяце нечестивейший и беспощаднейший султан убил собственноручно моего любимейшего сына Иоанна, когда мальчик якобы замышлял сделать то же с ним[241]. Горе мне несчастному и бедному родителю! И было ему 14 лет и 8 месяцев без одного дня, но разумом и телом был он гораздо старше своих лет.

4. В том же декабре я прибыл в Леондари и поклонился порфирородному деспоту кир Фоме. И он принял меня к себе на службу и аргировулом пожаловал мне местечко Кертези. И весной того же года снарядил меня ехать к деспотам Сербии[242] — к своему свату и к зятю, по многим важным делам, выгодным для обеих сторон, я имею в виду его и их.

15—459

5. И поднявшись, я отправился в Метони, чтобы на судне выехать в Рагузу, а оттуда в Сербию, как предполагал Фома, но в Морее его шурин, сын принцепса Кентуриона, бежавший из тюрьмы Хлумуци, поднял мятеж в области[243], а султан выступил против Сербии и тогда же взял Омоморид[244].

6. А поскольку уже не время было заниматься сербскими делами, я морем отправился в Патры. И оттуда проехав дальше Востицы, 1 сентября 63 года[245] я приехал в Адрианополь, а оттуда к Эносу, чтобы тайно переждать время до тех пор, пока не вернется из окрестностей Софии и не приедет в Адрианополь султан, у которого в имении его меракура находилась несчастная мать моих детей. И возвратившись в Адрианополь, я выкупил ее, а вместе с ней и Хрисовергину[246], и с ними возвратился в феврале в Патры, претерпев и потратив многое.

7. А в октябре, пока я находился в окрестностях Адрианополя, Турхан со своими сыновьями и большим войском явился на помощь господам деспотам, покорил албанцев, а псевдодеспота прогнал.

8. В том же году, 2 января[247], у деспота кир Фомы родился сын Мануил Палеолог.

9. И в сентябре 64 года[248] в серале султана от чумы умерла моя прекрасная дочь Тамар. Увы, увы мне, злосчастному родителю! было ей 14 лет и 5 месяцев.

10. А я, несчастный, не знавший об этом, 25 октября был послан апокрисиарием в государство венецианцев (дожем его был тогда Франческо Фоскари). И они оказали мне почет и пожаловали деньги и грамоты.

11. И 6 апреля[249] я возвратился в Патры, с божьей только помощью избавившись от ужасной морской бури, которая застигла нас в пути.

12. И в июне того же года султан взял Афины.

13. А в июле того же года султан отправился на Белград. Когда он захватил большую часть города, был, наконец, позорно изгнан пришедшими на помощь двумя знаменитыми мужами, а именно—Янко и Капистраном. И потерпев поражение и потеряв своего полезного бейлербея, он обратился в бегство.

14. И в 65 году[250] скончался архонт и предводитель венгерского войска Янко[251] и тот Капистран, а также умер архонт и деспот Сербии кир Георгий Вук. А 2 мая того же года умерла и его жена василисса. Почти в тот же день и час ее дочь султанша со своим слепым старшим братом, со своим дядей Фомой Кантакузином и всем их имуществом уехала к султану, опасаясь брата и невестки за имущество своей матери.

15. И в ноябре месяце 66 года[252] умер и этот деспот Лазарь

И султан послал своего бейлербея Мехмеда, чтобы он, если возможно, мирным путем взял Смедорово и всю Сербию, а вместо них чтобы дал жене и детям этого Лазаря другую местность, чего он тогда, однако, не выполнил, но взял лишь с помощью предательства Перистери, а через некоторое время и Смедорово и еще другую местность, а василиссе будто бы дал какие-то крепости, которыми султан владел в Боснии.

XXXVIII.1. 15 мая того же года[253] султан прибыл в Морею и, разместив войско у Коринфа, блокировал его, а сам, явившись, вторгся в центральную часть области. И все, что там было либо захватил, либо уничтожил и сжег, в частности—Акову, Аэтос и Пендахории. А уйдя оттуда, явился и напал на Мухли, который ему сдал добрый и хороший[254] Димитрий Асан.

2. В июле того же года, вернувшись оттуда назад, султан явился и напал на Коринф, который 6 августа ему сдали мужественные архонты Матфей Асан и Никифор Луканис, один из которых был в нем правителем, каким не следует. Асан же, бежав, прибыл туда раньше, то ли чтобы получше укрыться, то ли побыстрее сдаться, я не знаю, хотя и ясно по обстоятельствам[255].

3. Отдав же голову тела Мореи—Коринф, они якобы заключили клятвенный мирный договор, да таким образом, что деспот кир Фома отдаст Патры и их окрестности, а также Калавриту и Гревенон—попросту все, чем владел, будучи деспотом и находясь в Морее, покойный василевс кир Константин.

4. Услышав об этом, их господин и хозяин, который находился со всем двором в Мантинее, бежал в горы в окрестностях Трипи; там был и его брат, и туда же прибыли упомянутые устроители этих похвальных дел. И не посоветовавшись и не сделав никакой передышки, он послал своего великого примикирия Лазаря и передал все султану, словно огородную зелень. Примерно в тот же день и султан, вынужденный уехать по некоторым причинам, покинул Морею, оставив сына Турхана Амара, чтобы он принял их.

5. А в октябре 67 года[256] султан послал апокрисиария к деспоту кир Димитрию, чтобы тот прислал ему, султану, в жены свою дочь, а иначе между ними будет война.

6. Тот же посол прибыл и к деспоту кир Фоме, находившемуся в Понтикосе, взял с него клятвы о мире и в том, что он отдаст его господину обещанные крепости, и уехал.

XXXIX.1. А в январе месяце этого года [257] добрый и хороший Никифор Луканис, или, скорее, Мореофторос, слывущий одним из первых и верных архонтов деспота кир Димитрия, а также некоторые албанцы и морейны, которыми он, больше им на беду, руководил, убедили деспота кир Фому, чтобы он поднял восстание против султана и против своего брата и съел, как огородную

зелень, клятвы, которые незадолго до этого дал им. А между тем другой хороший человек, Матфей Асан, незадолго до этого отправился к султану апокрисиарием по делу о браке своей племянницы[259].

2. В начале февраля этого года деспот кир Фома выступил из Аркадии и объединился с теми, кто действовал против него, или против них, как покажет дальнейшее повествование. Из тех крепостей, которыми владели турки, они отважились захватить только Калавриту, а из владений деспота кир Димитрия—те, которыми в качестве управляющих владели эти творцы зла, а именно: Каритену, Вордонию, Кастрицу и некоторые другие, да таким образом, чтобы они опять ими владели, но как господа, а не как управляющие.

3. Но ничего иного не добились умные, деятельные и храбрые архонты, кроме того, что отвратили от себя бога, создателя всего, могущественнейшего на земле господина и брата, господина этой местности. Несчастные, не помнящие ни слова истинного бога, что всякий дом, разделившийся сам в себе, опустеет[260], ни известной пословицы «против двоих и Геракл не устоит»! Они же восстали против троих.

4. И когда они так поступили, то первым их бог презрел, и они не ведали, что творят, но как рыбы в неводе, которые не знают, что их всех вместе вытаскивают на сушу, пока это происходит, преследуют и преследуются, схватываются и более мелкие пожираются более крупными. Так и они.

5. А деспот кир Фома вторгся во владения брата и осадил Каламату и Мантинею и нашел сообщников: доблестного протостратора—протостратора Николая Севастопула, месазона и свояка своего брата и любимого дядю моей жены—более Кидониса, чем Цамплакона.

6. А деспот кир Димитрий снова взял Леондари с окрестностями и Пидиму с помощью Георгия Палеолога, любимого двоюродного брата и месазона деспота кир Фомы, и его зятя Мануила Бохали, раз тот взял якобы Каламату, Левктрон и большую часть хребта Мани.

7. Когда же деспот кир Димитрий явился, чтобы вступить в Леондари, его брат, как только узнал об этом, поспешил и, обогнав, сам занял его. И деспот кир Димитрий остался ни с чем, а Палеолог и Бохали сбежали и явились к нему, только когда он вернулся в Мистру.

8. К тому же худший и примитивнейший род албанцев, воспользовавшись случаем, соответствующим их репутации и хищническому нраву, чего только не сделал и не натворил плохого? Ибо дважды на неделе изменяя, они переходили от одного господина

к другому и требовали себе в управление крепости, где говорят на их языке, а иначе переходили к другому деспоту, а другие точно так же к первому. А между тем, если им попадалось что-нибудь—безразлично, у бедных ромеев или же албанцев, зачастую их родственников и знакомых—все разграбляли и разрушали. Происходило столько такого, что кто бы достойно это оплакал?

9. А что касается самих турок, находящихся в Коринфе, в Мухли и в Патрах, то они, используя подходящее время, одних забирали в плен, других убивали, а над господами и архонтами насмехались, видя, как те вонзают друг в друга мечи.

10. Когда я разобрался в этих делах, находясь в Аркадии, где они и совершались, и увидев их результаты, я уехал до отъезда деспота из Аркадии, придумав какие-то причины, и примерно в конце декабря месяца того года отправился в Пидасос, который называют Метони. И полезный по уму и по делам архонт Георгий Рауль, оставив господина и большую часть своего имущества, тоже приехал в Метони.

11. И оба мы, сидя в гавани, напряженно ждали ежечасно окончания этой бури, если даже она продлевалась божьим долготерпением, чтобы неразумные, наконец, поняли и глупые, наконец, задумались, и мир и согласие воцарились бы между ними. И они будут молить бога, а еще султана, и бог милосердный сжалится над ними и поставит над ними своим палачом султана и позволит жить дальше. Ибо он у бога занимает такое место и порядок, какое у него самого его палачи, которые исполняют его волю и приказ, но ненавидимы и отвратительны.

12. И пока повсеместно в несчастной Морее происходили вышеупомянутые беды, извне явилось еще какое-то войско. Они нападали на все местности, чтобы, если какое зло пропустили жители, господа владетели и архонты, совершить самим, будучи врагами одного деспота и якобы друзьями другого.

13. Обнаружив же своего врага деспота кир Фому в окрестностях Леондари и преследуя его, они яростно ворвались в крепость, многих из его людей убили и захватили в плен. Затем, перенеся лагерь, то есть свои палатки, поставили их возле домов Леондари. Потом, уйдя, они отправились в окрестности Мистры к своему другу деспоту, а оттуда победители ушли с большой добычей—скотом и людьми.

14. Однако едва лишь поняли господа и братья всю пагубность своей борьбы, они собрались в Кастрице и будто бы заключили клятвенный мир. И когда митрополит Лакедемонии в своем саккосе отслужил литургию, когда иереи призвали христиан придти с верой и страхом божьим, господа и братья, придя, дали клятвы. И деспот кир Димитрий, как мы слышали, до некоторых пор оставался верен договору.

15. И затем снова стало, как будто ничего нового не произошло. О, кротость и долготерпение твоё, господи Христе, к нему и к виновным! И опять начались злодеяния, и еще вчерашние стольких страшные клятвы были нарушены. И каждый делал, что мог, против другого, один, опираясь на дружбу и помощь султана и помня урон, нанесенный его крепостям и подчиненным, другой—на ложность клятв первого и на то, что он якобы борется против нечестивых. В этих столь горестных событиях прошла зима 68 года[261].

XL,1. И вот в мае того же года султан выступил против обоих. Он отправился прямо в Мистру (поскольку там находился деспот из-за того, что его брат и враг находился в Каламате) и завоевал Мантинею. И тот волей-неволей выехал и покорился ему. Султан же, взяв и Мистру, и деспота и приставив к нему стражу, сказал ему: «Тебе, деспот, поскольку у тебя дела обстоят так, этой местностью больше править невозможно. Но раз мы решили иметь тебя отцом, а твою дочь решили взять в жены, отдай эту местность нам. А ты и твоя дочь поедете с нами, и мы дадим вам другую область, которой вы будете владеть и жить там».

2. И он против воли согласился на это и послал вместе с турками своих архонтов, чтобы они забрали и привезли его жену василиссу и дочь, а также передали туркам Монемвасию, ибо они находились там. Из этого одно исполнилось, так как жена и дочь добровольно выехали и приехали туда, где были султан и деспот.

3. Но монемвасийцы во главе с Мануилом Палеологом удержали крепость и сдали ее деспоту кир Фоме, а он затем как будто—папе[262].

4. Султан же, устроив василиссу с дочерью, отослал их с некоторыми из своих и ее людей, а деспота водил и возил с собой.

5. Когда они подошли к Вордонии и Кастрице, мужественные архонты Вордонии, перепугавшись, бежали, оставив ее, а в Кастрице до какого-то времени вроде сопротивлялись и воевали, но в конце концов покорились, и когда пришли, чтобы быть увенчанными за свою доблесть, он некоторых из них обезглавил, других посадил на кол, а Принокококаса прикончил, содрав с него кожу—достойный конец трудов и дел вкусившего[263].

6. А когда султан явился в область Леондари и в самый Леондари и обнаружил, что он покинут людьми, то он взял и его. А в Гардики, куда как в более укрепленное место ушли люди, чтобы укрыться, он явился и некоторое время сражался с жителями Леондари. Однако в конце концов они были побеждены и все, с женами и детьми, стали жертвой сабли.

7. То же случилось бы и с их бывшими правителями Бохали, если бы их не разыскал подоспевший бейларбей Махмут, так как жена Мануила Бохали была его троюродной сестрой, хотя тот отплатил ему за это злом. Ибо он дал им людей, чтобы они с удобством и спокойно уехали по дороге, ведущей из этой местности, а когда они доехали до Понтикоса и нашли судно, коварно убив сопровождавших их людей бейларбея, взошли на судно и бежали на Керкиру, избавив себя таким образом от забот.

8. А тесть Мануила Бохали Георгий Палеолог, двоюродный брат матери бейларбея, как мы объяснили выше, был уведен, закованный в железо. Ибо он, как мы сказали раньше, бежав из Леондари со своим зятем, уехал в Мистру и поступил на службу к деспоту кир Димитрию. А когда произошло сражение у Вордонии и Трипи, тяжело раненый, он был схвачен. И его закованного увели к его бывшему господину деспоту кир Фоме. А когда он излечился от ран, хотя был в заключении и обязательно охранялся, возле Дирраxиона, обманув стражников, бежал. И снова оказался у деспота кир Димитрия в Анапли на более длительное время, в то время как его жена и дети находились в венецианских владениях.

9. Султан же, покорив, как мы показали, Леондари и его окрестности, покорил к тому же крепость Святого Георгия. Ибо завидев его, Крокондил, или уместнее сказать Крокодил, сам поклонился султану и отдал ему крепость и двух своих сыновей. А сам получил в благодарность за это Лои, или, пожалуй, элоиэлои, то есть боже мой, боже мой, почему не покинул ты его прежде—главного творца вышеописанных бед?[264]

10. Когда это там произошло, или скорее происходило, деспот кир Фома, оставив Каламату, направился в район Космены, Петалиди, явился и вступил в Аварино, а оттуда в Марати, в то время как василисса еще прежде покинула Аркадию и отправилась туда со своими детьми и с находившимися там, в Аркадии, архонтами.

11. Когда же султан захватил эти земли, а также отнял у Сгуромалли Палеолога—шурина великого Луканиса, который безвременно умер в экскрементах, предав им душу вместе с внутренностями,—он отправился в окрестности Андрусы и, захватив ее и всю ее область, отправился осматривать Корони. Затем оттуда он переехал и осмотрел Метони, затем—в Пилос и в Аварино.

12. К этому дню выехал и деспот кир Фома, ибо заранее приготовил какие-то суденышки, и поехал в так называемый Порто Лонго, чтобы оттуда, дождавшись подходящего случая, уехать на Керкиру, что и было сделано. И 28 июля он достиг ее, или Корфу, как теперь называется Керкира.

13. Когда же и я нашел плывущее туда судно, 11 июля я сел на него, так как за всем прочим в Метони последовала чума. И 2 августа я благополучно достиг Корфу, имея намерение уехать на Крит или в Веррию, недалеко от Фессалоники, так как у меня там был прекраснейший монастырь имени св. Николая, который основал отец моей матери. А поскольку туда уехали и Георгий Рауль, и его зять и дочь, а также деспот со всеми прочими, потом и меня уговорили и посоветовали туда отправиться. Отправился и я.

14. Когда султан завоевал Аркадию и оттуда прошел в нижнюю часть Мореи, он захватил там все крепости и даже очень сильно укрепленную Хлумуци и Сантамери, которыми владели бейларбеиды, так как они, легкомысленно их покинув, тоже уехали на Корфу. А он дошел до Патр и там остановился.

15. И отняв Калавриту у Доксаса, не верного ни деспотам, ни султану, ни, я думаю, богу, он справедливо воздал ему по заслугам, содрав с него кожу, а все его люди—одни лишились головы, другие были уведены в плен.

16. Султан же, хорошенько обезопасив крепость и дочиста разграбив, выступил из Патр и двинулся в область Салменикона, Листрены и Востицы. Из них Востицу и Листрену взял, а Салменикон до некоторого времени удерживал Палеолог, прозванный Грета.

XLI,1. Когда деспот, как мы говорили, уехал со всем домом на Корфу, ему пришло послание от субаши Ангелокастрона, гласящее: «Султан имеет желание, чтобы кто-нибудь из твоих архонтов прибыл к нему и чтобы был заключен мирный договор между вами. И по заключении некоторых соглашений он даст тебе земли».

2. Посовещавшись со своими, деспот решил, что к султану поедет Георгий Рауль, а его зять Иоанн Ралис поедет к папе: один, чтобы объяснить папе и это дело, и задержку деспота из Корфу, а другой—узнать, какова цель решения султана. И они уехали—один 9, а другой 11 августа.

3. Когда чума распространилась и в крепости корфиотов, деспот и мы уехали в деревню, ожидая результатов посольства.

4. Георгий Рауль, проехав через Ангелокастрон, застал султана в районе Веррии. И тотчас по его приказанию и Рауль, и все, кто с ним был, были связаны, а ноги их закованы в железо. Прошло таким образом несколько дней, когда султан выехал с ними, все так же закованными. Через несколько дней пути в горах, возле Черной горы он освободил их, сказав: «Находясь вблизи Мореи, я ждал, что деспот придет ко мне или пришлет своего сына с архонтами, и была бы ему милость, и оставался бы и жил там. Но раз этого не произошло, мы снова говорим: если он хо-

чет, пусть будет так. Когда ты уедешь, пусть приедет деспот или пошлет кого-нибудь из своих детей, и мы сделаем ему добро»

5. Когда в октябре 69 года[265] Рауль вернулся ни с чем, деспот кир Фома 16 ноября того же года, сев на одно из легких корфиотских судов, с многими своими архонтами прибыл в Анкону, чтобы оттуда отправиться к папе, к миланскому дуке и в другие места. На Корфу он оставил василиссу и своих детей, некоторых архонтов, а также семьи сопровождавших его.

6. И хотя меня он назначал и долго упрашивал поехать с ним или остаться здесь с василиссой как архонта ее дома, я по милости все хорошо устраивающего бога, из-за печали по тем, кого я родил, и из-за беспорядка во всех его домашних делах не был склонен ни к тому, ни к другому, но остался еще на время все в той же деревне Моливотина, где мы были, пока деспот находился в Хломосе, опасаясь, как было сказано, чумы.

7. Когда я через некоторое время подыскал близ крепости обитель имени св. Ильи, отправился туда 6 сентября 70 года[266] со своими домочадцами и остался там, умоляя лишь бога, чтобы смилостивился над нами и устроил по своему человеколюбию и доброте. Поскольку мы не думали оставаться у владельцев этой обители, я провел там 5 месяцев с небольшим; и, чтобы быть поближе к хорошему и доброму другу духовнику отцу Дорофею (а он находился в монастыре святых апостолов Ясона и Сосипатра), выбрав из 32 иереев обитель святого Николая, называемую Тарханиотовой, 15 марта мы поселились там, то есть в 70 году[267].

8. Деспот же кир Фома, приехав в Анкону, а оттуда в Рим, не добился ничего другого, кроме как отдал папе Пию лик святого первозванного апостола Андрея, а тот ему и его людям—едва хватившего на проживание и только самую необходимую пищу.

9. Пробыв там некоторое время, он решил возвратиться во владения венецианцев, а оттуда вновь поехал в Анкону, так как туда прибыла его дочь василисса Сербии. И проведя несколько дней в свидании с ней, он вновь отправился в Рим, а василисса уехала в Рагузу.

10. А на Корфу ее мать василисса, заболев, была помилована богом и в том же 70 году, 26 августа[268] умерла и была похоронена в монастыре святых апостолов Ясона и Сосипатра.

XLII, I. А глава нечестивых в тот же год, выступив против Сфендиари, взял его знаменитую крепость, называемую Синоп, которую и я видел, а также всю остальную его область.

2. А еще раньше он отправился и взял Керасунд и Трапезунд и всю ту местность, принадлежавшую василевсам Трапезунда, и, выгнав почти всех тамошних несчастных правителей и ар-

хонтов, привел и поселил их в Адрианополе[269]. Там же находился и господин Мореи, которому он дал в удел для содержания его самого и его людей большой Энос. Лемнос, Имврос и Самофракию, а трапезундскому василевсу кир Давиду Комнину[270]—деревни вокруг Черной горы. Найдя у него по прошествии некоторого времени якобы упущения—ложный и незначительный повод к этому, он все отобрал, а самого задушил.

3. А весной того же 70 года[271] султан отправился в Великую Влахию и устранил там то, что предпринималось против него[272].

4. А по возвращении он собрал армаду и, отправив ее против Лесбоса, захватил его.

5. А в ноябре 71 года[273] после набега Амара, сына Турхана, он захватил всех венецианцев вокруг Навпактоса и его пригорода Галаты—столько же, сколько будто бы Фламбулос из Малой Влахии тех, кто платит харадж.

6. Узнав об этом, капитан венецианских галер поспешил на помощь. Став напротив принадлежащего султану города Востицы, он сжег и захватил все, кроме одной башни, и, привезя жителей Востицы в Навпактос, обменял их на своих. И уже было задумано сражение, которое даст султану венецианское государство, так как оно всеми способами было связано с властью и правительством Мореи.

7. Это событие послужило началом кампании. И прибыл сам генерал-капитан Алоизо Лоредан с огромным войском и снаряжением, взял Эксамилион и отстроил его, но плохо из-за спешки. Ибо в поспешности нет надежности, как говорят. А затем, когда после сражения за Коринф его надежды не оправдались, он ушел, бросив и Эксамилион.

8. В 72 году[274] венецианцы овладели Монемвасией не столько по воле и милости ее хозяев, сколько из-за никчемности управляющего ею архонта, совершенно так же, как из-за негодности и неудачливости управляющего была взята хитростью крепость Лемноса, называемая Палеокастрон, или вернее именно эта его башня. И притом она была отдана венецианскому государству случайным иностранцем; а после этой крепости, конечно, была решена судьба и всего острова.

9. Однако когда этот капитан попытался завоевать Лесбос, ему это не удалось, и он уехал ни с чем.

10. И весной 73 года[275] деспот кир Фома, послав людей, потребовал, чтобы его сыновья и дочь приехали туда, где был он. Так и было сделано. И когда они на корабле достигли Анконы, он только услышал, что они доехали, но увидеть их не успел, ибо 12 мая, находясь в Риме, умер 56-ти с небольшим лет.

11. Они же, побыв недолго в Анконе, после того, как за ними послал папа[276], благодаря заботе, старанию и помощи достойней-

шего кардинала, константинопольского патриарха Виссариона[277], прибыли жить в Рим, в тот самый дом, который был у их отца. И старшего сына, кир Андрея Палеолога папа провозгласил деспотом.

12. В 74 году, 15 октября[278] умер наш духовный отец, брат и лучший друг Дорофей, ушел радостный на небеса, оставив нам скорбь утраты по нему.

XLIII,1. А я, вынуждаемый бедностью, выехал 18 апреля[279] и 17 мая прибыл в Анкону. А 1 июня я снова выехал и отправился по дороге в Витербо, так как мы узнали, что там на горячих источниках находится кардинал[280]. Через 9 дней мы добрались до Рима и провели 36 дней в доме моих господ деспота кир Андрея и автендопула кир Мануила Палеологов. В эти дни я поклонился могилам блаженных апостолов Петра и Павла и многих других святых, похороненных там.

2. И осмотрев достопримечательности в великом, знаменитом и древнем городе, я выехал 16 июля и по прямой дороге приехал в Анкону. Побыв недолго там, 28 числа я морем приехал в Венецию. И пробыв там в монастыре Креста 26 дней, то есть до 23 августа, в этот день поздно выехали мы с богом оттуда и 5 сентября 75 года[281] прибыли сюда, на Корфу.

3. Пока мы были в окрестностях Рима и в самом Риме, глава нечестивых султан выступил против Албании и, преследуя ее правителя Скандариса, захватил и разрушил страну. И построив вблизи ее главной крепости, называемой Круя, крепость для борьбы против нее, вернулся в окрестности Константинополя.

4. И летом того же 74 года Виктор Капелла, ставший капитан-генералом, отправился на Имврос и, напав, захватил его. И снова, приехав в Афины, захватил всю местность. А придя в Старые Патры, приблизительно в августе взял и эту местность.

5. Когда же им на помощь устремился Амар, адмирал с армадой и Михаил Исис Рауль с множеством хороших воинов силой обратили его в бегство и многих из его войска убили. И хотя ромеи, лучше знающие и местность, и их, не советовали, они долго преследовали, не учитывая данных обстоятельств дела. Но отважный адмирал, показавшийся им скорее упрямым—как не преследовать?—и преследовал, не зная ничего хорошенько, вплоть до мельниц Саравалио и дальше к высоте Садерокастрона.

6. Амар же, видя их несвоевременное, бесполезное и беспорядочное преследование, оставил в нескольких местах людей, затем повернул против них, обратил их в бегство и стал преследовать, а настигнув, убил адмирала, сидевшего на муле и дважды с него упавшего. И многих других убили, а того Михаила Рауля схватили, когда у него пала лошадь, и посадили на кол. И нако-

нец, когда победители прибежали к берегу, где стояли галеры, многих, оказавшихся на суше, перебили.

7. И заподозрив, что причиной выступления против них армады был митрополит Старых Патр, они схватили его и посадили на кол.

8. Претерпев такое, проигравшие и ни с чем члены армады возвратились. Огорченный капитан, находившийся на Эврипе, от происшедшей неудачи, тяжело заболев, умер, а капитаном стал Яков Лоредан, сын того Петра Лоредана и двоюродный брат прежнего капитана Алоизо Лоредана.

9. Но это произошло зимой наступившего года, а патрасская экспедиция была в августе, до осени.

XLIV, 1. 29 марта 75 года, когда наступила наша великая Пасха[283], испустил дух виновник всех бед Мореи Матфей Асан[284]. И вот, наконец, исполнилась песнь Давида: «Да восстанет бог и да расточатся враги его, и да бегут от лица его ненавидящие его»[285].

2. И когда это произошло, как мы слышали от некоторых, деспот отослал свою пенсию, получаемую от султана, и доход от службы в войсках, говоря: «Я стар и слаб, исполняющий службу умер. Поэтому пусть большой доход будет передан, кому ты назначишь, мне же пусть будет дано столько, чтобы я жил, сидя здесь, вместе с немногими». Султан ответил: «Хорошо говорит, пусть же расстанется, с кем захочет». И он расстался. И султан дал ему 50 тысяч аспров[286] от торговли мукой, а большинство подчиненных его решил забрать, чтобы они находились в Константинополе. Другие же говорили, что все было иначе, и мы собираемся разузнать и рассказать об этом[287].

3. Летом того же года в Константинополе, Адрианополе, Каллиполи и в крепостях, селах и деревнях вокруг них начался мор, какого не было уже много лет. Ибо умерло, как говорят, много не тысяч, а десятков тысяч людей, и среди них дочь деспота[288].

XLV, 1. В ноябре месяце 76 года[289] я приехал на Агномавру по побуждению василиссы киры Елены, тещи господина той местности кир Леонарда[290], чтобы рассмотреть эту местность и тамошних людей и якобы получить от племянника моего покойного господина василевса кир Константина за величайший ущерб, понесенный мною из-за его отца, как я поведал выше, под 38 годом[291], какое-нибудь ежегодное пособие как старик слабый и обнищавший из-за плена. А вернулся я в 22 день того же месяца, все низкое увидев и получив, кроме превосходства в этом незаконнорожденном племени[292] всякого его начальства. Управляемым же следует уподобляться правящим.

2. И в январе того же года[293] умер господин Албании Скандарис[294] естественной смертью. А часть страны и его владений захватило государство венецианцев, часть же—сын его сестры, турок, посланный им к султану.

3. А с середины весны 76 года[295] и все лето я плохо чувствовал себя из-за своей обычной болезни—ревматизма, а так как и мирские одежды мои износились, в 1 день августа месяца мы надели рясу и взяли имена—вместо Георгия Григорий, а вместо Елены Евпраксия, дав свое первое исповедание веры в бога, звучащее так:

4. Верую, что сын божий был не временной тварью, по безумному Арию, но единосущным и совечным с богом-отцом, истинным богом от истинного бога, создателем времен и всех тварей, позже воплотившимся ради нас от Святого Духа и вечной девы Марии.

—Верую, что святой дух—не творение и не другая сущность отца и сына, как богохульствовал Македоний, лишенный его благодати, но истинный бог, единосущный и совечный с отцом и с сыном, могущий исходить от отца к сыну, как и сын, от него рожденный.—Верую, что не существует один божий сын прежде всех веков, а другой—рожденный от девы Иисус Христос, как богохульствовал безумный Несторий, но что рожденный от нее есть два естества в соединении, по божественной же ипостаси—конечно, единое целое; и поэтому родившая его—подлинно и истинно Богородица, а не Христородица, согласно этому безумцу.—Верую, что сын божий после вочеловечения не соединил в одно два естества, по безумным Диоскору и Евтихию, которые приписывали страдания божеству, но что и после соединения он признается в двух естествах неслитно и что не существовали души прежде тел и что нет ни конца мукам, ни прощения демонам, как по безумному Оригену.—Верую, что сын божий господь наш Иисус Христос после вочеловечения имел не одной природы волю и одну энергию, как по римскому Онорию и безумному Пирру, но две воли и две энергии, а именно—божественную и человеческую энергию и волю, и ни одна его природа не лишена воли и энергии.—Верую, что иконописные изображения почитает и одобряет божья церковь, не обожествляя, а соотнося, воздавая поклонение не материи, но прототипу, ибо почитание иконы переходит на прототип, согласно великому Василию.—Верую, что божественная природа не бездеятельна и не лишена существенных энергий и что сущность и энергия в ней не одно и то же, и что они не сотворены, согласно безумным Варлааму и Акиндину, но что божественные энергии существенны, и они иные у этой сущности и несотворенные и присущи божеству.—Признаю твердо, что святой дух не исходит одновременно от отца и сына, согласно италь-

цам, но единственно от самой ипостаси отца, как, безусловно, и сам сын единственно из этой ипостаси отца рожден, но отцом и сыном посылается дух, какой ниспосылает сама благодать и дар его[296].

XLVI, 1. А осенью 77 года[297] жена деспота Сербии василисса кира Елена Палеологина[298] уехала в государство Венеции, возбудив дело против расхитителей ее состояния на Корфу.

2. И весной того года произошло много сильных землетрясений на Агиомавре, на Кефаллинии и на Закинфе, которые многое там разрушили; а крепость Кефаллинии вся совершенно рухнула, и погибло много людей.

3. Летом того же года[298] капитан венецианских галер Николо де Каналия отправился и захватил большой Энос. А вернувшись, прибыл в Морею и в то же лето отстроил Востицу.

4. А зимой 78 года[299], 25 января, на всем острове выпало столько снега, сколько жители Корфу никогда не видели, так что на лисиц и зайцев охотились голыми руками, и не только в западной части, но еще больше в восточной.

5. К концу весны предводитель нечестивых, двинувшись против Эврипа, к концу месяца июня прибыл туда. А его флот, находившийся в Каллиполи, прежде чем выступить совместно с ним, отправился морем на Лемнос и захватил Кокинос и все деревни, находящиеся на острове, кроме Палеокастрона и гавани, и возвратился.

6. А когда подошли корабли из Константинополя и Никомидии и отовсюду, где были, в Эврип прибыл и этот флот, увидев который командующий венецианской армадой отступил, возможно, поступив хорошо. Но плохо, что он не бросил силы в Эврип. Приближающийся же флот султана по пути захватил Имврос. Затем он прибыл в Эврип, в том же месяце, что и сам султан, и энергично сражаясь на суше и на море, в 12 день месяца июля они взяли крепость штурмом. И после этого все островки и крепостцы вокруг волей-неволей покорились. Султан же, переждав немного, к началу августа уехал и отправился в Константинополь.

7. А бейларбея своего он отпустил и тот явился в Морею. Он прибыл в правостороннюю часть со стороны моря, и когда проходил около Востицы, одни господа из нее бежали, а другие поклонились и отдали ее ему. Когда он прошел дальше, подобным же образом поступили в Вуеросе, в Олене, в Хелидони и в Понтикосе. И что только было на побережье, они либо разрушали до основания, либо захватывали. Но дойдя до принципата, он возвратился и уехал из Мореи.

8. А упомянутого капитана Николо де Каналия, послав другого капитана, Фому Мученнго, схватили и самого, и его сына, и

его секретаря, и заковав в цепи, в начале осени 79 года[300] отправили к своему господину.

9. В тот же год... числа... месяца[301] в Адрианополе умер деспот кир Димитрий, ставший монахом и взявший имя Давид. А за несколько лет до него умерла его дочь. А через некоторое время после него умерла и его жена василисса.

10. А в день 26 месяца июля 80 года[302] я заболел той же болезнью, так что меня полностью сделали монахом и великосхимником, причем я происходящего не понимал.

11. А осенью 81 года[303], возвращаясь от короля Франции и герцога Бургундии, 15 ноября, умер по дороге кардинал кир Виссарион, посланный от имени церкви, чтобы помирить их. Привезя в Рим, его с величайшими почестями похоронили в храме святых апостолов—именно там он заранее оставил и приготовил себе могилу рядом с могилой святой великомученицы Евгении.

XLVII,1. А к весне того года[304] на владения султана Мехмеда напал Зухасан[305] и проник в его земли в Анатолии, и тогда султан выступил из Константинополя и пошел против него со всем своим войском. И когда сошлись, сначала тот одержал верх над войском султана, которое вышло вперед против него. В этом бою он убил бейларбея Запада, сына того самого Фомы Гидиса Палеолога, и многих других из западных архонтов и правителей. Затем, встретившись лицом к лицу с султаном, он был побежден и, повернув, отступил на свою территорию. Султан тоже повернул и отправился в Константинополь.

2. А к концу июля того года венецианское государство захватило крепостцу недалеко от Корфу, называемую Строфилла.

3. А 7 ноября 82 года[306] умерла на Агиомавре василисса кира Палеологина, ставшая монахиней и переименованная в Ипомони.

4. А 9 декабря умер находившийся с нами иеромонах и духовник кир Иерофей, который, приняв великую схиму, был переименован в Иосифа. С юности он был нам товарищем и другом до самой смерти.

5. А летом 83 года[307] предводитель неверных, собрав большую армаду, послал ее в верхнюю часть Черного моря и взял большую крепость, называемую Кафа.

6. А летом 84 года[308] он со всем своим войском пошел против Влахии, и в сентябре 85 года[309] возвратился более побежденным, чем победителем[310]. И отправил бейларбея в Софию, а сам явился в Адрианополь и, проведя там несколько дней, выехал и отправился в Константинополь.

XLVIII,1. В том же году, в 1 день месяца октября меня поразил ревматизм в голову и в колени, и из моего рта, носа и ушей вышло столько жидкости, что в моем выздоровлении отчаялись.

И трижды меня, недостойного, причащали к святым таинствам. И если бы тогда явилась ко мне смерть—исцеление от всех моих несчастий, я имею в виду старость, недуги, отсутствие не только многих благ, привычных с юности, но почти самого необходимого, если только претерпевание стольких и благодарность богу по милости бога не станут причиной, чтобы он простил многое, в чем я виновен перед ним. Ибо не было в жизни греха, деяния, зла, которого не совершил бы я, несчастный, по замыслу, по решению, по желанию, греша и решением, и мыслью, и делом, как никогда и никто другой.

2. Однако, избавившись от смерти, я долго оставался глухим, так что не слышал даже близких колоколов, к тому же и неподвижным из-за боли в ногах. Осталось же надеяться на провидение вверху или на то, что по прошествии нескольких дней я избавлюсь от таких страданий или что придет ко мне смерть и человеческий покой, как возвестил божественный Иов[311].

3. Но я молю бога так: если мне, спаситель, необходимо страдать,—ибо кто знает глубину твоих суждений?—но ведь твоему человеколюбию, как будто, противны мои страдания. К тому же ты поступишь по самой справедливости, дав мне подвергнуться каре в имеющийся остаток времени, но не в грядущей бесконечности, где вещи не изменяются. Поэтому, очистив меня здесь, пользуясь всем, что к этому приводит, ты таким образом переместишь отсюда достойного не быть лишенным твоего милосердия во второе и страшное твое пришествие.

4. Летом того же 85 года[312] предводитель нечестивых послал большое войско против Навпактоса, чтобы оно его захватило, а затем отправилось на Агиомавру. Но, с божьей помощью, оно ни Навпактоса не захватило, ни против Агиомавры не пошло, а возвратилось ни с чем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Протовестиарит—19-й ранг в придворной иерархии поздней Византии. См.: *Guilland R.* Le protovestiarite...

2 Ср.: Иов. 3,11: «Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?» (О цитатах из библии у Сфрандзи см.: *Turner C. J. G.* Op. cit.)

3 30 августа 1401 г., вторник—ср.: *Орбели И. А.* Синхронистические таблицы..., с. 167.

4 См.: *М. х.*, XVIII.

5 1402 г. В действительности Баязид не был убит в сражении при Анкаре в июле 1402 г., а умер пленником Тимура в 1403 г.

6 Османские султаны (Османлы)—Осман ибн Эртогрул (1281—1324), Орхан (1324—1360), Мурад I (1360—1389), Баязид I (1389—1402), Мехмед I Челеби (1402—1421—до 1413 г. только в Анатолии, а после 1413 г. и в Румелии), Мурад II (1421—1451), Мехмед II (1451—1481). См.: *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971, с. 185.

7 Осенью 1403 г.

8 Мануил II Палеолог—1391—1425.

9 Зд. 1405 г.

10 Константин XI Палеолог—1448—1453.

11 Сентябрь 1403 г.—август 1413 г.

12 Иоанн VII Палеолог (1390—1408). См. о нем: *Dölger F.* Johannes VII. Kaiser der Rhomäer (1390—1408).—BZ. 31, S. 21—36

13 Деспот—второй ранг после императора. Этот титул носили братья или сыновья императора, иногда иностранные правители, женатые на византийских царевнах. О титуле деспот см.: *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin: le despot δεσπότης.—REB. 1959, 17, p. 77—78.

14 Феодор I Палеолог, брат императора Мануила II, деспот Мистры (1382—1407). См. о нем: *Медведев И. П.* Мистра..., с. 29—34.

15 Порфирородный—рожденный в пурпурной комнате императорского дворца, звание, которое иногда носили царевичи, родившиеся после восшествия на престол их отца. Деспоту Феодору оно было пожаловано отцом, императором Иоанном V Палеологом.

16 Мусульман (Сулейман)—султан Румелии в 1403—1410 гг.

17 Мосе (Муса), как и Сулейман, оспаривал власть своего брата Мехмеда I. Он владел всей Румелией в 1410—1413 гг. (*Босворт К. Э.* Указ. соч. с. 185, № 2).

18 О детях императора Мануила II см.: *Schreiner P.* Chronologische Untersuchungen zur Familie Kaiser Manuels II—BZ, 1970, 63, s. 285—299.

19 О поездке Мануила II в Пелопоннес см.: *Barker J. W.* On the chronology...—BZ, 1962, 55, p. 39—55.

20 Укрепление на Коринфском перешейке.

21 Зд. 1414 г.

22 Порт города Коринфа.

23 3800 оргиев (саженей) приблизительно равны 7 км (см.: *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970, s. 24 f.).

16—459

24 О надписи на Экзамилионе см.: *Bees N. A.* Die griechisch-christlichen Inschriften des Peloponnes. Athens, 1941. n. 1, pp. 1, 4.
25 1416 г.
26 Евфимий II—константинопольский патриарх (1410—1416).
27 Иосиф II—константинопольский патриарх (1416—1439).
28 Осень 1416 г.
29 Иоанн VIII Палеолог был провозглашен императором еще при жизни своего отца Мануила II. По поводу того, когда Иоанн стал соправителем отца, существуют различные точки зрения (см.: *Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского..., с. 255—262; *Balfour D.* Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien, 1979. p. 141, n. 119).
30 Мустафа считался самозванцем (ср.: *Дука*, XXII, 3—5).
31 1416/17 г.
32 Эпитрапезий и келлиот—Г. Дестунис переводит «стольник и спальник» (Опыт биографии..., с. 436).
33 Один из константинопольских монастырей (см.: *Janin R.* La geographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Premier partie.. Tome III Les églises et monastères. Paris, 1953. p. 516—517).
34 Иосиф Вриенний—один из душеприказчиков императора Мануила II (см.: *Dölger F.* Regesten, № 3398; Janin R. Op. cit., p. 517).
35 Титул византийских императриц.
36 Первая жена Иоанна VIII, дочь русского великого князя Василия I (см. о ней *Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского...; *Dölger F.* Regesten n. 3337)
37 Ливский монастырь, согласно хронистам, был расположен в районе Константинополя, называемом Мердосангарис (*Janin R.* Op. cit., p. 318—321)
38 Осень 1417 г.
39 Ноябрь 1418 г.
40 19 января 1419 г.
41 Святая София—главная церковь Константинополя, построенная в VI в. (*Deichmann A.* Hagia Sophia, N. J. 1974)
42 1419/20 г. В. Греку (М. х., с. 9, № 6) датирует поездку султана в Анатолию летом 1420 г.
43 Султан Мехмед I Челеби (1402—1421).
44 Порт на европейском берегу Босфора, ныне Бешикташ.
45 Город на азиатском берегу, напротив Константинополя, ныне Ускюдар, пригород Стамбула.
46 Иоанн VIII и Мануил II.
47 1420 г.
48 О Леондарисе см.: *Dölger F.* Regesten, n. 3384, n. 3385.
49 О смерти Мехмеда I в 1421 г. (а не в 1420, как считает Сфрандзи) см.: *Босворт К. Э.* Указ соч., с. 185; примечание В. Греку (М. х., с. 11, № 4); *Balfour D.* Op. cit., p. 140).
50 Монастырь Перивлепты («видимой отовсюду»), посвященный Богородице, был построен в западной части Константинополя, возвышающейся над морем, чем и объясняется название (см.: *Janin R.* Op. cit., p. 227—231)
51 Псалм. 29, 6.
52 Мануил II.
53 Иоанн VIII.
54 О разногласиях между Мануилом и Иоанном в вопросе, касающемся поддержки Мустафы, сообщает также Халкокондил (с. 222—224). Дука же приписывает поддержку Мустафы Мануилу, который впоследствии

якобы изменил свои политические симпатии в пользу Мурада (*Дука*, с. 175).
55 Сентябрь 1420 г.
56 1420/21 г.
57 В части, примыкающей к Черному морю.
58 О походе Мустафы в Анатолию рассказывают и Халкокондил и Дука (XXIV, 3—8; XXV, 9—10; XXVII, 1—7).
59 Осень 1421 г.
60 1422 г.
61 Осаду Константинополя Мурадом описал в своем труде *I. Cananus*, (ed. Im. Bekker, Bonn, 1838, p. 457—479).
62 О посольствах византийского правительства к Мураду летом и осенью 1422 г. см. *Dölger F.* Regesten, №№ 3388, 3390—3393.
63 Сентябрь 1422 г.
64 1423 г.
65 Подробно об избиении албанцев рассказывает Халкокондил (с. 238—239).
66 О туркофильстве Димитрия Палеолога, пятого сына Мануила II см.: *Удальцова З. В.* Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания.—ВВ, 7, с. 93—121; Врачевич Е. А. Op. cit
67 15 ноября 1423 г. О поездке Иоанна VIII в Венецию, Милан и Венгрию по вопросам об унии и военной помощи см.: *Marinescu C.* Deux empereurs byzantins en Occident: Manuel II et Jean VIII Paléologue.—Comptes-rendus de l'Academie des inscriptions et belles-lettres, Paris, 1957, p. 23—35; *Dölger F.* Regesten, №№ 3409—3411.
68 22 февраля 1424 г. (*Dölger F.* Regesten, №№ 3412—3414).
69 Октябрь 1424 г.
70 Метод шифрования описывает В. Греку (М. х., с. 17, № 7).
71 Речь идет о Мануиле II.
72 Жена Мануила II Елена и жена Иоанна VIII Софья Монферра.
73 Константин Палеолог.
74 Ведающий императорским гардеробом.
75 Баркер (Manuel II Palaeologus (1391—1425). A study in late byzantine statesmanship. New Brunswick, N. J. 1969, p. 379) отмечает, что рассказ Сфрандзи о радости молодой императрицы вызывает сомнение, поскольку известно о холодных отношениях между нею и Иоанном VIII—что в конечном итоге привело к ее бегству из Константинополя (М. х., XIV, 2).
76 1425 г.
77 Монастырь Пантократора (ныне Зейрек-Джами) был построен в 1124 г. (см. примечание Греку в М. х., с. 19, № 2).
78 1426 г.
79 1427 г.
80 Трапезундский император Алексей IV Великий Комнин (1417—1429).
81 Сентябрь 1427 г.
82 Деспот Мистры с 1407 г. Феодор II Палеолог, третий сын Мануила II (*Медведев И. П.* Мистра, с. 34, 47—48, № 103).
83 Комнатные слуги императора.
84 См. о ней *Balfour D.* Op. cit., p. 279—286.
85 Один из франкских правителей Пелопоннеса. Владел значительными территориями в Эпире, на Ионических островах, почти всей Элидой (*Zakythinos D.* Le despotat grec de Morée. I. Histoire politique. Paris, 1932, p. 198—201).
86 Наиболее значительной в этой кампании была победа греческого флота у островов Эхинады (Ibidem, p. 201).
87 Дочь его брата Леонарда—Маддалена.
88 Резиденция Токко (*Медведев И. П.* Мистра, с. 36).

89 Патры принадлежали римской церкви (см.: *Topping P.* Op. cit., p. 161—165).
90 Имеются в виду Иоанн VIII, Константин и Фома Палеологи.
91 Согласно византийскому обычаю, Маддалена Токко получила новое имя- Феодора.
92 По данным источников, Феодор II, помирившись со своей женой Клеопой Малатеста, отказался от намерения постричься в монахи (см.: *Setton K. M.* The Papacy and the Levant..., p. 32).
93 Титул жены деспота.
94 Командующий войсками авангарда и легкой кавалерии (см.: *Медведев И. П.* Мистра, с. 50—51).
95 4 марта 1429.
96 Правитель Фессалоники, второй сын Мануила II.
97 Имеется в виду Феодор.
98 Ахейский князь Чентурионе Цаккария (см. о нем: *Topping P.* Op. cit., p. 160—166).
99 Следовательно, делегация состояла из итальянцев.
100 Ср.: *Орбели Н. Л.* Указ. соч., с. 173; *Grumel V.* Op. cit.
101 Новейшие работы о нем: *Поляковская М. А.* Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила).—АДСВ, 12, 1975, с. 104—116; *Tsirpanlis C. N.* The Career and Writings of Nicolas Cabasilas.—Byzantion, 1979, 49, p. 414—427.
102 Речь идет о взятии Фессалоники турками в 1387 г. (см.: *Джагацпанян Е. Д.* Еще раз о турецком завоевании Фессалоники в конце XIV в.—ВВ, 42, 1981, с. 158—160).
103 Мать Георгия Сфрандзи (ср. М. х., XVIII, 7: две из трех упоминаемых дочерей деда историка стали монахинями).
104 Иоанн VIII, его мать и жена.
105 Храм монастыря св. Георгия—одного из самых знаменитых монастырей, расположенного в западном районе Константинополя Манганах (*Janin R.* Op. cit., p. 75—81)
106 Существует предположение, что Сфрандзи назван Фиалитом в одной из кратких хроник именно из-за слова фиала, употребленного им здесь. (*Zakythinos D.* Σφραντζῆς ὁ Φιαλίτης—EEBΣ, 1953, 22, с. 662).
107 Архиепископ и духовный князь Патр Пандольфо Малатеста (*Медведев И. П.* Мистра, с. 36).
108 1 июня 1429 г.
108а Архонт Фомы Палеолога.
109 Ср.: *Орбели Н. А.* Указ. соч., с. 173.
110 О том, кто именовался «братьями» византийских императоров, см.: *Dölger F.* Die Familie der Könige im Mittelalter.—In: Byzanz und die europäische Staatenwelt, Buch-Kunst-Verlag, Ettal, 1953, s. 34—69.
111 Намек на общеизвестный сюжет о двух купцах, обманувших друг друга. Полностью он приводится в Большой хронике (Б. х., с. 294).
112 Одна из кратких хроник сообщает, что с разрешения Мануила II, прибывшего в 1415 г. в Пелопоннес, Карло Токко был провозглашен деспотом Янины (Эпирский деспотат). См.: *Barker J. W.* On the Chronology..., p. 40.
113 Сентябрь 1429 г.
114 См.: *Bees N. A.* Ein verkannter Dorfname in der Chronik des Georgios Phrantzes.—BNJ, 8, 1929—1930, s. 261—265.
115 Январь 1430 г.
116 Эпирский деспотат.
117 Племянник Карло Токко, брат жены Константина Палеолога, и незаконные сыновья Карло (см.: М. х., с. 49, № 2).

118 В марте 1430 г. произошло окончательное завоевание турками Фессалоники, которую в 1423 г. деспот Андроник Палеолог продал Венецианской республике.
119 Целью посольства было согласовать место проведения собора (см., *Dölger F.* Regesten, № 3425).
120 Папа Мартин V (1417—1431).
121 Сентябрь 1430 г.
122 26 марта 1431 г.
123 См. главы IV, 1 и XII, 1.
124 Макарий Макрис—участник делегации, посланной Иоанном VIII к Мартину V для переговоров относительно собора, вопреки надеждам патриарха согласился на проведение собора в Италии, а не в Константинополе (см.: *Balfour D.* Op. cit., p. 227—228).
125 31 января 1432 г.
126 1432/33 г.
127 Один из монастырей Мистры.
128 7 января 1434 г.
129 Афинский герцог Антонио I Аччайуоли (1403—1435) носил титул dominus Athenarum et Thebarum. Представитель флорентийской династии (*Setton K. M.* The Catalans and Florentines in Greece, 1380—1462.—In: A History of Crusades, III, p. 268).
130 В третьем часу после захода солнца (см.: М. х., с. 53, № 1).
131 Квартал в северо-западной части Константинополя.
132 Лето 1435 г.
133 О жене Антонио Аччайуоли Марии см.: *Setton K. M.* The Florentines.. p. 269—271) В Большой хронике она фигурирует под именем Марии Мелиссины (Б. х., с. 302, 18).
134 Грамота, скрепленная серебряной печатью, выдававшаяся деспотами (в отличие от хрисовула—императорской грамоты с золотой печатью).
135 Султан Мурад II.
136 Пролив между восточным побережьем Греции и островом Эвбея. Так же называлась и столица острова—ныне Негропонт. В данном случае имеется в виду мост через ров, окружающий стены города Эврипа (см. примечание В. Греку—М. х., с. 55, № 1).
137 23 сентября 1435 г.
138 25 марта 1436 г.
139 1436/37 г.
140 Иеромонах Дионисий—Иоанн VIII сделал его митрополитом Сард, чтобы укрепить авторитет сторонников унии на Ферраро-Флорентийском соборе (см.: *Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского.—ВВ, 37, 1976, с. 80).
141 Будущий патриарх Константинополя Григорий Мамма.
142 5 сентября 1437 г.
143 Папа Евгений IV (1431—1447).
144 Иосиф II—1416—1439.
145 Ферраро-Флорентийский собор—объединенный собор католической и православной церквей, созванный для обсуждения унии, начал работу в Ферраре в апреле 1438 г., а в январе 1439 г. из-за эпидемии чумы был перенесен во Флоренцию. Этому собору посвящена обширная литература, указанная, в частности, в работах: *Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского, с. 80—83; *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980, с. 7—67).
146 То есть от католиков.
147 Меса—главная улица Константинополя, которая вела от Золотых ворот к Святой Софии.

148 Мануил II.
149 26 января 1438 г.
150 Каниклия—императорская канцелярия.
151 Цамплаконы—одна из аристократических фамилий Мистры (см.: *Медведев И. П.* Мистра, с. 98).
152 1 мая 1439 г.
153 В 1439 г. Константин еще не был василевсом.
154 Зд.: держал венец над головой жениха или невесты, то есть был шафером.
155 17 декабря 1439 г.
156 Жена Иоанна VIII, дочь трапезундского императора.
157 Вдова Иоанна VII.
158 Генуэзский аристократический род, владетели острова Лесбос.
159 17 января 1440 г.
160 Супруга деспота Димитрия Палеолога.
161 Пасха в 1440 г. действительно приходится на 27 марта (ср.: *Орбели Н. А.* Синхронистические таблицы..., с. 175; *Grumel V.* La Chronologie, p. 267).
162 Митрофан II (1440—1443).
163 6 декабря 1440 г.
164 В 1441 г. Пасха праздновалась 16 апреля (ср.: *Орбели Н. А.* Синхронистические таблицы..., с. 175; *Grumel V.* La Chronologie, p. 267).
165 Асаны—потомки болгарской династии, породнившейся с Палеологами. Представители феодальной знати Мистры (*Медведев И. П.* Мистра..., с. 51).
166 27 июля 1441 г.
167 В сентябре 1441 г.
168 Январь 1442 г.
169 14 сентября 1442 г.
170 1 марта 1443 г.
171 10 октября 1443 г.
172 Март 1444 г.
173 Легат папы Евгения IV кардинал Джулиано Чезарини.
174 Владислав III Ягеллон.
175 Ноябрь 1444 г.
176 11 ноября 1444 г.
177 В сражении при Варне в ноябре 1444 г. объединенные войска крестоносцев были разбиты турками. В этой битве были убиты польско-венгерский король Владислав и кардинал Чезарини.
178 17 июля 1445 г.
179 Григорий III Мамма (1443—1450)—патриарх-униоинст.
180 Декабрь 1445 г.
181 1 сентября 1446 г. Как отмечает издатель Малой хроники В. Греку, в рукописях перед этой датой имеется лакуна (М. х., с. 68).
182 Этот чин в какой-то мере соответствует посту первого министра, однако в Византии одновременно могло быть несколько месазонов (см. примечание В. Греку: М. х., с. 71, № 1).
183 Сербский деспот Георгий Бранкович (1427—1456).
184 Август 1447 г.
185 Готфией и Иверией Сфрандзи называет Грузию.
186 Июнь 1448 г.

187 31 октября 1448 г.

188 О возрасте Иоанна VIII см.: *Schreiner P.* Op. cit., s. 288.

189 Константин Палеолог.

190 Вдова Мануила II.

191 6 января 1449 г.

192 1 сентября 1449 г.

193 Царь Грузии Георгий VIII (1446—1466).

194 Иоанн IV Великий Комнин (1429—1458).

195 О поездке Сфрандзи в Грузию и Трапезунд см.: *Каухчишвили С. Г.* Сведения византийских писателей о Грузии.—В кн.: Георгика, том VIII, Тбилиси, 1970, с. 36—88; I. Papadopoulos. Ὁ πρεσβευτὴς Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου...—ΑΠ, 18, 1953, σ. 202—204; Idem, Μία πολιτικὴ συνδιάλεξις...—ΑΠ, 19, 1954, σ. 179—180.

196 23 марта 1450 г.

197 Февраль 1451 г.

198 Мехмед II Фатих (Завоеватель)—1451—1481.

199 Имеется в виду трапезундский император (ср.: М. х., с. 77, № 3—Греку полагает, что речь идет о Константине XI и мирные отношения между ним и отцом Мехмеда II султаном Мурадом II.

200 Сфрандзи подразумевает Иоанна VIII, чьей третьей женой была трапезундская царевна (Греку считает, что Сфрандзи намекает на возможный брак Константина XI и дочери трапезундского василевса, хотя сам Сфрандзи в дальнейшем говорит о том, что ему более предпочтительным виделся брак между Константином и грузинской царевной. Ср.: М. х., с 77, № 4).

201 Дом Палеологов.

202 Дочь Георгия Бранковича Мара (см. о ней: *Babinger F.* Witwensitz und Sterbenplatz der Sultanin Mara.—ΕΕΒΣ, 23, 1953, s. 240—244; Idem. Ein Freibrief Mehmeds II des Eroberers für das Kloster Hagia Sophia zu Salonik, Eigentum der Sultanin Mara (1459)—BZ, 44, 1951, s. 11—20).

203 Самахин—Шамхи (см.: *Աբրահամյան Ա. Գևորգ Ֆրանձեսի քրոնիկոնի հայերեն անտիպ թարգմանությունը—Բանբեր Մատենադարանի, 3, 1956, էջ 126*).

204 Мать Константина XI Елена Драгаш так же, как и вдова Мурада II, была дочерью сербского деспота.

205 28 мая 1451 г.

206 14 сентября 1451 г.

207 Дочь брата Константина XI, деспота Мистры Феодора II, жена короля Кипра Жана II Лузиньяна Елена Палеолог. (см.: *Тапкова Н.* Леонтий Махера как историк Кипра.—ВВ, 1973, 35, с. 170; *Luce H.* The Kingdom of Cyprus 1369—1489.—In: A History of the Crusades, III, p. 376—377).

208 Одна из высших византийских должностей. См.: *Loenertz R. J.* Le chancelier impérial à Byzance au XIII et au XIV s.—OCP, 26, 1960, p. 275—300; М. х., с. 87, № 1).

209 Византийский совет (сенат) не был политическим институтом, но включал в себя всех высокопоставленных сановников (см. примечание В. Греку в М. х., с. 87, № 2).

210 Чин великого кондоставла соответствовал маршальскому званию, должности коменданта дворцовой гвардии (см. примечание В. Греку и М. х., с. 91, № 1).

211 Великий логофет—первый министр империи, ведающий гражданской администрацией и иностранными делами (см. *Nicol D.* The last centuries of Byzantium (1261—1453) London, 1972, p. 440).

212 Великий стратопедарх—высший военный чин, номинально ведающий снабжением и снаряжением армии (см.: *Nicol D.* Op. cit., p. 440).

213 Великий примикирий—церемониймейстер в императорском дворце (см. *Nicol D.* Op. cit., p. 440).

214 Письма к морейским деспотам и к королеве Кипра (см.: *Dölger F.* Regesten, № 3543).

215 Тетрасарон—четырехэтажное строение (М. х., с. 93, № 1).

216 Рогаторы—западные наемники на службе у византийского государства (М. х., с. 93, № 3).

217 26 марта 1452 г.

218 Мехмед II возвел на обоих берегах Босфора укрепления—Анатоли-хиссар на азиатском берегу и Румели-хиссар на европейском.

219 3 сентября 1452 г.

220 17 января 1453 г.

221 Андрей Палеолог—сын деспота Фомы Палеолога (ни у Иоанна VIII, ни у Константина XI сыновей не было).

222 Протяженность стен Константинополя составляла приблизительно 20 км (*Pertusi A.* La Caduta di Costantinopoli, I. Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976, p. 422, № 7).

223 О количестве участвовавших в обороне Константинополя иностранцев см. в предисловии.

224 Димарх—глава округа, димархии, на которые был разделен византийский город.

225 Георгий Сфрандзи, как справедливо отмечает А. Пертузи (указ. соч., с. 423, № 10), имел в виду не формат списка, но, видимо, желал подчеркнуть малочисленность защитников города.

226 Ср. *Орбели Н. А.* Указ. соч., с. 178.

227 Говоря о возрасте Константина XI, Сфрандзи считает текущий год как целый (см.: *Schreiner P.* Op. cit., s. 289—290). При этом историк сам называет дату рождения Константина—8 февраля 1405 г. Следовательно ему только шел 49-й год.

228 Династия Палеологов правила с 1259 г.: Михаил VIII (1259—1282), Андроник II (1282—1328), сын и соправитель Андроника II Михаил IX (1295—1320), Андроник III (1328—1341), Иоанн V (1341—1391), Мануил II (1391—1425), Иоанн VIII (1425—1448), Константин XI (1448/49—1453).

229 1 сентября 1453 г.

230 Амирахур—начальник султанских конюшен (см.: *Moravcsik Gy.* BT, II, 1958, с. 68).

231 Идея соотношения тела и его частей традиционна для византийской литературы (см.: *Поляковская М. А.* Понимание социальных проблем византийскими авторами XIV в.—ВВ, 1979, 40, с. 20).

232 О переговорах между правительством Константина и Венецией см. *Dölger F.* Regesten, №№ 3539, 3541, 3548, 3552.

233 Глава русской делегации на Ферраро-Флорентийском соборе митрополит Исидор, грек по национальности, подписал акт об унии церквей, после чего был назначен папой легатом для Литвы, Лифляндии и России, а в 1439 г. сделался кардиналом (см. *Казакова Н. А.* Указ. соч., с. 8). Был прислан в осажденный Константинополь для повторного заключения унии (*Dölger F.* Regesten, № 3534).

234 Римским папой в это время был Николай V (1447—1455).

235 По всей вероятности, имеется в виду мамлюкский султан ад-Захир Сайф ад-дин Ахмед (1438—1453) (см.: *Босворт К. Э.* Указ. соч., с. 100).

236 О попытках византийского правительства найти союзников накануне падения Константинополя см.: *Guilland R.* Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453). BS, XIV, 1953, p. 226—244.

237 Прославленный венгерский полководец, воевода Трансильвании Ян Гуниади (см.: *Moravcsik Gy.* Ungarisch-byzantinische Beziehungen zur Zeit des Falles von Byzanz.—Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1954, s. 350—360).
238 Альфонс V Арагонский, король Сицилии и Неаполя (о посольствах к нему см.: *Dölger F.* Regesten, №№ 3546, 3549, 3551).
239 *Dölger F.* Regesten, № 3547.
240 Осень 1453 г.
241 Когда мальчик... с ним—это предложение в греческом тексте может быть понято еще следующим образом: «...будто когда замышлял сделать это с мальчиком» (см. также *Pertusi A.* Op. cit., p. 424, № 16).
242 К Георгию и Лазарю Бранковичам. Последний был мужем дочери Фомы Палеолога.
243 О восстании Иоанна Асана Цаккарии в 1453—1454 гг. см.: *Topping P.* Op. cit., p. 165.
244 Новоброд.
245 1 сентября 1454 г.
246 Воспитанница жены Сфрандзи.
247 2 января 1455 г.
248 В сентябре 1455 г.
249 6 апреля 1456 г.
250 1456/57 г.
251 Ян Гуниади умер 11 августа 1456 г. и был похоронен в Трансильвании (М. х., с. 109, № 2).
252 *В ноябре 1457 г. умер деспот Лазарь Бранкович.*
253 15 мая 1458 г.
254 О византийцах, добровольно сдающихся туркам, предающих интересы своей родины, Сфрандзи пишет с горькой иронией.
255 И. П. Медведев, ссылаясь на это место Малой хроники, пишет: «Сфрандзи пишет, что Асан был послан деспотом, «чтобы лучше защитить город» (Мистра, с. 41).
256 Октябрь 1458 г.
257 Январь 1459 г.
258 Игра слов Νικηφόρος-Μωρεοφθόρος (губитель Мореи).
259 Дочь деспота Димитрия Палеолога и Феодоры Асаниной.
260 Ср.: Матф. 12,25: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».
261 Зима 1459/60 г.
262 Пий II (1458—1464).
263 Оценка автором Малой хроники Приииокаса (Приинкоккос) не совпадает с принятой в литературе: *И. П. Медведев* (Мистра, с. 76, 80), ссылаясь на других исследователей, говорит о Приинококкосе как о проявившем подлинное мужество защитнике Кастрицы.
264 Крокондил (Коркодил), как пишет Сфрандзи, «сам поклонился султану», сдав ему крепость св. Георгия, что противоречит данным, приводимым у И. П. Медведева (Мистра..., с. 76).
265 В октябре 1460 г.
266 6 сентября 1461 г.
267 15 марта 1462 г.
268 26 августа 1462 г.
269 Трапезундская империя пала в октябре 1461 г.
270 Давид Комнин (1458—1461).
271 Весна 1462 г.
272 Речь идет об экспедиции Мехмеда II против Влада Тепеша (1456—1462), (см. примечание Греку—М. х., с. 129, № 1).

273 Ноябрь 1462 г.
274 1463/64 г.
275 Весна 1465 г.
276 Павел II (1464—1471).
277 Кардинал Виссарион Никейский—ученый-гуманист и политический деятель, ученик Плифона. Глава латинофильского течения на Ферраро-Флорентийском соборе. Сан патриарха константинопольского Виссарион получил по настоянию папы Пия II в 1463 г., после смерти Исидора Киевского, хотя в занятом турками Константинополе был другой патриарх (см.: *Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского, с. 74—97).
278 15 октября 1465 г.
279 18 апреля 1466 г.
280 Сан кардинала римской церкви был пожалован Виссариону одновременно с Исидором Киевским 18 декабря 1439 г. (*Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского, с. 84).
281 5 сентября 1466 г.
282 Лето 1466 г.
283 Ср.: *Орбели Н. А.* Указ соч., с. 181; *Grumel V.* La Chronologie, p. 311.
284 Шурин деспота Димитрия Палеолога.
285 Псалом 67(68), 2.
286 Аспры—серебряные монеты. У Халкокондила и у Дуки указаны большие суммы (см.: М. х., с. 135, № 4).
287 Относительно намерения Сфрандзи «разузнать и рассказать» о доходах деспота Димитрия см. в работе *Papadopulos I B.* Über „Maius“ und „Minus“ des Georgios Phrantzes.—BZ, 1938, 38, 323—332. (Автор полагает, что эта фраза указывает на то, что Сфрандзи собирался, вероятно, писать развернутый вариант своей хроники. Однако не следует забывать, что работа над Малой хроникой не была закончена и повествование просто обрывается).
288 Дочь деспота Димитрия.
289 Ноябрь 1467 г.
290 Дочь Фомы Палеолога, жена сербского деспота Лазаря Бранковича.
291 См. главу XXI.
292 Сфрандзи, очевидно, подразумевает незаконнорожденных сыновей Карло Токко.
293 Январь 1468 г.
294 Скандербег (Георгий Кастриот)—1405—1468.
295 Весна 1468 г.
296 Сфрандзи кратко излагает православный символ веры, то есть основные догматы христианской религии, безусловного признания которых церковь требует от всех верующих.
297 Осень 1468 г.
298 Лето 1469 г.
299 25 января 1470 г.
300 Начало осени 1470 г.
301 Для даты смерти деспота Димитрия во всех рукописях Малой хроники имеется пропуск (см. примечание издателя в М. х., с. 143, № 1).
302 26 июля 1472 г.
303 Осень 1472 г.
304 Весна 1473 г.
305 Узун-Хасан (Хасан Длинный)—хан «белобаранной орды» в битве при

Терджане в 1473 г. с османскими войсками потерпел сокрушительное поражение.
306 7 ноября 1473 г.
307 Лето 1475 г.
308 Лето 1476 г.
309 Сентябрь 1476 г.
310 Речь идет об экспедиции Мехмеда II в Молдавию против Штефана Великого (1457—1504) (см. примечание Греку: М. х., с. 145, № 3).
311 В Септуагинте—Книга Иова, 3,23 (в русском переводе отсутствует).
312 Лето 1477 г.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

КАВКАЗ И ВИЗАНТИЯ

ВЫПУСК 5

Редактор издательства *В. В. Амирханян*
Худ. редактор *Г. Н. Горцакалян*
Тех. редактор *Л. К. Арутюнян*
Корректор *Л. С. Азатян*

ИБ № 1125.

Сдано в набор 23.06.1986 г. Подписано к печати 10.07.1987 г.
ВФ 03757. Формат 60×84 1/16. Бумага № 2. Шрифт литерат. высокая печ
Печ. л. 16,13. Усл. печ. л. 15,09. Учетно-изд. л. 16,43.
Тираж 1000. Зак. № 459. Изд. № 7137. Цена 2 р. 20 к.
Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин

2 р. 20 коп.